

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (18)

2016

Главный редакторЧлен-корреспондент АН РТ **Ф.Ш. Хузин****Заместители главного редактора:**доктор исторических наук **А.Г. Ситдилов**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2016

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2016

© Журнал «Поволжская археология», 2016

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2016

© Mari State University, 2016

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

<i>Флёров В.С. (Москва, Россия).</i> Четвертый измеряемый признак хазарских кирпичей – удельный вес	8
<i>Очир-Горяева М.А., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Кияшко Я.А. (Волгоград, Россия), Нага Т. (Урумчи, Китай).</i> К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II.....	23
Беговатов Е.А. , <i>Казанцева Л.И. (Казань, Россия).</i> Средневековые ювелирные изделия Семеновского комплекса	37
<i>Гисматулин М.Р., Семькин Ю.А., Горбунов Н.А. (Ульяновск, Россия), Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия).</i> Исследования Красносундюковского I городища в 2014 г.....	54
<i>Салахов Д.Д. (Казань, Россия).</i> Топография кладов и находок восточного и болгарского серебра	75
<i>Никитина А.В. (Самара, Россия).</i> Керамический комплекс большого дома Старо-Майнского городища.....	85
<i>Коваль В.Ю. (Москва, Россия).</i> Испанская керамика в средневековом Болгаре	99
<i>Бахматова В.Н. (Казань, Россия).</i> К проблеме изучения керамики «джукетау» (историографический обзор)	125
<i>Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия).</i> Средневековое селение Дзукалай на Керченском полуострове	144
<i>Садриев Н.Р. (Казань, Россия).</i> История изучения городской застройки ханской Казани.....	161
<i>Губайдуллин А.М. (Казань, Россия).</i> Сравнительный анализ фортификации Казанского и Сибирского ханств	173
<i>Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).</i> Археологические исследования средневекового Касимова.....	182
<i>Бугарчев А.И., Сивицкий М.В. (Казань, Россия).</i> Археологические и нумизматические находки из раскопа CLXXXV Болгарского городища.....	202
<i>Волкова Е.В., Кирягин К.В., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Харламова Н.В. (Москва, Россия).</i> Палеопатологическая характеристика средневекового населения Болгара (по материалам раскопа СХСІ)	226

Археология нового времени

- Богатова Л.Ф., Визгалова М.Ю., Старков А.С. (Казань, Россия).*
 Кожаная обувь Свяжского посада:
 опыт реконструкции простых поршней.....248
- Визгалова М.Ю., Старков А.С. (Казань, Россия).*
 Плетеные изделия из растительных волокон
 «Татарской (Деревянной) слободки» Свяжска.....266
- Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В., Бубнель Е.В.,
 Проценко А.С., Бабин И.М. (Уфа, Россия).*
 История археологического изучения
 крепостных сооружений Башкирского Приуралья.....278
- Васильева Е.Е. (Москва, Россия).*
 Деревянные гробы, обнаруженные в ходе исследования
 некрополя Московской духовной академии в 2014 году.....296
- Колесник А.В. (Донецк, Украина), Яковец М.Ю. (Севастополь, Россия),
 Климова К.И. (Донецк, Украина).*
 Комплексы ружейных кремней XVIII–XIX вв. из Крыма.....309

Критика и библиография

- Крадин Н.Н. (Владивосток, Россия).*
 Рецензия на книгу: Атлас «Great Volgar».
 Scient. Ed. A.G. Sitdikov. Kazan: GLAVDESIGN Ltd, 2015. 404 p.325

Хроника

- Айтуганова Н.Л., Ситдииков А.Г.,
 Вязов Л.А., Макарова Е.М. (Казань, Россия).*
 О работе III Международной археологической школы334
- Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Набиуллин Н.Г.,
 Валиев Р.Р. (Казань, Россия).*
 Фаязу Шариповичу Хузину – 65 лет340
- Список сокращений348
- Правила для авторов350
- Авторский указатель356

CONTENTS

Researches and Publications

<i>Flyorov V.S. (Moscow, Russian Federation)</i> The Fourth Measurable Parameter of Khazar Bricks – Specific Density	8
<i>Ochir-Goryaeva M.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Kiyashko Ya.A. (Volgograd, Russian Federation), Naga T. (Ürümqi, Republic of China).</i> Towards the Study of the Early Medieval Site Bashanta-II.....	23
Begovatov E.A. , <i>Kazantseva L.I. (Kazan, Russian Federation).</i> Medieval Jewelry Items from Semenovka Settlement	37
<i>Gismatulin M.R., Semykin Yu.A., Gorbunov N.A. (Ulyanovsk, Russian Federation), Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).</i> Krasnoye Syundyukovo I Fortified Settlement: Investigation in 2014.....	54
<i>Salakhov D.D. (Kazan, Russian Federation).</i> Topography of Hoards and Finds of Oriental and Bulgar Silver	75
<i>Nikitina A.V. (Samara, Russian Federation)</i> The Ceramic Assemblage from Staraya Maina Hillfort Long House.....	85
<i>Koval V.Yu. (Moscow, Russian Federation)</i> Spanish Ceramics in the Medieval Bolgar.....	99
<i>Bakhmatova V.N. (Kazan, Russian Federation).</i> Studying Dzuketau Ceramics (Historiographic Overview)	125
<i>Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation)</i> Dzukalai: a Medieval Settlement on the Kerch Peninsula.....	144
<i>Sadriev N.R. (Kazan, Russian Federation).</i> Urban Development of the Kazan Khanate: a History of Studies	161
<i>Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation).</i> Comparative Analysis of the Fortification of the Kazan and Siberian Khanates	173
<i>Akhmetgalin F.A., Khamsin R.N., Belyaev A.V., Mirsiyapov I.Yu., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).</i> Archaeological Studies in Medieval Kasimov.....	182
<i>Bugarchev A.I., Sivitsky M.V. (Kazan, Russian Federation).</i> Archaeological and Numismatic Findings from Dig CLXXXV at Bolgar Fortified Settlement	202
<i>Volkova E.V., Kiryagin K.V., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Kharlamova N.V. (Moscow, Russian Federation).</i> The Paleopathological Characteristics of the Medieval Population of Bolgar (According to the CXCI Dig)	226

Archaeology of the New Time

<i>Bogatova L.F., Vizgalova M.Yu., Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation).</i> Leather Footwear from the Posad of Sviyazhsk: an Experience of Reconstrucion of Simple <i>Porshni</i>	248
<i>Vizgalova M.Yu., Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation).</i> Wickerwork Made of Vegetal Fibers Found in “Tatarskaya (Wooden) Slobodka” on Sviyazhsk	266
<i>Obydenнова G.T., Ovsyannikov V.V., Bubnel E.V., Protsenko A.S., Babin I.M. (Ufa, Russian Federation)</i> Archaeological Studies of Fortifications in Bashkir Cis-Urals Region	278
<i>Vasilieva E.E. (Moscow, Russian Federation)</i> Wooden Coffins Discovered During Excavations in Moscow Theological Academy in 2014.	296
<i>Kolesnik A.V. (Donetsk, Ukraine), Yakovets M.Yu. (Sevastopol, Russian Federation), Klimova K.I. (Donetsk, Ukraine)</i> Complexes of Gunflints of the 18 th – 19 th Centuries from the Crimea	309

Critics and Bibliography

<i>Kradin N.N. (Vladivostok, Russian Federation)</i> Book Review: Atlas “Great Bolgar”. Scient. Ed. A.G. Sitdikov. Kazan: GLAVDESIGN Ltd, 2015. 404 P.	325

Chronicle

<i>Aituganova N.L., Sitdikov A.G., Vyazov L.A., Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation).</i> On the Activities of the Third Bolgar International Archaeological School.....	334
<i>Sitdikov A.G., Shakirov Z.G., Nabiullin N.G., Valiev R.R. (Kazan, Russian Federation).</i> 65 th Anniversary of Fayaz Sharipovich Khuzin	340
List of Abbreviations.....	348
Submissions	350
Index of the Authors.....	356

Исследования и публикации

УДК 902 + 069.4

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗМЕРЯЕМЫЙ ПРИЗНАК ХАЗАРСКИХ КИРПИЧЕЙ – УДЕЛЬНЫЙ ВЕС

© 2016 г. В.С. Флёров

На основании многолетней работы автора с кирпичами хазарских крепостей Саркела и Семикаракорской предлагаются дополнения к методике исследования кирпичей: кроме трех традиционных параметров (длина, ширина, толщина), необходимо учитывать четвертый – вес (масса), который также поддается точному определению. Единицей измерения веса автор предлагает «удельный (объемный) вес» кирпичей – вес в граммах одного кубического сантиметра (г/см^3). Общим эталоном для кирпичей всех культур избран 1 г/см^3 . При сравнении кирпичей одной культуры региональным эталоном может быть выбран минимальный или максимальный вес кирпича любого памятника. Анализ данных по этому признаку позволяет более точно выделять изделия разных мастеров на одном памятнике, сравнивать технологии и традиции изготовления кирпичей в одном или нескольких регионах, сопоставлять кирпичи разных культур, как синхронных, так и в хронологической последовательности.

Ключевые слова: археология, Хазарский каганат, Саркел, Семикаракорская крепость, кирпич, удельный вес, технологии, традиции.

Данная статья посвящена методу изучения кирпичей как строительного материала хазарских крепостей Нижнего Дона. Однако предлагаемый метод может быть применим и для Поволжья с его городищем Самосделка, а также многочисленных городов эпохи Золотой Орды, поскольку размеры использовавшихся там кирпичей близки к таковым в хазарских крепостях (Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 72, 73), но особенно интересны кирпичи разных размеров ордынских городищ (Валиев и др., 2013, с. 216, 243, 244, 247). Упомянутый метод важен и для сравнения кирпичей в культовых сооружениях разных регионов Золотой Орды (Зиливинская, 2016, с. 52, 53).

К числу памятников с кирпичным строительством принадлежит Булгар. Метод может быть апробирован и на

кирпичах иных территорий и культур. Излишне подробно говорить о значении такого строительного материала, как кирпич в истории цивилизации и о необходимости расширять методы его изучения.

Археологический кирпич исследуется разными способами. Безусловно, важны вербальные характеристики кирпича, пусть и достаточно субъективные (описания внешнего вида и цвета, качества формовки, видимых на глаз примесей, отпечатки инструментария, следы известкового раствора и т.д.), но они не поддаются цифровому выражению. Для характеристики цвета следовало бы использовать наборы эталонов, но чтобы они были общепонятными, все исследователи должны обладать едиными образцами. Сегодня такие шкалы для древней

строительной керамики не разработаны. При лабораторных исследованиях мы получаем дополнительную информацию о технологии изготовления кирпича: о минеральных примесях и их происхождении, температуре обжига, водопоглощении и пр. Последние могут быть выражены в цифрах, что позволяет сравнивать технологии разных мастерских или отдельных мастеров (технология – отдельная тема, которая здесь специально не рассматривается).

Тем не менее самым применяемым был и остается метод измерения размеров кирпича. Он и дает самые употребительные три признака кирпича: *длина, ширина, высота (толщина)*. Это общемировая практика, позволяющая проводить некоторые сравнения кирпичей разных мастерских и центров, хотя с недостаточной полнотой (Флёров, 2009).

Особо подчеркну, что работа только с размерами кирпичей, взятыми из публикаций, совершенно не достаточна для полноценного сравнения кирпичей разных памятников, и даже одного. Рассмотреть кирпичи обширных регионов, тем более континентов, одному исследователю не по силам, но необходимо знать «живые» кирпичи, которые тот или иной автор взял за предмет собственного исследования. На примере публикуемых здесь фотографий видно, что только размеры кирпича даже при сопровождении их описанием не дают полного представления об особенностях его формы, качестве выделки и других неизмеряемых признаках¹. Обратим

¹ Публикуемая информация о кирпичах, как правило, не сопровождается их крупномасштабными фотографиями. Совершенно очевидно, что авторы и

внимание на то, что многие из квадратных кирпичей, представленных на публикуемых фотографиях, не являются строго квадратными. Они перекошены, толщина неустойчива. При таких технологических недоработках средневековых кирпичников, вес становится в ряде случаев даже более выразительным признаком, чем линейные величины.

Много лет работая на раскопках и в хранилищах с натуральными кирпичами, неоднократно перетаскивая их, я невольно обратил внимание на различия в их весе. В частности, при сравнении кирпичей Саркела, включая серию вторично использованных из хутора Овчинников, и Семикаракорской крепости, я заметил, что в общей массе семикаракорские несколько легче. Это было, однако, только впечатление, которое требовалось каким-то образом проверить. При большом диапазоне размеров простое взвешивание кирпичей бесполезно, если они не обладают абсолютно одинаковыми размерами. Выход оказался достаточно простым – сравнивать вес одного кубического сантиметра каждого из сравниваемых кирпичей. Вычислить его несложно – достаточно разделить вес кирпича на его объем. В итоге я предложил использовать такое известное понятие как *удельный (объемный) вес кирпича*. Он и станет *четвертым измеряемым признаком архе-*

редакторы недооценивают возможности фотографии для воспроизведения тех признаков кирпича, как и черепицы, которые не могут быть донесены до читателей никаким иным способом. Еще более ценны крупные цветные фото. *Чрезвычайно признателен редакции «Поволжской археологии» за первую публикацию цветных фотографий кирпичей Саркела из х. Овчинников.*

ологических кирпичей. Первый опыт измерения удельного веса отражен в малотиражном и не всем доступном издании (Флёров, 2013, с. 48–49)². В

² Для взвешивания необходимы хорошо высушенные кирпичи, желательнее хранившиеся в одинаковых условиях. Только что выкопанные необходимо предварительно высушить.

Точность взвешивания достаточна с допусками в пределах до 50 г. Так, при весе кирпича в 5 кг ошибка не превышает 1% его веса. Мой опыт показал, что этого достаточно. Абсурдно стремиться к точности взвешивания до 1–10 г, если помнить что вес кирпичей измеряется килограммами. Если взвешивать придется непосредственно на месте раскопок, то это необходимо указать. Хотя бы для одного кирпича желательнее установить водопоглощение для последующей поправки к весу невысушенных.

В публикациях необходимо обязательно указывать, с какими допусками проводилось взвешивание. Если на кирпиче сохранился тонкий слой раствора извести, в пределах 2–5 мм, то этим можно пренебречь. Если же слой извести толстый и к тому же сплошной, то он даст некоторое искажение при вычитывании удельного веса. В принципе можно рассчитать и удельный вес извести. Для данной публикации в целях максимальной корректности исследования кирпичи с известью не использованы.

Определение объема кирпича производится простым перемножением длины, ширины и высоты при условии, если просадка верхней поверхности не была значительной. Вычитывать можно даже объемы фрагментов кирпичей. Для этого их помещают в емкость с сыпучими наполнителями, а затем определяют мерными стаканами объем вытесненной массы. Допустимо даже быстрое погружение подвешенного на нити обломка кирпича в воду с последующим замером объема вытесненной воды. За несколько мгновений кирпич не успевает впитать достаточно воды, чтобы она повлияла на итоги изме-

дальнейшем я продолжил эту работу, результаты которой предлагаются в данной статье. Совершенно не исключено, что такого рода опыты ранее проводили другие исследователи, но их публикации остались мне неизвестны. Что же касается кирпичей из Хазарского каганата, то могу уверенно сказать, что подобная работа с ними не проводилась.

Вычисление удельного веса было выполнено для обожженных кирпичей Семикаракорской крепости и саркелских из х. Овчинников. Начнем с Семикаракор (табл. 1).

Комментарии к таблице 1. Выборка невелика и не может дать полного представления об объеме, общем и удельном весе семикаракорских кирпичей, но и она привела к совершенно не ожидавшимся мною результатам.

1. Безотносительно к другим параметрам вес квадратных кирпичей колеблется в пределах от 3,4 кг до 6,7 кг. Максимальным оказался вес единственного кирпича № 15, равный 6,7 кг. Вес остальных не превышал 5–6 кг.

Оптимальный вес кирпича – важное условие для работы каменщика. Чрезмерная тяжесть кирпича замедляла работу, повышала усталость. Учтем и то, что тяжелый кирпич занимал обе руки, в то время как при работе с кирпичом оптимального веса могла быть задействована только одна (так работают и современные каменщики). Может быть, по этой причине в каганате не нашли широкого применения тяжелые кирпичи размерами 29 : 29 см при толщине 6 см и более? Речь идет,

рения. В этом я убедился в ходе предварительных экспериментов. Подобные могут провести и другие исследователи.

Таблица 1

Удельный вес обожженных кирпичей Семикаракорской крепости

№ п/п	Год и место обнаружения	Размер кирпича (см)	Общий вес кирпича (г)	Объем кирпича (см ³)	Удельный вес кирпича (г/см ³)
1	2	3	4	5	6
1	1974. кв. 59, в северной стене крепости. инв. 6710/209	23,5 : 23,5 : 5,3	5500	2927	1,88 =100 %
2	1974, кв. 87, инв. 6959/344	<i>прямоугольный</i> 25 : 14,25 : 6,25	4000	2226	1,80
3	1972. кв. 56, в основании северн. стены крепости, инв. 9002/168	23 : 23 : 5,25	5000	2777	1,80
4	1974, кв. 84, инв. 6959/347	25 : 23,5 : 5,25	5450	3084	1,77
6	1972, кв. 56, в основании северн. стены крепости, инв. 9002/167	25,5 : 24,5 : 5,25	5350	3280	1,63
7	1972, кв. 56, в основании северн. стены крепости, инв. 6710/165	<i>прямоугольный</i> 23,5 : 11 : 4,5	1900	1163	1,63
8	1974.	24 : 24 : 5	4650	2880	1,61
5	1974, кв. 83, инв. 6959/328	23,5 : 23,5 : 5,50	5150	3225	1,59
9	1974, кв. 87, инв. 6959/343	<i>прямоугольный</i> 27,5 : 12,5 : 7,75	3620	2320	1,56
10	1971, кв. 29, инв. 6692/?	25,5 : 25,5 : 6	5650	3836	1,53
11	1971, кв. 30, инв. 6692/?	26,6 : 26,6 : 5,5	5900	3862	1,52
12	1973, кв. 65, рядом с башней на северн. стене крепости, инв. 6860/315	<i>прямоугольный</i> 26,5 : 12 : 5,5	2670	1749	1,52 = 81%
13	нет данных	24 : 24 : 5,5	4720	3168	1,49
14	2003, сборы. северн. участок восточн. стены крепости. <i>Волгодонский музей</i>	24,5 : 24,5 : 5	4400	3001	1,46
15	1971, кв. 30, кирпичные строения в цитаделе, инв. 6692/?	27,5 : 27 : 6,25	6700	4674	1,43
16	1974, кв. 84, около донжона, инв. 6959/348	25 : 24 : 5,5	4350	3300	1,32
17	нет данных	23,5 : 23,5 : 5	3600	2761	1,30
18	1974, кв. 84-87, около донжона, инв. 6959/322	<i>трапециевидный</i> 29 : 24 : 13,7 : 6,75	3200	2451	1,30
19	1972, кв. 56, у северной стены крепости, инв. 9002/26	24 : 24 : 5	3400	2880	1,18 = 63%

Примечание: заливкой выделены кирпичи весом свыше 5000 г.

Рис. 1. Саркелские кирпичи в усадьбах жителей х. Овчинников.

Fig. 1. Sarkel bricks used in households at Ovchinnikov farmstead.

в первую очередь, о позднеримских-ранневизантийских «стандартах» 29,5 : 29,5 | 31,5 : 31,5 см.

2. Нет прямой зависимости между линейными параметрами, объемом и удельным весом кирпича. Так, кирпичи № 1, 3 и 4 в верхней части таблицы, не самые большие: (23,5 : 23,5 : 5,3 | 23 : 23 : 5,25 | 25 : 23,5 : 5,25 см), но имеют максимальный удельный вес: 1.88 | 1.80 | 1.77 г/см³. И наоборот, крупный кирпич № 15 (27,5 : 27 : 6,25) по удельному весу оказался почти в нижнем конце таблицы – 1.43 г/см³.

3. Если максимальный удельный вес учтенных семикаракорских кирпичей – 1.88 г/см³, что условно примем за 100%, то минимальный удельный вес – 1.18 г/см³ составит от них всего 63%. Разница огромная – близка к 40% (!).

Отсутствие, во-первых, прямой зависимости между размерами и удельным весом и, во-вторых, большие колебания удельного веса делают вариабельность кирпичей Семикаракорской крепости еще более значительной, нежели при учете только ли-

Рис. 2. Саркелские кирпичи: 1 – кирпичи, использованные для мощения дорожки в усадьбе Ермошиных, х. Овчинников; 2 – кирпич со знаком (см. прорисовку в: Флёров., Флёрова, 2015, рис. 8: 18).

Fig. 2. Sarkel bricks: 1 – bricks used to pave a pathway in Ermoshins' household, Ovchinnikov farmstead; 2 – brick with a sign (see the drawing in: Флёров., Флёрова, 2015, рис. 8: 18).

нейных параметров. Иными словами, не только изготовители формовочных рамок нарушали заданные их размеры. К этому добавлялось неумение соблюдать более или менее постоянные нормы во всей технологической цепочке, от качества обработки сырья и тщательности его замеса до обжига.

Теперь обратимся к кирпичам из Саркела, вторично использованным в х. Овчинников, находящемся примерно в 20 км восточнее Саркела на восточном берегу Цимлянского водохранилища, Дубовской р-н Ростов-

ской обл. Здесь кирпичи из развалин Саркела были вторично использованы в могильнике золотоордынского времени. Уже несколько лет могильник размывается водохранилищем (Флёров, Ермаков, 2006а; Флёров, Ермаков, 2006б; Флёров, Петрухин, 2004). Часть кирпичей попала в музей г. Волгодонска; там же хранятся и кирпичи, подвергшиеся взвешиванию. Большинство же кирпичей собраны жителями хутора для собственных нужд и на продажу (рис. 1). В одном хозяйстве саркелскими кирпичами вымо-

Таблица 2

Удельный вес кирпичей Саркела, вторично использованных в х. Овчинников.

№ п/п	Инв. №№	Длина (см)	Ширина (см)	Толщина (см)	Общий вес кирпича (г)	Объём кирпича (см ³)	Удельный вес кирпича (г/см ³)
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1912/13	24,5	24,5	4,5	6900	2701	2,55
2	2176/11	22,5	22,5	5,2	6150	2632	2,33
3	2176/9	25	24,5	6,3	8800 !	3859	2,28
4	2176/13	23,5	22,5	6,8-5,7	6900	3172	2,17
5	2176/23	24,3	23,2	5	6000	2819	2,13
6	1912/25	24,5	24	6-5,2	6700	3234	2,07
7	1912/27	24,5	24,5	<u>7</u> -6	8000	3900	2,05
8	1912/29	24,3	12	6	3600	1750	2,05
9	1912/8	25	25	6,0	7500	3750	2,00
10	1912/22	24,5	24,5	6	6200	3066	2,02
11	1912/17	24	24	6-5,5	6700	3312	2,02
12	1912/7	25	24,3	6,5	8001	3948	2,02
13	1912/20	23	23	5-4,5	5000	2513	1,99
14	1912/18	25	25	6,5	8000	4062	1,96
15	2176/16	24	23	6	6400	3312	1,93
16	1912/11	25	25	<u>7</u>	8400	4375	1,92
17	2176/5	24,2	23,6	6,5	6900	3598	1,92
18	1912/9	23	23	6-5,5	5700	3042	1,87
19	1912/23	25	25	6	7000	3750	1,87
20	1912/2	24	24	6,5	7000	3744	1,87
21	1912/4	24	24	6,5	6900	3744	1,84
22	1912/12	24,5	24,5	6	6600	3601	1,83
23	2176/22	24	23,5	5,3	5400	2989	1,81
24	1912/6	28	28	6	8400	4704	1,79
26	1912/10	25	25	6,5	7200	4062	1,77
27	1912/19	25	25	6,5	7200	4062	1,77
28	1912/26	25,5	25,5	6,5	7400	4227	1,75
29	1912/14	24	24	6,5	6500	3744	1,74
30	2176/10	26	25	<u>7,5</u>	8400	4875	1,72
31	1588/сс 454	24	23	6	5700	3312	1,72
32	1912/1	24,5	23,5	6,5	6200	3742	1,66
33	1912/5	24	24	6,5	6200	3744	1,66
34	1912/24	25	25	5,5	7100	3437	1,64
35	1912/21	25	25	5,5	5600	3437	1,63
36	1912/16	25	24	6,8	6600	4080	1,62
37	2176/19	25	24,8	5,8	5800	3596	1,61
38	1912/15	25	25	6-6,5	6100	3906	1,56
39	2176/12	24,2	23	7,0	6000	3896	1,54

Примечание: заливкой и полужирным выделены параметры: а) превышающие соответствующие в кирпичах Семикаракорской крепости, б) на которые надо обратить внимание.

Рис. 3. Саркелские кирпичи с известковым раствором из х. Овчинников (Волгодонский музей).

Fig. 3. Sarkel bricks with mortar from Ovchinnikov farmstead (Volgodonsk Museum).

щена дорожка на огороде (рис. 2: 1). У одного из жителей хутора удалось получить кирпич с ранее неизвестным знаком (рис. 2: 2). Характерные кирпичи для овчинниковской коллекции представлены на рис. 3, 4. На них, как и на рис. 1, хорошо видно, что выделка их небрежна, формы нестабильны. Но при этом кирпичи отличаются большой прочностью.

Публикуемая выборка из коллекции овчинниковских кирпичей Волгодонского музея составляет 39 экз., т.е.

превосходит семикаракорскую почти в два раза, что делает ее более представительной (табл. 2).

Комментарии к таблице 2. Принцип построения таблицы тот же – по убыванию удельного веса. Среди выборки лишь один кирпич № 8 – полуформатный. Следует указать, что форматы кирпичей никак не связаны с удельным весом. Даже при беглом сравнении двух таблиц становится очевидным, что первое впечатление о различном весе семикаракорских и

Рис. 4. Саркелские кирпичи с известковым раствором из х. Овчинников (Волгодонский музей).

Fig. 4. Sarkel bricks with mortar from Ovchinnikov farmstead (Volgodonsk Museum).

саркелских (овчинниковских) кирпичей оказалось верным и расчеты удельного веса действительно необходимы.

1. Первое, на что обратим внимание: в Овчинникове представлена группа кирпичей с удельным весом, превышающим максимальный в семикаракорской серии $1,88 \text{ г/см}^3$. Это кирпичи № 1–17 с удельным весом от $2,55$ до $1,92 \text{ г/см}^3$. Едва не половина!

Минимальный же удельный вес составляет только $1,54 \text{ г/см}^3$, в то время как у семикаракорских он снижается до $1,18 \text{ г/см}^3$.

Явно превышающая семикаракорскую плотность кирпичей Саркела выражена и в ином признаке. Их струк-

тура отдаленно напоминает структуру камня, а при ударе металлическим предметом они издают звонкий звук. Семикаракорские звучат глуше. Такой способ может показаться не слишком «научным», но проверка на «звон» и доньше используется ремесленниками-горшечниками³.

2. Не менее впечатляет и следующее сравнение. Напомню, что за условный эталон в семикаракорской

³ На современном фарфоровом предприятии «Аксинья» в г. Семикаракорске я был свидетелем того, как на звук проверяется качество заготовок фарфоровой посуды. Звонкий отклик свидетельствовал о хорошем качестве, глухой – о дефектах.

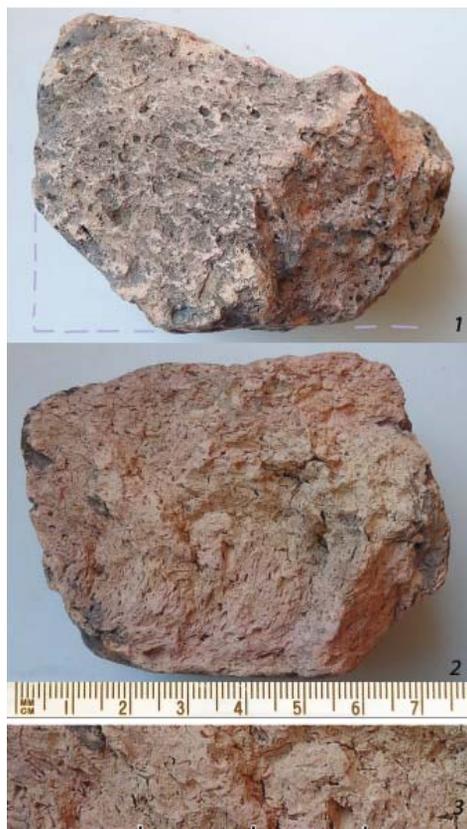

Рис. 5. Правобережное Цимлянское городище, 2009. Легкий кирпич с удельным весом $0,73 \text{ г/см}^3$: 1 – профиль; 2 – излом; 3 – излом при увеличении.

Fig. 5. The Tsimlyanskoe hillfort from the right bank, 2009. A light brick with specific density of 0.73 g/cm^3 : 1 – profile; 2 – fracture; 3 – fracture: zoom-in.

группе был взят кирпич с максимальным удельным весом $1,88 \text{ г/см}^3$, приравненный к столь же условным 100%. Оставим этот вес эталоном и для овчинниковской группы. Оказалось, что максимальный удельный вес в овчинниковской серии достигает 136%. Более чем ощутимо.

Я не случайно указал на условность принятого мною эталона. В данном случае он оказался удобен для более выразительного сравнения кирпичей двух соседних памятников одной культуры и с незначительным различием в датах. В принципе же, для более широких территориальных

сравнений за эталон (или 100%) предпочтительно использовать удельный вес $1,00 \text{ г/см}^3$ – вес 1 см^3 воды. Именно на этой основе и рассчитывался удельный вес, представленный в таблицах 1 и 2.

Любопытная находка сделана в 2009 г. при наших раскопках в Правобережной Цимлянской крепости – небольшой фрагмент угла кирпича, обративший на себя внимание необычно легким весом еще до взвешивания (рис. 5). Внешняя поверхность была запачкана въевшимся грунтом. Излом: наружный слой светло-охристый с красноватым оттенком; внутри

на треть толщины светло-охристый, желтоватый. Глина недостаточно промешана, содержала мелкие (2–3 мм) удлиненные поры, вероятнее всего от выгоревших естественных органических примесей. Толщина по краю 6,5 мм, к центру уменьшается до 5,8 см. Выделка хорошая. Особо отмечу, что излом не крошится. В целом же кирпич, обломком которого мы располагаем, надо расценивать как вполне пригодный для использования. Единственный его недостаток – большое водопоглощение. При погружении в воду он некоторое время плавает, после чего начинают выделяться пузырьки воздуха диаметром 1–3 мм. При полном намокании тонет. Объем фрагмента составил 180 см³, вес в сухом состоянии после семилетнего хранения в сухом помещении при комнатной температуре – 132 г. Удельный вес – 0,73 г/см³. При полном намокании вес достигает 224 г, т.е. увеличивается на 70%! Для сравнения, водопоглощение обычных кирпичей Семикаракорской крепости составляло от 11,54 до 20,07% (Токаренко, 2009, с. 537, табл. 1).

3. *Вес кирпичей* (колонка 6 в таблице 2). Оказалось, что саркелские/овчинниковские кирпичи превосходят семикаракорские и в этом показателе. Так, если самый тяжелый семикаракорский весит 6,7 кг, то среди овчинниковских вес двадцати одного кирпича из тридцати девяти квадратных кирпичей от 6,7 до 8,8 кг, но и толщина достигает (кроме одного) от 6 до 7 см. В данном случае уже можно говорить о некоторой тенденции соответствия удельного веса общему весу кирпича. Это выведет на вопросы технологии изготовления саркело-семикаракорских кирпичей и технологии

строительства, которые должны рассматриваться особо. Но вновь возникает вопрос: удобно ли вести кладку стен более тяжелыми кирпичами? Увеличение удельного веса никак не способствует процессу строительства. Делает ли оно кирпичи более прочными, повышает ли сопротивление давлению в кладке? Много лет имея дело с семикаракорскими и саркелскими кирпичами, могу свидетельствовать, что семикаракорские не менее высокопрочны, хорошо выдерживают падение на грунт с высоты до двух метров (выше не проверяли), выдерживают достаточно сильные удары друг о друга. Отмечено: «... кирпич Семикаракорской крепости – качественный даже по современным масштабам» (Токаренко, 2009, с. 537). Они перенесли около 1200 лет пребывания в земле, не теряют прочности в музейном хранении (не расслаиваются, не крошатся)⁴. В ходе раскопок Семикаракорской крепости я показывал ее кирпичи директору теперь уже несуществующего семикаракорского кирпичного завода. Его заключение было более категоричным – завод выпускал кирпичи худшего качества (70-е гг. XX в.).

Однозначно сравнивать качество кирпичей Саркела или Семикаракор оказалось достаточно сложно, но все же семикаракорским можно отдать

⁴ В фондах музея г. Волгодонска я имел возможность ознакомиться с оригинальными кирпичами, найденными также на Нижнем Дону недалеко от Семикаракорского городища у х. Ёлкин в кургане XII в. После нескольких лет хранения в тех же условиях, что и кирпичи из х. Овчинников, они начали стремительно расслаиваться и распадаться (см.: Прокофьев, 2010).

предпочтение – они удобнее в работе благодаря меньшему весу. Оценка кирпича как строительного материала при ближайшем рассмотрении оказывается более сложной, чем представлялось до сих пор. Если же вернуться к проблеме типологии кирпича, то использование удельного веса открывает новые возможности. В какой-то мере этим путем идет Д.А. Моисеев в изучении черепицы (Моисеев, 2011, с. 177; Моисеев, 2014, с. 382). Выделяемые им типы керамид одновременно группируются и по морфологическим и по технологическим признакам, в т.ч. по плотности, описываемой пока вербально. Отсюда один шаг до точного вычисления удельного веса.

Для кирпича признак «удельный вес», надеюсь, станет равноценным с метрическими признаками «высота, ширина, толщина», что я и пытался продемонстрировать на примере кирпичей крепостей Семикаракорской и Саркел.

И еще. Использование удельного веса чрезвычайно важно при сравнении сырцовых и обожженных кирпичей одного памятника. Задача может быть реализована при дальнейших раскопках Семикаракорского городища. В целом же такие сравнения необходимы для памятников разных культур, в том числе Золотой Орды.

В завершение этого небольшого очерка укажу, что некоторые данные (поиск их только начат мною) о весе кирпича изредка можно встретить в научной литературе. Несколько примеров из разных эпох и культур, из которых первые два проблематичны.

Средняя Азия. По обобщенным данным, сырцовый кирпич доисламской эпохи Средней Азии «как правило прямоугольный с пропорциями

1 : 2 и средними размерами 50 : 25 : 10 см ...» при весе до 11 кг (Хмельницкий, 1992, с. 36). Простым расчетом получаем 0,88 г/см³. Так ли это? Сам я ответить не могу, т.к. С. Хмельницкий не указал, какими исходными данными он воспользовался для своего заключения. В целом же к обобщенным среднестатистическим данным следует относиться весьма настороженно, о чем мне уже приходилось писать (Флёров, 2015, с. 318–323).

Багдад второй половины IX в. «Еще до закладки основания [имеется в виду Багдада] были изготовлены большие необожженные кирпичи. Такой кирпич в целом виде представлял собою квадрат, локоть на локоть, весом в двести ратлей. А половинный кирпич был длиною в локоть и шириною в половину локтя и весом в сто ратлей» (Ал-Йа'куби, 2011, с. 20). Ратл равен 406,25 г (встречается и более тяжелый), а при 200 ратлей вес кирпича окажется равным 81,250 кг. Судя по дальнейшему тексту ал-Йа'куби, подразумевался так называемый «черный локоть», равный 54,04 см. Если в качестве эксперимента взять средние значения удельного веса 1,3–2 г/см³, то толщина багдадских кирпичей составит 14–20 см, что вполне реально при площади кирпича 54×54 см. Но реален ли вес кирпича, равный 81 кг?

Грузия. По Д.М. Мшвениерадзе, «старейший грузинский кирпич» (дата не указана, но речь идет о средневековье) имел размеры 30 : 30 : 5 см, вес 9,5 кг. Сам автор определил его «объемный вес» в 1,9–2,0 тонн/м³ (Мшвениерадзе, 1949, с. 73). По нашей шкале удельный вес составит 2,10 (11) г/см³.

Москва второй половины – конца XIX в. Мне удалось измерить и взвесить лишь один прямоугольный кирпич с клеймом «В.Н.» в заглубленном картуше. Формовка достаточно хорошая, поверхности ровные, глина плотная. Размеры 25,5 : 12,3 : 6,5–5,7. Колебания толщины связаны с тем, что кирпич был вздутым в поперечном сечении. При весе – 4000 ± 50 г и объеме 1882 см³ его удельный вес составил 2,13 г/см³.

Россия. В 1927 г. установлен единый размер кирпича 25 : 12 : 6,5 см. По ГОСТу РФ его вес не должен превышать 4,5 кг, что дает удельный вес в 2,30 г/см³.

Приведенные примеры показывают, что произвольно сравнивать кирпичи разных эпох и культур нельзя. Причина в том, что удельный вес большинства обожженных кирпичей мира укладывается в примерно один диапазон удельного веса. Исключения редки.

Сопоставления и поиски аналогий целесообразны только в преде-

лах близлежащих территорий, одного государства и в достаточно узком хронологическом отрезке. *Каждое сопоставление должно иметь историческое обоснование, учитывать пути переселений, направления культурных влияний и заимствований, возможность контактов между разными группами населения и этносами.*

В этом отношении интересно обращение к *Плиске* – раннему центру Первого Болгарского царства, кирпичи с территории которого могут быть привлечены по перечисленным условиям для сравнений с ниже-донскими в качестве эксперимента. В моем распоряжении оказался фрагмент кирпича с врезанным по сырой глине знаком «У» (привезен С.А. Плетнёвой в 1972 г.). Тип знака и нанесение его до обжига позволяют отнести его к изготовленным непосредственно для *Плиски*, а не вторично использованным позднеримским. Вес обломка 640 г, объем 434 см³, удельный вес 1,47 г/см³.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ал-Йа'куби.* Книга стран (*Китаб ал-булдан*). Вступительная статья, перевод, комментарии и указатели Л.А. Семёновой. М.: Восточная литература, 2011. 365 с.
2. *Валиев Р.Р., Пигарев Е.М., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г.* Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006–2009 гг. // *Поволжская археология.* 2013. № 2(4). С. 212–251.
3. *Зиливинская Э.Д.* Культурная архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции // *Поволжская археология.* 2016. № 2(16). С. 44–67.
4. *Моисеев Д.А.* Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // *Древности* 2011. Харьков: НТМТ, 2011. С. 172–190.
5. *Моисеев Д.А.* Керамиды «хазарского» и «фемного» времени из раскопок Илькинского производственного центра (южная округа Мангупского городища // *Степи Европы в эпоху средневековья.* Т. 12. Хазарское время. / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2014. С. 277–318.
6. *Мивениерадзе Д.М.* Некоторые вопросы строительного искусства в древней Грузии. I. Тбилиси: Государственное Техническое Издательство Груз. ССР «Техника да шрома», 1949. 96 с.
7. *Прокофьев Р. В.* Курган с кирпичной наброской на левобережье Нижнего Дона // *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия* (материалы III Меж-

дународной Нижневолжской археологической конференции) / Сост. Д.В. Васильев. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2010. С. 363–373.

8. *Токаренко С.Ф.* Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7, Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. С. 535–542.

9. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 230 с.

10. *Флёров В.С.* Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. С. 489–534.

11. *Флёров В.С.* Вес как признак в классификации кирпичей и плинфы // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Симферополь: Антикава, 2013. С. 48–49.

12. *Флёров В.С.* Заметки о хазарских кирпичях, блоках и крепостях // Хазарский альманах. Т. 13 / Гл. ред. О.Б. Бубенок. Москва: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 296–333.

13. *Флёров В.С., Ермаков С.Н.* Цимлянское водохранилище – зона археологического бедствия (по итогам работы экспедиции «Хазарский проект») // ИАИАНД. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006а. С. 73–86.

14. *Флёров В.С., Ермаков С.Н.* Исследования и проблема сохранения городищ хазарского времени на Нижнем Дону. Третий полевой сезон экспедиции «Хазарский проект» // ИАИАНД. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006б. С. 86–101.

15. *Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Экспедиция «Хазарский проект» и проблемы сохранения городищ каганата на Нижнем Дону // ИАИАНД. Вып. 20 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004. С. 172–189.

16. *Хмельницкий С.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X веков. Берлин, Рига: Continent Ltd., 1992. 343 с.

Информация об авторе:

Флёров Валерий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); valerij-flyorov@yandex.ru

THE FOURTH MEASURABLE PARAMETER OF KHAZAR BRICKS – SPECIFIC DENSITY

V.S. Flyorov

The author uses his long-term studies of bricks from Khazar fortresses Sarkel and Semikarakory to make amendments to the methodology applied to their study: except three traditional parameters (length, width and thickness), it is necessary to consider the fourth parameter: the weight (mass), which can be also exactly determined. The author proposes to use the specific density of bricks (i.e. the weight in grams of one cubic centimeter (g/cm³)) as a unit of measurement. The general standard for bricks of all cultures is defined as 1 g/cm³. Minimum or maximum weight of a brick from any site can be chosen as a regional standard for benchmarking of bricks of the same culture. Data analysis by this parameter allows for a better distinction of bricks manufactured by different masters on the same site, comparison of technologies and manufacturing traditions in one or several regions, as well as to compare bricks of different cultures, both synchronous, and in their chronological sequence.

Keywords: archaeology, Khazar Khaganate, Sarkel, Semikarakory fortress, brick, specific density, technologies, traditions.

REFERENCES

1. Ya'qubi. 2011. *Kniga stran = Kitab al-buldan (Book of the Countries)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
2. Valiev, R. R., Pigarev, E. M., Mukhamadiev, A. G., Sitdikov, A. G. 2013. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 212–251 (in Russian).
3. Zilivinskaia, E. D. 2016. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 44–67 (in Russian).
4. Moiseev, D. A. 2011. In *Drevnosti 2011 (Antiquities 2011)*. Kharkov: Kharkov Historical and Archaeological Society, 172–190 (in Russian).
5. Moiseev, D. A. 2014. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 12. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 277–318 (in Russian).
6. Mshvenieradze, D. M. 1949. *Nekotorye voprosy stroitel'nogo iskusstva v drevnei Gruzii (Some Aspects of Architecture in Ancient Georgia)* I. Tbilisi: "Tekhnika da shroma" Publ. (in Russian).
7. Prokof'ev, R. V. 2010. In Vasil'ev, D. V. (comp.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries)*. Astrakhan: Astrakhan University Press, 363–373 (in Russian).
8. Tokarenko, S. F. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 535–542 (in Russian).
9. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
10. Flyorov, V. S. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 489–534 (in Russian).
11. Flyorov, V. S. 2013. In *II Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E. V. Veimarna (2nd Bakhchisaray Readings in Memory of E. V. Veimarn)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 48–49 (in Russian).
12. Flyorov, V. S. 2015. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 13. Moscow: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 296–333 (in Russian).
13. Flyorov, V. S., Ermakov, S. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 73–86 (in Russian).
14. Flyorov, V. S., Ermakov, S. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 86–101 (in Russian).
15. Flyorov, V. S., Petrukhin, V. Ya. 2004. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 20. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 172–189 (in Russian).
16. Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdru arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th–10th Centuries)*. Berlin; Riga: Continent Ltd Publ. (in Russian).

About the Author:

Flyorov Valerij S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; valerij-flyorov@yandex.ru

Статья поступила в номер 02.03.2015 г.

УДК 902 + 069.4

К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКА ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ БАШАНТА-II

© 2016 г. М.А. Очир-Горяева, А.Г. Ситдиков,
Я.А. Кияшко, Т. Нага

В статье представлены предварительные результаты изучения нового памятника эпохи раннего средневековья, открытого в Городовиковском районе Республики Калмыкия при обследовании окрестностей городища Башанта-I на озере Чапаевское (калмыцкое название – Цаган нур). Новое местонахождение расположено в 8 км к юго-западу от городища Башанта-I, на берегу р. Егорлык. Памятник датирован по двум радиоуглеродным датам серединой VII – концом VIII вв., то есть эпохой Хазарского каганата. Предварительное обследование памятника включало составление топографического плана, сбор подъемного материала и разведочные раскопки шурфами. Было обнаружено большое количество фрагментов керамики, черепица и остатки каменных кладок. Судя по наличию регулярного культурного слоя, остатков каменных строений из тесанных ракушечных блоков, многочисленности и качеству керамического материала, новое местонахождение является стационарным объектом салтово-маяцкой культуры, городищем-спутником. Идентичность керамики и строительного материала позволяет авторам дать название новому памятнику – Башанта-II.

Ключевые слова: археология, Волго-Донское междуречье, раннее средневековье, Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, городище, каменные постройки, амфоры причерноморского типа.

В степной зоне Восточной Европы первые памятники урбанизма датируются эпохой раннего средневековья, а именно временем существования Хазарского Каганата (VII–X вв.) Долгое время количество памятников городского, или урбанистического типа ограничивалось несколькими, ставшими знаменитыми, городищами, расположенными по течению р. Дон – городище Саркел-Белая Вежа (Артамонов, 1962), Правобережное Цимлянское городище (Ляпушкин, 1958, с. 85–150; Плетнева, 1995, с. 271–369; Флеров, 1995, с. 441–516), Семикаракорское городище (Флеров, 2001, с. 56–70).

На многочисленных городищах соседних территорий: лесостепной зоны Подонья и Приднепровья хазарской

эпохи – представлена материальная культура донских алан, болгар, огузов, печенегов и славян (Афанасьев, 1993, 1987, с. 200), а на городищах хазарского времени Крыма и Северного Кавказа – культура местных оседло-земледельческих народов. К основной доменной территории Хазарского каганата относятся только памятники степей между р. Дон и р. Волга, поэтому именно они могут соотноситься с этническими хазарами.

Последние десятилетия ознаменовались открытием сразу нескольких урбанистического типа памятников Хазарского каганата в волго-донских степях. В конце 1990-х годов было открыто городище у Камышовой балки в 1 км от Правобережного Цимлянского городища с остатками крепост-

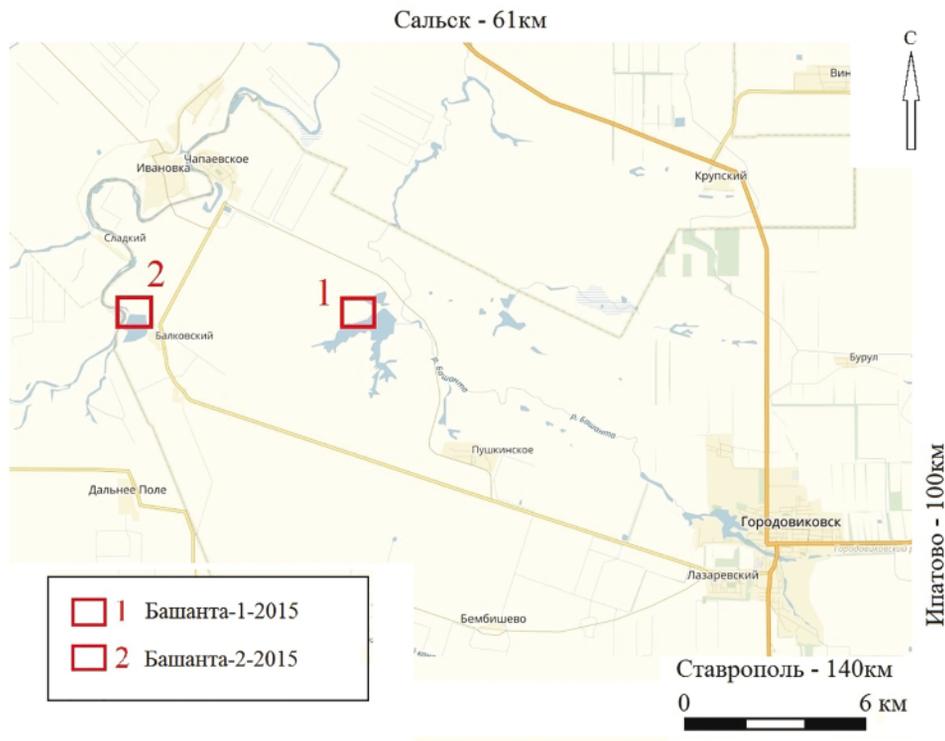

Рис. 1. Расположение памятников Башанта-I и Башанта-II.

Fig. 1. Location of Bashanta-I and Bashanta-II.

ных стен из белого известнякового камня. На одном строительном блоке была выгравирована тамга типичной для хазарского времени формы. Новая крепость была названа авторами первой публикации Саркел-3 как часть единой агломерации с городищами Саркел и Правобережное Цимлянское (Семенов, Ларенок, 1999, с. 25–33). В последующие годы за этим памятником закрепилось название Камышовское (Афанасьев, 2015, с. 98–114). В те же годы на городище у с. Самосделка, в дельте Волги, под слоями Золотордынского города был открыт нижний слой хазарского периода (Васильев, Зильвинская, 2008, с. 224–226). В 2008 г. было открыто городище Башанта-I с остатками каменных построек из белого ракушеч-

ного камня, с остатками штукатурки, фрагментами черепицы, аналогии которой имеются в позднем Херсонесе на Крымском полуострове (Якобсон, 1958, 1964). На одном из строительных блоков городища Башанта также была выгравирована тамга. В соответствии с двумя радиоуглеродными датами (622–655 гг. при 68,3% и 600–662 гг. при 95,4%) и (672–782 гг. при 90,6%), полученными в Лейбниц лаборатории Кильского университета (Германия)¹, Башанта оказывается наиболее ранним поселенческим памятником эпохи Хазарского каганата

¹ Получены две радиоуглеродные даты из двух шурфов: анализ кости овцы из шурфа 1 – AD 622–655 гг.; кости оленя из шурфа 5 – AD 672–782 гг.

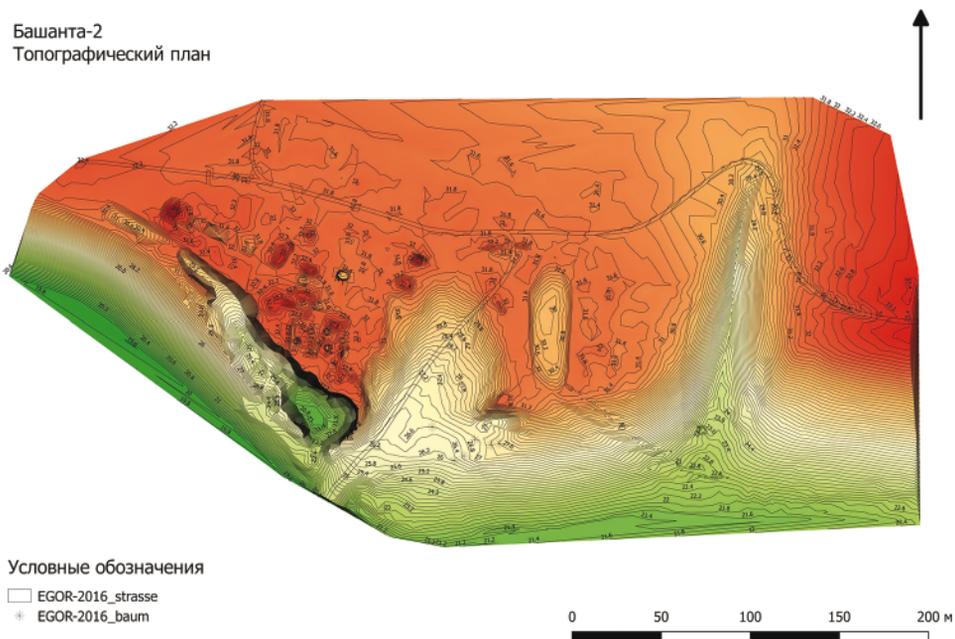

Рис. 2. Башанта-II. Топографический план.

Fig. 2. Bashanta-II. Topographic plan.

восточноевропейских степей. Первые результаты изучения этого нового памятника опубликованы в виде статьи и тезисов доклада (Очир-Горяева и др. 2011, с. 63–70; Очир-Горяева и др., 2011а, с. 172–173). Данная публикация посвящена открытию еще одного памятника той же эпохи и одного культурного круга, что и городище Башанта-I. Местонахождение было обнаружено М.А. Очир-Горяевой при осмотре территории у дамбы на р. Егорлык в 2010 г. По словам местных жителей, здесь трактором были выкопаны обработанные камни для строительства на личном подворье.

На этом месте были найдены фрагменты красноглиняной керамики и два камня ракушечника в виде прямоугольных блоков со следами их обработки орудиями. Каменные блоки

поселения Башанта-II со следами обработки аналогичны по своей форме и технике обработке камням, найденным на поселении Башанта-I. К числу обнаруженных на склоне крутого берега сухого русла р. Егорлык также относится каменный блок, отличающийся крупными размерами – 64×46×25 см. С западной стороны дамбы в иле, в старице русла р. Егорлык, выявлен другой каменный блок – 54×33×16 см. На самом высоком возвышении мыса найдены следы поздней выборки камней в виде глубокой траншеи, имеющей в плане квадратную форму 16,7×16 м. Вокруг них были также зафиксированы несколько глубоких до 2 и более метров круглых ям. Отвалы к моменту осмотра в 2010 г. были задернованы и имели покатые склоны. Вокруг них были найдены

Рис. 3. Башанта-II. Подъемный материал-2015.
Фрагмент ручки лепного котла. Опись 565.

Fig. 3. Bashanta-II. Stray finds-2015. Handle of handmade cauldron, fragment. Inventory 565.

мелкие фрагменты керамики и белого ракушечного камня, аналогичного вышеописанным каменным блокам.

Поселение Башанта-II расположено в 8 км к западу от городища Башанта-I и 6 км от с. Чапаевское на крутом берегу сухого старого русла р. Егорлык², которое образовывало на этом месте петлю длиной 0,7 км, ориентированную по линии СВ–ЮЗ. Современное русло проходит в 0,25 км от крутого берега и имеет более спрямленное направление. На выступе излучины высокого левого берега, где наиболее выступающий участок крутого берега реки, и находится поселение. Оно расположено в самом конце меандра, образуемого пересохшим руслом, и на этом месте река делает резкий поворот. По современному руслу р. Егорлык на этом участке проходит граница между Республикой Калмыкия и Ростовской областью (рис.1).

² Название р. Егорлык происходит от калмыцкого названия реки Зег герлин гол, что можно перевести как Пограничных (зег) огней (герлин) река (гол).

С 2010 г. осуществлялся регулярный мониторинг памятника. Предварительное изучение местности до начала составления топографического плана дало возможность правильно определить участок съемки. К анализу места привлекались данные космических снимков, произведены многочисленные пешеходные маршруты, взято во внимание распространение поверхностных находок, а также учтен характер антропогенного воздействия в исторической ретроспективе и на современном этапе. Для этого были проведены расчистки обнажений с целью анализа особенностей залегания культурного слоя и определения зоны распространения слоев, а также привлечены исторические карты местности и произведен опрос местного населения на предмет фактов хозяйственной деятельности на данном участке.

Были осуществлены в несколько приемов работы по составлению инструментального топографического плана центральной части памятника, охватывающего более 10 га (рис. 2). Опорными точками для замеров были

Рис. 4. Башанта-II. Подъемный материал-2015.
Фрагмент салтовского горшка. Опись 542.

Fig. 4. Bashanta-II. Stray finds-2015. Saltovo pot, fragment. Inventory 542.

взяты три репера – базовые пункты фиксации, образующих прямой угол. Они были установлены стационарно в виде металлических труб, залитых цементом в основании. Точки нанесены на общий план памятника. В последующем эти пункты фиксации с привязкой на местности в единой системе координат будут являться ориентирами при инструментальной съемке планов новых исследований и мониторинга за состоянием береговой линии.

После составления топографического плана местности и установки угловых реперов были определены участки по степени сложности рельефа. В результате работы археологической экспедиции была создана ГИС поселения Башанта-II эпохи раннего средневековья. Геоинформационная система Башанта-II открыта для добавления новых слоев и подключения новых данных, которые будут получены в ходе дальнейшего изучения памятника. Благодаря тахеометрической съемке удалось в наиболее полной и измеряемой форме выявить следы раз-

рушения археологического памятника в ходе хозяйственной деятельности и преднамеренного извлечения остатков каменных строений поселения Башанта-II. Данная топографическая карта содержит важную для дальнейшей работы, т.е. исследования археологического памятника, информацию.

Берег, на котором расположено поселение Башанта-II, имеет крутые склоны, достигающие высоты 9–12 м. В плане поселение имеет трапециевидную форму с несколько асимметричными боковыми сторонами. Узкая сторона трапеции направлена к реке, а широкая – расположена вдоль степи. Западная боковая сторона была образована течением реки, а восточная, более прямая и короткая, сторона была, по всей вероятности, эскапирована. Западная половина трапеции выше восточной на 0,6 м. Между западной высокой и восточной более низкой половиной расположен крутой спуск к воде в виде балки. В настоящее время ровно посередине этой балки проходит проселочная дорога, которая идет вниз по сухому руслу к

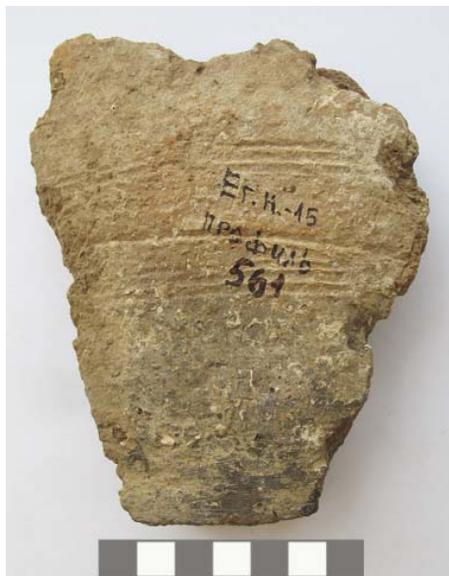

Рис. 5. Башанта-II. Подъемный материал-2015.
Фрагмент обмозки толстостенного лепного сосуда. Опись 561.

Fig. 5. Bashanta-II. Stray finds-2015.
Wall of a heavy handmade vessel, fragment. Inventory 561.

дамбе и далее переходит через него в юго-западном направлении и продолжается вдоль современного берега р. Егорлык.

В ходе строительства дамбы для взятия грунта был вырыт песчаный карьер, который значительно нарушил край высокого западного участка городища. Длина котлована почти 150 м, ширина – около 25 м, глубина его достигает 9–12 м, что соответствует высоте крутого западного участка побережья от его вершины до уровня сухого русла р. Егорлык. В северном обрыве карьера, по всей его длине, выделяется более темным цветом на фоне желтого песка культурный слой, из которого происходят фрагменты керамики и кости животных. Южная ее стена, более низкая сторона, обращенная к реке, не содержит культурных остатков.

На краю восточной, более низкой, половины городища вырыт анало-

гичный карьер, меньший по размеру, 25×3 м, глубиной до 4 м, который переходит на внутреннюю сторону пологой балки. В центре восточной половины городища скрепером была выкопана обширная по площади (40×24 м), глубиной до 1,5 м траншея для забора земли. Восточный склон территории городища (короткая сторона трапеции) достигает глубины 7–8 м. Крутизна склона одинакова по все длине, поверхность ровная, дно внизу не имеет следов весеннего стока воды. Все эти наблюдения позволили предположить, что восточный склон подправлен или создан рукой человека. Эскапирование естественных склонов – широко распространенный прием в строительной технике древних поселенческих структур; наблюдается на многих археологических памятниках.

На территории памятника и вокруг него было собрано значительное

Рис. 6. Башанта-II. Подъемный материал-2015. Фрагмент ручки амфоры причерноморского типа. Описание 562.

Fig. 6. Bashanta-II. Stray finds-2015. Handle of Pontic amphora, fragment. Inventory 562

ются более ранними, амфоры с желобчатым туловом более известны с IX в.

Мастерские по их производству известны в Крыму (Якобсон, 1979, с. 29–32). Фрагменты амфор причерноморского типа, найденные на городище Башанта-II, относятся к амфорам с мелким зональным рифлением. Форма тулова по фрагментам не восстанавливается. Между тем они известны в двух вариантах: с удлиненным суживающимся книзу туловом – вариант 1 по Якобсону и со сферическим туловом – вариант 3 по Якобсону (Якобсон, 1979, с. 29–30).

количество подъемного материала: 371 фрагмент круговой и 4 фрагмента лепной керамики. Среди круговой керамики 209 оказались фрагментами сосудов XIX века. Большое количество поздней керамики века объясняется тем, что с западной стороны городища, в низине, в XIX в. располагалось русское село Красное Поле. Остальные 162 фрагмента были фрагментами амфор причерноморского типа (рис. 6–9).

Амфоры причерноморского типа были распространены в регионе Черного моря в наиболее общих хронологических рамках с рубежа VII и VIII в. по X в. (Голофаст, Ольховский, 2013, с. 73–75). Они делятся на два вида: амфоры с мелким зональным рифлением и амфоры с желобчатым туловом. Предположительно амфоры с мелким зональным рифлением явля-

Амфоры причерноморского типа со сферическим туловом имели еще более широкое распространение, они производились на островах Эгейского моря, на территории современной Турции, южной Италии и Испании. По полевому определению, разработанному J. Vroom, эти амфоры датируются VII–VIII вв., и называются „Globular amphoras“ (Vroom, 2005, с. 60–62). В любом случае, амфоры причерноморского типа, также как и монеты, баклажки, ойнохои, керамида/калиптеры (черепица) и штукатурка, найденные в степных памятниках, относятся исследователями к элементам провинциально-византийской материальной культуры на территории Хазарского каганата (Флеров, 2013, с. 474–502).

Из 4 фрагментов лепной керамики – три фрагмента – стенки горш-

Рис. 7. Башанта-II. Подъемный материал-2015. Фрагмент ручки амфоры причерноморского типа. Опись 566.

Fig. 7. Bashanta-II. Stray finds-2015. Handle of Pontic amphora, fragment. Inventory 566.

Рис. 8. Башанта-II. Подъемный материал-2015. Фрагмент амфоры причерноморского типа. Опись 723.

Fig. 8. Bashanta-II. Stray finds-2015. Pontic amphora, fragment. Inventory 723.

Таблица 1

Соотношение видов керамики в подъемном материале
и в материале разведочных шурфов.

Название	Находки	Черепица	Калиптеры VIII в	Амф. Прич	Салт.Хаз горшок	Амф. Виз.	Сосуд Крым, Сев.К	Ойнохойя баклинск	Неизв	Зол. Орда	XIX век.	Прочие
	а	в	с	д	ф	е	ж	г	к	л	м	н
2 Башанга-II Шурф 1	32	1	0	28	2	0	1	0	0	0	0	0
3 Башанга-II Шурф 2	68	0	0	7	0	0	0	0	2	5	15	38
4 Башанга-II Шурф 3	23	0	0	16	1	0	1	0	0	1	2	2
5 Башанга-II Шурф 5	253	2	0	206	14	0	0	1	16	3	0	1
6 Башанга-II П/М	375	0	0	162	4	0	0	0	0	0	209	0

Рис. 9. Башанта-II. Подъемный материал-2015. Фрагмент амфоры причерноморского типа. Описание 735.

Fig. 9. Bashanta-II. Stray finds-2015. Pontic amphora, fragment. Inventory 735.

ков, типичных для салтово-маяцкой культуры, а также одного фрагмента крупного толстостенного сосуда (рис. 3–5). Среди находок имеется и фрагмент внутренней ручкой-ушком лепного котла (рис. 3). Лепные котлы с небольшими подовальными выступами с двумя сквозными отверстиями с внутренней стороны являются наиболее характерными признаками салтовских древностей, ассоциируемых с материальной культурой степного и лесостепного населения раннего средневековья этой общности (Афа-

насьев, 2013, с. 13–25). Подобные котлы позволяют датировать поселение эпохой Хазарского каганата.

Осенью 2015 г. на городище Башанта-II были заложены разведочные шурфы. В трех шурфах был обнаружен мощный культурный слой от 40 см до 1 м с обильными находками фрагментов керамики, черепицы и костей животных. В двух шурфах были найдены строительные тесаные блоки из ракушечного камня в виде регулярной кладки и одиночного камня (рис. 10). Керамический материал: амфоры

Рис. 10. Каменная кладка из шурфа 1. Разведки 2015 г.

Fig. 10. Bashanta-II. Stonework from prospecting pit 1. Archaeological exploration 2015.

византийские и причерноморского типа, салтовские горшки, ойнохойя баклинская, а также форма калиптеров – датирует поселение VIII в., то есть периодом салтово-маяцкой культуры. В шурфе 2 был зафиксирована кладка из сырцовых кирпичей. Зачистка показала, что это кладка из сырцовых кирпичей наиболее вероятно является частью позднесредневекового погребения. Мазары из сырцовых датируются XIII–XIV вв. (Васильев, 2003, с. 110–119). Керамика, собранная вокруг кладки, оказалась очень перемешанной: 5 фрагментов датируются золотоордынским временем, 7 фрагментов относятся к амфорам причерноморского типа и 15 фрагментов – к сосудам XIX в. (Очир-Горяева, 2016, с. 26–28). Вопрос преемственности в развитии памятника с более поздними периодами остается открытым и требует самостоятельного изучения.

Таким образом, как преобладающий тип керамики, так и строительные тесаные блоки из камня ракушечника подтверждают вышеназванную дату памятника, определенную по подъемному материалу. Подробному описанию шурфов будет посвящена отдельная публикация. Статистическое соотношение видов керамики в

подъемном материале и в материале шурфов не противоречит сделанному выводу (табл. 1). Судя по всему, Башанта-II является однослойным памятником эпохи раннего средневековья, присутствие единичных фрагментов золотоордынской керамики требует отдельного рассмотрения с учетом всего комплекса находок. Единичные фрагменты черепицы XIX в. и керамики XIX в. в подъемном материале являются археологическими остатками русского села.

Полная идентичность керамики и строительного материала, а также территориальная близость к городищу Башанта-I указывают, что новое поселение, вероятно, формирует единую агломерацию. Это позволяет рассматривать их как единый комплекс поселений раннего средневековья.

Необходимо отметить, что слово «башанта» в переводе с калмыцкого (монгольского) языка означает место с каменным дворцом, крупным строением, укреплением. Обнаруженная в ходе раскопок кладка из массивных блоков не оставляет сомнений в том, что на побережье сухого русла р. Егорлык, в эпоху раннего средневековья, располагались каменные строения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 198 с.
2. *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
3. *Афанасьев Г.Е.* Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. 2013а. № 3. С. 13–25.
4. *Афанасьев Г.Е.* О самоидентификации Хазарского каганата в IX в. (по данным системы обороны) // КСИА. Вып. 238. М.: ИА РАН, 2015. С. 98–114, 329, 330.
5. *Васильев Д. В., Зиливинская Э. Д.* О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. М.: Наука, 2008. С. 224–226.

6. *Васильев Д. В.* Мавзолеи Золотой орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань. Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2003. С. 110–119.
7. *Голофаст Л.А., Ольховский С.В.* Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 2 (40). С. 55–78
8. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона. // МИА. № 62. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 85–150
9. *Очир-Горяева М., Клаус фон Карнап-Борнхейм, Кекеев Э., Манжикова Л.* Поселение Башанта с каменными постройками эпохи средневековья // Вестник КИГИ РАН. 2011. № 1. С. 63–70
10. *Очир-Горяева, К. фон Карнап-Борнхейм, Кекеев Э.* Открытие первого на территории Калмыкии памятника городского типа эпохи средневековья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.-М.- Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011а. С. 172–173.
11. *Очир-Горяева М.А.* Отчет об археологических исследованиях городища Башанта-I и разведках в его окрестностях в 2015 г. // Архив ИА АН РТ. 90 с.
12. *Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 271–369.
13. *Семенов А.И., Ларенок П.А.* Саркел, Саркел, еще Саркел // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 25–33.
14. *Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия, 1995. С. 441–516.
15. *Флёров В.С.* «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2. С. 56–70.
16. *Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.- Иерусалим: Мосты Культуры – Gesherim, 2011. 258 с.
17. *Флёров В.С.* Византийское в Нижне-донских крепостях Хазарского каганата // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. / Гл. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: Майдан. 2013. С. 474–502.
18. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.
19. *Vroom J.* Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. 2005; Utrecht. 224 p.

Информация об авторах:

Очир-Горяева Мария Александровна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mariaochir@ Rambler.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Княшко Яков Алексеевич, аспирант, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия), kiyashko.ya@gmail.com

Нага Тэрбайр, сотрудник, Институт археологии АОН СУАР КНР. (г. Урумчи, КНР); nagateerbayier@sina.com

TOWARDS THE STUDY OF THE EARLY MEDIEVAL SITE BASHANTA-II

M.A. Ochir-Goryaeva, A.G. Sitdikov, Ya.A. Kiyashko, T. Naga

The authors offer preliminary results on study of a new early medieval site discovered in the Gorodovikovo District (Kalmykia) during a field survey near Bashanta-I hillfort at

Chapaevskoe Lake (or Tsagan nur in Kalmyk language). The new site is found 8 km to the south-west from Bashanta-I hillfort, on the bank of the Egorlyk River. The site is dated by two radiocarbon dates by the middle of the 7th – late 8th centuries, i.e. by the time of Khazar Khanate. Some preliminary studies on the site included topographical mapping, collection of stray finds and a few prospection pits. These activities yielded numerous ceramic sherds, roof tiles and debris of masonry. Judging by the existing cultural stratum, remains of stone structures made of shell stone blocks and numerous ceramic finds of good quality, the new site was a settlement of Saltovo-Mayaki Culture, presumably a satellite hillfort. The identity of ceramics and construction materials allowed the authors to name this new site as Bashanta-II.

Keywords: archaeology, Volga-Don region, early Middle Ages, Khazar Khanate, steppe, Saltovo-Mayaki culture, hillfort, stone structures, Pontic amphorae.

REFERENCES

1. Afanasyev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Afanasyev, G. E. 1993. *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleeniia basseina Srednego Dona (The Alans of the Don River: social structures of the Alans, Asi and Burtas from the Middle Don area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Afanasyev, G. E. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 3, 13–25 (in Russian).
4. Afanasyev, G. E. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 238. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, S. 98–114, 329, 330 (in Russian).
5. Vasilyev, D. V., Zilivinskaiia E. D. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 224–226 (in Russian).
6. Vasilyev, D. V. 2003. In *Uchenye zapiski Astrakhanskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Astrakhan State University)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 110–119 (in Russian).
7. Golofast, L. A., Ol'khovskiy, S. V. 2013. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 40 (2). S. 55–78 (in Russian).
8. Liapushkin, I. I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 62. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 85–150 (in Russian).
9. Ochir-Goryaeva, M., Carnap-Bornheim, K. von, Kekeev, E., Manzhikova, L. 2011. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* 1, 63–70 (in Russian).
10. Ochir-Goryaeva, M., Carnap-Bornheim, K. von, Kekeev, E. 2011. Makarov, N. A., Nosov, E. I. (eds.). In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod — Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* II. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 172–173 (in Russian).
11. Ochir-Goryaeva, M. A. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniikh gorodishcha Bashanta-I i razvedkakh v ego okrestnostiakh v 2015 g. (Report on Archaeological Fieldworks in the Bashanta-I Hillfort and on Surveys in Its Environs in 2015)*. Scientific Archive of the Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
12. Pletneva, S. A. 1995. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: "Tavriia" Publ., 271–369 (in Russian).

13. Semenov, A. I., Larenok, P. A. 1999. In *Donskaia arkheologiya (Archaeology of Don)* (3–4), 25–33 (in Russian).
14. Flyorov, V. S. 1995. In Aibabin, A. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* IV. Simferopol: “Tavriia” Publ., 441–516 (in Russian).
15. Flyorov, V. S. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 56–70 (in Russian).
16. Flyorov, V. S. 2011. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaya real'nost' ("Towns" and "Castles" of Khazar Khaganate. Archaeological Reality)*. Moscow: “Mosty kul'tury” Publ.; Jerusalem: “Gesharim” Publ. (in Russian).
17. Flyorov, V. S. 2013. In Sorochan, S. B. (ed.-in-chief). *Narteks. Byzantina Ukrainensis (Nartex: Byzantina Ukrainensis)* 2. Kharkov: “Maidan” Publ., 474–502 (in Russian).
18. Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
19. Vroom, J. 2005. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide*. Utrecht.

About the Authors:

Ochir-Goryaeva Maria A., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mariaochir@rambler.ru

Sitdikov Airat G., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Kiyashko Yakov A., Volgograd State University. Prodolnaya St., 8, Volgograd, 400062, Russian Federation; kiyashko.ya@gmail.com

Naga T., Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, Xinjiang Uyghur Autonomous Region, the People's Republic of China (PRC). Beijing Nanlu St., Ürümqi, Xinjiang Uyghur Autonomous Region, PRC; nagateerbayier@sina.com

Статья поступила в номер 27.07.2016 г.

УДК 75. 33. 43

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СЕМЕНОВСКОГО КОМПЛЕКСА¹

© 2016 г. **Е.А. Беговатов**, Л.И. Казанцева

В статье представлены результаты изучения нескольких ювелирных изделий волжских болгар, происходящих из подъемного материала, найденного на разрушенных болгарских селищах, расположенных на одном из островов Куйбышевского водохранилища. Это два серебряных браслета – плетеный и витой, шесть фрагментов бронзовых витых и плетеных браслетов и серебряная височная подвеска. Авторами проведен ряд анализов, в том числе морфологический анализ, а также анализ **химического состава металла** изделий, выполненный с помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра. Находки датируются периодом с X в. по вторую половину XII в. Среди них представлены как характерные изделия болгарских ювелиров, так и привозные украшения древнерусского происхождения. На рассмотренных артефактах из серебра хорошо прослеживаются особенности стиля болгарской ювелирной продукции – ажурность плетения, использование мелкой зерни и скани.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Куйбышевское водохранилище, Волжская Булгария, ювелирные изделия, химический состав, плетение, зернь, скань.

Ювелирные изделия Волжской Булгарии – одни из хорошо известных, но до сих пор еще недостаточно изученных категорий средневековых артефактов. Публикации нескольких таких изделий посвящена данная работа. Это плетеные и витые серебряные и шесть фрагментов бронзовых браслетов, серебряная височная подвеска (<http://old.kpfu.ru/archeol/ceramics / Chudaeva/bulgar.htm>). В задачу данной работы входило: дать атрибуцию этих предметов, включающую морфологический анализ артефактов, выявить особенности их изготовления и формообразования; исследовать **химический состав** поверхностного слоя этих изделий на основе рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) спектрометром S1 SORTER (Bruker) (авторы благодарят к.и.н. Ю.А. Подо-

сенову, любезно согласившуюся сделать анализы данных изделий).

Все предметы (рис. 1–9) были найдены в восьмидесятых годах XX в. на разрушенных болгарских селищах, расположенных на одном из островов Камского Устья Куйбышевского водохранилища, в окрестности затопленной д. Семеново Спасского района Республики Татарстан. Это I, IV, V Семеновские селища, из которых I и IV относятся к домонгольскому периоду, а V Семеновское селище датируется золотоордынским периодом (Казиков, 1991, с. 19, рис. 6). Серебряные браслеты (рис. 1, 2) были обнаружены на северо-западной стороне острова, на границе селищ I и IV. Браслеты лежали компактно, в одном месте, под обрывом берега и происходят, по видимому, из одного клада, сохранив-

¹ Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФИ проект 15-46-02179 р_поволжье_a.

Рис. 1. Серебряный браслет витой со сканью, Семеновское V селище.
Прорисовка: 1 – «завязанные» окончания браслета; 2, 3 – перевитьё сканой проволокой; 4, 5 – вид с двух сторон.

Fig. 1. Silver twisted filigree bracelet, Semenovka V unfortified settlement.
Drawing: 1 – 'fastened' tips of the bracelet; 2, 3 – filigree wire, tangled; 4, 5 – 2D view.

шегося частично на западной стороне IV селища. Все остальные браслеты (рис. 4–8) и серебряная височная подвеска (рис. 9) найдены на восточной стороне V селища. Семеновское селище I относится к одному из ранних торгово-ремесленных поселений

X в. Волжской Булгарии. К сожалению, все поселения Семеновского комплекса сильно разрушены водами Куйбышевского водохранилища, и установить точный археологический контекст данных находок не представляется возможным.

Рис. 2. Серебряный браслет неплотного плетения, ажурный, разомкнутый, Семеновское V селище. Прорисовка: 1 – общий вид; 2, 3, 4 – раскованные окончания; 5, 6 – вид с двух сторон.

Fig. 2. Silver loose-chain bracelet, open-work, unclosed, Semenovka V unfortified settlement. Drawing: 1 – general view; 2, 3, 4 – unchained tips; 5, 6 – 2D view.

Рис. 3. Фрагмент витого браслета (2S кручение), Семеновское V селище.

Прорисовка: 1 – общий вид; 2 – окончания браслета; 3 – вид сбоку.

Fig. 3. A fragment of a twisted bracelet (2S twisting), Semenovka V unfortified settlement.

Drawing: 1 – general view; 2 – tips of bracelet; 3 – lateral view.

Сначала рассмотрим серебряные браслеты. Первый браслет (рис. 1), витой со сканью, состоит из двух гладких круглых проволок диаметром 2,9 мм, в которые вплетена сканная нить – проволока сечением 1,3 мм (диаметр проволоки 0,6 мм). Браслет имеет круглую форму, сечением от 5,5 мм до 0,7–0,8 мм к концам, причем окончания свитых проволок закрыты коническим колпачком, припаянным

к тонкому длинному стержню, служащим основой для замка, концы которого вплетены друг в друга. Замок в момент находки был разомкнут. На поверхности браслета имеется окись меди зеленого оттенка. Проволока на участке «б» (рис. 1) изготовлена из сплава двухкомпонентного высокопробного серебра № 2 (Ениосова, Митоян, Сарачева; 2008, с. 132, табл. 2.11), содержит серебро (Ag) – 96 %,

Рис. 4. Фрагмент витого браслета (2Z кручение), Семеновское V селище. Прорисовка: 1 – общий вид; 2 – окончания браслета; 3 – вид сбоку.

Fig. 4. A fragment of a twisted bracelet (2Z twisting), Semenovka V unfortified settlement. Drawing: 1 – general view; 2 – tips of bracelet; 3 – lateral view.

медь (Cu) – 3% и др. (табл. 1, № 1, б). Для пайки и лужения на участках «а» и «в» в качестве припоя использовалось многокомпонентное серебро № 4, содержащее серебро (Ag) – 78%, медь (Cu) – 13%, олово (Sn) – 7% и др. (табл. 1, № 1, а, в).

В эпоху средневековья проволока изготавливалась штамповкой и вытягиванием. При штамповке в наковаль-

не делали желобок, соответствующий сечению проволоки, в него вкладывали разогретую заготовку, а сверху накладывали штамп с желобком, подобным тому, который был вырезан на наковальне. Ударяя молотком по штампу, постепенно протаскивали проволоку. Другим способом получения проволоки было волочение, когда заостренную проволоку протягивали

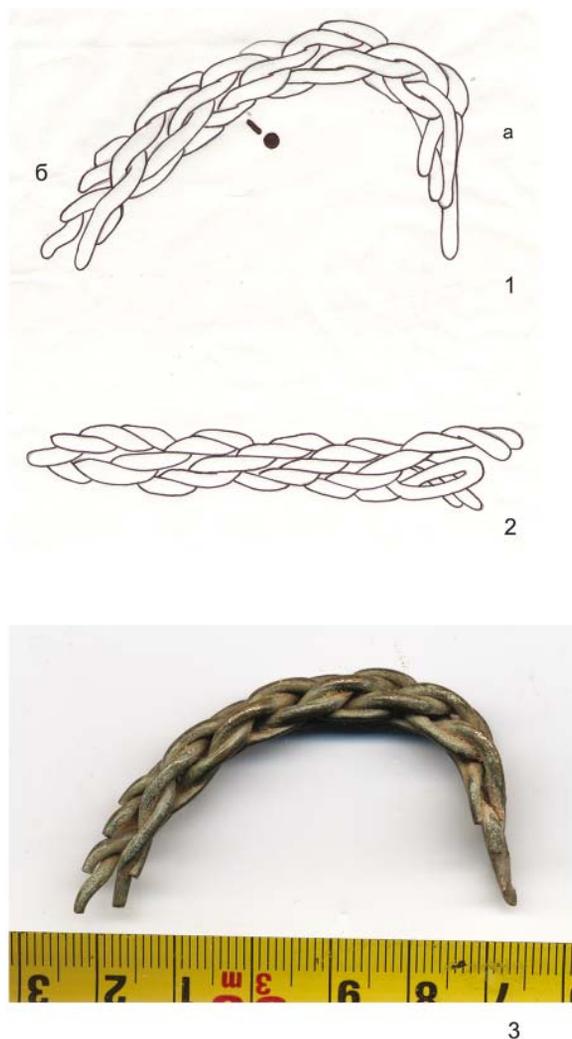

Рис. 5. Фрагмент витого браслета (2Z×3S кручение), Семеновское V селище.

Прорисовка: 1 – общий вид; 2 – окончания браслета; 3 – вид сбоку.

Fig. 5. A fragment of a twisted bracelet (2Z×3S twisting), Semenovka V unfortified settlement.

Drawing: 1 – general view; 2 – tips of bracelet; 3 – lateral view.

через коническое отверстие, сечение которого меньше сечения заготовки, захватывая специальными плоскогубцами. Таким инструментом для волочения является волочильная доска (Бреполь, 2000, с. 171, рис. 4, 49).

По-видимому, проволока для изготовления семеновского браслета была протянута через волочильную доску, поскольку она имеет ровную и глад-

кую поверхность одной толщины. Это возможно в том случае, если ее протаскивали через отверстие фильера, когда ее диаметр уменьшается до размера отверстия.

Рассматриваемый браслет характерен для западного и юго-западного культурного круга средневековых ювелирных украшений. При этом прослеживаются основные элемен-

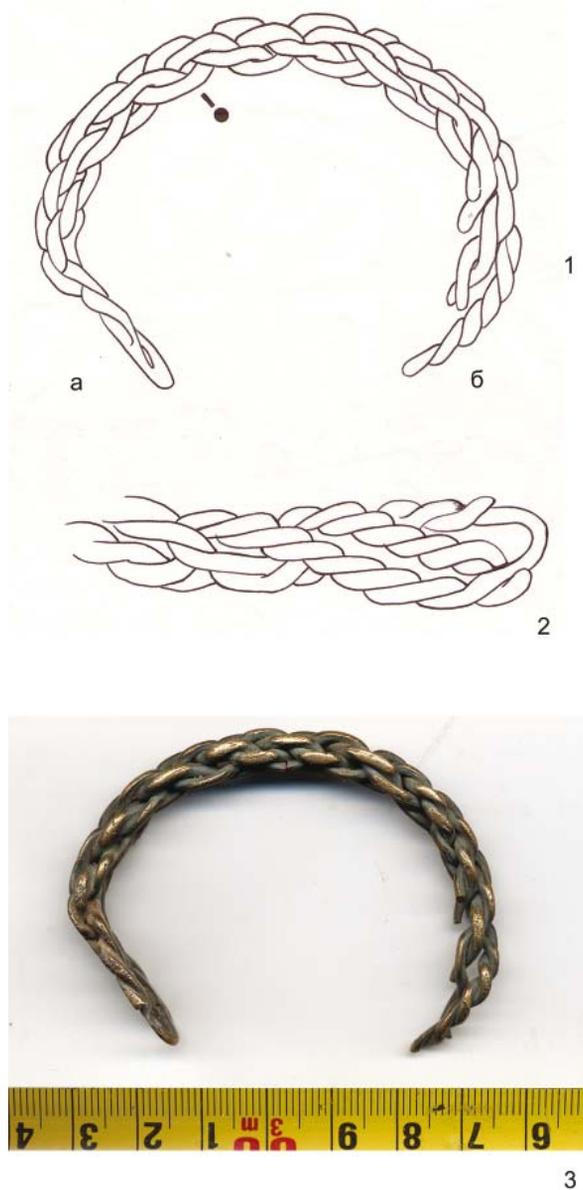

Рис. 6. Браслет витой (2S×3Z кручение), Семеновское V селище.
Прорисовка: 1 – общий вид; 2 – окончания браслета; 3 – вид сбоку.
Fig. 6. A twisted bracelet (2S×3Z twisting), Semenovka V unfortified settlement.
Drawing: 1 – general view; 2 – tips of bracelet; 3 – lateral view.

ты, характерные для других изделий как древнерусского, так и болгарского производства (Корзухина, 1954, табл. X).

Второй браслет (рис. 2) неплотно плетения, ажурный, разомкнутый,

оканчивающийся плоскими площадками, близкими к прямоугольной форме. Браслет имеет овальную форму. Он изготовлен из шести круглых проволок диаметром 1,8 мм, которые неплотно сплетены друг с другом,

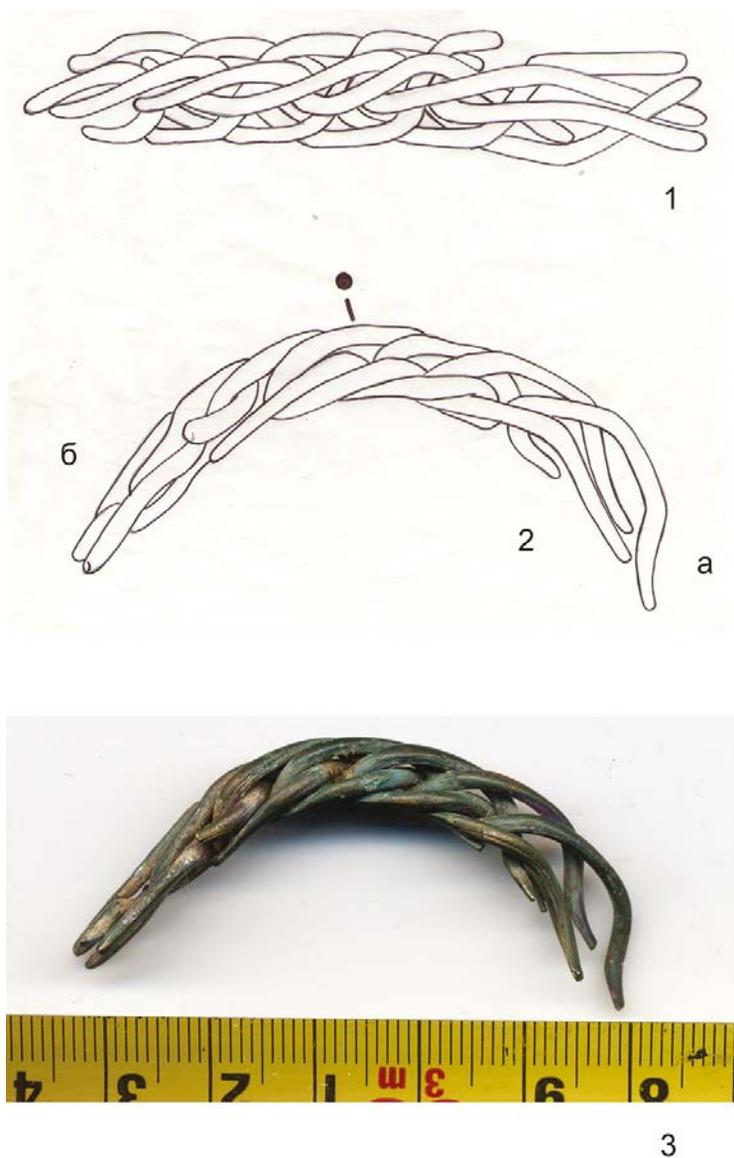

Рис. 7. Фрагмент неплотного плетения браслета, Семеновское V селище.
Прорисовка: 1 – схема плетения; 2 – общий вид; 3 – вид сбоку.

Fig. 7. A fragment of a loose-chain bracelet, Semenovka V unfortified settlement.
Drawing: 1 – pattern; 2 – general view; 3 – lateral view.

образуя ажурные петли. Проволоки сначала скручивали попарно, затем неплотно сплетались друг с другом, в результате чего получались широкие петли. Концы проволок сведены вме-

сте, ровно обрублены и не сомкнуты, отбиты и расплющены металлическим молотком на наковальне. Завершающим этапом изготовления украшения была обработка напильником

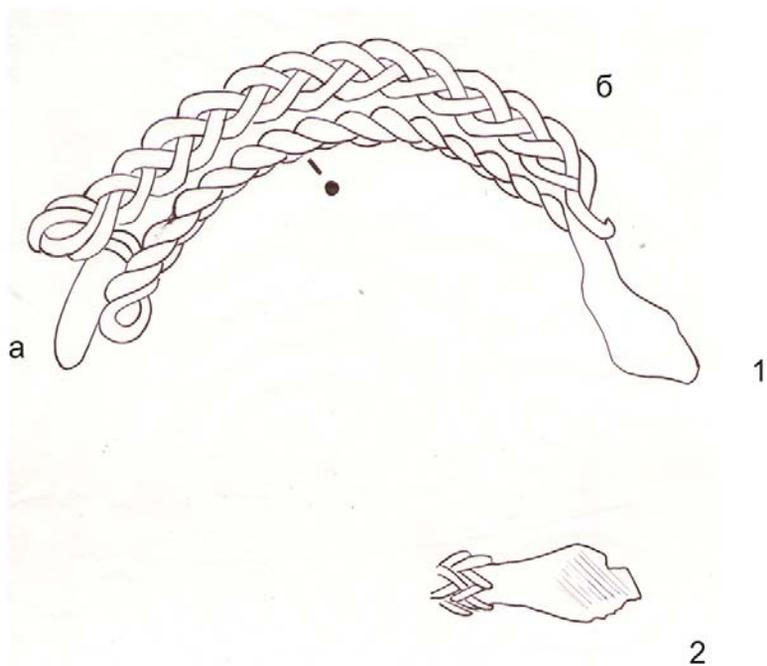

Рис. 8. Фрагмент плетеного браслета, Семеновское V селище.
Прорисовка: 1 – общий вид; 2 – окончания браслета; 3 – вид сбоку.
Fig. 8. A fragment of twisted bracelet, Semenovka V unfortified settlement.
Drawing: 1 – general view; 2 – tips of bracelet; 3 – lateral view.

и полировка. Возможно, этот браслет был местного производства, так как вышеописанная техника изготовления серебряных браслетов из проволоки характерна для болгарских мастеров. На участках «в» и «г» (рис. 2) применялась проволока, изготовленная из сплава двухкомпонентного серебра

№ 5 (Ениосова, Митоян, Сарачева; 2008, с. 132, табл. 2.11), содержащего серебро (Ag) – 84%, медь (Cu) – 13% и др. (табл. 1, № 2, в, г). Для пайки и лужения браслета на участках «а» и «б» использовался припой многокомпонентного низкопробного серебра № 6, содержащего серебро – 66%, медь – 21%, олово – 11% (табл. 1, № 2, а, б).

Аналогичный серебряный разомкнутый браслет неплотного ажурного плетения, найден на IV Старокуйбышевском селище (Казаков, 1991, с. 124, рис. 42).

В фондах Национального музея Республики Татарстан имеются болгарские плетеные ажурные браслеты (инв. № 14576-7; су-828, инв. № 14576-2), из Билярского городища, которые датируются XII – началом XIII в. Близкие по конструкции серебряные украшения имеются в составеклада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г. (Руденко; 2015, с. 420, рис. 193, 194). Такие же плетеные браслеты были найдены в 2013 г. на Булгарском городище (раскопки В.Ю. Ковалея) в кладе, в котором было 159 серебряных слитков и их обломков, 2 серебряных плетеных браслета и железный бронебойный наконечник стрелы (Глазунов, 2015, с. 70, рис. 1). По стратиграфии данный клад датируется первой половиной XIII в.

Таким образом, рассмотренные серебряные браслеты являются ярким образцом ювелирного дела Восточной Европы. Они характеризуют разные традиции – древнерусскую и болгарскую – и отражают тесные культурные связи двух регионов. Первый из изучаемых нами браслетов мог попасть в Волжскую Булгарию по пути «Из Булгара в Киев», а второй, очевидно, был местного болгарского производства. Кстати, к находкам с этих селищ, относятся и два южнорусских кистеня XII–XIII вв. древнерусского оружия ближнего боя.

Рассмотрим фрагменты медных браслетов с V Семеновского селища. Фрагмент первого браслета (рис. 3), витого, плотного S-образного плетения, состоящего из двух круглых кованых проволок диаметром 2,7 мм. Сложенный жгут сгибался вдвое, вероятно, с помощью овальной деревянной болванки по форме руки, проковывался деревянным молотком по внешней поверхности, а концы расплющивались. Можно предположить, что на конце браслета был каст каплевидной (?) формы, поскольку окончание браслета проковано и уплощено. Проволока на участках «а» и «б» изготовлена из сплава двухкомпонентной латуни № 4 (Ениосова, Митоян, Сарачева; 2008, с. 131, табл. 2.8), содержащей Cu – 90%, Zn – 7% и др. (табл. 1, № 3, а, б).

Витые из проволоки браслеты встречаются в вятических украшениях XI–XII вв. (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 222, рис. 108–16). Браслеты такого типа плетения также известны в Новгороде. Два таких браслета с расплющенными концами с этого памятника, датируются самым кон-

Рис. 9. Серебряная височная подвеска. Прорисовка: 1 – общий вид; 2–7 – вид с трех сторон.

Fig. 9. A silver temporal pendant. Drawing: 1 – general view; 2–7 – 3D view.

Таблица 1

Результаты рентгено-флуоресцентного анализа химического состава
поверхностного слоя украшений Семёновского комплекса.

№/ пп	Наименование		Mn	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	Zr	As	Ag	Au	Ph	Sn	Sb	Pb	итого
1.	Серебряный браслет витой со сканью	а		0,30			18,8			0,22	73,0	0,62		6,61		0,45	100
		б		0,78			2,5				96,3					0,41	100
		в		0,51			7,8			0,13	83,5	0,66		7,09		0,38	100
2.	Серебряный браслет неплотного плетения	а		0,25			20,5				60,1			14,83		4,29	100
		б		0,87			20,7				65,3			8,31	0,27	4,55	100
		в		0,25			14,5			0,20	83,3	0,55				1,20	100
		г		0,58			12,2			0,35	85,4					1,47	100
3.	Фрагмент витого браслета (2S кручение)	а	0,34				90,1	7,65		0,58						1,29	100
		б	0,46				91,4	5,58		0,54				0,77		1,26	100
4.	Фрагмент витого браслета (2Z кручение) с оправой на конце	а		1,41	0,03		64,1	8,62		2,53				9,01		###	100
		б		1,05			63,9	5,61		3,37			0,45	7,72		###	100
5.	Фрагмент витого браслета (2Zx3S кручение)	а		3,79			42,2	0,31						51,12		2,58	100
		б		0,81			76,2			1,80				15,40		5,79	100
6.	Браслет витой (2Sx3Z кручение)	а		0,32			72,0							24,12		3,56	100
		б					84,5							11,80		3,72	100
7.	Фрагмент неплотного плетения браслета	а		1,15			64,1							27,60		7,15	100
		б		0,33			67,4			1,75				24,80		5,72	100
8.	Фрагмент плетеного браслета	а	0,17	1,31			84,8		0,09	0,74				11,14		1,75	100
		б	0,15	1,87	0,15	69,5				0,41				27,00		0,92	100
9.	Височная серебряная подвеска	а		0,25			3,5			0,11	95,6					0,57	100
		б		0,55			3,2			0,09	94,5	0,93				0,69	100
		в		0,22			3,3			0,10	95,0	0,84				0,64	100
		г					50,9				46,9					2,20	100

цом XII – 40-ми годами XIII в. Аналогичные браслеты из Максимовского могильника А.А. Спицын датировал XI в. (Седова, 1981, с. 95, 97, рис. 34–4,8). Булгарские медные витые браслеты с S-образным плетением (только с кастами каплевидной формы) датируются XI–XII вв. (Руденко; 2015, с. 255, рис. 54–1,2).

Фрагмент второго медного браслета (рис. 4) – витой, неплотного Z- плетения, состоящий из двух круглых кованных проволок диаметром 2,5 мм. На концах имеет «глухую» оправу для вставки каплевидной формы. У основания каста напаяна сканная нить сечением 1,2 мм и четыре шарика зерни диаметром 2,2 мм по углам каста. Проволока на участке «а» и «б» (табл. 1, № 4, а, б) изготовлена из многокомпонентной латуни № 10 (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 131, табл. 2.8), содержит Cu – 64%, Zn – 8%, Pb – 16%, Sn – 8%, As – 3% (табл. 1, № 4, а, б).

Вставки каплевидной формы встречаются на плетеных браслетах (другого типа плетения) в вятических могильниках XI–XII вв. (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 223, рис. 109–6; Седова, 1981, с. 97, рис. 34–13). Форма каста в виде капли встречается на браслетах XII–XIII вв., обнаруженных в Новгороде, украшенных по краю сканью или ее имитацией (Седова, 1981, с. 42, рис. 5,14).

В Ветлужско-Вятском регионе витые браслеты с кастами каплевидной формы, со сканью и зернью, появляются с рубежа X–XI вв. (Веселовский могильник, погребение № 6: (Никитина, 2012, с. 131, рис. 25,6)). Эта форма каста также встречается на изделиях XI–XII в., обнаруженных на Верхней и Средней Волге. Она продолжала

быть востребованной у ювелиров в конце XII – начале XIII в. Браслеты с таким кастом делались из серебряной, медной, бронзовой и железной гладкой проволоки, а также перевитой медной проволоки (Руденко, 2015, с. 178).

Каплевидная форма каста с сердоликовой вставкой является одной из ранних и характерных для изделий профессиональных булгарских ювелиров в XI – начале XII в. Не исключено, что для некоторых изделий булгарские ювелиры использовали специально отлитые касты, которые имитировали не только форму, но и декор – скань по краю и зерневую пирамидку у приостренной части каста (Руденко, с. 178, 255 рис. 54, 1–2).

Фрагмент третьего медного браслета (рис. 5) – витой, разомкнутый, оканчивающийся плоскими овальными щетками. Он сделан из двух круглых кованных проволок диаметром 0,2 см, Z-образного плетения, затем жгут сложен в три слоя и скручен S-образным способом, а концы такого браслета состоят из петли и свободного прямого конца внутри нее, отбиты на наковальне. Проволока на участке «б» сделана из сплава оловянно-свинцовой бронзы № 5 (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 131, табл. 2.8), содержащего Cu – 76%, Sn – 15%, Pb – 6% и др. (табл. 1, № 5, б).

В фондах Национального музея Республики Татарстан имеется серебряный браслет проволочный, плетеный, кованный, разомкнутый, из Билярского городища, который датируется XII–началом XIII в. (Руденко, 2015, с. 423, 434, рис. 198, 222). Аналогичный по конструкции браслет имеется в составе клада, найденного у с. Подгоры на Самарской Луке (Волжский район Са-

марской области) в 1975 г., датируется XII–началом XIII в. (Руденко, 2015, с. 418, рис. 188, 189).

Четвертый медный браслет (рис. 6) – витой, разомкнутый, оканчивающийся плоскими площадками. Он изготовлен из двух круглых кованых проволок диаметром 2,2 мм, S-образного плетения, затем жгут сложен в три слоя, скручен Z-образным способом, концы такого браслета состоят из петли и свободного прямого конца внутри нее, отбиты на наковальне. Проволока на участке «а» и «б» изготовлена из сплава оловянной бронзы № 2 (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 131, табл. 2.8), содержащего медь Cu – 84%, олово Sn – 12%, свинец Pb – 4% (табл. 1, № 6, б). Для пайки и лужения браслета на участке «а» использовался припой из сплава той же оловянной бронзы № 2, только с большим содержанием олова, содержащего медь Cu – 72%, олово Sn – 24%, свинец Pb – 4% (табл. 1, № 6, а).

Аналогичные браслеты, витые из серебряной проволоки, но чаще из медной и бронзовой, сложенные в жгуты в три слоя, встречаются в украшениях земли вятичей (Зайцева, 2011, с. 221–222, рис. 11).

Фрагмент пятого медного браслета (рис. 7) неплотного плетения, ажурный; состоит из семи круглых кованых проволок диаметром 1,9 мм. Плетение можно проследить по схеме (рис. 7: 1). Проволока изготовлена из сплава оловянной бронзы № 2 (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 131, табл. 2.8), содержащего медь (Cu) – 64%, олово (Sn) – 25%, свинец (Pb) – 6% (табл. 1, № 7 а, б).

Аналогичные браслеты, сплетенные из семи бронзовых или латунных проволок, концы которых либо сво-

бодны, либо согнуты в петли, встречаются в украшениях Новгорода. Два таких браслета найдены один – в слое второй половины XI в., другой – середины XIII в. (Седова, 1981, с. 100, 102, рис. 36, 1 а, б, 3).

Фрагмент шестого медного браслета (рис. 8) плотного плетения. Основу его составляет центральный стержень диаметром 3,1 мм, на который нанизаны сплетенные между собой четыре косички из проволок диаметром 0,85 мм. Проволока на участке «а» представляет собой сплав оловянной бронзы № 2 (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 131, табл. 2.8), содержащего Cu – 84%, Sn – 15% и др. (табл. 1, № 6, а). Для пайки и лужения браслета на участке «б» использовался припой из сплава той же оловянной бронзы № 2, только с большим содержанием олова, содержащего медь Cu – 69%, Sn – 27%, Pb – 1% (табл. 1, № 6, б).

Особый интерес представляет височное серебряное украшение (рис. 9). Оно выполнено в виде разомкнутого кольца диаметром 2 см с тремя надетыми на него бусинами «бочковидной» формы, зафиксированными на кольце плотно навитой сканной проволокой диаметром 0,5 мм. Расстояние между бусинами 9 мм, с левой и правой стороны количество навитой сканной проволоки равно 14-ти оборотам, и несколько витков проволоки накручено сверху. Бусины диаметром 8 мм и длиной 12,4 мм состоят из двух сферических частей, соединенных металлическими шариками зерни диаметром 1,2 мм и напаянной сканной проволокой круглого сечения диаметром 0,5 мм.

Проволока на участках «а», «б», «в» изготовлена из сплава двухком-

понентного высокопробного серебра № 2 (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 131, табл. 2.11), содержащего Ag – 95%, Cu – 3% и другие легирующие компоненты.

Стержень участка «г», на который надеты бусины, изготовлен из двухкомпонентного низкопробного серебра № 6 (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, с. 131, табл. 2.11), содержащего Ag – 50%, Cu – 46%, Pb – 2%.

Аналогичные серебряные подвески, датирующиеся XI–XIII вв., найдены на селищах низовий Камы (Руденко, 2015, с. 231, рис. 29).

Таким образом, рассмотренные нами украшения демонстрируют как характерную продукцию болгарских ювелиров, так и привозные ювелирные изделия. Причем изделия местного производства из серебра и медесодержащих сплавов широко распространялись как в городах, так и на негородских поселениях Волжской Булгарии XI – начала XIII в. На рассмотренных артефактах из серебра хорошо прослеживаются особенности стиля болгарской ювелирной продукции – ажурность плетения, использование мелкой зерни и скани.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.
2. *Бреполь Э.* Теория и практика ювелирного дела. СПб.: Соло, 2000. 530 с.
3. *Глазунова Е.В.* Клад Волжско-камских слитков 2013 года из Болгара: новые данные по хронологии типа // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Коломна. 20–25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. И.В. Волков. М.: Триумф принт, 2015. С. 70–72.
4. *Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Химический состав ювелирного сырья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–188.
5. *Зайцева И.Е.* Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М.: Индрик, 2011. 404 с.
6. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.
7. *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.
8. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с.
9. *Руденко К.А.* Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
10. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
11. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Информация об авторах:

Беговатов Евгений Александрович, кандидат физико-математических наук, доцент

Казанцева Лилия Ивановна, преподаватель, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); KazancevaLi@mail.ru

MEDIEVAL JEWELRY ITEMS FROM SEMENOVKA SETTLEMENT

E.A. Begovatov, L.I. Kazantseva

The article presents results of studying several jewelry items of the Volga Bulgars, collected as stray finds on destroyed Bulgar non-fortified settlements located on an island on Kuybyshev dam lake. These are two silver bracelets: a braided and a twisted one, six fragments of bronze twisted and braided bracelets and a silver temporal pendant. The authors conducted a number of analytical investigations, including a morphological analysis, as well as an X-ray fluorescence spectrometry of chemical composition of the metal used in these items. The finds are dated within the 10th – second half of the 12th centuries. They include both typical items produced by Bulgar jewelers and imported jewelry of the early Russian origin. The silver artefacts demonstrate typical style of Bulgar jewelry: open-work chaining, use of tiny granules and filigree.

Keywords: archaeology, Middle Volga Region, Kuybyshev dam lake, Volga Bulgaria, jewelry, chemical composition, chaining, granulation, filigree.

REFERENCES

1. Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). 1997. *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Brepohl, E. 2000. *Teoriia i praktika iuvelirnogo dela (Theory and Practice of Jewelry = Theorie und Praxis des Goldschmieds)*. Saint Petersburg: "Solo" Publ. (in Russian).
3. Glazunova, E. V. 2015. In Volkov, I. V. (ed.). *Vosemnadsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii (XVIII All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: "Triumf print" Publ., 70–72 (in Russian).
4. Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. 2008. In Ryndina, N. V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 107–188 (in Russian).
5. Zaitseva, I. E., Saracheva, T. G. 2011. *Iuvelirnoe delo «zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI–XIII vv. (Jewelry of the "Vyatichi Land" in the Second Half of 11th – 13th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
7. Korkukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
8. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
9. Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) I. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
10. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
11. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

The work was partly supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) Project 15-46-02179 p_поволжье_a. / r_povolzhye_a.

About the Authors:

Begovatov Evgeniy A., Candidate of Physico-Mathematic Sciences

Kazanzeva Liliya I., Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; KazancevaLi@mail.ru

Статья поступила в номер 05.11.2015 г.

УДК 902.6 (С 14)

ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСНОСЮНДЮКОВСКОГО I ГОРОДИЩА В 2014 Г.

© 2016 г. М.Р. Гисматулин, Ю.А. Семькин,
Н.А. Горбунов, Г.Ш. Асылгараева

Статья посвящена результатам новых исследований Красносундюковского I городища, расположенного в Ульяновской области на правом берегу р. Свияги. Памятник относится к числу домонгольских городов Волжской Булгарии. Наиболее известным объектом на нем является кирпичная баня XI–XII вв., исследованная в 1991 г. Раскопки на памятнике возобновились летом 2014 г. На территории городища было заложено два раскопа общей площадью 60 кв. м (раскопы VI и VII). В пределах раскопа VII, заложённого в западной части городища, исследовано хозяйственное сооружение и обнаружены многочисленные и разнообразные находки, характеризующие материальную культуру населения болгарского города домонгольского периода: керамика местного производства, металлические изделия, а также металлургические отходы и шлак, детали одежды и украшения и др. Отмечено присутствие в материалах раскопа VII значительного количества артефактов, связанных с ремеслом и торговлей, что указывает на характер деятельности населения.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Волжская Булгария, средневековый город, археологические исследования, керамика, металлические изделия, стекло.

С самых ранних этапов существования Волжской Булгарии особую роль в ее истории играли предволжские земли. В правобережье р. Волги выявлены языческие могильники второй половины VIII–IX вв. (Большетарханский, Автозаводской), имеющие непосредственное отношение к ранним болгарам. В Предволжье известно около 60 болгарских городищ (Хузин, 2001, с. 32). В северной части Ульяновского Предволжья, в пределах Волго-Свияжского междуречья, известны такие памятники, как Городищинское (площадью более 81 га) и Староалейкинское (230 га) городища, представляющие собой остатки среднего и крупного (по классификации Р.Г. Фахрутдинова) городов домонгольской Волжской Булгарии (Фахрутдинов, 1990, с. 70–79). К категории малых городов исследова-

тели относят Красносундюковское I городище (Фахрутдинов, 1990, с. 80). Данная группа памятников вместе с городищами меньших размеров (Красносундюковское II, Ундоровское II) и прилегающими к ним селищами составляют, вероятно, единый поселенческий комплекс (по типу близкий к мегаагломерации).

Городище расположено в 300 м от с. Красное Сундюково Ульяновского района Ульяновской области на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Свияги. Территория городища делится на две части: «детинец» и «посад». «Детинец» подтреугольной в плане формы площадью 3,57 га расположен в северной части памятника. Он со всех сторон ограничен валами и рвами и является наиболее укрепленной частью городища. С юго-запада к обо-

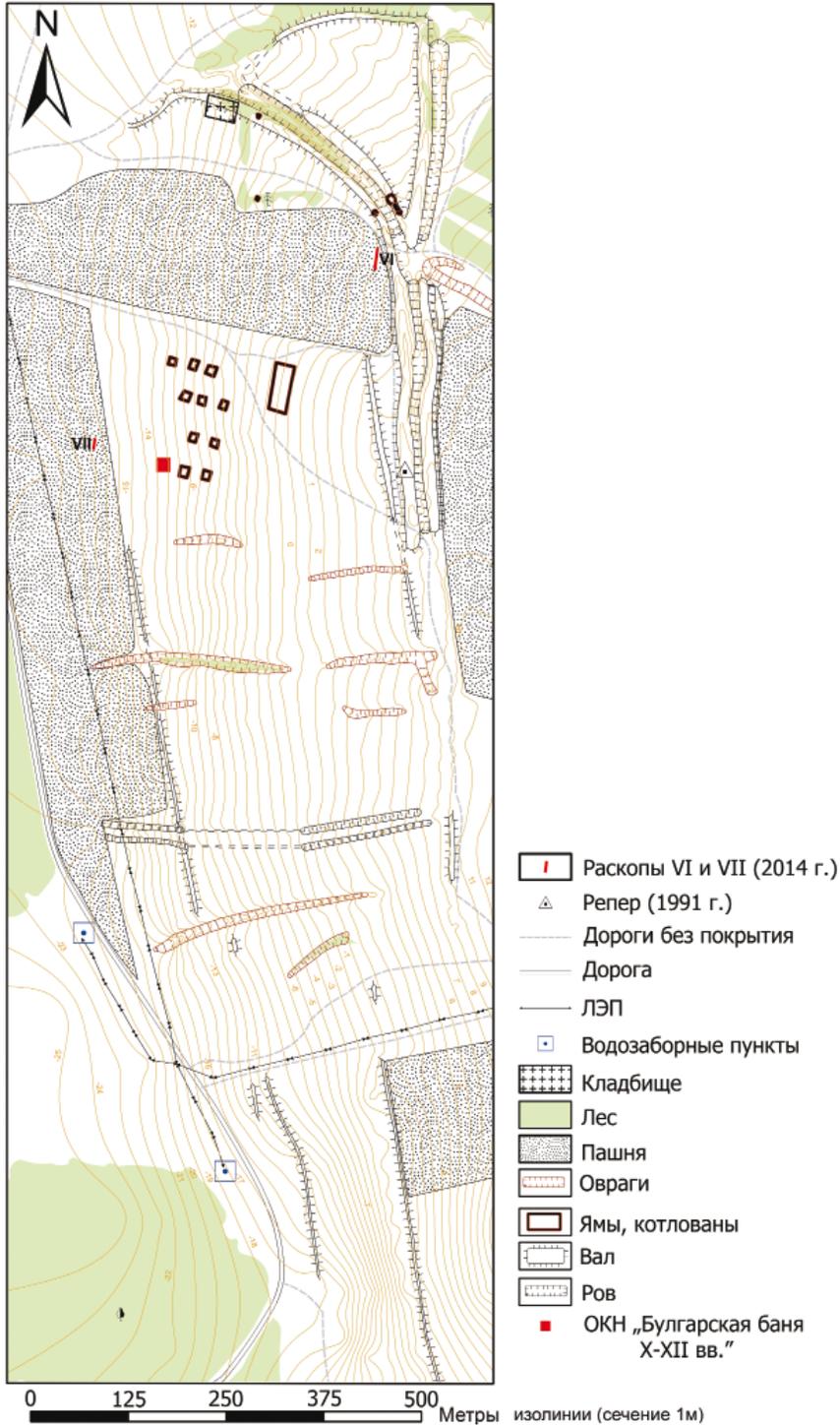

Рис. 1. План Красносюндюковского I городища 2016 г. Инструментальная съёмка И.С. Хохлова и В.Н. Шигаева. Сечение горизонталей 1 м.

Fig. 1. Plan of Krasnoye Syundyukovo I fortified settlement, 2016. Instrumental measurements by I.S. Khokhlov and V.N. Shigaev. Interval = 1 m.

Рис. 2. Оборонительные укрепления в восточной части «посада» Красносындюковского I городища. Вид с севера.

Fig. 2. Defense structures in the eastern part of the 'trade quarters' of the Krasnoye Syundyukovo I fortified settlement. View from the north.

ронительной линии «детинца» примыкает группа сосновых насаждений, сохранившихся от усадьбы последней четверти XIX – начала XX в. По дну оврага, ограничивающего «детинец» с северной стороны, протекает ручей.

«Посад», занимающий обширную площадь к юго-западу от «детинца», представляет собой террасу, плавно понижающуюся в западном направлении к пойме Свияги. Площадь «посада», по уточненным данным, достигает 46 га. Оборонительные сооружения по периметру «посада» сохранились только в восточной и частично в южной части городища. Высота валов на городище достигает 1,5 м, а глубина рвов – до 5 м. С восточной стороны «посада» система обороны состоит из двойной линии валов и рва (рис. 2).

Городище было известно еще в XIX в. как «Новоалейкинское» (по на-

званию ныне исчезнувшей деревни) и кратко описано В.Н. Поливановым в «Археологической карте Симбирской губернии»: «В деревне Новом Алекине поперек поля кн. Е.Н. Ухтомской, в направлении к деревне Елхово-Озёрной и в близком расстоянии от реки Свияги проходит вал, который в даче г. Ракова оканчивается городком... Местные крестьяне в валу и городке находят много железных обломков холодного оружия, наконечников стрел, копий, кос, топоришков и секир» (Поливанов, 1900, с. 7–8). Городище «Новое Алекино» упоминается П.Д. Степановым в работе «Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья» (Степанов, 1962, с. 246).

Красносындюковское I городище фактически было заново открыто в 1971 г. разведочным отрядом архео-

логической экспедиции Казанского филиала АН СССР под руководством Р.Г. Фахрутдинова. Им были определены площадь городища и толщина культурного слоя, снят план памятника. В 0,75 км к востоку от Красносундюковского I городища Р.Г. Фахрутдиновым было открыто Красносундюковское II городище площадью 9,7 га (Фахрутдинов, 1981, с. 245–246).

Необходимо отметить, что в «Археологической карте Ульяновской области», составленной Г.М. Буровым, Красносундюковское I и Новоалейкинское городища обозначены как разные памятники (Буров, 1977, с. 125–126), что, очевидно, является ошибочным (Кочкина, Сташенков, 1993, с. 184–185).

Красносундюковское I и II городища вместе с пригородными селищами, практически примыкающими друг к другу, составляют, вероятно, единый комплекс площадью 177 га (Кочкина, 1997, с. 185). В качестве дополнительного аргумента в пользу данного предположения можно привлечь картографический источник – топографическую межевую карту Симбирской губернии А.И. Менде (1859–1861 гг.). На карте отмечены не только валы Красносундюковского I и II городищ, но и дополнительный вал (к настоящему времени не сохранившийся), шедший от Красносундюковского I городища в восточном направлении и ограничивавший с юга территорию Красносундюковского I и II селищ.

В 1990 г. территория Красносундюковского I городища без предварительного согласования с археологами была отведена под строительство поселка для немцев Поволжья. На тер-

ритории памятника было заложено 17 строительных котлованов, уничтоживших культурный слой на площади более 4700 кв. м. В 1991 г. охранно-спасательные раскопки Красносундюковского I городища проводились двумя отрядами: экспедицией Куйбышевского государственного университета (руководитель А.Ф. Кочкина) и Ульяновского государственного педагогического института (руководитель Ю.А. Семькин). Всего на памятнике было заложено пять раскопов общей площадью 686 кв. м. Раскопы II, IV, V общей площадью 262 кв. м исследовались под руководством Ю.А. Семькина, причем на раскопе II были исследованы остатки кирпичной (плинфовой) усадебной бани домонгольского периода (Семькин, 1993, с. 219–230; Семькин, Ледайкин, 2005, с. 11–26). На раскопах I и III А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенковым на площади 424 кв. м были исследованы различные сооружения и несколько погребений. Полученные материалы позволили отнести памятник к категории малых городов домонгольской Волжской Булгарии (Кочкина, Сташенков, 1993, с. 183–218).

Благодаря масштабным археологическим раскопкам 1991 г. и, прежде всего, открытию кирпичной бани XI–XII вв. с подпольной системой отопления, Красносундюковское I городище получило широкую известность среди булгароведов. Результаты исследований бани опубликованы в отдельной статье Ю.А. Семькина (Семькин, 1993, с. 219–230). После завершения раскопок фундамент бани был засыпан отработанным грунтом из отвала. В условиях отсутствия финансирования для консервации, а тем более для проведения научной

Рис. 3. Фундамент кирпичной (плинфовой) бани домонгольского периода.
Вид с юга. Июль 2013 г.

Fig. 3. Foundation of the pre-Mongol brick (plinth) bath-house.
View from the south. July 2013.

реставрации постройки, это была единственная возможность сохранить уникальный памятник археологии. В 1999 г. баня была включена в список выявленных объектов культурного наследия (распоряжение Главы администрации Ульяновской области № 959-р от 29.07.1999).

В 2013 г., по инициативе председателя Комитета по культурному наследию Ульяновской области Ш.М. Хаутиева, в целях защиты памятника археологии от неблагоприятных природных и антропогенных факторов были начаты работы по консервации и музеефикации данной постройки. В июле 2013 г. фундамент бани был расконсервирован (рис. 3). Тогда была определена неудовлетворительная степень сохранности плинфовой кладки. Наиболее значитель-

ные разрушения были зафиксированы в северо-западной части постройки. На заседании Комитета по культурному наследию Ульяновской области было принято решение об установке над баней специального капитального перекрытия, а по периметру фундамента – бетонного ограждения с гидроизоляцией. Проект консервации данного памятника был разработан архитектором И.Х. Сибгатулиным. Работы осуществлялись за счет спонсорских средств и пожертвований, собранных Ульяновской городской просветительской общественной организацией «Булгарское возрождение» (председатель – Ш.М. Богданов). В 2013 г. были проведены фундаментальные работы и установлены металлические опоры каркаса купола. В октябре 2014 г. над сооружением был

установлен навес из поликарбоната, а остатки фундамента бани были засыпаны песком.

Археологическое изучение Красносундюковского I городища возобновилось летом 2014 г. Инициаторами экспедиции выступили Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и НИИ истории и культуры Ульяновской области. Финансирование исследований осуществлялось по программе «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)». В раскопках принимали участие студенты исторического факультета УлГПУ (руководитель к.и.н. Ю.А. Семькин) и сотрудники отдела истории Ульяновского областного краеведческого музея.

На территории Красносундюковского I городища было заложено два раскопа – раскопы VI и VII общей площадью 60 кв. м.

Раскоп VI площадью 40 кв. м был разбит в северо-восточной части городища к югу от «детинца». Раскоп был ориентирован по линии север–юг и разбит на 10 квадратов со сторонами 2×2 м. Снятие культурного слоя производилось условными горизонтами по 18–20 см.

Стратиграфия слоев в пределах раскопа VI в целом однородна. Верхний (пахотный) слой состоял из гумусированной супеси серого цвета. Слой содержал преимущественно мелкие фрагменты керамики. Ниже залегала супесь светло-серого (пепельного) цвета, насыщенная золой. В пределах квадрата 10 золистый слой достигал мощности 20 см. Данный слой находок не содержал. Верхняя часть культурного слоя мощностью 20–30 см разрушена многолетней распашкой.

Материк – желтовато-коричневый суглинок.

Наличие золистой прослойки в исследуемой части памятника еще требует своего объяснения. Возможно, зола образовалась в результате пожара деревянных конструкций оборонительных сооружений городища. Отметим, что раскоп VI располагался в непосредственной близости от укреплений «детинца» и линии валов, защищавших «посад» городища с восточной стороны. В северной части раскопа отмечена западина (кв. 10 и частично кв. 9), а также зафиксирована столбовая яма округлой в плане формы диаметром 23 см (кв. 9). Других сооружений в пределах раскопа VI выявлено не было.

Всего на площади раскопа VI встречено 817 фрагментов керамики, 12 индивидуальных находок и 73 фрагмента костей животных.

Коллекция керамики из раскопа VI требует отдельного, более пристального изучения. Керамический материал, происходящий из раскопа VI, представлен преимущественно мелкими фрагментами. Лепная керамика составляет в коллекции 4,65%, круговая (гончарная) – 95,35%.

В сравнительно немногочисленной коллекции лепной керамики отметим фрагмент крышки и фрагмент стенки сосуда, орнаментированного прочерченными «арками». Последний фрагмент имеет черты сходства с керамикой VIII этнокультурной группы, происходящей из напластований Биляра XI – начала XIII в. (Кокорина, 2002, рис. 5: 4).

Среди общеполугарской керамики гончарного производства (I группа по классификации Т.А. Хлебнико-

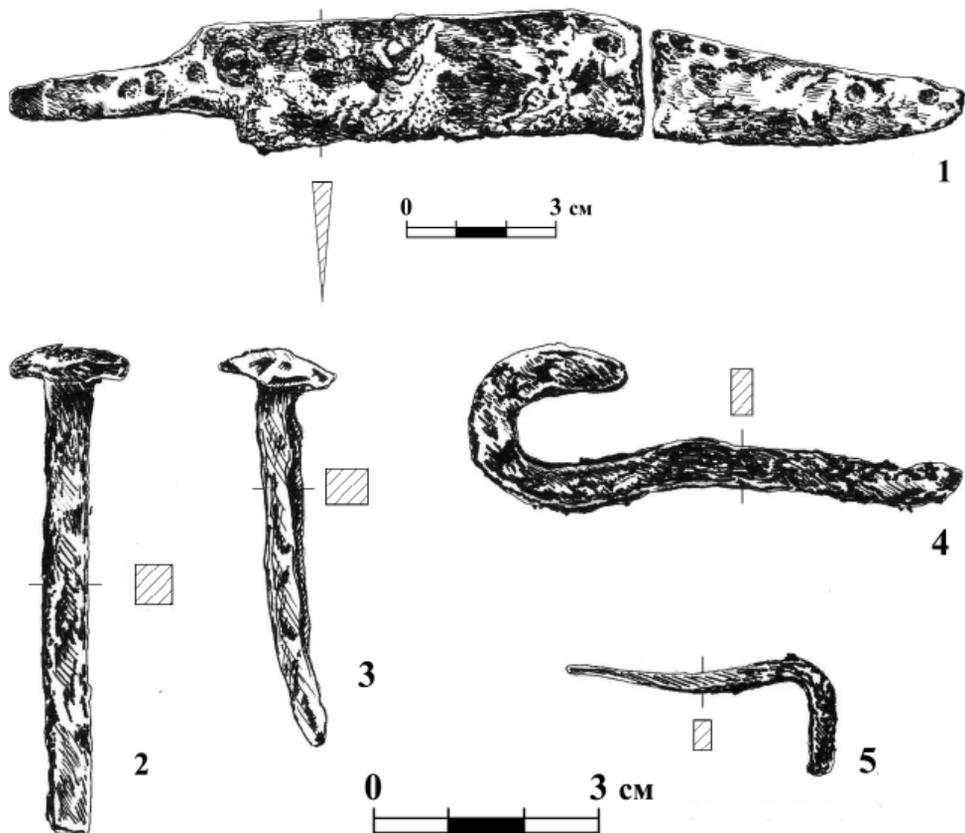

Рис. 4. Раскоп VI. Изделия из железа.

1 – нож (кв. 10, гор. 1); 2–3 – гвозди (кв. 2, гор. 1; кв. 9, гор. 1);
4 – крюк (кв. 2, гор. 1); 5 – изделие неизвестного назначения (кв. 5, гор. 2).

Fig. 4. Dig VI. Metal ware.

1 – knife; 2–3 – nails; 4 – hook; 5 – item of unknown use.

вой) по очертаниям венчиков можно выделить кувшинообразные сосуды (кувшины и кружки), горшковидные (горшки и корчаги), блюдообразные (блюда и миски). Полосчатое лощение отмечено у 16% гончарной керамики. Орнаментация представлена резными линиями, ямочными и гребенчатыми вдавлениями.

Индивидуальные находки представлены железными и стальными изделиями кузнечного производства, фрагментом стеклянного сосуда, а

также мелкими фрагментами поливной керамики.

К числу кузнечных изделий относятся два фрагмента от одного ножа с плавно опускающейся спинкой (рис. 4: 1); кованые гвозди (рис. 4: 2, 3); крюк (рис. 4: 4) и предположительно фрагмент скобы (рис. 4: 5). Общая длина ножа составляет 19 см, длина черешка – 4 см. Нижний уступ четко выражен, форма верхнего уступа – пологая. Высота лезвия равна 24,5 мм, ширина спинки – 3,5 мм, сечение лез-

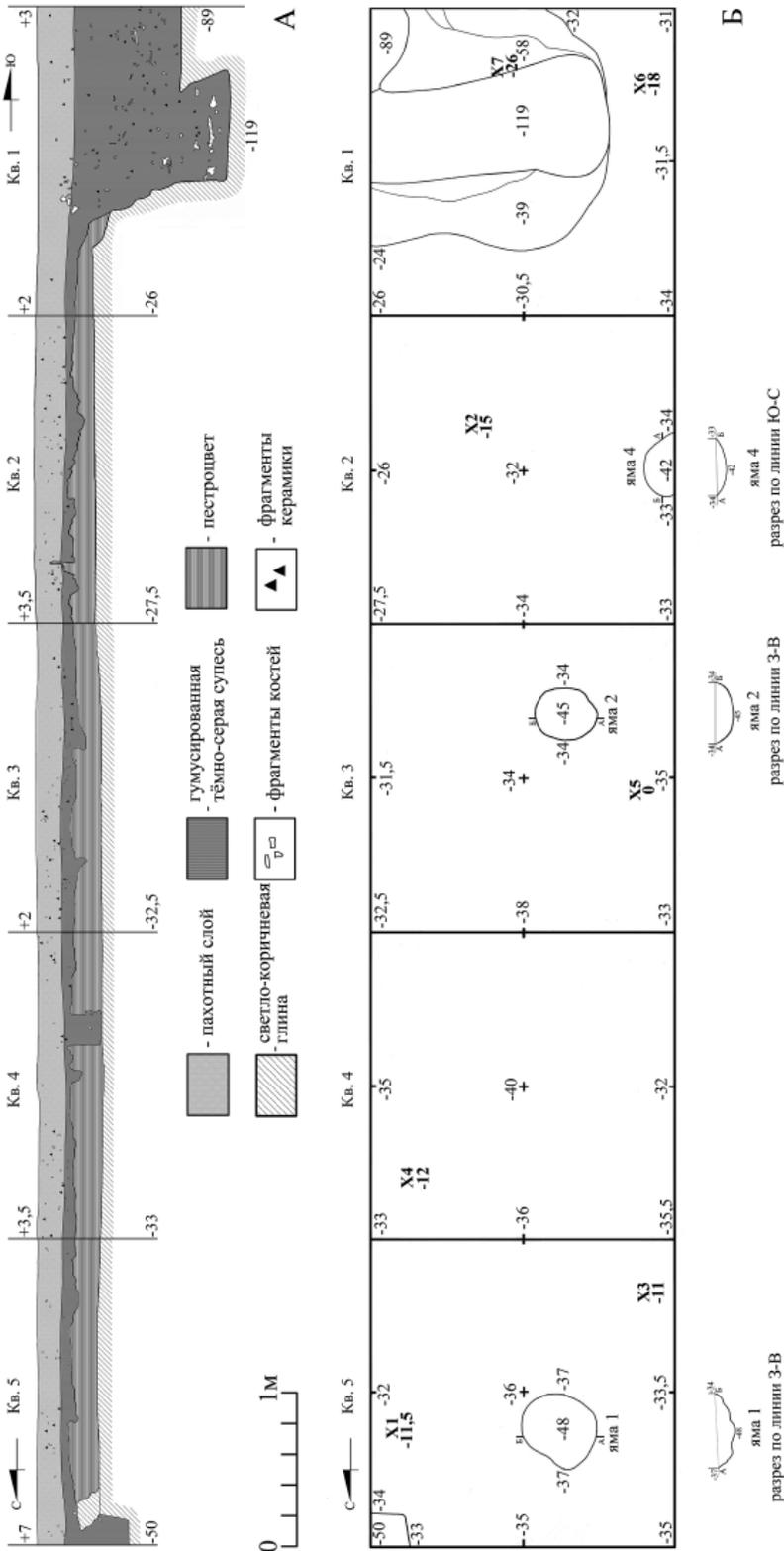

Рис. 5. Раскоп VII. Профиль восточной стенки (А) и план раскопа на уровне материка (Б). Индивидуальные находки: X1 – наконечник ремня; X2 – бусина из лазурита; X3, X4, X5 – железные гири; X6 – наконечник стрелы; X7 – шило.
 Fig. 5. Dig VII. Profile of the eastern wall (A) and plan of the dig at the bedrock level (Б). Individual finds: X1 – belt tip; X2 – lazuli bead; X3, X4, X5 – iron weights; X6 – arrow head; X7 – awl.

вия – клиновидное. Гвозди из раскопа VI имеют подквадратное сечение, диаметр стержня 50–55 мм.

Индивидуальной находкой является венчик стеклянного сосуда светло-зеленого цвета. Толщина стекла 2 мм. Край венчика слегка отогнут и загнут вовнутрь.

Поливная керамика на раскопе VI представлена двумя мелкими фрагментами стенок сосудов с двусторонней коричневой поливой. Рассматриваемая керамика, на наш взгляд, может быть датирована последней четвертью XIX – началом XX в., т.е. временем существования усадьбы, располагавшейся всего в 100 м к северо-западу от раскопа. К этому же периоду может относиться и часть железных изделий, происходящих из раскопа VI.

Сравнительно слабая насыщенность археологическими материалами культурных напластований в пределах раскопа VI объясняется, вероятно, близостью выбранного для изучения участка к оборонительным укреплениям и соответственно слабой заселенностью данной части городища.

Раскоп VII площадью 20 кв. м был заложен в западной части городища, в 70 м к западу от кирпичной (плинфовой) бани домонгольского периода, изученной в 1991 г. Раскоп был ориентирован по линии север–юг и разбит на 5 квадратов со сторонами 2×2 м. Снятие культурного слоя производилось условными горизонтами по 18–20 см.

Мощность культурного слоя, в значительной степени поврежденного многолетней распашкой, составляет 35–45 см. Стратиграфия на раскопе достаточно проста и однородна. Верхний (пахотный) слой мощностью до

30 см (в среднем 17–20 см) – гумусированная темно-серая рыхлая супесь. Данный слой был наиболее насыщен археологическими находками – фрагментами керамики, костями и т.д. Ниже залегал слой гумусированной темно-серой супеси, не затронутый распашкой (7–15 см). Предматерик – светло-коричневый суглинок с пестроцветом (7–20 см), материк – светло-коричневая глина.

В пределах раскопа VII было зафиксировано пять объектов, два из которых изучено полностью, а три лишь частично (рис. 5).

«Яма 1» была выявлена в пределах квадрата 5 на уровне горизонта 2. После расчистки она представляла собой неглубокую яму (глубина от уровня материка – 11 см) округлой в плане формы размером 47×50 см. В ее заполнении встречены камни, мелкие фрагменты керамики и кости животных.

«Яма 2» была зафиксирована в пределах квадрата 3 на уровне горизонта 1 в виде пятна пестроцвета с нечеткими границами. После выборки заполнения она представляла собой неглубокую яму овальной в плане формы размером 40×32 см, заглубленную в материк на 11 см. В заполнении ямы отмечены мелкие угольки и два камня со следами воздействия огня.

«Яма 3» была выявлена в северо-восточном углу раскопа (квадрат 5) на уровне 1-го горизонта в виде пятна глины. Часть ее оказалась за пределами раскопа. Она представляла собой прямоугольную в плане ямку размером 18×19 см со слегка сужающимися к основанию стенками, глубина от уровня материка – 16 см. Находок не содержала. Изученный объект, вероятно, является столбовой ямой. Прак-

Рис. 6. Раскоп VII, квадрат 1. Хозяйственное сооружение в процессе выборки заполнения. Вид с запада.

Fig. 6. Dig VII, square 1. The filling of a household structure is taken out. View from the west.

тически на одной линии с данным объектом в 310 см к югу в профиле восточной стенки раскопа были зафиксированы очертания другой столбовой ямы шириной 20 см.

«Яма 4» округлой в плане формы, располагавшаяся в пределах квадрата 2, примыкала к западной стенке раскопа. Не менее половины ее оказались за пределами раскопа. Зафиксированные размеры – 45×21 см, глубина от уровня материка – 8 см. В заполнении «ямы 4» встречены мелкие кости животных.

Наибольший интерес из выявленных в раскопе VII объектов представляет хозяйственное сооружение, обнаруженное при зачистке поверхности после снятия 2-го горизонта в пределах квадрата 1. На фоне материковой глины отчетливо проявились очертания сооружения прямоугольной в

плане формы со скругленным углом. Размеры сооружения на момент выявления составляли 160×100 см. В процессе расчистки заполнения сооружения выяснилось, что значительная его часть (возможно, даже большая) оказалась за пределами раскопа и продолжалась в восточном направлении. Разборка заполнения сооружения производилась по секторам условными горизонтами в 20 см. Выявленное сооружение было разделено на два равных сектора – западный и восточный. Первоначально культурный слой выбирался в западном секторе (рис. 6). После полной выборки заполнения в пределах западного сектора началась разборка восточного сектора. Глубина сооружения от уровня выявления – 89 см. На уровне «пола» ширина сооружения не превышала 80 см. Несмотря на то, что рассматриваемое

сооружение было изучено лишь частично, с учетом полученных данных, можно предположить, что оно представляет собой хозяйственное сооружение (возможно, яму-погреб) прямоугольной в плане формы с отвесными стенками и плоским дном. С южной стороны, возможно, располагался приступок.

С данным сооружением связано большое количество находок. В его заполнении встречено 1559 фрагментов керамики (гончарной – 1343 (86,15%), лепной и подправленной на круге – 216 (13,85%)), металлургических шлаков – 123, костей животных – 2520. К числу индивидуальных находок относятся осколок оконного (?) стекла, лазуритовая бусина, железная гирька, обломок медного сосуда, кремальный кремьнь.

Всего в пределах раскопа VII было выявлено 6540 фрагментов керамики (гончарной – 5902 (90,25%), лепной и подправленной на круге – 631 (9,65%)), 420 мелких фрагментов железистых шлаков, 10395 фрагментов костей животных.

Керамический комплекс из раскопа VII требует дополнительного исследования, поэтому в данной статье, носящей предварительный характер, он будет охарактеризован в самых общих чертах.

Лепная и подправленная на круге керамика, представленная в материалах раскопа VII, в целом аналогична группам керамики, выделенным А.Ф. Кочкиной по материалам раскопов I и III Краснослюдюковского I городища (Кочкина, 2007, с. 58).

В коллекции имеются фрагменты горшков с шамотным тестом, по внешнему краю венчиков которых имеются пальцевые вдавления (II этно-

культурная группа по классификации Т.А. Хлебниковой). Исследователи связывают данную группу керамики с огузо-печенегами (Кокорина, 2002, с. 22).

Среди материалов раскопа имеются также фрагменты лепной круглодонной посуды преимущественно раковинного теста с гребенчато-шнуровой орнаментацией (VII группа по классификации Т.А. Хлебниковой). Данная группа керамики связывается с угорским компонентом в составе населения Волжской Булгарии (Кокорина, 2002, с. 24). Из заполнения хозяйственного сооружения (раскоп VII, квадрат 1) происходят фрагменты лепного круглодонного сосуда с толченой раковиной в глиняном тесте. Реконструируемый диаметр горловины у венчика – 14 см. Скошенный внутрь край венчика орнаментирован оттисками гребенчатого штампа. Шейка сосуда орнаментирована тремя парными горизонтальными веревочными оттисками, верхняя часть тулова – оттисками «личинковидного» штампа, образующими «елочку».

Из нижнего заполнения сооружения происходят два венчика лепных горшков с волнистым орнаментом по плечу. Форма горла у первого фрагмента раструбообразная, край венчика скошен наружу. У второго фрагмента край венчика закругленный. Рассматриваемые фрагменты керамики имеют определенные черты сходства с керамикой XI этнокультурной группы (по классификации Т.А. Хлебниковой) салтово-маяцких истоков.

Общеповолжская керамика гончарного производства представлена фрагментами различных форм. Преобладают сосуды горшковидной и кувшинообразной форм. По форме вен-

чиков выделяются корчаги. Керамика специального назначения представлена фрагментами светильников. В заполнении хозяйственного сооружения (квадрат 1) найден почти полный развал тувака. Высота сосуда 16,4 см, диаметр горловины увенчика – 14,2 см, диаметр дна – 8 см. Лощение отмечено у 28,6% фрагментов гончарной керамики.

Особую группу гончарной керамики составляют фрагменты поливных сосудов, представленные на раскопе VII семью находками: керамическим предметом (вероятно, ручкой сосуда) с зеленой (зелено-коричневой) поливой (рис. 9: 9); фрагментом чаши, покрытой желто-коричневой поливой с темно-коричневыми и зелеными вкраплениями (рис. 9: 10); стенкой сосуда со светло-бежевой поливой; двумя стенками сосудов с зелено-коричневой поливой; венчиком сосуда с поливой желтовато-зеленого оттенка; ручкой светильника со следами поливы зеленого цвета.

К числу гончарных изделий относятся два усеченно-биконических выпуклых пряслица красновато-коричневого и серовато-коричневого цвета. Диаметр поверхности первого пряслица – 21 мм, диаметр ребра – 25,1 мм, диаметр отверстия – 8 мм, высота – 18,7 мм. Реконструируемый диаметр поверхности второго пряслица, сохранившегося наполовину, равен 22 мм, диаметр ребра – 27,4 мм, диаметр отверстия – 8 мм, высота – 14 мм.

К изделиям из железа относятся предметы вооружения, орудия повседневного труда, торговые весовые гири.

Предметы вооружения представлены двумя железными наконечниками

стрел долотовидной формы с упором. Оба наконечника имеют следы сильной коррозии, черешки их обломаны. У одного из наконечников наибольшее расширение приходится на верхнюю часть пера (рис. 7: 1). Сечение пера – прямоугольное. Режущая кромка треугольная. Длина пера – 42,5 мм, максимальная ширина – 10 мм. Черешок прямоугольного сечения (3,5×4 мм). У второго наконечника объем головки увеличивается в нижней части и уменьшается в верхней (к режущей кромке) (рис. 7: 2). Режущая кромка плоская. Длина пера – 34 мм, длина головки – 18 мм. Сечение головки в нижней части – 10×7 мм. Шейка (6,5 мм) коническая. Черешок круглого сечения (3 мм).

К предметам повседневного труда и быта относится шило с уплощенным и несколько расширенным черенком, ромбовидным перекрестьем и квадратным в сечении острием (рис. 7: 4). Общая длина изделия – 81,5 мм, длина острия – 55 мм.

Среди индивидуальных находок из раскопа VII представлены: звено цепи (рис. 7: 3), два гвоздя длиной 21,9 и 37,1 мм с Г-образной в сечении и подпрямоугольной в плане шляпкой (рис. 7: 5, 6), фрагмент скобы (рис. 7: 7). Одно из железных изделий (рис. 7: 8), возможно, является фрагментом лодочной (ластильной) скобы эллиптической формы.

Торговый инструментарий составляют пять железных весовых гирек двух вариантов: в форме прямоугольного параллелепипеда (весом 5,06, 5,21 и 5,84 г) (рис. 8: 3–5) и кубической формы (14,23 и 14,64 г) (рис. 8: 1, 2).

Детали одежды и украшения представлены бронзовым со следами позолоты и эмали ремненным наконеч-

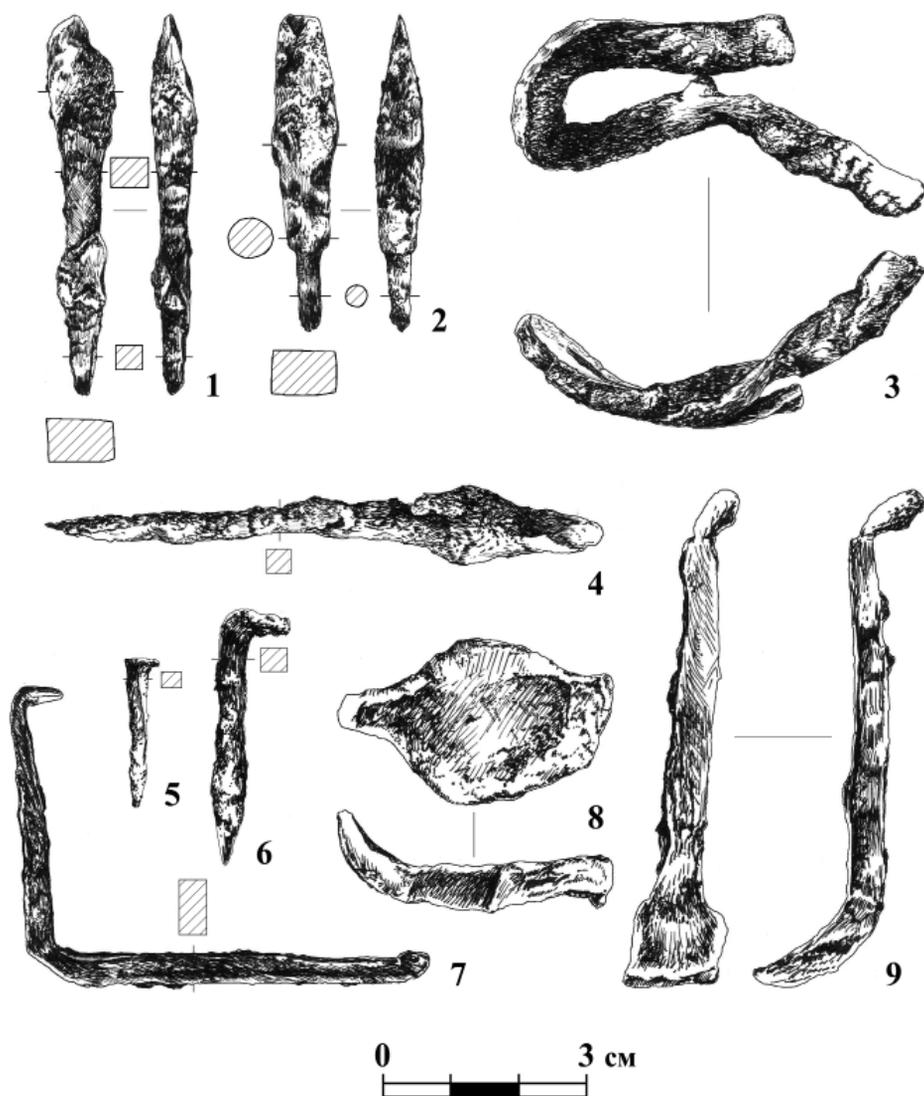

Рис. 7. Раскоп VII. Изделия из железа. 1, 2 – наконечники стрел (1 – кв. 4, гор. 1; 2 – кв. 1, гор. 2); 3 – звено цепи (кв. 2, гор. 1); 4 – шило (кв. 1, гор. 2); 5, 6 – гвозди (5 – кв. 4, гор. 2; 6 – кв. 1, гор. 2); 7 – скоба (кв. 4, гор. 1); 8 – скоба лодочная (?) (кв. 1, гор. 1); 9 – изделие неизвестного назначения (кв. 1, гор. 2).

Fig. 7. Dig VII. Iron items. 1, 2 – arrow heads; 3 – a link in the chain; 4 – awl; 5, 6 – nails; 7 – clamp; 8 – boat (?) clamp; 9 – item of unknown use.

ником фигурной формы (рис. 9: 7), бусинами из лазурита (рис. 9: 1), сердолика (рис. 9: 2) и стекла (рис. 9: 3).

Литой бронзовый с позолотой наконечник крепился к ремню с помо-

щью двух штифтов. Его размеры – $43 \times 13,3 \times 2,8$ мм. Верхний край наконечника прямой и оформлен в виде треугольника, нижний – имеет округлый выступ. Центральную

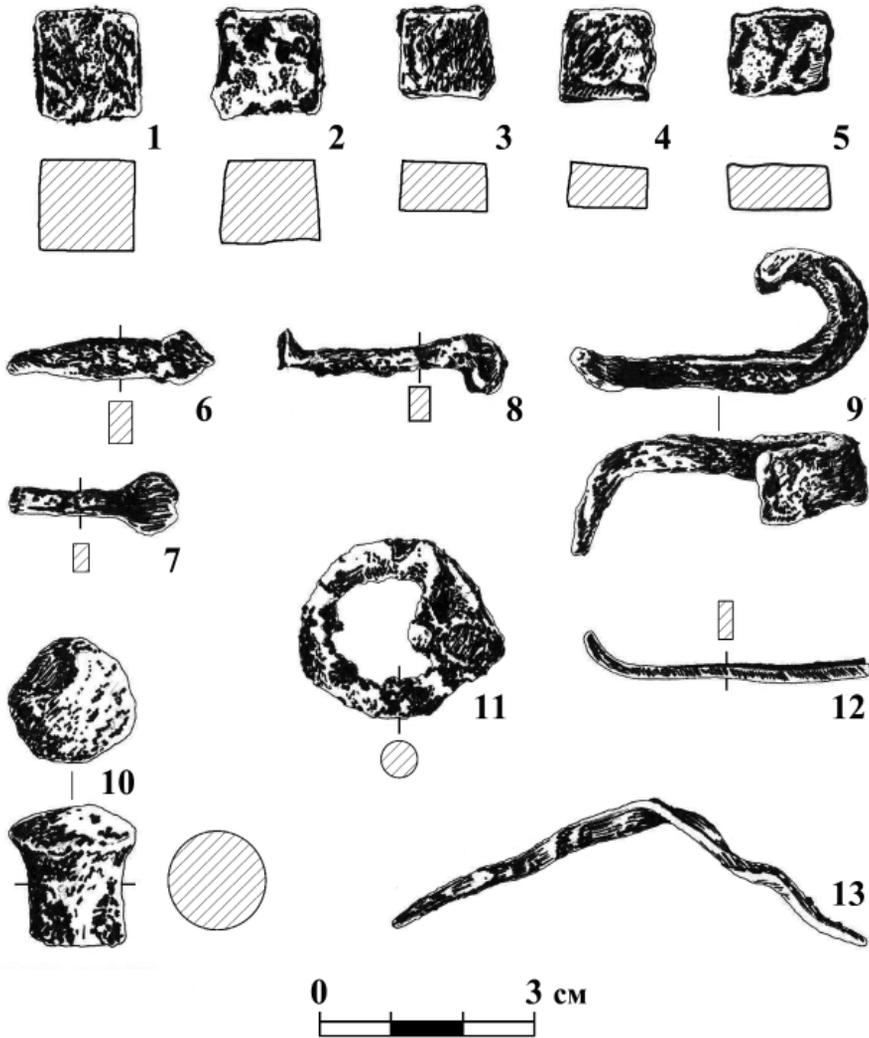

Рис. 8. Раскоп VII. Изделия из железа (1–11, 13) и медного сплава (12).
 1–5 – весовые гирьки (1 – кв. 5, гор. 1, вес – 14,64 г; 2 – кв. 1, соор. 5, вес – 14,23 г;
 3 – кв. 3, гор. 1, вес – 5,21 г; 4 – кв. 4, гор. 1, вес – 5,06 г; 5 – кв. 4, гор. 1, вес – 5,84 г);
 6–7 – изделия неизвестного назначения (6 – кв. 2, гор. 1; 7 – кв. 5, гор. 1); 8 – язычок пряжки (кв. 3, гор. 1); 9–10 – изделия неизвестного назначения (9 – кв. 3, гор. 1;
 10 – кв. 2, гор. 1); 11 – кольцо пряжки (кв. 5, соор. 5); 12–13 – изделия неизвестного назначения (12 – кв. 3, гор. 1; 13 – кв. 1, гор. 2).

Fig. 8. Dig VII. Iron items (1–11, 13) and copper alloy (12).
 1–5 – weights; 6–7 – item of unknown use; 8 – buckle tongue; 9–10 – items of unknown use;
 11 – buckle ring; 12–13 – items of unknown use.

часть орнаментальной композиции составляют три соединенных между собой ячейки сердцевидной формы, в центре которых расположены трехлепестковые цветки. Внутри ячеек со-

хранились следы эмали. Ближайшей аналогией наконечнику (по технике исполнения и орнаментации) является ременная накладка, происходящая из «кладоискательских» сборов с тер-

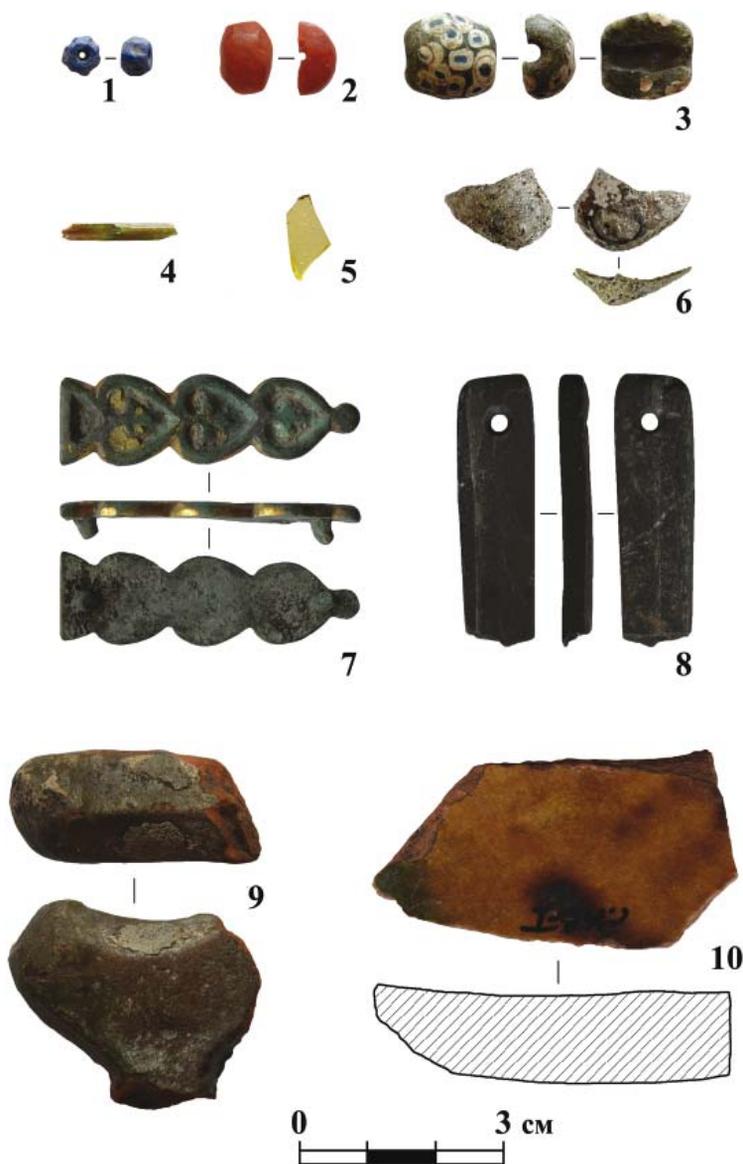

Рис. 9. Раскоп VII. Изделия из лазурита (1), сердолика (2), стекла (3–6), бронзы (7), сланца (8), поливная керамика (9, 10). 1–3 – бусины (1 – кв. 2, гор. 1; 2 – кв. 1, соор. 5; 3 – кв. 4, гор. 1); 4–6 – фрагменты стеклянных изделий (4 – кв. 4, гор. 1; 5 – кв. 1, соор. 5; 6 – кв. 3, гор. 2); 7 – ременный наконечник (9 – кв. 5, гор. 1); 8 – оселок (кв. 3, гор. 2); 9 – ручка (?) сосуда (кв. 5, гор. 1); 10 – стенка сосуда (кв. 3, гор. 1).

Fig. 9. Dig VII. Lazuli items (1), carnelian (2), glass (3–6), bronze (7), slate (8), glazed ceramics (9, 10). 1–3 – beads; 4–6 – fragments of glass items; 7 – belt tip; 8 – whet stone; 9 – handle (?) of a vessel; 10 – wall of a vessel.

ритории Староалейкинского городища, расположенного всего в 3,5 км к югу-востоку от Красносундюковского I городища.

К изделиям из ювелирно-поделочных камней относятся бусины из лазурита (высота – 4,3 мм, диаметр – 5,7 мм) и сердолика (высота – 7,9 мм, диаметр – 11 мм).

Датирующей находкой является круглая в поперечном сечении бусина с черной основой и слоисто-щитковыми глазками, расположенными диагональными рядами (рис. 9: 3). Каждый глазок состоит из четырех слоев: внутри синее ядро, потом белый, коричневый и еще раз белый. Высота бусины – 13,7 мм, диаметр – 12,7 мм. Бусины данного типа являются, вероятно, продукцией ближневосточных мастерских (Калмер, 2000, с. 56). Бусины со слоисто-щитковыми глазками получают широкое распространение как в Западной, так и в Восточной Европе с VIII–IX вв., доживая до XII в. В Биляре подобные бусины происходят из культурных напластований, датируемых концом XI – началом XII в. (Валиулина, 2005, с. 98–99). Аналогичные бусины представлены среди материалов домонгольского времени, происходящих с территории Казанского кремля (Ситдииков, 2006, рис. 143а: 20, 25), а также Сенгилеевского поселения, расположенного в правобережье Ульяновской области (Гисматулин, Крылов, 2012, с. 299, рис. 13: 3).

К числу стеклянных изделий, происходящих из раскопа VII, также относятся полая трубочка (пронизка?) круглого сечения (рис. 9: 4), осколок стекла (рис. 9: 5) и небольшой фрагмент донца сосуда (рис. 9: 6). Полая трубочка из зеленого полупрозрачного стекла обломана и сохранилась в

длину 17,5 мм, ее диаметр – 2,7 мм. Осколок стекла светло-зеленого цвета с видимыми пузырьками воздуха имеет толщину 2,1 мм. Поверхность стекла ровная, блестящая, без патины. Поверхность сосуда из бесцветного стекла сильно патинизирована, с внутренней стороны донца имеется след понтии. Толщина стенок сосуда – 1,2 мм.

Изделия из медных сплавов представлены обломками пластин, проволокой. Особо отметим небольшой фрагмент медного сосуда размером 27,5×24,7×3,6 мм с зубчатой кромкой для крепления «в зубец».

К числу индивидуальных находок из раскопа VII относятся также сланцевое точило (рис. 9: 8) и астрагал животного с просверленным отверстием.

Насыщенность культурных напластований в пределах раскопа VII является, на наш взгляд, свидетельством интенсивной жизнедеятельности в исследуемой части городища. Присутствие в материалах раскопа VII значительного количества археологических артефактов, связанных с ремеслом (металлургический шлак, обрезки медных пластин и т.д.) и торговлей (весовые гирьки) позволяет предположить, что проживавшее здесь население могло иметь отношение к ремесленной деятельности и торговле.

Остеологическая коллекция из раскопов VI и VII была исследована старшим научным сотрудником Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ к.в.н. Г.Ш. Асылгараевой.

Всего с раскопов VI и VII диагностировано 10599 костных фрагментов. Кости представлены кухонными остатками домашних животных.

На раскопе VI диагностировано всего 73 костных фрагмента. Основная часть археозоологического ма-

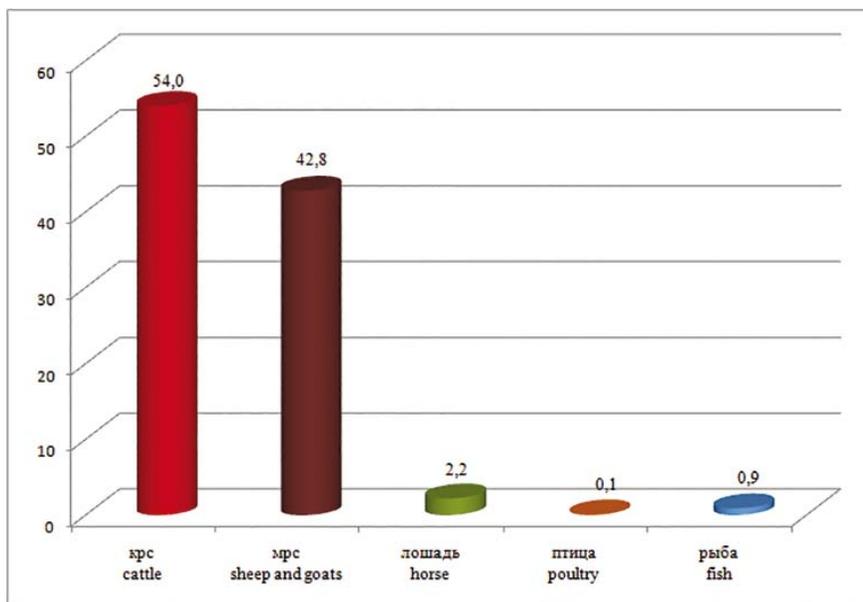

Рис. 10. Видовой состав животных из раскопа VII.

Fig. 10. The species composition of animals from dig VII.

териала происходит с раскопа VII – 10526 костных фрагментов, поэтому основные выводы сделаны на основе коллекции раскопа VII (до вида определено 1382 кости).

Сохранность археозоологического материала из раскопов очень плохая, поверхностный слой костей сильно нарушен и оценивается в 1–2 балла по пятибалльной шкале, неопределимая часть коллекции составляет 86,8%. Количество фрагментов, определяемых до вида – 1401 (раскоп VI – 19 фрагментов, раскоп VII – 1382 фрагмента), что составляет 13,2% от общего числа фрагментов. Индекс раздробленности костей колеблется в пределах от 80 до 100 обломков на 1 дм³. Средний его показатель приближается к 90 фрагментам на 1 дм³.

Таксономическое (видовое) определение костных остатков раскопа VII дало следующие виды домашних животных: крупный рогатый скот,

мелкий рогатый скот, лошадь. Они составляют наибольшую часть в остеологическом спектре данного раскопа – 99,0%. Остатки диких млекопитающих на данном раскопе не выявлены. Кости птицы и рыбы составляют очень небольшие доли в остеологических остатках – 0,1 и 0,9% соответственно. Кости свиньи не диагностированы (рис. 10).

В остеологическом спектре домашних копытных первое место со значительным преимуществом занимает крупный рогатый скот – 54,0%. Затем следуют мелкий рогатый скот (42,8%), далее – лошадь (2,2%).

Кухонными остатками являются кости всех копытных, встречены следы искусственного, «кухонного», воздействия: порубы острым краем тяжелого металлического орудия (топор, мясницкий нож), дробление, воздействие открытого огня или высокой температуры (немногочислен-

ны). Кости лошади, судя по степени раздробленности и следам искусственного воздействия, имеют и кухонное и некухонное происхождение: по-видимому, это животное широко применялось в городском хозяйстве, но в пищу использовалось изредка. При пересчете количества костей на мясное потребление видно, что в рационе местного населения преобладали говядина и баранина.

В заполнении хозяйственного сооружения, исследованного на раскопе VII, были выявлены фрагмент раковины пресноводного двусторчатого моллюска из рода Перловицы (*Unio Philipsson*, 1788), а также тело позвонка, со срезанными остистыми отростками и рукотворным сквозным отверстием в кранио-каудальном направлении, принадлежащее предположительно особи обыкновенной щуки *Esox lucius* (Linnaeus, 1758) возрастом около 10 лет (определение к.б.н., доцента УлГУ Д.Ю. Семенова).

В пределах квадрата 1 на уровне 1-го горизонта был также найден осколок окаменелого дерева размером

39×18×12 мм (определение к.б.н., заведующего сектором «Палеонтологическая галерея» УОКМ И.М. Стеньшина).

Проведенные летом 2014 г. археологические исследования позволили уточнить данные о планиграфии Краснослюдюковского I городища. Многочисленные и разнообразные археологические находки, выявленные в результате раскопок, дополняют наши представления о материальной культуре населения провинциального болгарского города домонгольского периода (X – первая треть XIII в.).

Охранные исследования на территории Краснослюдюковского I городища планируется продолжить. Актуальной проблемой является сохранение плинфовой бани домонгольского периода, впервые изученной в 1991 г. Первоочередной задачей представляется разработка проекта реставрации этого уникального объекта археологического наследия, дальнейшая судьба которого вызывает тревогу, т.к. в настоящее время памятник находится на грани полного уничтожения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буров Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь, 1977 / Научный архив УОКМ. Д. 858. 491 с.
2. Валулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.
3. Гисматулин М.Р., Крылов Ю.В. Материальная культура средневекового Сengiлеевского поселения // Краеведческие записки. Вып. 15 / Ред. совет: Ю.К. Володина, О.Е. Бородина, В.И. Лосева и др. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 285–304.
4. Калмер Й. Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июня 1999 года / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 54–58.
5. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.

6. *Кочкина А.Ф.* Города Волжской Болгарии X – начала XIII вв. в системе расселения (на материалах Свяязско-Кильненского междуречья) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 2. Славянский средневековый город / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Издательство НПБО «Фонд археологии», 1997. С. 180–187.
7. *Кочкина А.Ф.* Проблемы изучения региональных особенностей археологических памятников Волжской Болгарии X–III вв. // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 55–62.
8. *Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Археологические исследования на I Красносундюковском городище в 1991 г. // Археологические исследования в Поволжье. Межвузовский сборник статей / Ред. Н.А. Волынкина. Самара: Изд-во Самарский университет, 1993. С. 183–218.
9. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1900. 63 с.
10. *Семыкин Ю.А.* Исследование бани на I Красносундюковском городище // Археологические исследования в Поволжье: Межвузовский сборник статей / Ред. Н.А. Волынкина. Самара: Изд-во Самарский университет, 1993. С. 219–230.
11. *Семыкин Ю.А., Лежайкин В.И.* Археологические исследования Красносундюковского I городища // Краеведческие записки / Отв. ред. Ю.К. Володина. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2005. С. 11–26.
12. *Ситдииков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ООО Фолиантъ, 2006. 288 с.: ил.
13. *Степанов П.Д.* Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 221–272.
14. *Фахрутдинов Р.Г.* Исследования болгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.) // СА. 1981. № 1. С. 243–260.
15. *Фахрутдинов Р.Г.* Классификация и типология болгарских городищ // СА. 1990. № 4. С. 68–84.
16. *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 408 с.

Информация об авторах:

Гисматулин Марат Рашитович, заведующий отделом истории, Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия); gismatu@yandex.ru

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; заведующий отделом археологии, НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина (г. Ульяновск, Россия); semiku@mail.ru

Горбунов Николай Алексеевич, ассистент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск, Россия); barbamin@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

KRASNOYE SYUNDYUKOVO I FORTIFIED SETTLEMENT: INVESTIGATION IN 2014

M.R. Gismatulin, Yu.A. Semykin, N.A. Gorbunov, G.Sh. Asylgaraeva

The article devoted to the results of new investigations of Krasnoye Syundyukovo I fortified settlement situated on the right bank of the Sviyaga river in the Ulyanovsk region. The

site is one of the pre-Mongol towns of the Volga Bulgaria. A brick bath-house built in the 11th – 12th is its most well-known structure studied in 1991. Archaeological investigation of this site resumed in the summer of 2014. Two digs of 60 m² (number VI and VII) were organized on the territory of the settlement. Dig VII in the western part of the settlement yielded a household structure (cellar) and numerous and various finds typical for the material culture of the population of a pre-Mongol Bulgar town: local ceramics, metal ware, as well as residues and slag, fragments of clothing and garnishment, etc. Dig VII had a significant number of artefacts associated with crafts and trade, which characterizes the activities of the population.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Volga Bulgaria, medieval town, archaeological studies, ceramics, metal ware, glass.

REFERENCES

1. Burov, G. M. 1977. *Arkheologicheskaja karta Ul'ianovskoi oblasti (Archaeological Map of the Ulyanovsk Oblast)*. Simferopol. Scientific archive of the Museum of Local Studies of the Ulyanovsk Oblast. Dossier 858. (in Russian).
2. Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
3. Gismatulin, M. R., Krylov, Yu. V. 2012. In Volodina Yu. K., Borodina O. E., Loseva V. I. et al. (ed. board). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 15. Ul'ianovsk: "Korporatsiia tekhnologii proizvodneniia" Publ., 285–304 (in Russian).
4. Callmer, J. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Kazan': vozniknovenie i razvitie (Medieval Kazan: Appearance and Development)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 54–58 (in Russian).
5. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
6. Kochkina, A. F. 1997. In Sedov, V. V. (ed.). *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology)* 2. *Slavianskii srednekovyi gorod (The Slavic Medieval Town)*. Moscow: "Fond arkheologii" Publ., 180–187 (in Russian).
7. Kochkina, A. F. 2007. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). *Srednevekovaia arkheologija evrazijskikh stepei: Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress)* II. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 55–62 (in Russian).
8. Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 1993. In Volynkina, N. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara State University Publ., 183–218 (in Russian).
9. Polivanov, V. N. 1900. *Arkheologicheskaja karta Simbirskoi gubernii (Archaeological Map of the Simbirsk Province)*. Simbirsk: Typo-lithography of A. T. Tokarev Publ. (in Russian).
10. Semykin, Yu. A. 1993. In Volynkina, N. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara State University Publ., 219–230 (in Russian).

11. Semykin, Yu. A., Lediaikin, V. I. 2005. In Volodina, Yu. K. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)*. Ul'ianovsk: "Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia" Publ., 11–26 (in Russian).
12. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
13. Stepanov, P. D. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 221–272 (in Russian).
14. Fakhrutdinov, R. G. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 243–260 (in Russian).
15. Fakhrutdinov, R. G. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 68–84 (in Russian).
16. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv. (Bulgar Town in 10th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Gismatulin Marat R. Ulyanovsk regional museum of local lore named after I.A. Goncharov. Novy Venets Bd., 3/4, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation; gismatu@yandex.ru

Semykin Yuriy A. Candidate of Historical Sciences, docent. Ulyanovsk State Pedagogical University after I.N. Ulyanov. V.I. Lenin 100th Anniversary Square, 4, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation; Research Institute of History and Culture N.M. Karamzin. I.A. Goncharov St., 13/91a, Ulyanovsk, 432000, Russian Federation; semiku@mail.ru

Gorbunov Nikolay A. Ulyanovsk State Pedagogical University after I.N. Ulyanov. V.I. Lenin 100th Anniversary Square, 4, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation; barbamin@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья поступила в номер 27.10.2016 г.

УДК 737

ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ И НАХОДОК ВОСТОЧНОГО И БУЛГАРСКОГО СЕРЕБРА

© 2016 г. Д.Д. Салахов

Публикуется обновленная топография находок восточного монетного серебра и болгарских подражаний им, обнаруженных на землях Волжской Булгарии и сопредельных территориях. Составлены три карты топографий кладов IX, X и XI вв., а также карта расположения монетных находок в раннебулгарских и древнемарийских могильниках. Их анализ показывает, что пик обращения куфических монет на территории Волжской Булгарии и землях, находящихся под ее экономическим влиянием, падает на X в. Топография кладов выявила три центра накопления денежной массы: территория собственно Волжской Булгарии, Поочье и север современной Республики Удмуртия. Приводятся также новые данные о найденных в Среднем Поволжье монетах эмиров Волжской Булгарии.

Ключевые слова: археология, нумизматика, Поволжье, Волжская Булгария, торговые связи, Великий Волжский путь, могильники, клады монет, монетные слитки, серебро.

Великий Волжский путь – северное ответвление Великого шелкового пути – издавна был важной торговой артерией, соединявшей южные и юго-восточные страны с Центральной и Северной Европой. Как и другие производные вещи, они оплачивались местным товаром, в основном пушниной. Монеты являлись пользовавшимся большим спросом товаром, служившим для одноразового обмена. Часто приобретающий монету человек больше с нею до смерти не расставался, и ее клали в могилу вместе с его личными вещами (Мухамадиев, 1990, с. 20–21).

В V–VII вв. в Поволжье доставляются сасанидские монеты, а далее омеядские и аббасидские, однако пика своего Великий Волжский путь достиг лишь в X в., когда через Волжскую Булгарию, возникшую в Сред-

нем Поволжье в конце IX в., Древняя Русь, страны Прибалтики и Скандинавия получали огромное количество восточных монет. К IX, X и началу XI вв. в Восточной Европе относится большинство кладов и отдельных находок. Этим же периодом датируются могильники, в погребениях которых встречаются восточные монеты.

Под Волжской Булгарией и сопредельными территориями подразумеваются следующие административно-территориальные единицы: Республики Татарстан, Чувашия, Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Ульяновская, Самарская, Пензенская, Нижегородская, Рязанская области и Пермский край.

В данной статье мы предлагаем новый вариант топографии восточных монет и слитков на землях Волжской Булгарии и сопредельных территорий

с учетом новых, собственно болгарских монет, чеканенных от имени ее эмиров.

Вопрос создания топографии восточных монет и слитков не новый в нашей историографии: пионером в этой области нумизматики выступил Х.Д. Френ, который в 1841 г. издал сведения о 39 находках, сделанных в пределах Российской империи (Fraehn, 1841, с. 301–332). В 1844 г. в «Записках Одесского общества истории и древностей» была напечатана статья В.В. Григорьева «О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древней отечественной истории» (Григорьев, 1844, с. 115–166). В 1847 г. подобного рода работа вышла из-под пера П.С. Савельева. Она называлась «Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России...», где кроме материала Х.Д. Френа содержались и новые данные (Савельев, 1847).

Наиболее полной на начало XX в. можно считать топографию монет, составленную А.К. Марковым. Она стала основой для последующих нумизматов. Автором учтено 384 клада, которые были обнаружены на территории Российской империи (Марков, 1910, 149 с.).

В начале советской эпохи Р.Р. Фасмер поставил задачу составления новой топографии восточных монет. «Интересуясь данным вопросом уже более 15 лет и собирая в течение всего этого времени сведения о находках куфических монет, я собрал сведения о 750 находках, сделанных в пределах России, – писал он... – Материал увеличился почти в два раза и опять встает вопрос об издании новой то-

пографии...» (Фасмер, 1933, с. 475). Ранее Р.Р. Фасмер издавал свои дополнения по топографии в «Сообщениях ГАИМК» (Фасмер, 1925, с. 287–308).

В последующем топографию восточных монет составляли такие знаменитые нумизматы, как Г.А. Федоров-Давыдов и В.В. Кропоткин. Г.А. Федоров-Давыдов изучал монеты Дубовского могильника и продолжал издание новых данных по топографии восточных монет (Федоров-Давыдов, 1985, с. 45). В.В. Кропоткиным, который кроме составления топографии вел подсчет монет, чеканенных эмирами Волжской Булгарии, на 1986 год было учтено 600 болгарских монет, 41 из которых обнаружена на территории бывшего СССР (Кропоткин, 1986, с. 38).

На сегодняшний день составлением топографии восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты, занимается А.А. Гомзин (Гомзин, 2012).

Составлением же топографий монетных слитков начали заниматься гораздо позднее. Первым в этой области был А.А. Ильин. Его работа «Топография кладов серебряных и золотых слитков» увидела свет в 1921 г. К этой работе прилагались и карты находок серебряных и золотых слитков найденных в Европе (Ильин, 1921). Топография А.А. Ильина легла в основу исследования Н.П. Бауера, который обогатил топографию слитков новыми местонахождениями и перевел весовые данные в метрическую систему. Работа Н.П. Бауера впервые вышла в 1929 и в 1930 гг. на страницах венского «Нумизматического обозрения», а на русском языке лишь в 2011 году (Бауер, 2011). В 1995 г.

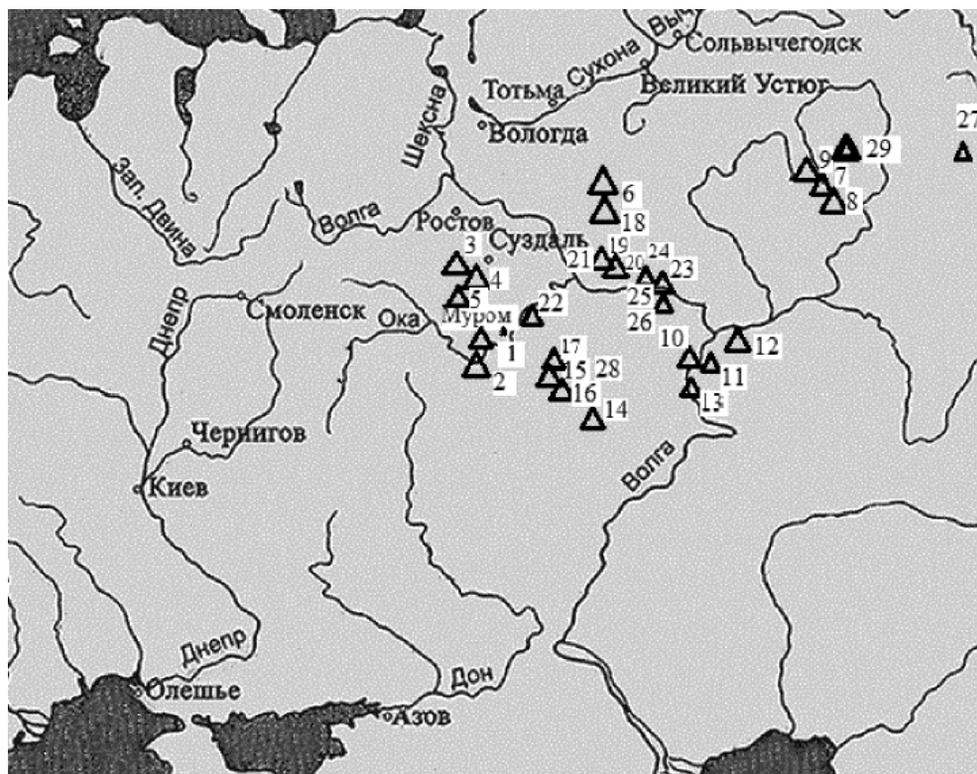

Рис. 1. Монеты, найденные в могильниках и курганах

- 1 – с. Максимовка; 2 – Муромский; 3 – курганы в Суздальском уезде; 4 – с. Гнездиловка; 5 – Малышевский могильник; 6 – могильник «Кузинские хутора»; 7 – Чешмай; 8 – Качкашур; 9 – Чем-Шай; 10 – Большие Тарханы; 11 – Танкеевка; 12 – Большетиганский; 13 – Кайбельский; 14 – Армиево; 15 – с. Шокша; 16 – с. Журавкино; 17 – с. Шокша; 18 – с. Семеново; 19 – Русенихинский могильник; 20 - Русенихинский могильник; 21 - Русенихинский могильник; 22 – Вячский район; 23 – с. Дубовское; 24 – Нижняя Стрелка; 25 – Выжумский; 26 – Анаткасинский; 27 – Сухой Лог; 28 – Красный Восток; 29 – Мыдлань-Шай.

Fig. 1. Coins found in burial grounds and kurgans:

- 1 – Maksimovka village; 2 – Muromsky; 3 – barrows in the Suzdal district; 4 – Gnezdilovka village; 5 – Malyshevka burial ground; 6 – “Kuzinskie khutora” burial ground; 7 – Cheshmay; 8 – Kachkashur; 9 – Chem-Shay; 10 – Bolshie Tarkhany; 11 – Tankeevka; 12 – Bolshie Tigany; 13 – Kaybely; 14 – Armievo; 15 – Shoksha village; 16 – Zhuravkino village; 17 – Shoksha village; 18 – Semenovo village; 19 – Rusenikha burial ground; 20 – Rusenikha burial ground; 21 – Rusenikha burial ground; 22 – Vyachsky district; 23 – Dubovskiy village; 24 – Nizhnyaya Strelka; 25 – Vyzhum; 26 – Anatkasy; 27 – Sukhoy Log; 28 – Krasny Vostok; 29 – Mydlan-Shay.

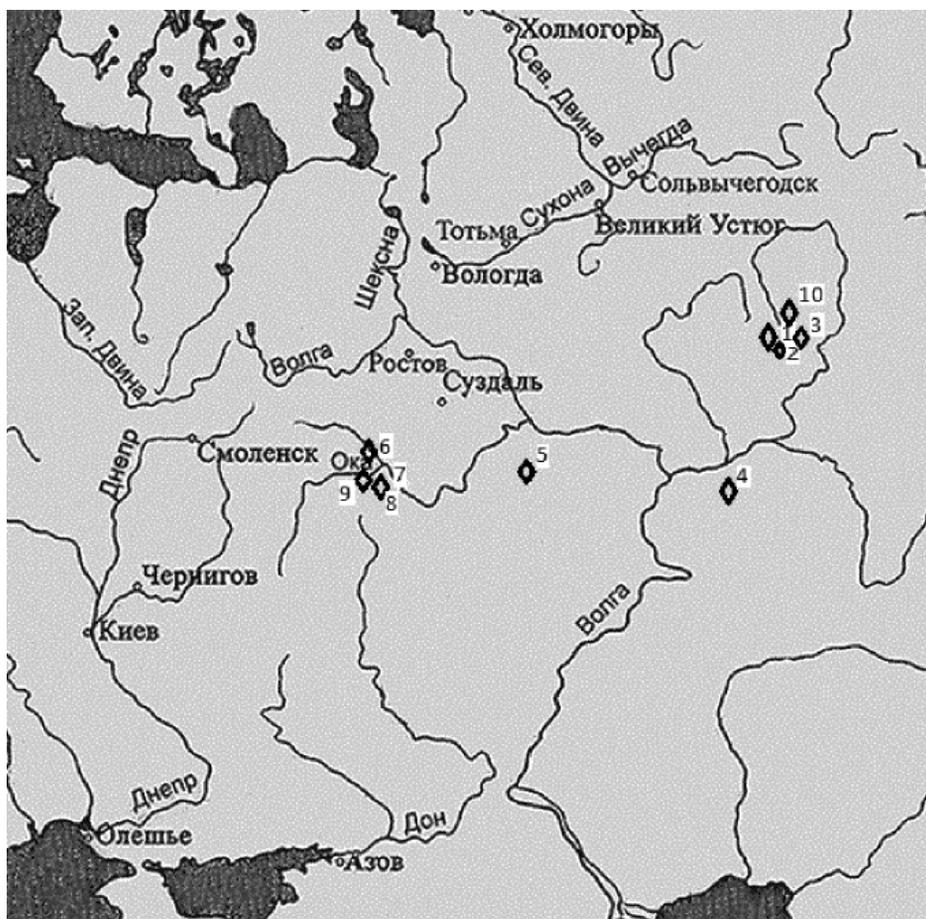

Рис. 2. Топография кладов монет IX в.

- 1 – г. Глазов; 2 – Кестымская; 3 – р. Чепца; 4 – Элмед; 5 – Нижегородская область;
6 – с. Железнице; 7 – г. Рязань; 8 – Рязанская губерния; 9 – Рязанская губерния,
10 – Омутницкий.

Fig. 2. Topography of hoards of coins, 9th century:

- 1 – Glazov town; 2 – Kestym; 3 – Cheptsa river; 4 – Elmed; 5 – Nizhegorodskaya oblast;
6 – Zheleznitse village; 7 – Ryazan city; 8 – Ryazan province; 9 – Ryazan province, 10 – Omutnitsky.

вышла работа Р.М. Валеева «Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв.», в которой кроме новой классификации слитков серебра, дается и обновленная их топография (Валеев, 1995).

Всего нами на изучаемой территории выявлено 146 мест нахождения восточных монет. Из этого количества: 47 кладов монет; 70 составляют

отдельные (единичные) находки монет и 29 комплексов монет, происходящих из могильников.

Могильники с восточными монетами разделяются на две группы: ранне-булгарские и древнемарийские. Из 29 могильников 7 относятся к концу VIII–IX вв., 19 – к X в. и 3 могильника – к XI в. (рис. 1). Могильники дают большое количество монет собственно

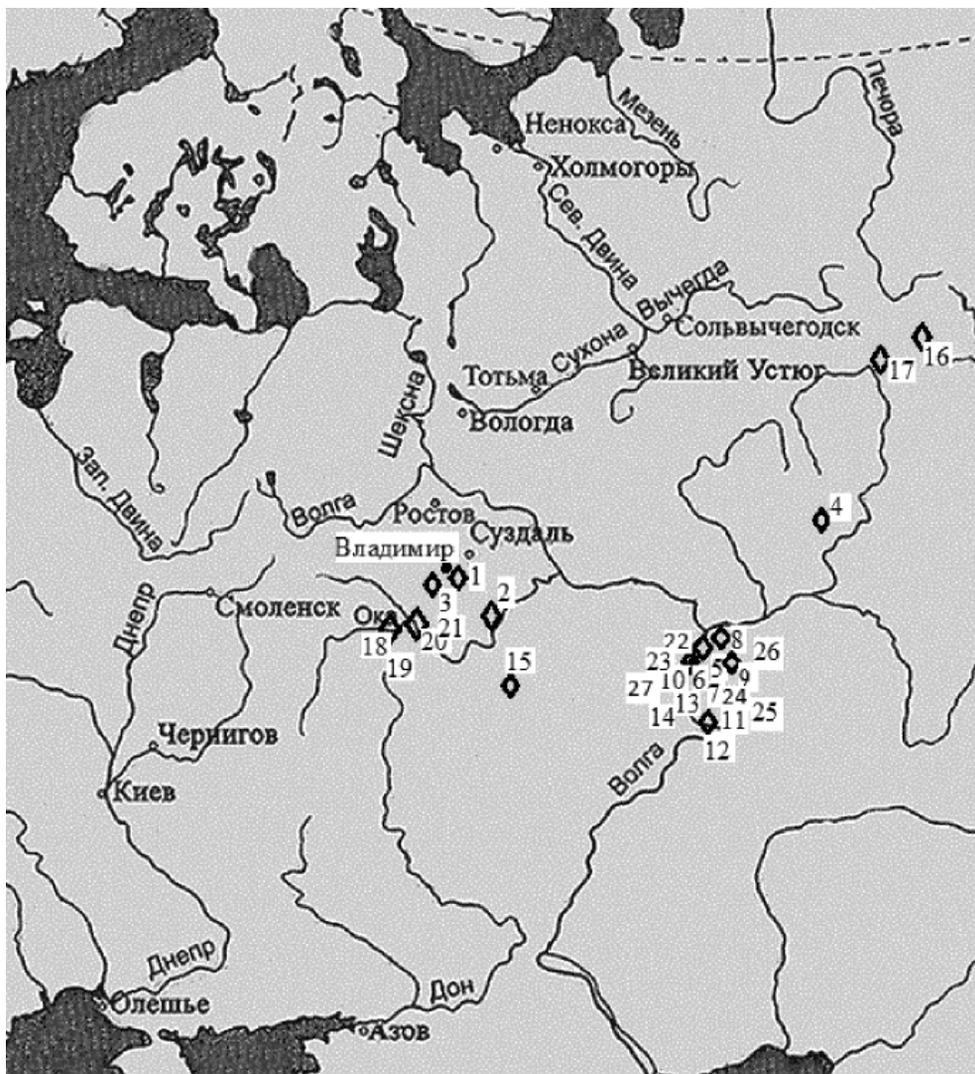

Рис. 3. Топография кладов X века

1 – г. Владимир; 2 – г. Муром; 3 – клад на р. Клязьма; 4 – д. Богдановка; 5 – г. Болгар;
 6 – с. Балымеры; 7 – с. Кокрять; 8 – Татарский Толкиш; 9 – с. Кузнечиха (Суварский
 клад); 10 – с. Даниловка; 11 – Ставропольский р-н; 12 – с. Мусорка; 13 – с. Матвеевка;
 14 – Русский Юрткуль; 15 – с. Седемски; 16 – д. Анинково; 17 – с. Горбунова;
 18 – с. Белый Омут; 19 – с. Белый Омут; 20 – г. Рязань; 21 – с. Борки; 22 – р. Актай;
 23 – р. Утка; 24 – с. Кузнечиха 2-ой клад; 25 – Русско-юрткульский клад; ;
 26 – Бураковский; 27 – Кокрять (2002 г.).

Fig. 3. Topography of hoards, 10th century:

1 – Vladimir city; 2 – Murom town; 3 – Klyazma river hoard; 4 – Bogdanovka village;
 5 – Bolgar town; 6 – Balymery village; 7 – Kokryat village; 8 – Tatarsky Tolkish; 9 – Kuznechikha
 village (Suvar hoard); 10 – Danilovka village; 11 – Stavropol district; 12 – Musorka village;
 13 – Matveevka village; 14 – Russky Yurtkul; 15 – Sedemski village; 16 – Aninkovo village;
 17 – Gorbunova village; 18 – Bely Omut village; 19 – Bely Omut village; 20 – Ryazan city;
 21 – Borki village; 22 – Aktay river; 23 – Utkha river; 24 – Kuznechikha village, 2nd hoard;
 25 – Russkiy-Yurtkul; 26 – Burakovo; 27 – Kokryat (2002).

Рис. 4. Топография кладов XI века

1 – д. Савково, Владимирская область; 2 – Чистопольский уезд, Казанская губерния; 3 – с. Семеновка РТ; 4 – с. Билярск, РТ; 5 – Крещеный Баран, РТ; 6 – Красная поляна, Ульяновская область; 7 – о. Семеновский, РТ; 8 – Старо-Альметьево, РТ.

Fig. 4. Topography of hoards, 11th century:

1 – Savkovo village, Vladimir oblast; 2 – Chistopol district, Kazan province; 3 – Semenovka village, Republic of Tatarstan; 4 – Bilyarsk village, Republic of Tatarstan; 5 – Kreshcheny Baran, Republic of Tatarstan; 6 – Krasnaya Polyana, Ulyanovsk oblast; 7 – Semenovka island, Republic of Tatarstan; 8 – Staro-Almetyevo, Republic of Tatarstan.

волжско-булгарской чеканки. Например, раскопки таких могильников как Дубовское, Нижняя Стрелка, Выжумское, Русенихинское дали нам 14 новых, чеканенных эмирами Волжской Булгарии монет и 1 – в виде имитации (фольга). Клад, найденный в 2010 г.

в д. Русский Юрткуль Старомайнского района Ульяновской области, содержал еще 6 монет, чеканенных от имени эмира Волжской Булгарии Микаила бен Джафара и «Микаила?» (Лебедев, 2012, с. 172–174). Осенью 2012 г. у с. Бураково Спасского р-на

РТ обнаружен клад, в котором находилось три монеты эмиров Волжской Булгарии: 2 – Микаила бен Джафара и 1 – Абдуллаха бен Тегина (Беговатов, 2014, с. 26–27). Таким образом, только за последние 25 лет на территории Среднего Поволжья в кладах и могильниках было найдено 26 новых монет эмиров Волжской Булгарии.

Нумизматические данные позволили дополнить картину и политической истории Волжской Булгарии конца X в. В 1999 г. была издана работа А.А. Молчанова, в которой говорилось об обнаружении монеты нового не известного ранее эмира Волжской Булгарии – Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г.х., т.е. 997–998 г. (Молчанов, 1999, с. 73–75).

Судя по рис. 1 (топография монет из могильников), можно сделать вывод о наличии системных товарно-денежных отношений между коренными народами, оставившими могильники с монетами, и соседними государствами – Хазарией, а в дальнейшем Волжской Булгарией.

Кладов на данной территории выявлено 47. Из них 10 кладов относятся к IX в. (рис. 2), 27 кладов к X в. (рис. 3), и 8 кладов к XI в. (рис. 4), и два клада без описания, найденные в XIX в.

Топография слитков нам дает следующую картину. На изучаемой нами территории выявлено 42 местонахождения серебряных слитков, которые были в обращении с X по XIV вв. К сожалению, сделать точную границу между обращением собственно болгарских и золотоордынских слитков затруднительно, так как выделенная Р.М. Валеевым классификация 4-х видов слитков, говорит о том, что третий вид – «новгородские» слитки

были в обращении с XII по XIV вв. (Валеев, 2012, с. 134).

Слитки распределены географически следующим образом:

Вятская губерния:

1. починок Ягошурский, 1867 г.;
2. д. Дондыкарская, 1873 г.;
3. д. Сардырская, 1883 г.;
4. починок Простонишвинский, 1890 г.;
5. д. Лопаревская, 1894 г.;
6. д. Бабинская, 1893 г.;
7. Скочинский погост;
8. починок Орловка, 1897 г.;
9. Первозинская волость, 1892 г.;
10. д. Быргында, 1894 г.;
11. д. Масленниково, 1890 г.;
12. д. Масленниково, 1900 г.

Казанская губерния:

1. д. Городок, 1882 г.;
2. д. Ташкирмен, 1882 г.;
3. д. Дятлово, 1887 г.;
4. г. Спасск, 1869 г.;
5. г. Болгар;
6. г. Болгар, 1880 г.;
7. с. Танкеевка, 188 г.;
8. с. Танкеевка, 1890–92 гг.;
9. с. Вторая Арчиловка;
10. г. Спасск, 1895 г.;
11. д. Мал. Атрясы;
12. д. Мал. Тояба, 1898 г.;
13. с. Билярск, 1879 г.;
14. с. Билярск;
15. с. Билярск, 1882 г.;
16. с. Билярск, 1882 г.;
17. д. Верхн. Кондраты.

Пензенская губерния:

1. с. Каповка;
2. с. Кадыковка, 1902 г.;

Пермская губерния:

1. с. Рождественское;
2. Рождественское городище;
3. д. Аниковская;
4. д. Чигироба, 1914 г.;
5. д. Муслимово, 1895 г.

Рязанская губерния:

1. Пронск, Покровская гора, 1872 г.;
2. Рязань, 1828 г.;
3. с. Канищево, 1880 г.;
4. с. Коростово, 1891 г.;
5. д. Пустополки, 1888 г.;
6. г. Спасск, 1876 г.

Находки слитков серебра примерно в тех же районах, что и монетные клады говорят об устойчивой экономической связи Волжской Булгарии с перечисленными ранее территориями, сложившимися в общем экономическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауер Н.П.* Слитки серебра и золотые слитки русского средневековья. (Археологическое исследование). Ч. 1. (1929). Ч. 2. (1931). Пер. с немец. М.П. Сотниковой и Н.А. Хана. М., 2011. 221 с.
2. *Беговатов Е.А.* Омутницкий клад куфических монет второй половины IX в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Коломна. 20–25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. И.В. Волков. М.: Триумф принт, 2015. С. 57–59.
3. *Беговатов Е.А., Черняев А.А.* Новые находки куфических монет на территории Татарстана. Бураковский клад // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв». Материалы док. и сообщ. / Отв. ред. Н.С. Моисеенко. СПб.: Знак, 2014. С. 26–32.
4. *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. Казань: Фест, 1995. 157 с.
5. *Валеев Р.М.* Обращение «сомов» на территории Поволжья и Приуралья в V–XV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Яз; Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 131–137.
6. *Гомзин А.А.* Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 390–393.
7. *Григорьев В.В.* О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источник для древнейшей отечественной истории // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 115–166.
8. *Ильин А.А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921. 64 с.
9. *Кропоткин В.В.* Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 38–62.
10. *Лебедев В.П., Трушин И.Д., Кожевин А.Е.* Нумизматические находки на булгарских домонгольских памятниках в Ульяновской области // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2012. С. 154–171.
11. *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. 149 с.
12. *Молчанов А.А.* О монетном чекане Волжской Булгарии конца X в. (дирхам Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г.х.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Тез. науч. конф. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар, 1999. С. 73–75.
13. *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 157 с.
14. *Савельев П.С.* Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания и утверждения русского государства. СПб., 1847. 180 с.

15. Фасмер Р.Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Изв. АН СССР. 1933. 4-я серия, № 6–7. С. 473–484.

16. Фасмер Р.Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии Истории Материальной культуры в 1920–1925 гг. // Собр. ГАИМК. Т. I. Л., 1926. С. 287–308.

17. Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока. 1985. Т. XXIII. С. 44–47.

18. Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Тр. ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в историческом музее. М.: изд-во ГИМ, 2001. С. 89–99.

19. Fraehn С.М. Bulletin Scientifique, publie par l'Academie imp. des Sciences de St. Petersburg. 1841. Т. IX. P. 301–332.

Информация об авторе:

Салахов Динар Дамирович, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Dinar_07@list.ru

TOPOGRAPHY OF HOARDS AND FINDS OF ORIENTAL AND BULGAR SILVER

D.D. Salakhov

The author offers a new topography of oriental silver coins and their Bulgar imitations found in the lands of the Volga Bulgaria and adjacent territories: three topographic maps for the hoards of 9th, 10th and 11th centuries and a map of coin finds in the early Bulgar and early Mari burial grounds. Their analysis shows that the 10th century was the peak time for the circulation of Kufic coins in the Volga Bulgaria and the territories under its economic influence. The mapping of hoards identified three centers of monetary accumulation: the Volga Bulgaria itself, the Oka basin and the north of the modern Udmurtia. The article also supplies new data on coins minted by the emirs of the Volga Bulgaria and found in the Middle Volga region.

Keywords: archaeology, numismatics, Volga region, Volga Bulgaria, trade relations, the Great Volga Way, burial grounds, hoards of coins, coinage ingot, silver.

REFERENCES

1. Bauer, N. P. 2011. *Serebrianye i zolotyie slitki russkogo srednevekov'ia. (Arkheologicheskoe issledovanie). Ch. 1. (1929). Ch. 2. (1931) (Silver and Gold Ingots of Russian Middle Ages: Archaeological Research. Part I (1929) and II (1931))*. Moscow: s. ed. (in Russian).

2. Begovatov, E. A. 2015. In Volkov, I. V. (ed.). *Vosemnadsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii (18th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: "Triumf print" Publ., 57–59 (in Russian).

3. Begovatov, E. A., Cherniaev, A. A. 2014. In Moiseenko, N. S. (ed.). *Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII–XI vv. (Viking Age in the Eastern Europe by 8th – 11th Century Numismatic Sources)*. Saint Petersburg: "Znak" Publ., 26–32 (in Russian).

4. Valeev, R. M. 1995. *Volzhskaia Bulgariia: Torgovlia i denezhno-vesovye sistemy IX – nachala XIII vv. (Volga Bulgaria: Trade, Monetary and Weight Systems of 9th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Fest" Publ. (in Russian).

5. Valeev, R. M. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 2*. Kazan: "Yaz" Publ.; Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 131–137 (in Russian).

6. Gomzin, A. A. 2012. In Makarov, N. A., Leontyev, A. E. (eds.). *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaiia panorama (Russia in the 9th–10th Centuries. An Archaeological Panorama)*. Moscow; Volgda: “Drevnosti Severa” Publ., 390–393 (in Russian).
7. Grigor'ev, V. V. 1844. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities)* I. Odessa, 115–166 (in Russian).
8. Ilyin, A. A. 1921. *Topografiia kladov serebrianykh i zolotykh slitkov (Topography of Hoards of Silver and Gold Bars)*. Petrograd (in Russian).
9. Kropotkin, V. V. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaiia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–62 (in Russian).
10. Lebedev, V. P., Trushin, I. D., Kozhevnikov, A. E. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkhologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: “Shkola” Publ., 154–171 (in Russian).
11. Markov, A. K. 1910. *Topografiia kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh) (Topography of Hoards of Oriental (Sassanid and Kufic) Coins)*. Saint Petersburg (in Russian).
12. Molchanov, A. A. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Bolgar i problemy izucheniia drevnostei Uralo-Povolzh'ia (Bolgar and Problems of Research of Antiquities of the Ural-Volga Region)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 73–75 (in Russian).
13. Mukhamadiev, A. G. 1990. *Drevnie monety Povolzh'ia (Ancient Coins of the Volga Area)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
14. Savel'ev, P. S. 1847. *Topografiia kladov s vostochnymi monetami i izdeliiami VII, VIII, IX, X i XI veka v Rossii i pribaltiiskikh stranakh, ob"iasnennaia istoricheskimi svidetel'stvami o torgovle severo-vostoka Evropy v epokhu osnovaniia i utverzhdeniia russkogo gosudarstva (Topography of Hoards with Oriental Coins and Artifacts of 7th, 8th, 9th, 10th and 11th Centuries in Russia and Baltic Countries Explained by Historical Evidences about the Trade in North-Eastern Europe at the Time of Formation and Establishment of the Russian State)*. Saint Petersburg (in Russian).
15. Fasmer, R. R. 1926. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* I. Leningrad, 287–308 (in Russian).
16. Fasmer, R. R. 1933. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. 4-ia seriia (Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series IV)* 6–7, 473–484 (in Russian).
17. Fyodorov-Davydov, G. A. 1985. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XXIII, 44–47 (in Russian).
18. Fyodorov-Davydov, G. A. 2001. In *Numizmatika v istoricheskom muzee (Numismatics in Historical Museum)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 115. Moscow: State Historical Museum, 89–99 (in Russian).
19. Fraehn, C. M. 1841. In *Bullétin Scientifique, publié par l'Académie Imp. des Sciences de St. Petersbourg* IX, 301–332.

About the Author:

Salakhov Dinar D., Institute of Archeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia Federation); Dinar_07@list.ru

Статья поступила в номер 11.09.2016 г.

УДК 903.02

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БОЛЬШОГО ДОМА СТАРО-МАЙНСКОГО ГОРОДИЩА

© 2016 г. А.В. Никитина

Статья посвящена исследованию гончарных традиций населения, связанного с существованием «длинных домов» на городище Старая Майна эпохи Великого переселения народов, расположенного в Ульяновской области. Источниковой базой исследования является коллекция керамики, полученная при раскопках городища в 1990–1991 гг. В работе приводится типологическая характеристика посуды, а также результаты технико-технологического анализа, осуществленного автором по методике А.А. Бобринского. В результате выделены две массовые гончарные традиции, одна из которых была широко распространена у населения именьковской культуры, а вторая зафиксирована исследователями впервые. Делается предположение о том, что данная группа керамики связана с притоком в V в. н.э. населения из среднего течения Оки и Окско-Сурского междуречья. Это население принесло в Среднее Поволжье характерный комплекс украшений и деталей костюма рязано-окского типа.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, городище Старая Майна, эпоха Великого переселения народов, именьковская культура, рязано-окская культура, древнее гончарство.

Городище Старая Майна Ульяновской области исследовалось Г.И. Матвеевой на протяжении 6 полевых сезонов, в результате чего была вскрыта площадь ок. 2500 кв. м и выявлено 13 жилищ 2 типов: 1) квадратные срубовые полуземлянки с центральным столбом и 2) прямоугольные каркасно-столбовые постройки, слабо углубленные в землю, закрепившиеся в историографии под названием «большие/длинные дома» (Матвеева, 1993, с. 158; Богачёв, 1991, с. 159). Среди построек второго типа было выявлено самое крупное жилище именьковской культуры из ныне известных (сооружение № 18 раскопа III 1990–1991 гг.), размерами 22,9×4,5 м. Вопрос происхождения и датировки постройки вызвал дискуссии среди исследователей. Однако найденные материалы не

были подвергнуты детальному анализу и введены в научный оборот очень отрывочно, что делает все предложенные интерпретации преждевременными. Среди находок жилища отсутствуют какие-либо хроноиндикаторы, но все обнаруженные во время раскопок городища вещи датируются в рамках V–VI вв. н.э., что позволяет отнести время жизни постройки к этому же периоду (регулярная планировка вскрытого участка городища и идентичная ориентировка построек свидетельствует об их вероятной синхронности).

Данная статья посвящена анализу керамического комплекса, выявленного в рассматриваемой постройке, и введению данных материалов в научный оборот. Коллекция керамики, происходящая из сооружения

18, составляет 3970 фрагментов, по которым было выделено 70 сосудов (№ 26–96).

Ассортимент посуды представляет собой широкий спектр:

Кувшиновидный зерновик (объем ок. 30 л) с высокой цилиндрической шей и раздутым туловом, представлен одним экземпляром (№ 88) (рис. 1: 10). Целых сосудов такого типа на памятниках именьковской культуры известно немного. Один происходит из подквадратной срубовой полуземлянки с центральным столбом, относящейся к горизонту VI века селища Ош-Пандо-Нерь Самарской Луки (Багаутдинов, Никитина, 2014, с. 182, рис. 1: 3), второй – из культурного слоя селища Новая Беденьга, датируемого в рамках IV–VI вв. (Вязов и др., 2013, с. 381, рис. 17:3). Наиболее близкий по форме сосуд был обнаружен на городище Лбище гуннского времени (Расторопов, 1985, с. 110, рис. 7). Фрагменты подобных сосудов известны гораздо шире.

Корчаги открытого типа, представляющие собой высокие горшковидные емкости с широко раскрытым устьем (объем от 8 л) (№ 28, 29, 32, 34, 36, 43, 59, 60, 72, 73, 76, 90) (рис. 1:1–9, 11–14). Подобные сосуды имеют массовое распространение на поселениях именьковской культуры. Примечательно, что один из сосудов (№ 59) украшен рядом ямок на месте перехода от венчика к плечу. Сосуды подобного типа, украшенные ямками, известны и на других памятниках – на селище Ош-Пандо-Нерь Самарской области – 2 экз., один из которых также происходит из комплекса северного участка, датирующегося VI–VII вв. (Багаутдинов, Никитина, 2014, с. 176,

рис. 5:1), городища Именьково (Калинин, Халиков, 1960, с. 242, рис. 4:1) и Троицкий Урай (Старостин, 1977, с. 38, рис. 6:1) Республики Татарстан. То, что данный сюжет распространен территориально так широко говорит о его архаичности в данной среде.

Горшки средних размеров для приготовления пищи и индивидуального использования (объем 0,8–3 л), отличающиеся большой вариабельностью форм (рис 2: 1–19). Среди них можно выделить как минимум два варианта, хотя граница между ними не так очевидна: а) более профилированные горшки, у которых диаметр горла и тулова, практически совпадают, а дно сужено (26, 37, 39, 44, 49, 61, 67, 74) и б) слабопрофилированные горшки-банки с более высоким плечом и слабо выделяющимся венчиком (41, 47, 48, 53, 68, 71, 80, 91). Данная категория также широко распространена как на поселениях, так и в могильниках именьковской культуры.

Горшки с прямой шей и раздутым туловом (объем ок. 4–6 л) (рис. 2: 20–22). Данный тип горшков-«кувшинов» массово распространен в ритуальных комплексах, однако встречается и на поселениях (городища Маклашеевское-II, Троицкий Урай и Ош-Пандо, селища Выползово, Бахилово, Ош-Пандо-Нерь и др.) (№ 58, 65, 78).

Слабопрофилированные горшки с едва отогнутым венчиков, покатыми плечами и яйцевидным туловом (№ 66, 75, 77, 86) (рис. 3: 14–18). Единственные, но практически абсолютные аналогии данной группе, встречаются на г. Лбище. Возможно сосуды этого же типа единично представлены в м. Маклашеевском (Старостин,

Рис. 1. Сосуды I и II категорий из сооружения № 18 Старомайнского городища. 1 – сосуд № 90, 2 – № 45, 3 – № 34, 4 – № 36, 5 – № 72, 6 – № 59, 7 – № 43, 8 – № 32, 9 – № 28, 10 – № 88, 11 – № 29, 12 – № 76, 13 – № 60, 14 – № 73.

Масштаб: А – к позиции 10, Б – к позициям 1, 6, В – к остальным.

Fig. 1. Vessels of I and II type from structure no. 18 on the Staraya Maina hillfort.

1 – vessel no. 90, 2 – no. 45, 3 – no. 34, 4 – no. 36, 5 – no. 72, 6 – no. 59, 7 – no. 43, 8 – no. 32, 9 – no. 28, 10 – no. 88, 11 – no. 29, 12 – no. 76, 13 – no. 60, 14 – no. 73.

Scale: A – items 10, Б – items 1, 6, В – the rest.

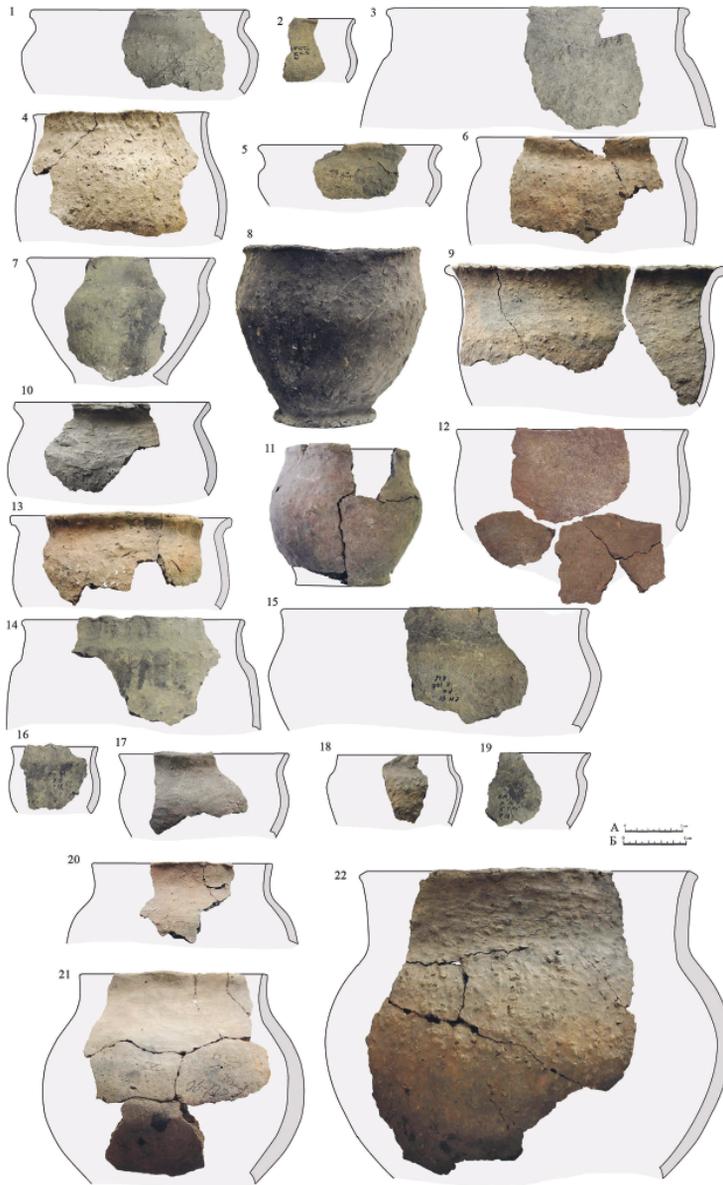

Рис. 2. Сосуды III и IV категорий из сооружения № 18 Старомайского городища.
 1 – сосуд № 37, 2 – № 42, 3 – № 35, 4 – № 71, 5 – № 44, 6 – № 68, 7 – № 26, 8 – № 91,
 9 – № 47, 10 – № 49, 11 – № 80, 12 – № 61, 13 – № 74, 14 – № 53, 15 – № 39,
 16 – № 41, 17 – № 67, 18 – № 48, 19 – № 40, 20 – № 65, 21 – № 78, 22 – № 58.
 Масштаб: А – к позициям 1–19, Б – к позициям 20–22.

Fig. 2. Vessels of III and IV type from structure no. 18 on the Staraya Maina hillfort.
 1 – vessel no. 37, 2 – no. 42, 3 – no. 35, 4 – no. 71, 5 – no. 44, 6 – no. 68, 7 – no. 26, 8 – no. 91,
 9 – no. 47, 10 – no. 49, 11 – no. 80, 12 – no. 61, 13 – no. 74, 14 – no. 53, 15 – no. 39,
 16 – no. 41, 17 – no. 67, 18 – no. 48, 19 – no. 40, 20 – no. 65, 21 – no. 78, 22 – no. 58.
 Scale: A – items 1–19, Б – items 20–22.

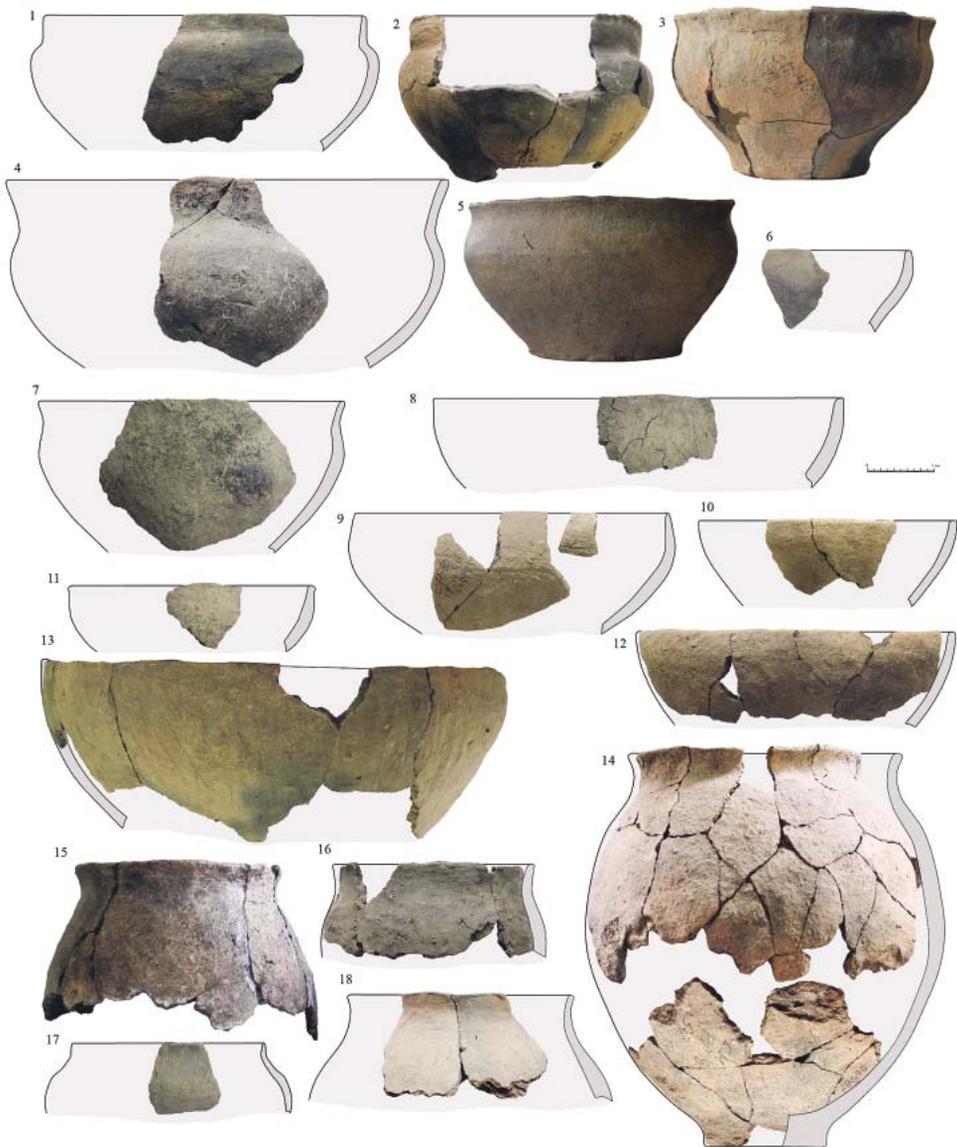

Рис. 3. Сосуды V–VII категорий из сооружения № 18 Старомайнского городища. 1 – сосуд № 46, 2 – № 87, 3 – № 85, 4 – 62, 5 – № 89, 6 – № 51, 7 – № 52, 8 – № 38, 9 – № 69, 10 – № 70, 11 – № 27, 12 – № 79, 13 – № 55, 14 – № 77, 15 – № 86, 16 – № 75, 17 – № 31, 18 – № 66.

Fig. 3. Vessels of V–VII type from structure no. 18 on the Staraya Maina hillfort. 1 – vessel no. 46, 2 – no. 87, 3 – no. 85, 4 – 62, 5 – no. 89, 6 – no. 51, 7 – no. 52, 8 – no. 38, 9 – no. 69, 10 – no. 70, 11 – no. 27, 12 – no. 79, 13 – no. 55, 14 – no. 77, 15 – no. 86, 16 – no. 75, 17 – no. 31, 18 – no. 66.

Рис. 4. Сковороды из сооружения № 18 Старомайнского городища.
 1 – сосуд № 82, 2 – № 56, 3 – № 54, 4 – № 50, 5 – № 81, 6 – № 64,
 7 – № 73, 8 – № 84, 9 – № 83.

Fig. 4. Pans from structure no. 18 on the Staraya Maina hillfort.
 1 – vessel no. 82, 2 – no. 56, 3 – no. 54, 4 – no. 50, 5 – no. 81, 6 – no. 64,
 7 – no. 73, 8 – no. 84, 9 – no. 83.

Чижевский, 1993, с. 36, рис. 7: 1) и м. Коминтерн (Казаков, 1998, с. 117, рис. 5: 2, с. 118, рис. 6: 3).

Глубокие миски (объемом 1,6–3,3 л) (№ 46, 52, 62, 85, 89, 87). Хотя профилировка и внешнее оформление мисок различно, размеры и пропорции сильно стандартизированы (рис. 3: 1–5, 7). Значительный процент мисок в керамическом комплексе представляет большой интерес (эта черта характерна не только для данного жилища, но и для всего городища), как и распространение мисок подобного типа на территории именьковской культуры в целом. Целые миски известны с близлежащего Маклашеевского-II городища (Старостин, 1967. Таб. 25: 8, 12), датирующегося набором вещей гуннского времени (конец IV – начало V в.). Далее распространение этой традиции прослеживается на памятниках именьковской культуры Поочья – на городищах Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 208. Таб. XXII: 3, с. 209, таб. XXIII: A1–A4), имевшей широкий диапазон существования III–VI вв., и городище «Шолм» (Вязов и др., 2015, с. 46, рис. 20), совместно с вещами конца V – VII вв. Хотя на поселениях именьковской культуры Самарской Луки также выявлено несколько сосудов, которые можно определить как «мисковидные», их параметры кажутся не связанными с мисками на вышеперечисленных памятниках. Возможным источником распространения данной категории посуды в Среднем Поволжье являются переселенческие памятники бассейна р. Оки, на что указывает и присутствие как на г. Старая Майна, так и на указанных городищах Посурья характерных вещей рязано-окских могильников. Нельзя не указать и на

возможные параллели с материалами городища Лбище, в которых глубокие миски представлены достаточно широко. Размеры и пропорции мисок двух городищ совпадают, однако у части мисок с г. Лбища, относящихся к раннему культурному горизонту, присутствуют более архаичные черты – сплошное лощение и, в ряде случаев, оформленное ребро в месте перехода плеча к тулову (Матвеева, 1998, рис. 3). Вне ареала именьковской культуры наиболее активное использование глубоких мисок происходит в среде обитателей Окского бассейна (Гришаков, 1993, с. 150, 152, 154).

Глубокие чаши (№ 27, 38, 51, 55, 69, 70, 79). Чаши являются характерной формой посуды для поселений именьковской культуры, хотя классические чаши именьковской культуры колеблются в диаметре от 10 до 15 см и представляют собой, вероятнее всего, посуду для индивидуального приема пищи. Параметры майнских чаш несколько отличаются (рис. 3: 6, 8–13). Обнаруженные на городище чаши имеют диаметры от 16 до 32 см, их придонные части, по-видимому, сильно профилированы и, судя по объему и пропорциям, функционально они смыкаются с категорией мисок (VI). Аналогии на именьковских памятниках единичны: 1 экз. на селище Ош-Пандо-Нерь (соор. 39, южного участка V века), 1 экз. из слоя селища Бахилово IV–VI вв.

Сковороды (№ 50, 54, 56, 64, 73, 81, 82, 83, 84) диаметром 8 см, 24–29 см и 35–37 см (рис. 4). Обычно на внешней поверхности днищ всех сковород присутствуют разнообразные следы подсыпки. На маленьких сковородах встречается «орнамент» в виде зерновидных вдавлений на внешней стороне.

Таким образом, можно отметить, что изделия категорий I–IV и VIII имеют повсеместное распространение на поселениях именьковской культуры, а сосуды категорий V–VII – локальное, что уже на данном этапе обозначает специфику комплекса и неоднородность бытовых традиций населения, оставившего его.

Технология изготовления

Все сосуды были подвергнуты технико-технологическому анализу в рамках историко-культурного подхода согласно методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1999). Анализ включал в себя наблюдения по нескольким ступеням технологического процесса: отбору, добыче и подготовке исходного сырья, составлению формовочных масс, обработке поверхности и особенностям обжига. Наблюдения проводились по свежим изломам черепков с помощью стереоскопического микроскопа МПС-1. Определение степени ожелезненности исходного пластичного сырья проводились по вторично обожженным в муфельной печи фрагментам сосудов при температуре 850°C, по шкале, разработанной Ю.Б. Цетлиным (Цетлин, 2006). Компоненты формовочных масс и способы обработки поверхностей сосудов определялись путем сопоставления с образцами эталонной коллекции, разработанной на базе Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства (Васильева, Салугина, 2015). Микроскопический анализ керамики выполнялся автором статьи.

Исходное сырье. Во всех исследованных сосудах состав исходного глинистого сырья характеризуется естественными примесями: 1) мелкого (0,2–0,5 мм), неравномерно распре-

деленного окатанного разноцветного песка в концентрации менее 1:6 и 2) полупрозрачных остроугольных алевритовых частиц (0,05–0,2 мм), равномерно распределяющихся в глинистой массе в количестве от 8 до 72%. В одних случаях граница между этими составляющими четкая, в других – практически неразличима. Помимо этого, во всех образцах встречены единичные обломки железнорудных образований различной морфологии. По процентному содержанию обломочных компонентов размером более 0,2 мм сырье было разделено на высокопластичное и низкопластичное. В качестве границы между ними был принят естественный разрыв в этом показателе, приходящийся на значение 40–45%. Таким образом, 77,5% сырья можно охарактеризовать как пластичное (с содержанием песка 10–38%) и 22,5% как низкопластичное (с содержанием песка 47–72%). Из них 73,5% – высокожелезненные, а 26,5% – среднежелезненные. Сырье использовано в основном во влажном природном состоянии, без его специальной обработки. Лишь в 8 образцах зафиксирована равномерная однонаправленная глинистая масса без крупных включений и полых прослоек.

Формовочная масса. При составлении формовочных масс в качестве минеральной примеси вводился шамот, изготовленный путем дробления готовых сосудов или в некоторых случаях обожженной формовочной массы. Концентрация шамота характеризуется двумя состояниями: нормальное – 1:2–5, при котором данная примесь выполняет собственные технологические функции (47,8% сосудов), и номинальное – 1:6–10, при котором примесь не несет никакой технологи-

ческой нагрузки (52,2% сосудов). Шамот в основном некалиброванный – 47%, встречается также калиброванный крупный (от 2 до 8 мм) – 25% и мелкий (ок. 0,5 мм) – 16%. Зависимости между размером и концентрацией шамота не прослежено. Качественный состав шамота (даже крупного) удалось проследить в редких случаях, в основном встречаются редкие следы органики, в нескольких экземплярах обнаружен шамот. Возможно, эта картина связана с широким применением низких концентраций минеральной примеси и распространением рецептов Г+О у предшествующих поколений мастеров.

В одном сосуде встречена примесь кости животного в концентрации 1:3–4, однако уверенно говорить о ее присутствии в качестве минеральной примеси невозможно: некоторые костные включения имеют слегка окатанный («переваренный») вид, помимо этого добавка сопровождается большим количеством пустот и прослоек, которые часто перемежаются с самими включениями. Это может свидетельствовать о том, что кость находилась в составе органического вещества, в процессе образования которого частично подверглась деформации.

Большую часть следов органики можно связать с применением органических растворов – 64,2%. В качестве признаков органических растворов в данном комплексе учитывались: сильная пористость излома и наличие аморфных пустот с бугристыми стенками, реже пустоты, образованные в виде прослоек, в некоторых случаях присутствуют блестящие «жирные» или «сажистые» пленки и др. В ряде случаев зафиксированы редкие отпечатки сильно измельченной рас-

тительности, вероятно, оставленные «выжимкой» из навоза. В 4 образцах встречены единичные обломки трубчатой кости, которые по внешнему облику идентичны кости в формовочной массе описанного выше сосуда. Ко второй группе отнесены следы навоза во влажном состоянии, представленные крупными бороздчатыми растительными отпечатками с деформированными концами, пустотами каплевидных и округлых форм, реже аморфные пустоты и тонкие извилистые отпечатки – 30,3%. В ряде случаев определить вид органической примеси из-за малой концентрации и невыразительности следов не удалось – 5,1%.

В общей сложности анализ качественного состава формовочных масс показал применение 3 рецептов: 1) Г+Ш – 7,8%, 2) Г+О – 26,5%, 3) Г+Ш+О – 65,7%.

Поверхности большинства сосудов обработаны механическим заглаживанием, наносимым в хаотичных направлениях. Доминирует достаточно грубая обработка, сочетающая работу деревянным предметом и пальцами. В 12 образцах (от сосудов групп IV–VII) зафиксирована тщательная обработка орудием с эластичной рабочей частью, при этом все крупные примеси вдавлены и не выступают на поверхности.

Параметры *обжига* определялись по цветовым особенностям изломов сосудов. Всего выделено 6 вариаций обжига: 1) длительный в восстановительной среде (однотонные черные и темно-серые изломы) – 31,8%, 2) длительный обжиг в восстановительной среде с короткой выдержкой в окислительной среде при температурах каления (черные и темно-серые из-

ломы с осветленной поверхностью) – 36,3%, 3) обжиг в окислительной среде с положением сосудов вверх дном (двуслойные изломы: внешняя поверхность сосуда – рыжая, светло-коричневая, внутренняя – серая) – 11,3%, 4) длительный обжиг в окислительной среде при температурах каления (полностью прокаленный – 9%, трехслойные изломы с непрокаленной серединой – 6,8%) 6) условия обжига пока неясны – 2,2%.

Проведение соотношения между выявленными данными по технологии и типологическими группами посуды обнаружило определенные закономерности. На уровне отбора исходного пластичного сырья корреляции с группами по морфологии выявлено не было. Однако на уровне составления формовочных масс, в категориях посуды IV–VII преобладают (67–71,4%), не свойственные именьковскому гончарству рецепты без шамота, т.е. Г+О. В группах I–III и VIII преобладают (86,6–100%) традиционные рецепты с шамотом. Органика распределяется таким образом, что 94% случаев применения навоза приходятся на рецепты, в которых есть шамот. Органические растворы массово применялись в обеих группах. Специальная подготовка исходного пластичного сырья, как и тщательная обработка поверхности зафиксированы только среди групп IV–VII. Можно отметить большую вариативность обжигов среди типов II, III и VIII, а сосуды типов IV–VII обожжены только в восстановительных средах, иногда с короткими выдержками при температурах каления.

Таким образом, можно говорить о двух гончарных традициях, имеющих различный источник формиро-

вания. К первой – относится группа сосудов типов I–III и VIII, ко второй – V–VII (статус IV группы пока неясен). Каждая группа характеризуется собственными технологическими особенностями. Для первой отмечены черты, характерные для именьковско-го гончарства. Поскольку данных по гончарной технологии других культур эпохи Великого переселения народов практически нет, источник появления второй традиции можно предположить лишь по косвенным признакам. В первую очередь, это вещевой комплекс городища Старая Майна. На городище обнаружен набор вещей, относящихся к хронологическому горизонту 3В рязано-окских могильников V века (Ахмедов, 2007, с. 146–147) – крестообразная фибула рязано-окского типа, витые бронзовые перстни, бутылковидные подвески и пр. Подобные украшения распространены и в погребальном обряде могильников Окско-Сурского междуречья этого периода (Краснов, 1980, с. 202, рис. 27, с. 206, рис. 34). Отдельные украшения и детали костюма этого круга древностей встречены также на некоторых других памятниках именьковской культуры, на которых зафиксирован горизонт V–VI века – городище Татсунчелеевское, поселении Курган, Именьковском городище (Старостин, 1967, с. 81–87) и Рождественском могильнике (Генинг, 1962, с. 113; Генинг, 1960, с. 136), наиболее интенсивное влияние прослеживается в инвентаре могильников Коминтерн-II (Казаков, 1998, с. 119, 121, 123, 126–128 и т. д.) и Комаровка. Вероятным посредником указанной линии контактов являлись пограничные поселения именьковской культуры Посурья – г. Ош-Пандо, Ашна-Панда, Шолм, на которых так-

же широко распространены окские украшения (Вязов и др., 2016, с. 36, 37, 41, 44). Влияние населения Поочья проявилось и в распространении на территории именьковской культуры узколезвийных топоров (Вязов, 2012, с. 46). Однако на данном этапе исследований речь не может идти более чем о некоторых заимствованиях, поскольку в Среднем Поволжье не было обнаружено наиболее характерных, этноопределяющих вещей для указанного населения финно-угорских культур поочья – нагрудных блях, головных венчиков, характерных головных уборов с привесками и наконечников, ажурных сюльгам с подвесками и пр. Известно лишь об одной находке височной подвески с грузиком бипи-

рамидальной формы в окрестностях городища Старая Майна, а также о рязано-окской нагрудной бляхе с вырезами в окрестностях деревни Комаровка – обе вещи происходят из грабительских раскопок. Вероятно, население бассейна р. Оки, которое оказывало влияние на моду населения Среднего Поволжья в V–VI вв., могло непосредственно проникать на данную территорию и оставлять свои традиции в гончарстве, домостроительстве, погребальном обряде. Хотя сам тип жилищ, подобный сооружению 18, не характерный для других поселений именьковской культуры, пока не может указывать на это направление в связи со слабой изученностью поселений окского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмедов И.Р.* Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9 / Под ред. И.О. Гавритухина, Н.В. Лопатина, А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.
2. *Багаутдинов Р.С., Никитина А.В.* Исследования селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в 1994 г. (по материалам раскопок Г.И. Матвеевой) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Под ред. А.В. Богачёва. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 164–186.
3. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского. Самара: изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–106.
4. *Богачёв А.В.* Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье / Под ред. Г.И. Матвеевой. Самара: изд-во СамГУ, 1991. С. 159–171.
5. *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 8–27.
6. *Вязов Л.А.* О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: изд-во ЯЗ, 2012. С. 43–53.
7. *Вязов Л.А., Салугина Н.П., Семькин Ю.А.* Городище и селище Новая Беденьга I // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 1 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 325–365.

8. Вязов Л.А., Гришаков В.В., Мясников Н.С. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. № 6 / Под ред. Д.Е. Быкова. Самара: изд. СамГТУ, 2016. С. 66–112.

9. Генинг В.Ф. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у с. Рождествено в Татарии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 80. М.: Наука, 1960. С. 131–144.

10. Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено / Под ред. В.Ф. Генинга, Ш.Ф. Мухамедьярова. Казань: Изд-во Казанского университета, 1962. 127 с.

11. Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племён правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: изд. МарГУ, 1993. 204 с.

12. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, 1998. С. 97–150.

13. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Материалы и исследования по археологии СССР, № 80. М.: Наука, 1960. С. 286–249.

14. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в раннем средневековье. М.: Наука, 1980. 214 с.

15. Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во Самарский ун-т, 1993. С. 156–183.

16. Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–96.

17. Расторопов А.В. Исследования городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1985. С. 100–110.

18. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967.

19. Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья / Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: КФ АН СССР, 1977.

20. Старостин П.Н., Чижевский А.А. Маклашевский IV могильник // Древние памятники приустьевого Закамья / Науч. ред. Р. М. Валеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. С. 20–42.

21. Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезнённости исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 421–425.

Информация об авторе:

Никитина Анна Валерьевна, аспирант, Самарский государственный технический университет (г. Самара, Россия); nikitina.an.v@yandex.ru

THE CERAMIC ASSEMBLAGE FROM STARAYA MAINA HILLFORT LONG HOUSE

A. V. Nikitina

The article is devoted to the analysis of pottery traditions of the population associated with the existence of “long houses” on Staraya-Maina hillfort (Ulyanovsk Oblast), dated by the Great Migration Period. The research is based on the ceramic collection found on the hillfort during the excavations in 1990–1991. This paper presents a typological description

of vessels and the results of technological analysis conducted by the author according to A. A. Bobrinsky's method. The analysis revealed two massive pottery traditions, one of which was widely known on Imenkovo culture settlements, while the second one was a new discovery. The author suggests that this group of ceramics might be associated with an inflow of population from the Middle Oka region and from the Oka-Sura region in the fifth century AD, which brought the typical complex of garnishments of Ryazan-Oka type to the Middle Volga region.

Keywords: archaeology, Middle Volga, Staraya-Maina hillfort, Great Migration period, Imenkovo culture, Ryazan-Oka culture, early pottery

REFERENCES

1. Akhmedov, I. R. 2007. In Gavritukhin, I. O., Lopatin, N. V., Oblomsky, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletii n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium AD)*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 137–185 (in Russian).
2. Bagautdinov, R. S., Nikitina, A. V. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara: "Samara Archaeological Society", 164–186 (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–106 (in Russian).
4. Bogachev, A. V. 1991. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v lesostepnom Povolzh'e (Archaeological Investigations in the Volga Forest-Steppe Zone)*. Samara: Samara State University, 159–171 (in Russian).
5. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 2015. In *Samarskii nauchnyi vesnik (Samara Scientific Bulletin)* 12 (3), 8–27 (in Russian).
6. Vyazov, L. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studentcheskogo arkheologicheskogo krugha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 43–53 (in Russian).
7. Vyazov, L. A., Salugina, N. P., Semykin, Yu. A. 2014. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 325–365 (in Russian).
8. Vyazov, L. A., Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2016. In Bykov, D. E. (ed.). *Voiazher: mir i chelovek (Voyager: World and Man)* 6. Samara: Samara State Technical University, 66–112 (in Russian).
9. Gening, V. F. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 131–144 (in Russian).
10. Gening, V. F., Stoiyanov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamyatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
11. Grishakov, V. V. 1993. *Keramika finno-ugrskikh plemen pravoberezh'ia Volgi v epokhu ranнего srednevekov'ia (Ceramics of the Finno-Ugric Tribes on the Volga Right Bank in the Early Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n. e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Mil-*

lennium AD (Issues of Chronology)). Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

13. Kalinin N. F., Khalikov, A. Kh. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 80. Moscow: “Nauka” Publ., 286–249 (in Russian).

14. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

15. Matveeva, G. I. 1993. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara State University Publ., 156–183 (in Russian).

16. Matveeva, G. I. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiasheletiiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 87–96 (in Russian).

17. Rastoropov, A. V. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 100–110 (in Russian).

18. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1–32. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

19. Starostin, P. N. 1977. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Drevnosti Volgo-Kam'ia (Antiquities of the Volga and Kama Rivers Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

20. Starostin, P. N., Chizhevskii, A. A. 1993. In Valeev, R. M. (ed.). *Drevnie pamiatniki priust'e-vogo Zakam'ia (Ancient Sites in the Estuary Area of the Trans-Kama Region)*. Kazan: Kazan State University, 20–42 (in Russian).

21. Tsetlin, Yu. B. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 421–425 (in Russian).

About the Author:

Nikitina Anna V. Samara State Technical University. Molodogvardeyskaya St., 244, Samara, 443100, Russian Federation; nikitina.an.v@yandex.ru

Статья поступила в номер 21.11.2016 г.

УДК 902 + 666.3/7

ИСПАНСКАЯ КЕРАМИКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ БОЛГАРЕ

© 2016 г. В.Ю. Коваль

Статья посвящена обоснованию атрибуции ряда обломков тарных сосудов (амфор и пифосов), найденных при раскопках последних лет в Болгаре, в качестве продукции городов Испании. Все находки происходят из слоев и построек 1330–1360-х гг. Среди испанских импортов выделяются 3 группы, которые различаются по технологическим и морфологическим признакам. Две группы изделий относятся к продукции Барселоны (и, возможно, Патерны в окрестностях Валенсии). Третью группу составляют обломки амфор, происходивших, вероятно, из Андалусии (Севильи?). В испанских амфорах и пифосах в Восточную Европу могли привозить экзотические для этих мест оливковое масло или виноградное вино (?). Рассматриваемые автором находки свидетельствуют о дальних торговых связях Болгара в середине XIV века.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, городище Болгар, Испания, XIV век, импорт, амфоры, пифосы, технологические и морфологические признаки.

О том, что в ходе крупной международной торговли в XIV–XV вв. испанская керамика доходила до Нижнего и Среднего Поволжья, было известно благодаря находкам обломков поливных чаш с росписью люстром и подглазурными деталями, выписанными синей краской (кобальтом). Такая керамика зафиксирована в столичных центрах Нижнего Поволжья (Масловский, 2006, с. 441) и Биляре (Валиулина, 2000, с. 278, рис. 8), хотя значительно большее число ее находок происходит из городов Северного Причерноморья, куда эта керамика ввозилась итальянскими купцами (Тесленко, 2004; Koval, 2013, р. 96). При этом до недавнего времени не было никаких данных о том, что наряду с глазурованной посудой сюда импортировалась и неполивная тарная керамика испанского производства.

Новые данные были получены после обнаружения нескольких серий обломков (включая графически ре-

конструированные сосуды), обнаруженных при раскопках в Болгаре, которые допустимо соотносить с тарной керамикой средневековой Испании. На сегодняшний день можно говорить о 3 группах таких изделий.

Группа 1. Плоскодонные тарные сосуды (в дальнейшем называемые пифосами) с вертикальными припухлыми венчиками. Среди них можно выделить две подгруппы, различающиеся формовочной массой и составом примесей в ней.

К подгруппе А относятся сосуды, изготовленные из ожелезненной (красножгущейся) глины. В составе формовочной массы тут всегда присутствует большое количество некальцированного красного шамота, хорошо заметного как на поверхности, так и изломе стенок, карбонаты встречаются редко (рис. 1: 2, 3). На некоторых обломках видны полости от выгоревшей органической (или карбонатной?) примеси (рис. 1: 1). Обжиг сосудов всегда полный, при этом на изломе

Рис. 1. Фактура внутренней поверхности (1) и изломов (2, 3) керамики группы 1 (подгруппа А). 1, 2 – от обломка, показанного на рис. 2: 5; 3 – излом стенки обломка, показанного на рис. 2: 3.

Fig. 1. Texture of internal surface (1) and bends (2, 3) of group 1 ceramics (subgroup А). 1, 2 – of the sherd from fig. 2: 5; 3 – bend of wall of the sherd from fig. 2: 3.

черепков часто видны более яркие по цвету полосы. Иногда поверхность сосудов высветлена (покрыта очень тонким слоем белого ангоба?) (рис. 2: 1; 3: 2), но в большинстве случаев она имеет ровный красный цвет. Именно на сосудах этой подгруппы встреча-

ются потеки зеленой прозрачной глазури (рис. 2: 2, 3).

Находки обломков сосудов этой подгруппы зафиксированы на раскопах Института археологии РАН (CLXXIX и СХСII) и Института археологии АН РТ (СХСII), где найде-

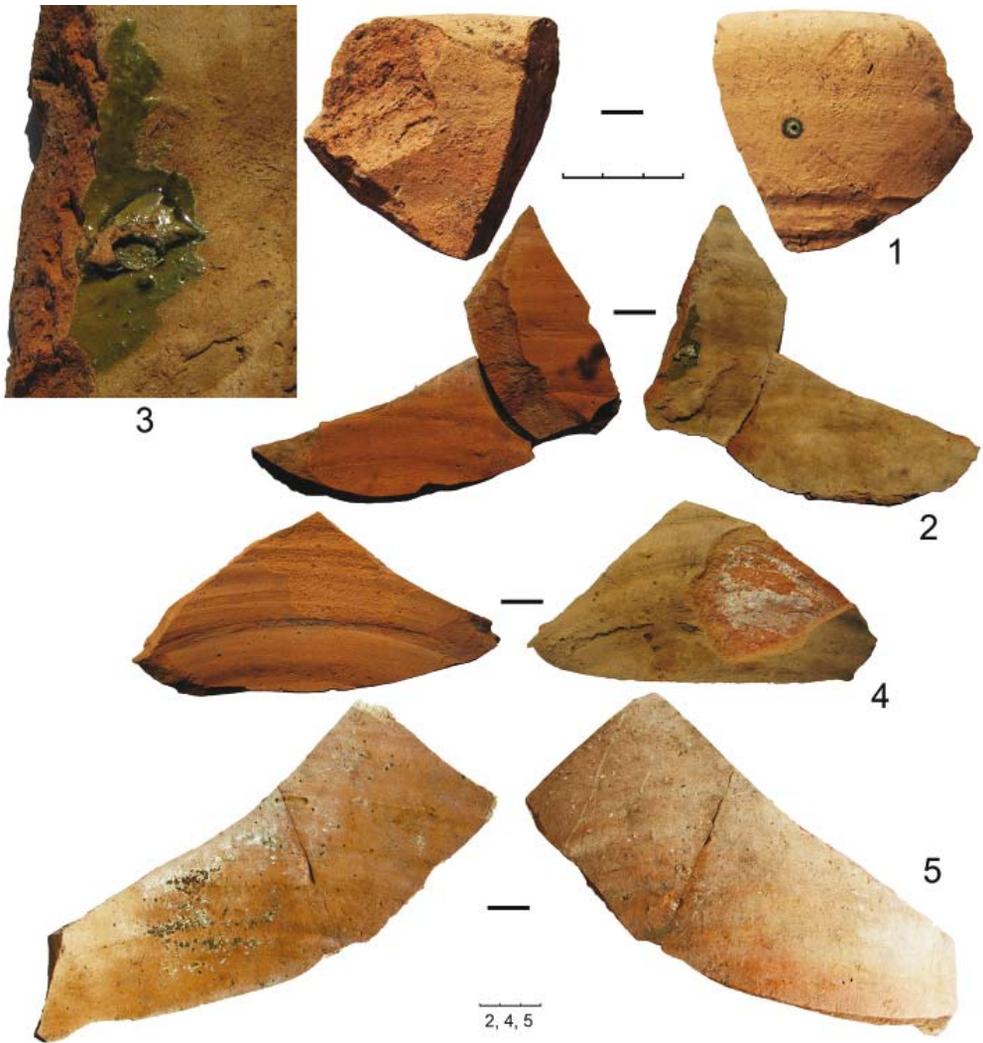

Рис. 2. Обломки пифосов из раскопов CLXXIX (1) и CLXII (2–5).

Fig. 2. Sherds of pithoi from digs CLXXIX (1) and CLXII (2–5).

но 46 обломков, принадлежавших не более чем пяти разным сосудам (рис. 2; 3: 1, 2). Распределение находок по стратиграфическим горизонтам показано в таблице 1:

Из 46 обломков, предъявленных в таблице, 32 представляли собой мелкие фрагменты, учитывавшиеся лишь в полевой статистике, тогда как 14 крупных обломков были взяты как

Таблица 1

Слой I–II	Слой IV позднезолотоордынский			Слой IV раннезолотоордынский
	Субгоризонт 1	Субгоризонт 2	Субгоризонты 2–3	
3	31	4	6	2

индивидуальные находки, поступившие в основной фонд Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Из этих 14 образцов один был найден в субгоризонте 1 IV-го позднезолотоордынского слоя (2012-CLXXIX-988)¹, 3 – в субгоризонте 2 того же слоя (2013-СХСП-262; 2014-CLXXIX-999; 2014-СХСП-707), 1 – в верхней части IV раннезолотоордынского слоя (2011-CLXII-733). Напомним, что деление IV позднезолотоордынского слоя на три субгоризонта впервые предпринято на раскопах, произведенных специалистами Института археологии РАН, причем субгоризонт 1 удалось датировать по массовому монетному материалу в интервале 1350–1370-х гг., субгоризонт 2 – 1330–1340-х гг., субгоризонт 3 – 1330-ми гг. IV раннезолотоордынский слой датируется второй половиной XIII – 1320-ми гг., а его верхняя часть, соответственно – первой четвертью XIV в. (Коваль, Бадеев, 2015, с. 191, 192)

Еще 6 находок происходили с площади раскопа CLXII (руководитель В.С. Баранов, 2011 г.), вскрывшего северную часть базара Болгара. Они зафиксированы в нижней части IV позднезолотоордынского слоя (т.е. происходили из субгоризонтов 2–3). Более точно установить контекст этих находок (2011-CLXII-458, 492, 552, 847, 912, 1490) сейчас сложно, поскольку деление слоя на субгоризонты еще не проводилось. Наконец, 3 обломка происходили из комплексов XVIII–XIX вв., т.е. являлись переот-

ложенными (2011-CLXII-731, 848; 2014-CLXXIX-917).

Среди перечисленных выше находок особенный интерес представляют 2 обломка стенок сосудов с отпечатками круглых клейм диаметром около 3 см. Один обломок принадлежал сосуду серо-бурого цвета, приобретенного в результате пережога в пожаре (2014-CLXXIX-917)², на котором сохранилась часть клейма, глубоко оттиснутого в поверхность сосуда, на клейме видна круговая латинская (нечитаемая) надпись и изображение геральдической лилии (рис. 3: 1, 1а; 8: 1). Второй обломок стенки сосуда с нечетко оттиснутым клеймом (2015-CLXXIX-91) происходил из отложений субгоризонта 2 IV-го позднезолотоордынского слоя, однако на клейме четко видна латинская буква «V» и 8-конечная звезда в круговой латинской надписи (рис. 8: 7). К атрибуции этих клейм мы вернемся ниже.

Таким образом, хотя подавляющее большинство обломков пифосов подгруппы А было связано с субгоризонтом 1, наиболее крупные фрагменты были получены из субгоризонтов 2 и 3. Два обломка могли попасть в IV-раннезолотоордынский слой в результате миграции черепков вниз по профилю. Итак, получается, что действительно надежно датируются только образцы, отложившиеся в слоях

² Эта находка происходила из заполнения траншеи фундамента стены базара, весь камень из которой был выбран в XVIII–XIX вв. жителями села Болгары. Поскольку следы раствора на обломке отсутствуют, очевидно, что он никогда не входил в состав фундамента, а попал в траншею уже в Новое время из окружающего культурного слоя. Таким образом, надежной стратиграфической датировки он не имеет.

¹ Шифры включают год раскопок – номер раскопа – номер находки по описи, приложенной к отчету соответствующего года.

Рис. 3. Обломки пифосов групп 1А (1, 2) и 1Б (3)
из раскопов CLXXIV (1, 2) и СХСII (3).

Fig. 3. Sherds of pithoi from groups 1A (1, 2) and 1B (3) from digs CLXXIV (1, 2) and CXCII (3).

Рис. 4. Пифос группы 1Б (2013-СХСII-132) (1) и излом стенки аналогичного пифоса из раскопа CLXXIX (2).

Fig. 4. Group 1B pithos (2013-СХСII-132) (1) and bend of wall of a similar pithos from dig CLXXIX (2).

1330–1340-х гг. При всем этом, хотя обломки из субгоризонта 1 сильно измельчены, сама их многочисленность как будто указывает на то, что в 1350–1360-х гг. импорт подобных пифосов в Болгар мог продолжаться.

В фондах Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника И.В. Волковым были выявлены еще

22 обломка (принадлежавшие, вероятно, одному пифосу), найденные в 1989 г. на площади раскопа CIV³ (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 200,

³ Обломки этого пифоса были зафиксированы в пластах 1–3, т.е. происходили из субгоризонта 1 IV-го позднезолотоордынского слоя или из переотложенных слоев I–II. Таким образом, на раскопе CIV развал

201, рис. 5: 4, 5; 6; 7), т.е. на том самом раскопе, где М.Д. Полубояриновой были впервые открыты остатки базара, с продолжением исследования которого были связаны упоминавшиеся выше раскопы CLXXIX и CLXII. Выходит, что рассматриваемые пифосы зафиксированы пока только на одном участке Болгарского городища, а общее число обломков достигает семи десятков.

К подгруппе **Б** относятся сосуды, профилированные аналогично пифосам подгруппы **А**, но изготовленные из слабожелезненной (светло-желтой) глины, причем излом черепка был либо одноцветный (рис. 4: 2), либо на нем фиксируется красная или розоватая сердцевина (рис. 4: 1). От пифосов

желто-зеленой или желтой глазури (рис. 5: 2).

При раскопках, проводившихся Институтом археологии РАН в 2012–2014 гг., были зафиксированы 18 отдельных обломков таких сосудов и 2 развала пифосов из нескольких десятков обломков. Один из этих развалов (2014-CLXXIX-785) включал разрозненные обломки, зато для второго (2013-СХСII-132) удалось получить почти полный профиль (рис. 4: 1; 6)⁴. На стенках пифоса сохранились следы дипинто, выполненного неводостойкой красной краской (рис. 5: 1). К сожалению, дипинто фрагментарно и не может быть расшифровано.

Стратиграфическое распределение находок показано в таблице 2:

Таблица 2

Слой I–II	Слой IV-позднезолотоордынский			Слой IV-раннезолотоордынский
	Субгоризонт 1	Субгоризонт 2	Субгоризонты 2-3	
	1 развал и 1 обломок	1 развал и 13 отдельных обломков	–	4

подгруппы **А** эти сосуды отличались несколько более тонкими стенками. В большинстве случаев они сформованы из глины без искусственных примесей. В составе примесей изредка встречается мелкий розовый шамот, отмечены также явно случайные включения кварцитов и единичные крупные зерна карбонатов (очевидно, это естественное загрязнение глины). В целом формовочная масса выглядит как естественно-чистая глина со случайными естественными примесями, в которую в редких случаях добавлен мелкий шамот. На поверхности некоторых сосудов видны пятна и потеки

пифоса попал в культурный слой не ранее 1350-х гг.

При этом в IV раннезолотоордынском слое были встречены только мелкие обломки подобных сосудов, тогда как все крупные обломки (включая развалы пифосов) происходили либо из субгоризонтов 1 и 2 IV-го позднезолотоордынского слоя, либо из заполнений ям⁵, выходящих из субгоризонта 2. Из семи таких находок три представляли собой обломки (2013-СХСII-132; 2014-СХСII-543, 771) от одного (или

⁴ Реставрация сосуда проведена И.В. Волковым (Российский НИИ культурного и природного наследия).

⁵ Имеются в виду ямы 1 (9 шт.), 22 и 23 на раскопе СХСII и яма 171 на раскопе CLXXIX (в остальных ямах – по 1 обломку).

Рис. 5. Обломки стенок пифоса группы 1Б с дипинто (1) и с пятнами желтовато-зеленоватой глазури (2).

Fig. 5. Sherds of walls of group 1B pithos with dipinto (1) and spots of yellow-greenish glaze (2).

двух одинаковых) сосуда, собранные в разных частях раскопа. Фрагменты венчиков (2014-CLXXIX-785, 1058) и днищ (2014-СХСП-705; 2013-СХСП-346) позволяют полностью реконструировать профилировку пифосов.

Представленные данные о контекстах находок позволяют уверенно утверждать, что пифосы подгруппы Б поступали в Болгар на протяжении 1330–1360-х гг., т.е. синхронно сосудам подгруппы А. За исключением отмеченных различий в составе фор-

мовочных масс и обработке поверхности, пифосы подгрупп А и Б практически не различались по морфологии. Правда, среди сосудов подгруппы А пока не встречено ни одного днища, что не позволяет делать однозначные выводы об их профилировке. И все же, скорее всего, все пифосы группы 1 имели очень близкую профилировку и формовались по близким программам конструирования (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 200, рис. 5–9): либо сосуд полностью вытягивался на нож-

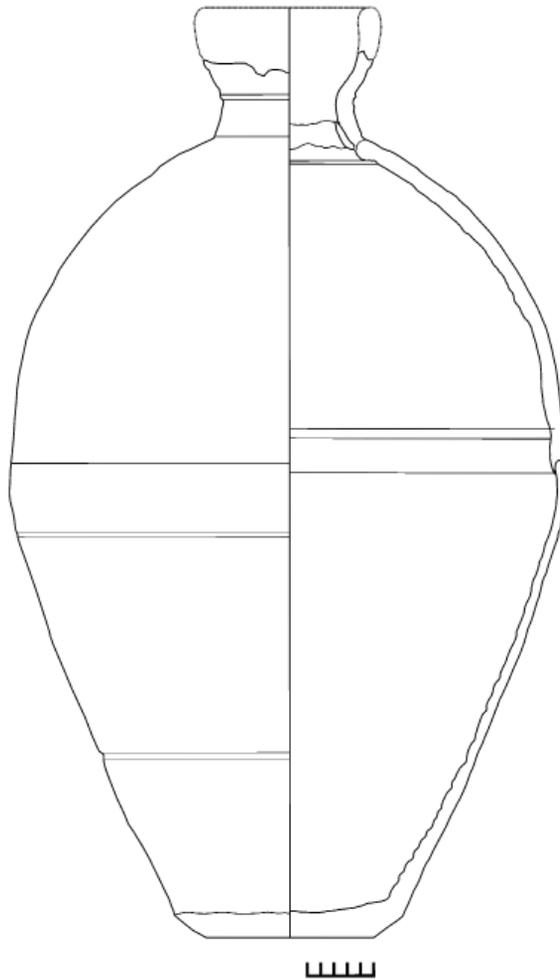

Рис. 6. Пифос группы 1Б из раскопа (2013-СХСП-132).
Реставрация и прорисовка И.В. Волкова.

Fig. 6. Group 1B pithos from dig (2013-СХСП-132). Restored and drawn by I.V. Volkov.

ном гончарном круге из одной порции глины (за исключением горла), либо он собирался из трех частей. В последнем случае нижняя (примерно до середины его высоты) и верхняя части пифоса вытягивались по отдельности (верхняя часть могла формироваться и ленточным налепом). В одних случаях на днищах видны срезы нитью, в других – следы зольной подсыпки, требовавшей дополнительного при-

крепления дна вытягивавшегося сосуда к поверхности круга. На днищах некоторых сосудов подгруппы Б видны следы срезания излишков глины по краям дна (рис. 4: 1). В последнюю очередь прикреплялась горловина, сформованная отдельно и наклепленная на уже готовое тулово (Волков, Губайдуллин, 2012, рис. 6: Б). Профилировки горловин однотипны (они почти цилиндрические, с «при-

пухлым» вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком), и различаются лишь мелкими деталями оформления (большей или меньшей толщиной венчика, степенью выраженности валика на его внешней поверхности).

Итак, пифосы группы 1 объединяются единством профилировки и технологии изготовления, но различаются по рецептуре подготовки формовочных масс и самому глиняному сырью, что позволяет говорить о двух различных центрах их производства в пределах одной культурно-исторической области.

О происхождении пифосов рассматриваемой группы имеется гипотеза, высказанная И.В. Волковым исходя из анализа материалов раскопок в Азове и на Селитренном городище, согласно которой эти сосуды связывались своим происхождением с Критом (Волков, 1992, с. 156, рис. 7: 1; Волков, Губайдуллин, 2012, с. 200–202). При этом пифосы из Азова также подразделялись на 2 подгруппы, соответствующие описанным выше. Критская атрибуция строилась на двух основаниях. Во-первых, Крит был одним из производителей вина, а его порты могли посещаться торговыми кораблями Венеции по пути следования в Тану (торговую факторию Венеции на территории средневекового Азака, ныне г. Азов Ростовской области). Во-вторых, на стенке одного пифоса, найденной на Селитренном городище, находилось клеймо с изображением льва в геральдической позе (Волков, Губайдуллин, 2012, рис. 9), а похожий вид имела эмблема Венеции. Учитывая, что Крит в XIV в. являлся венецианским владением, предложенная гипотеза выглядела

вполне логичной. Поэтому она была воспринята другими исследователями, в частности А.Н. Масловским, включившим подобную керамику в классификационную схему керамического комплекса средневекового Азака в виде таксона «группа 28 (Крит)» (Масловский, 2006, с. 435, рис. 51: 1–7). Надо заметить, что критская атрибуция изначально не рассматривалась ее автором как бесспорная, т.к. смущало некоторое сходство формовочной массы сосудов подгруппы А с керамикой городов Юго-Восточного Крыма (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 202) из-за добавок в тесто красного шамота и присутствию в нем природных карбонатов. Однако такие примеси встречаются в керамике разных регионов.

Пересмотреть «критскую» гипотезу заставляют данные о том, что во многих городах Каталонии и Андалусии известны точно такие же по профилировке сосуды, пункты производства которых установлены с разной степенью точности. И хотя формовочные массы этих сосудов не описаны в испаноязычной литературе, знакомство с археологическими материалами и консультации со специалистами⁶

⁶ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность директору Национального музея керамики и предметов роскоши имени Гонсалеса Марти в Валенсии (Испания) доктору J. Coll Conesa за полезные консультации и возможность осмотреть фондовые коллекции музея. Благодарю также директора Муниципального музея керамики в Манисесе S. Blanes Ibañes и директора Муниципального музея керамики в Патерне E. Monzanero. Большую пользу исследованию принесли также консультации с руководителем «Центра подводной археологии»

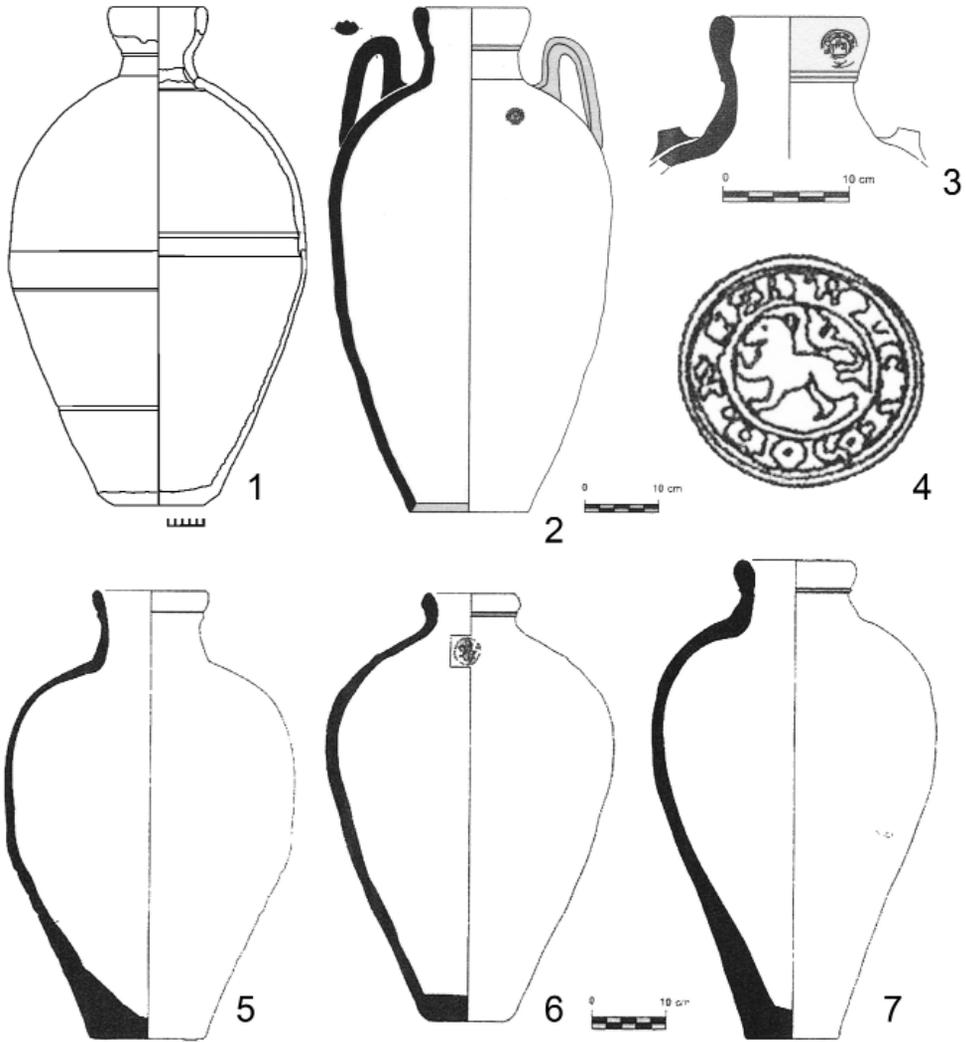

Рис. 7. Пифос из раскопа СХСII (1) в сравнении с амфорами типов «Barcelona IV» (2–3) и пифосами типа «Barcelona V» (5–7), клеймо на амфоре типа «Barcelona IV» (4) (по *Beltran, Bercero, 2012, lam. 6; 7, 8, 10, 12–14*)

Fig. 7. Pithos from dig СХСII (1) compared to Barcelona IV amphorae (2–3) and Barcelona V pithoi (5–7), a stamp on Barcelona IV amphora (4) (after *Beltran, Bercero, 2012, lam. 6; 7, 8, 10, 12–14*)

позволяют на предварительном уровне указать наиболее вероятное место

Киевского национального университета (Украина) С.М. Зеленко, которому выражаю свою благодарность за дружескую помощь.

производства пифосов, найденных в Болгаре – это Каталония (с наибольшей вероятностью – Барселона).

При реставрации древних построек в Барселоне были собраны многие десятки сосудов подобного облика, их обломки известны и в археологи-

Рис. 8. Клейма на пифосах из Болгара (1, 7) и Испании (без масштаба): 2, 3 – из монастыря Тринидад в Валенсии (по Soler Ferrer, 1988, p. 179) и рынка в Пальме на Майорке (по Beltran, Bercero, 2012, p. 106), 4 – из монастыря св. Катерины в Барселоне (по Beltran, Bercero, 2012, p. 106), 5, 6 – из археологических материалов Патерны (по Villarroel Escalante, Mesquida Garcia, 2007, fig. 7, 42; Amigues, Mesquida Garcia, 1987, fig. 32, 40); 8 – из церкви Санта-Мария в Кастильон-де-Ампуриас (по Beltran, Bercero, 2012, p. 105, lam. 6, 2); 9 – из раскопок на площади Gardunya в Барселоне (по Beltran, Bercero, 2012, p. 105, lam. 6, 2).

Fig. 8. Stamps on pithoi from Bolgar (1, 7) and Spain (no scale): 2, 3 – from Trinidad monastery in Valencia (after Soler Ferrer, 1988, p. 179) and market on Palma-di-Mallorca (after Beltran, Bercero, 2012, p. 106), 4 – from St. Catherine's monastery in Barcelona (after Beltran, Bercero, 2012, p. 106), 5, 6 – from archaeological materials from Paterna (after Villarroel Escalante, Mesquida Garcia, 2007, fig. 7, 42; Amigues, Mesquida Garcia, 1987, fig. 32, 40); 8 – from Santa-Maria in Castellon-de-Ampurias church (after Beltran, Bercero, 2012, p. 105, lam. 6, 2); 9 – from the dig on Gardunya Square in Barcelona (after Beltran, Bercero, 2012, p. 105, lam. 6, 2).

ческих материалах. В классификации тарной керамики Барселоны эти сосуды отнесены к типу «Barcelona V», причем они имеют довольно большие различия по размерам и пропорциям. Их высота колеблется от 50 до 80 см при максимальном диаметре 33–46 см, пропорции тулова могли иметь соотношение максимального диаметра к высоте от 1:1,2 до 1:1,7 (Beltran, Bercero, 2012, lam. 7) (рис. 7: 5–7). Для датировки этих пифосов большое значение имеют находки в храмах, где их использовали в потолочных перекрытиях для облегчения веса засыпки кровли. Наиболее ранними постройками, в которых были применены такие сосуды, являются церковь Санта-Мария в Кастельон-де-Ампуриас (провинция Жерона, северо-восток Каталонии), строившаяся в 1261–1314 гг., и верхний этаж церкви монастыря Сант-Пере де ле Пуеллес, который был выстроен в 1322 г., но пифосы этого типа использовались в храмовых постройках и до самого конца XV в. (Beltran, Bercero, 2012, p. 93, fig. 2). Вероятно, появление этого типа пифосов следует связывать с самым началом XIV в. Таким образом, пифосы типа «Barcelona V» изготавливались на протяжении почти 200 лет. По мнению испанских исследователей, их объем ориентировался на норму в 12 испанских кварт, соответствующих 45–48 литрам. На сосудах типа «Barcelona V» изредка встречаются отпечатки клейм, но особенно широко клеймение было распространено у другой, более ранней, разновидности барселонской керамической тары – амфор типа «Barcelona IV». Эти сосуды, производившиеся в XIII–XIV вв. (т.е. они более ранние, но в XIV в. изготавливались параллельно с

пифосами типа V), имели ту же форму тулова, что у пифосов, но обладали петельчатыми ручками, прикрепленными к плечикам (рис. 7: 2). Совершенно очевидно, что амфоры типа IV и пифосы типа V представляют собой разные варианты фактически одного и того же тарного сосуда, трансформировавшегося на протяжении XIV в. в направлении отказа от ручек, что и превратило амфоры в пифосы.

Среди широкого разнообразия клейм, помещавшихся на плечики (редко – на венчик) амфор типа «Barcelona IV» известно изображение льва в круговой латинской надписи (Beltran, Bercero, 2012, lam. 6: 2; p. 105. № 4) (рис. 7: 4) (ср. с клеймом с Селитренного городища). Геральдические лилии, аналогичные клейму из Болгара (рис. 8: 1), в немалом числе известны на пифосах типа V (Beltran, Bercero, 2012, lam. 8: 15, 16; 9: 13, 14; p. 106. № 15, 16) (рис. 8: 3, 4). В XV в. традиция клеймения пифосов постепенно уходит в прошлое, но даже на сосудах конца XV в. клейма еще иногда ставились (Menendez Fueyo, 2012, p. 191).

Использование в каталонских клеймах геральдических изображений, считающихся характерными для Франции (цветок лилии) или Венеции (лев), не должно вызывать каких-либо сомнений: эти изображения не были исключительной геральдической собственностью только одного государства или королевского рода, а как распространенные символы использовались в разных странах и в разное время. В частности, геральдические лилии были довольно широко распространены в Каталонии и Арагоне (после объединения с Барселонским графством). Поэтому их можно ви-

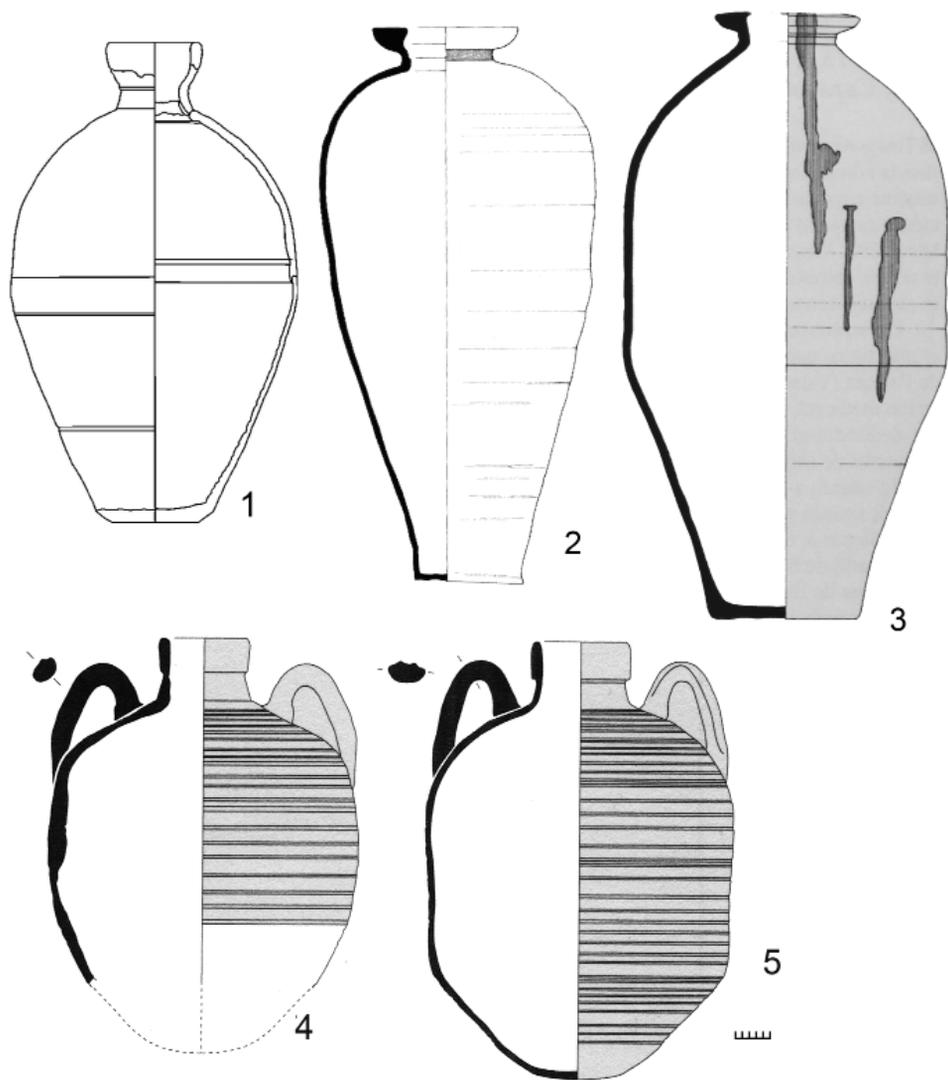

Рис. 9. Пифос группы 1Б из Болгара (1), пифосы «типа II» производства Патерны из Аликанте (2, 3 – по *Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, fig. 2, 3; Menendez Fueyo, 2012, p. 281*) и амфоры типа «Barcelona II» (4, 5 – по *Beltran, Bercero, 2012, lam. 4, 1, 3*).

Fig. 9. Group 1B pithos from Bolgar (1), type II pithoi of Paterna from Alicante production (2, 3 – after *Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, fig. 2, 3; Menendez Fueyo, 2012, p. 281*) and Barcelona II amphorae (4, 5 – after *Beltran, Bercero, 2012, lam. 4, 1, 3*).

деть помещенными на многие монеты королей Арагона и Майорки с XII по XV вв. Укажем только на золотые монеты короля Арагона Педро III, королей Майорки Хайме III, Хуана II, Альфонса V (Crusafont, 1996, lam. IV; VII, 1–8) и медные монеты каталонских городов Таларна (Crusafont et al., 1996, p. 115, № 45) и Тремпа (Crusafont, 1996, lam. X, 7–8), причем на гербе последнего по сей день красуются те же лилии.

На керамике изображения лилий в клеймах не несли уже прямого геральдического смысла, превратившись, вероятно, в один из популярных символов, использовавшихся властями разных городов. Поэтому клейма с лилиями встречаются не только на продукции Барселоны, но и на самой разнообразной керамике, найденной в Толедо (Ruiz Taboada, Fernandez del Cerro, 2009, lam. 13: 59), Патерне (Amigues, Mesquida Garcia, 1987, fig. 32: 40; Villarroel Escalante, Mesquida Garcia, 2007, fig. 7: 29–35, 42), Валенсии (Soler Ferrer, 1988, p. 179) (рис. 8: 2–6). Тем не менее очевидно, что именно в гончарстве Каталонии и Валенсии (т.е. в королевстве Арагон) этот символ был распространен особенно широко.

Немалое значение имеет и второе клеймо, обнаруженное в Болгаре, с латинской буквой “V” и 8-конечной звездой (рис. 8: 7). Это клеймо имеет прямые аналогии из Каталонии, с амфор «типа IV» барселонского производства, на которых также отмечены клейма аналогичного вида. Одно близкое клеймо известно на амфоре из церкви Санта-Мария в Кастельонде-Ампуриас в провинции Жерона (рис. 8: 8). На нем звезда не 8-ми, а 6-конечная, но зато четко читается

круговая надпись «Salvador Sacost» (Beltran, Bercero, 2012, p. 105, lam. 6: 2). Еще ближе второе аналогичное клеймо, происходившее из раскопок на площади Gardunya в Барселоне, – на этом клейме звезда 8-конечная, а круговая надпись нечитаема (рис. 8: 9) (Beltran, Bercero, 2012, p. 105, lam. 6: 2).

Вряд ли стоит сомневаться в каталонском происхождении рассматриваемых здесь разновидностей амфор и пифосов. Как уже отмечалось, в Барселоне известны многие десятки таких сосудов, массово применявшихся в храмовом строительстве (Bassegoda Nonell, 1978, lam. Vb). В других городах, удаленных от Барселоны, они встречаются уже заметно реже. Например, в Аликанте, находившемся в южной части королевства Валенсия, в пограничном районе с Андалусией, несмотря на то, что это был крупный торговый порт на берегу моря, пифосы типа «Barcelona V» известны в небольшом количестве. Так, при строительстве там базилики Санта-Мария, возведенной, правда, в более позднее время (1480–1530 гг.), из примерно 230 сосудов, использованных в кровельных засыпках, только 7 экз. (3%) относились к рассматриваемому типу (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, fig. 5), которому в систематике материалов из этого памятника присвоен таксон «тип III». Видимо, столь низкая доля этих сосудов означает, что к началу XVI в. такие пифосы производились в небольшом количестве, либо они не принимали заметного участия в средиземноморской торговле. Кроме многочисленных храмов и культурного слоя Барселоны, а также упомянутой базилики в Аликанте, амфоры и пифосы типов «Barcelona IV и V» из-

Рис. 10. Обломок амфоры группы 2 из раскопа СХСII в Болгаре.

Fig. 10. Sherd of group 2 amphora from dig СХСII on Bolgar.

вестны в Жероне, Валенсии и еще в нескольких пунктах на территории Каталонии и Балеарских островов (Menendez Fueyo, 2012, p. 81; Beltran, Bergero, 2012, p. 105, 106).

Важно отметить, однако, что даже к началу XVI в., судя по находкам из Аликанте, форма и пропорции пифосов этой группы оставались такими же, как и двумя столетиями раньше (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, lam. V, fig. 2: 5, 6, p. 211, 212, 218; Menendez Fueyo, 2012, fig. 6: 2; 9; p. 189–192, 195, 214, 215, 282–284). Кроме того, на них по-прежнему ставились круглые клейма, а на поверхности встречались дипинти (Menendez Fueyo, 2012, p. 215) и потеки зеленой глазури (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, lam. V).

Происхождение потеков глазури остается неясным. Есть мнение, что оно связано с обжигом крупных тарных сосудов вместе с глазурованными, но ярусом ниже, что приводило к стеканию излишков глазури (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 201), однако оно кажется весьма сомнительным. Обжиг поливной посуды проводился в специализированных горнах, причем продолжительность и температура такого обжига обычно заметно

меньше, чем требуется для обжига крупных тарных сосудов. Сомнительно, что ради получения дорогой глазурованной посуды гончары стали бы рисковать ее качеством, помещая такие изделия вместе с пифосами, требовавшими значительно более продолжительного по времени обжига, в ходе которого партия поливной керамики могла просто превратиться в брак. Более вероятным видится иное объяснение подобных фактов: пифосы изготавливались в тех же мастерских, где занимались производством поливной посуды, причем нанесение глазури могло проводиться в тех же помещениях, где сушились и ожидали обжига уже сформованные пифосы, и в ходе этой работы отдельные порции глазури могли выплескиваться на стенки пифосов. Сырая глазурь быстро впитывалась в поверхности стенок, а после того, как начинался обжиг пифосов, глазурь закреплялась именно на тех участках, куда она случайно попала.

Не вполне верно также утверждение о том, что характер потеков глазури свидетельствует о том, что в горне они располагались в лежачем положении, на крае горла и плече (Волков, Гу-

Рис. 11. Обломки амфор группы 3 из Болгара (1, 2) и поверхность пифоса «типа VIII» (3, 4) из монастыря Санто-Доминго в Валенсии (из коллекции Муниципального музея Манисеса).

Fig. 11. Sherds of group 3 amphorae from Bolgar (1, 2) and surface of type VIII pithos (3, 4) from Santo-Domingo monastery in Valencia (from the collection of Manises Municipal Museum).

байдуллин, 2012, с. 201). В большинстве случаев потеки располагаются на тулове пифосов вертикально, причем эти потеки сужаются книзу тулова, кроме того, нередко глазурь оказывалась и на венчиках (Menendez Fueyo, 2012, p. 190, 191, 195, 281–184). Таким образом, в момент попадания глазури на поверхность пифосов они рас-

полагались вертикально, стоя на дне. Вероятно, и в ходе обжига положение сосудов в горне было таким же, хотя, разумеется, отдельные пифосы могли размещаться в горне в иной позиции, нежели большинство.

Потеки глазури на поверхностях пифосов являются одной из самых ярких и примечательных особенно-

стей, резко отделяющих данную группу сосудов от многочисленных иных разновидностей испанской тарной керамики. Впрочем, есть еще одна группа испанских пифосов, на которых встречаются подобные потеки, хотя и очень редко – это пифосы производства Патерны, отнесенные к «типу II» сосудов, извлеченных из кровли базилики Санта-Мария в Аликанте (Menendez Fueyo, 2012, p. 204, 281). Сходство с барселонскими пифосами прослеживается при этом и по другим, значительно более важным, признакам: общим пропорциям тулова (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, p. 77–79; Menendez Fueyo, 2012, fig. 7, 8, p. 79, 80, 189, 193, 204, 211, 214, 281, 284), наличию клейм на плечиках сосудов, способу прикрепления днища к кругу (либо зольные подсыпки, либо следы среза нитью), срезу излишков глины вокруг дна. В то же время имеются и заметные различия – по формам венчиков, размерам сосудов, датировкам: пифосы Патерны (типа II) более крупные по размерам (их объем достигает 80 л), их венчики более массивны и всегда отогнуты наружу (рис. 9: 2, 3), наконец, они появляются позже каталонских (не ранее второй половины XIV в.). При всем том формовочные массы продукции Патерны и пифосов подгруппы Б из Болгара имеют высокую степень сходства⁷. Поэтому можно допускать, что часть пифосов XIV в., морфологически идентичных барселонским, изготавливалась в Патерне. Учитывая, что гончарное про-

изводство в Патерне (как и сам населенный пункт) появилось в XIII в., после присоединения Валенсии к Арагону (1238 г.), можно предполагать, что налаживание производства пифосов в Патерне происходило не без влияния каталонского гончарства, что вполне могло привести к копированию известных форм сосудов. Эта гипотеза, безусловно, требует тщательной проверки с привлечением всех возможных методов (в том числе методов естественных наук).

Группа 2. Округлодонные амфоры с петельчатыми ручками на плечиках, изготовленные из сильноожезлененной (красножгущейся) глины без видимых примесей (кроме естественных включений карбонатных пород). Формировались вытягиванием из 2 частей (стыковочный шов на середине высоты сосуда) и отдельно вытянутого горла, отличительной морфологической особенностью которого являлась выраженная «манжета» – утолщение на внешней стороне. Внешняя поверхность амфор имела бежевый оттенок. На раскопках в Болгаре удалось достоверно зафиксировать только 1 обломок подобной амфоры (рис. 10), обнаруженный в отложениях субгоризонта 3 IV-го позднезолотоордынского слоя (2013-CLXXIX-1389), предположительно датированном 1330-ми гг. По своей форме этот венчик может быть сопоставлен только с одной разновидностью средневековых амфор – сосудам типа «Barcelona II» (рис. 9: 3, 4), датированным в пределах второй половины XIII – XIV вв. (Beltran, Bersero, 2012, p. 87). Интересно, что на амфорах этого типа также встречаются потеки зеленой глазури на внешней поверхности (Beltran, Bersero, 2012,

⁷ Характерно, что испанские коллеги (J. Coll Conesa и E. Monzanero) допускают возможность того, что предъявленный им «на опознание» обломок пифоса группы 1Б из Болгара, относился к сосуду, изготовленному в Патерне.

р. 87, fig. 9), что позволяет предполагать их изготовление если не в тех же центрах, что и пифосы группы 1, то в близкородственных им по традициям отбора и подготовки глиняного сырья, а также традиции конструирования полого тела амфор. Но клейма на стенках подобных амфор пока не встречены.

За исключением Испании, амфоры рассматриваемого типа известны по единичным находкам на побережье Израиля в комплексе пожара 1291 г. (Johns, 1934, fig. 9) и в Крыму (Новосветская бухта) – кораблекрушение второй половины XIII в. (Морозова, Зеленко, 2012, с. 83–86, рис. 1: 1).

Группа 3. Округлодонные амфоры с петельчатыми ручками на плечиках, изготовленные из слабожелезистой глины (желто-розового цвета) с очень большим количеством минеральных отощителей крупной фракции (в основном до 0,5 мм, но имеются и более крупные – до 1 мм), среди которых имеются как окатанные, так и неокатанные, причем различных пород – кварцитные, полевошпатные, карбонатные, железистые. Это единственная разновидность амфор XIV века, формовочные массы которых имеют столь грубые примеси, а поверхность – сильно шероховатую фактуру (рис. 11: 1, 2). Второй необычной особенностью амфор этой группы являются отпечатки крученой веревочки на уровне максимального диаметра сосуда.

Впервые в Болгаре обломки такой амфоры были диагностированы И.В. Волковым в 2012 г. на раскопе CLXXII (руководитель А.М. Губайдуллин), создавшим графическую реконструкцию амфоры, которой не хватало только ручек и венчика (рис. 12:

1). Им же было сделано подробнейшее описание формовочной массы, профилировки амфоры, высказано предположение о порядке ее конструирования (из не менее чем 2 частей, вытягивавшихся по-отдельности, а затем состыковывавшихся) и предложено объяснение отпечатков веревочки – для измерения окружности амфоры и тем самым ее объема (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 192, 193, рис. 2, 3). Сохранившаяся высота амфоры 58,5 см, максимальный диаметр 47 см. Амфора прошла полный высокотемпературный обжиг, ее излом был 3–5-слойным, с полосами желтого и розового цвета (Волков, Губайдуллин, 2012, рис. 4). Хотя большинство обломков этой амфоры происходили из слоя II, сформировавшегося в русской деревне XVIII–XX вв., все же 8 фрагментов были найдены в золотоордынском слое IV, датированном несколькими монетами, что позволило авторам высказать предположение о выпадении этих фрагментов в культурный слой в 1330-х гг. (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 191, 192).

И.В. Волков обнаружил еще 3 обломка амфор данной группы (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 199, рис. 5: 1–3) в материалах раскопок М.Д. Полубояриновой на раскопе CIV (на площади центрального базара Болгара). Относительно большие глубины залегания обломков (пласты 3–9) и отсутствие на раскопе CIV обширных поздних перекопов позволяют уверенно связывать их с IV позднезолотоордынским слоем. К ним добавляются обломки, обнаруженные на раскопах CLXX-IX (3 шт.) и CXСII (9 шт.) в 2012–2014 гг. Стратиграфическое распределение этих образцов представлено в таблице 3:

Таблица 3

Слой IV-позднезолотоордынский		
Субгоризонт 1	Субгоризонт 2	Субгоризонт 3
3	7	2

Из этих 12 находок только 6 представляли собой крупные обломки, которые были зафиксированы в отложениях субгоризонта 1 (2014-СХ-СII-687), субгоризонта 2 (2013-СХ-СII-258; 2014-СХСII-264, 687, 759) и субгоризонта 3 (2012-CLXXIX-364, 718). Таким образом, большинство самых крупных обломков происходило из субгоризонта 2 (рис. 11: 1). Сложно сказать, какому числу амфор принадлежали эти обломки, но, судя по идентичности формовочных масс разных обломков, нельзя исключать того, что все они относились к только одному сосуду. В этом случае можно говорить о 2 амфорах группы 3 в Болгаре (одна из раскопов на базаре, вторая – из раскопа CLXXII, размещавшегося к северо-западу от них).

И.В. Волковым было указано, что единичные обломки подобных амфор встречаются в слоях золотоордынской эпохи в Азове, на Селитренном и Маджарском городищах, а также высказано предположение о происхождении амфор данной группы из сиро-палестинского региона (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 197, 199). Правда, им не были указаны синхронные аналогии, а вместо них представлены раннесредневековые амфоры, датирующиеся к тому же не позже IX в. (а в основной массе и того раньше – IV–VII вв.) и имеющие лишь весьма отдаленное сходство с амфорами из Болгара. Поэтому приходилось делать предположения о сохранении традиции производства таких амфор в неизвестном центре на протяжении почти

500 лет без всяких следов продукции этого центра. Ссылка на единичную находку из замка Саранда Колонес (Кипр), погибшего при землетрясении 1222 г., не помогала решению вопроса, поскольку, допуская наличие в Восточном Средиземноморье производящего центра подобных амфор, следовало бы ожидать и массовые их находки.

Испанский материал свидетельствует о том, что имеются гораздо более близкие по времени аналогии, позволяющие предложить иную атрибуцию. Амфоры идентичной профилировки, с аналогично крепившимися ручками, происходят из кораблекрушения «*Les Sorres X*», исследованного на окраине Барселоны и датированного второй половиной XIV в. На поверхности этих амфор есть также отпечатки крученой веревочки (Raurich et al., 1992, fig. 33–38; Beltran, Bercero, 2012, lam. 2: 1) (рис. 12: 2). По мнению ряда испанских исследователей, такие амфоры привозились из Андалусии, вероятно из Севильи (Beltran, Bercero, 2012, p. 82, 84). Этот тезис подтверждает плоскодонный желтоглиняный пифос XIII в. из Гранады, тесто, которого не имеет видимых грубых примесей, но с четким отпечатком веревки на внешней поверхности (Arte islamico en Granada, 1995, p. 383. Num. 146). Вероятно, способ контроля за объемом сосудов при помощи мерной веревочки был распространен у гончаров Андалусии.

Интересно, что так же, как и в случае с сосудами рассмотренной выше группы 1, в конце XIV в. производи-

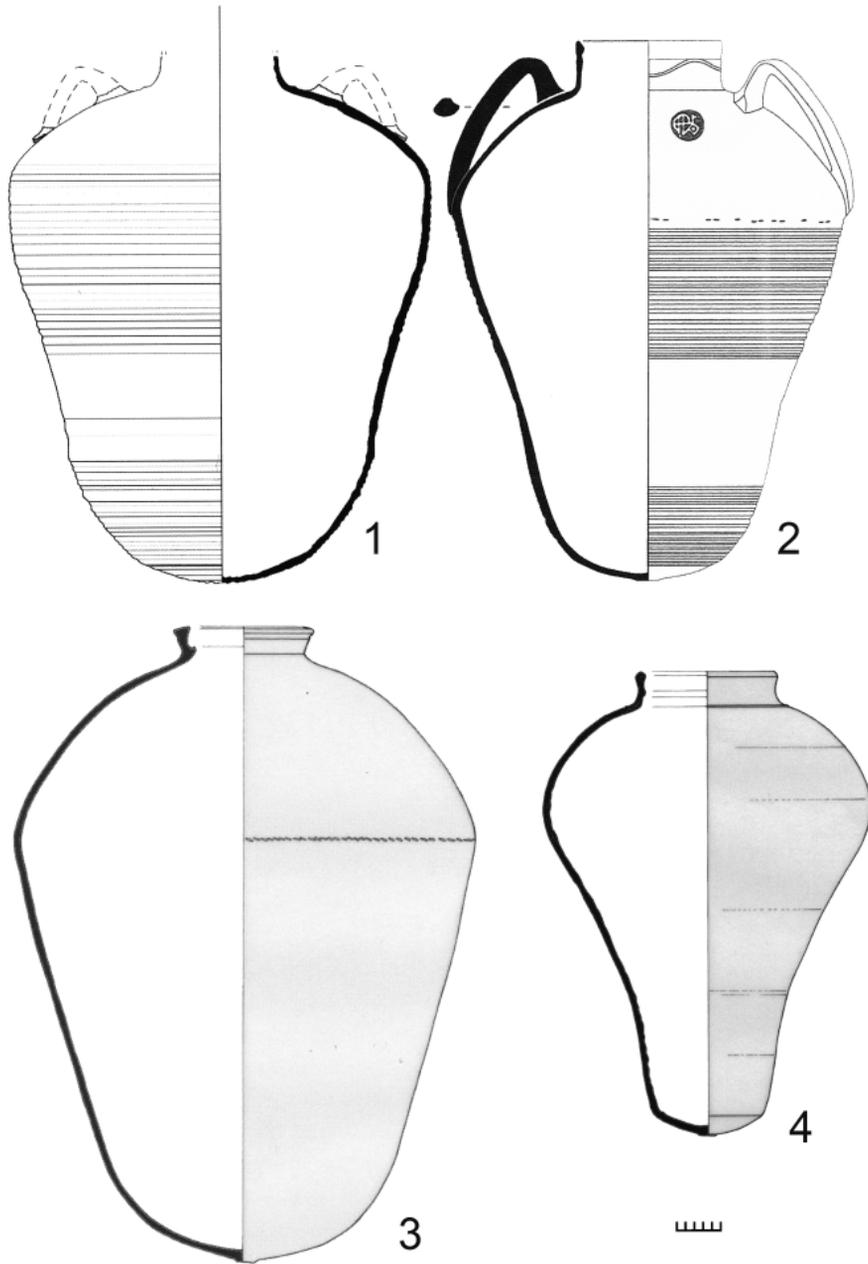

Рис. 12. Амфора группы 3 (1 – по Волков, Губайдуллин, 2012, рис. 1) и испанские сосуды: 2 – амфора из кораблекрушения «*Les Sorres X*» (по Beltran, Bercero, 2012, lam. 2, 1); 3, 4 – пифосы «типов VIII и XX» (по Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, fig. 3, 2; 4, 5).

Fig. 12. Group 3 amphora (1 – after Волков, Губайдуллин, 2012, рис. 1) and Spanish vessels: 2 – amphora from a ship wreck «*Les Sorres X*» (after Beltran, Bercero, 2012, lam. 2, 1); 3, 4 – type VIII and XX pithoi (after Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, fig. 3, 2; 4, 5).

тели амфор типа «*Les Sorres X*» отказались от крепления к ним ручек, что превратило эти тарные сосуды в пифосы (испанские исследователи предпочитают называть их «кувшинами»). Очевидными наследниками рассмотренных выше амфор стали круглодонные пифосы типов VIII и XX (нумерация типов приводится по группировке находок в потолочных перекрытиях упоминавшейся выше базилики Санта-Мария в Аликанте). Формовочные массы этих сосудов имеют прямое сходство с образцами из Болгара, поскольку они содержат грубые примеси, выступающие на поверхности сосудов (рис. 10: 3). Отличие состоит в том, что количество примесей на сосудах конца XIV–XV вв., которые удалось осмотреть⁸, было заметно меньше, чем у амфор из Болгара.

Пифосы типа VIII изготавливались с середины XIV по XVII в., они имели грушевидный корпус, близкий (практически идентичный) более ранним амфорам (рис. 12: 3), причем большинство из них несли на уровне максимального диаметра отпечаток крученой веревочки (рис. 11: 4), точно такой же, как на болгарской амфоре (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, p. 89, 90, 209, 218, fig. 3: 2, 3; Menendez Fueyo, 2012, p. 192, 193, 209–213, 276). Сосуды типа VIII были обнаружены также в Барселоне (в кафедральном соборе 1298–1420 гг., Валенсии (в монастыре Санто-Доминго, XV в.), а также в Авиньоне (Франция), Сера-

⁸ Пифосы из монастыря Санто-Доминго в Валенсии (неопубликованные материалы из фондов Музея керамики в Манисесе, за возможность познакомиться с которыми благодарю Директора музея S. Blanes Ibañes).

веще (близ Лукки, Италия), в Америке и других местах. В базилике Санта-Мария в Аликанте пифосы этого типа (19 сосудов) составляли заметную долю (8%), уступавшую только продукции Патерны (типы I, II, IV, VI), которая составляла 75% всех сосудов, использованных при строительстве (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, fig. 5). Таким образом, пифосы типа VIII занимали второе место по численности после местных валенсийских. Они имели внушительные размеры – высоту до 60 см, диаметр до 50 см, емкость до 80 л.

Не менее интересны пифосы типа XX, формовочные массы которых были близки массам пифосов типа VIII наличием большого количества грубых примесей, а профилировка явно наследовала их формам, но имела суженную нижнюю часть тулова (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, p. 100, fig. 4: 5, lam. XII; Menendez Fueyo, 2012, p. 241) (рис. 12: 4). В базилике Санта-Мария в Аликанте обнаружено только 2 пифоса типа XX, что и не удивительно, поскольку появляются они лишь в конце XV в., а бытуют в XVI в. (Bevia Garcia, Azuar Ruiz, 2005, fig. 9). Это также довольно крупные сосуды высотой до 53 см и диаметром до 38 см, но за счет узкого тулова их объем был заметно меньше – до 25 л. Поверхность таких сосудов иногда покрыта рифлением, но не столь рельефным, как у амфор из Болгара, а изнутри они покрывались желтой прозрачной глазурью. На их поверхности также встречаются отпечатки крученой веревочки.

Происхождение рассмотренных разновидностей тары также связывается с Андалусией. Очевидно, что столь долгое (на протяжении 200–300

лет) сохранение единства формы, набора примесей для приготовления керамического теста и использование веревки для контроля за объемом сосуда, свидетельствует о глубокой традиции, сохранявшейся в среде потомственных гончаров, проживавших, очевидно в каком-то определенном центре и пользовавшихся одним и тем же источником сырья.

Думается, что приведенных аргументов достаточно для формулирования гипотезы об испанском происхождении перечисленных образцов керамики, найденных в Болгаре. Доставку в Восточную Европу испанских амфор могли осуществлять итальянские купцы, а главной перевалочной базой при этом могла служить венецианская фактория Тана, расположенная в устье Дона (на территории золотоордынского Азака). Отсюда испанские сосуды (вместе с другой импортной тарой, прежде всего – трапезундскими амфорами) могли транспортироваться водным путем по Дону и Волге в золотоордынские города Поволжья, вплоть до Болгара. Однако Азак не был единственным местом, куда ввозилась испанская тара. В последние годы ее находки стали известны в Крыму, в кораблекрушении на дне Новосветской бухты (Морозова, Зеленко, 2012, с. 83–86, рис. 1: 1), которое связывается с пизанским торговым судном⁹. Очевидно, что эти единичные находки, при отсутствии сведений о подобных сосудах, обнару-

женных при раскопках поселенческих памятников, свидетельствуют о спорадическом характере импорта испанской керамики в Крым и другие города Северного Причерноморья. Впрочем, небольшие обломки испанских амфор и пифосов при раскопках могли просто не выделяться исследователями из общей массы тарной керамики.

Не вполне понятно, какой товар поставлялся на Волгу в этих сосудах. На роль такого товара в равной мере может претендовать вино и оливковое масло. Известно, что в XVII–XVIII вв. в круглодонных пифосообразных сосудах (наследниках рассмотренных выше разновидностей тары) из Испании вывозилось в основном оливковое масло. Возможно, и в XIV в. в них перевозился именно этот товар, однако полной уверенности в этом быть не может. Во всяком случае, в амфорах, обнаруженных в упоминавшемся кораблекрушении «*Les Sorres X*» близ Барселоны, находилась соленая рыба. Конечно, вряд ли на Волгу, изобиловавшую рыбой, из далекой Испании везли этот продукт, поэтому вино и масло остаются наиболее вероятным содержимым обнаруженной тары. Вероятно, экзотические товары из Западного Средиземноморья попадали в Болгар не часто, поскольку были, вне всякого сомнения, исключительно дороги, но само их присутствие в слоях города эпохи его расцвета говорит о высокой покупательной способности жителей Болгара в тот период его истории.

⁹ По сообщению С.М. Зеленко (Киев, Украина), российско-украинской экспедицией в 2014 г. на территории порта Феодосии был найден целый пифос, принадлежащий к «типу VIII» сосудов из базилики Санта-Мария в Аликанте (см. описание этого типа выше).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валиулина С.И.* Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ТГИМ, 2000. С. 273–285.
2. *Волков И.В.* О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. / Ред. В.Я. Кияшко, В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992. С. 143–157.
3. *Волков И.В., Губайдуллин А.М.* Редкие группы керамического импорта в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 190–203.
4. *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. М.: Наука, 2015. С. 188–199.
5. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 308–473.
6. *Морозова Я.И., Зеленко С.М.* Средневековая испанская амфора с кораблекрушения в Черном море // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) / Гл. ред. М.И. Гладких. Київ: СПД ФОП Чальцев, 2012. С. 83–86.
7. *Тесленко И.Б.* Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник / Отв. за вып. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: «ТОВ Горобець», 2004. С. 467–494.
8. *Arte islamico en Granada.* Granada: Editorial Comares, 1995. 512 p.
9. *Amigues F., Mesquida Garcia M.* Un horno medieval de ceramica. «El Testar de Moli» Paterna (Valencia). Madrid: Casa de Velasquez, 1987.
10. *Beltrán de Heredia Bercero, J.* Les gerres de transport marítim: producció i comerç a Barcelona. Quaderns d'arqueologia i història de la ciutat de Barcelona. Quarhis. Epoca II. Num. 8. Barcelona: Museu d'Història de Barcelona (MUHBA), 2012. P. 80–109.
11. *Bassegoda Nonell J.* La ceramica popular en la arquitectura gotica. Barcelona, 1978. 261 p.
12. *Bevia Garcia M., Azuar Ruiz R.* Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceramica. Excavaciones en la Iglesia de Santa María de Alicante, 1997–1998. Alicante: MARQ, 2005. 259 p.
13. *Crusafont i Sabater M.* Historia de la moneda Catalana. Barcelona: Critica, 1996. 198 p.
14. *Crusafont i Sabater M., Labrot J., Moll i Mercadal B.* Plomos y jetones medievales de la peninsula Iberica. Barcelona, Madrid: Asociación Numismática Española, 1996. 174 p.
15. *Johns C.N.* Excavations at Pilgrims' Castle, "Atlit" (1932) the ancient tell the other defences of the Castle. The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine. Vol. III. Jweusalem London, 1934. P. 145–164.
16. *Koval V.* Medieval glazed ceramics of Spain and Italy in Eastern Europe. 12th European Meeting of Ancient Ceramics. Padova, Italy. Conference Program and Abstracts. Padova, 2013. С. 96.
17. *Menendez Fueyo J.L.* La ceramica medieval de la Basilica de Santa Maria de Alicante. BAR International Series. № 2378. Oxford, 2012.
18. *Raurich X., Pujol, M., Martín, A., Jover, A., Izquierdo, P., Garrido, E.* Les Sorres X. Un vaixell medieval al canal olimpic de rem (Castelldefels, Baix Llobrigat). Barcelona: Generalitat de Catalunya, Departament de Cultura, 1992. 72 p.
19. *Ruiz Taboada A., Fernandez del Cerro J.* La Puerto del Vado de Toledo. Toledo: Antonio Parejo Editor, 2009.
20. *Soler Ferrer M.P.* Historia de la ceramica Valenciana. T. II. Paterna, 1988.
21. *Villarroel Escalante J.J., Mesquida Garcia M.* Las marcas de las tinajas de Paterna. In Pérez Ballester, J., Pascual Berlanga, G. (eds.). Comercio, redistribucion y fondeaderos.

La navegacion a vela en el Mediterraneo. Actas V Jornadas Internacionales de arqueologia Subaquatica. Valencia: Universitat de València, Servei de Publicacions, 2007. P. 383–395.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

SPANISH CERAMICS IN THE MEDIEVAL BOLGAR

V.Yu. Koval

The article addresses a series of container vessels (amphorae and pithoi) found during the recent digs on Bolgar, attributed as Spanish production. All finds come from layers and structures of 1330–1360s. Three groups can be distinguished among the Spanish imports, different in terms of their technological and morphological features. Two of them belong to Barcelona production (and possibly from Paterna in Valencia environs). The third group includes sherds of amphorae, probably from Andalusia (Seville?). Spanish amphorae and pithoi could be used to import such exotic products as olive oil or grape wine (?) to Eastern Europe. The examined finds demonstrate Bolgar's far reaching trade relations in the middle of 14th century.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Bolgar fortified settlement, Spain, 14th century, imports, amphorae, pithoi, technological and morphological features.

REFERENCES

1. Valiulina, S. I. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 273–285 (in Russian).
2. Volkov, I. V. 1992. In Kiiashko, V. Ya., Maksimenko, V. E. (eds.). *Donskie drevnosti (Antiquities of the Don)* 1. Azov: Azov Museum of Local Lore, 143–157 (in Russian).
3. Volkov, I. V., Gubaidullin, A. M. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 190–203 (in Russian).
4. Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. Moscow: "Nauka" Publ., 188–199 (in Russian).
5. Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 308–473 (in Russian).
6. Morozova, Ya. I., Zelenko, S. M. 2012. In Hladkykh, M. I. (ed.). *1000 rokov vizantiis'koi torgivli (V—XV stolittia) (1000 Years of Byzantine Commerce (5th—15th Centuries))*. Kiev: "Chal'tsev" Publ., 83–86 (in Russian).
7. Teslenko, I. B. 2004. In Kukoval'skaia, N. M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)*. Kiev, Sudak: "TOV Gorobets'" Publ., 467–494 (in Russian).
8. *Arte islamico en Granada*. 1995. Granada: Editorial Comares.
9. Amigues, F., Mesquida Garcia, M. 1987. *Un horno medieval de cerámica. «El Testar de Moli» Paterna (Valencia)*. Madrid: Casa de Velázquez.
10. Beltrán de Heredia Bercero, J. 2012. Les gerres de transport marítim: producció i comerç a Barcelona. *Quaderns d'arqueologia i història de la ciutat de Barcelona (Quarhis)*. Època II, num. 8. Barcelona: Museu d'Història de Barcelona (MUHBA), 80–109.
11. Bassegoda Nonell, J. 1978. *La cerámica popular en la arquitectura gotica*. Barcelona: Ediciones Thor.

12. Bevià García, M., Azuar Ruiz, R. 2005. *Santa María Descubierta. Arqueología, arquitectura y cerámica*. Excavaciones en la Iglesia de Santa María de Alicante, 1997–1998. Alicante: MARQ.
13. Crusafont i Sabater, M. 1996. *Història de la moneda Catalana*. Barcelona: Critica.
14. Crusafont i Sabater, M., Labrot, J., Moll i Mercadal, B. 1996. *Plomos y jetones medievales de la Península Ibérica*. Barcelona; Madrid: Asociación Numismática Española.
15. Johns, C. N. 1934. Excavations at Pilgrims' Castle, "Atlit" (1932): the ancient tell the other defenses of the Castle. *The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine*. Vol. III. Jerusalem; London, P. 145–164.
16. Koval, V. 2013. Medieval glazed ceramics of Spain and Italy in Eastern Europe. *12th European Meeting of Ancient Ceramics. Padova, Italy. Conference Program and Abstracts*. Padova, 96.
17. Menéndez Fueyo, J. L. 2012. *La cerámica medieval de la Basílica de Santa María de Alicante*. BAR International Series, no. 2378. Oxford.
18. Raurich, X., Pujol, M., Martín, A., Jover, A., Izquierdo, P., Garrido, E. 1992. *Les Sorres X. Un vaixell medieval al Canal Olímpic de Rem (Castelldefels, Baix Llobregat)*. Barcelona: Generalitat de Catalunya, Departament de Cultura.
19. Ruiz Taboada A., Fernández del Cerro J. 2009. *La Puerta del Vado de Toledo*. Toledo: Antonio Parejo Editor.
20. Soler Ferrer, M. P. 1988. *Historia de la cerámica Valenciana*. T. II. Paterna. Valencia: Vicent García.
21. Villarroel Escalante, J. J., Mesquida García, M. 2007. Las marcas de las tinajas de Paterna. In Pérez Ballester, J., Pascual Berlanga, G. (eds.). *Comercio, redistribución y fondeaderos. La navegación a vela en el Mediterráneo*. V Jornadas Internacionales de Arqueología Subacuática: actas. Valencia: Universitat de València, Servei de Publicacions, 383–395.

About the Author:

Koval Vladimir Yu., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

Статья поступила в номер 29.03.2016 г.

УДК 902 + 666.3/ 7

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ «ДЖУКЕТАУ» (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

© 2016 г. В.Н. Бахматова

Статья посвящена истории изучения и дискуссионным вопросам происхождения, развития, хронологии керамики «джукетау» (группа XIII неполивной керамики по классификации Т.А. Хлебниковой). Данная керамика выделена в отдельную группу по итогам археологических исследований памятников Нижнего Прикамья в 1960-х гг. Она локализуется большей частью в культурном слое одного из экономических и политических центров Волжской Болгарии – Джукетау. В данной работе обобщены основные опубликованные материалы. Представлены типологические и технологические признаки керамики «джукетау». Анализируются дискуссионные вопросы, связанные с исследованием различных аспектов бытования данной керамики. Отмечается значительная роль керамики «джукетау» в материальной культуре памятников территории Волжской Болгарии в домонгольское и золотоордынское время. В заключении определены дальнейшие перспективы ее изучения.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Волжская Болгария, Улус Джучи, домонгольское и золотоордынское время, неполивная керамика, историография.

Керамика «джукетау», или группа XIII неполивной керамики, в соответствии с классификацией Т.А. Хлебниковой является одной из наиболее ярких и узнаваемых среди керамического материала археологических памятников домонгольской Волжской Болгарии и на ее золотоордынской территории (Хлебникова, 1984; Хлебникова, 1988). Несмотря на это, специальных работ, посвященных ее комплексному изучению и историографии, нет. Практически все работы, в которых она упомянута или описана, посвящены общим вопросам гончарства или производственной деятельности населения отдельных археологических памятников или Волжской Болгарии в целом. В небольшом количестве работ, к которым можно отнести обобщающие монографические исследования Т.А. Хлебниковой, И.Н. Васильевой, Н.А. Ко-

кориной и др., керамика «джукетау» имеет системное описание. При этом существует круг проблем, которые заслуживают особого внимания в контексте изучения материальной культуры населения Среднего Поволжья в X – начале XV в.

В данной работе проблематика, связанная с этой группой керамики, может быть разделена на несколько основных блоков: первые находки и введение в научный оборот, истоки и развитие, морфология и технология изготовления, место в материальной культуре булгаро-татарских памятников.

Первые находки. Выделение в отдельный тип. Подходы к типологизации. Введение в научный оборот. Первые описания с присущими для керамики «джукетау» признаками можно встретить в работах А.П. Смирнова и Н.Ф. Калини-

на. В них предложена общая классификация неполивной керамики памятников Волжской Болгарии. А.П. Смирнов разделил всю неполивную керамику по внешним признакам – цвет, фактура, форма, орнамент. При характеристике материалов Джукетау он отмечал обычную общеповолжскую керамику, но с одной особенностью, характерной только для позднезолотоордынской эпохи. Волнистый орнамент представлен очень крутыми волнами, отличающимися от довольно пологих волн более ранней болгарской керамики (Смирнов, 1951, с. 267). Н.Ф. Калинин при описании материальных остатков Чалынского городища разделил всю керамику на три группы по обжигу. Профилировка и внешний облик некоторых сосудов из группы «высокого обжига» соответствует керамике «джукетау» (Калинин, 2000, с. 40–74). В данных работах рассматриваемая керамика не выделена как отдельная типологическая единица.

Впервые выделение керамики «джукетау» в особую группу посуды в комплексе неполивной керамики средневековых археологических памятников в Среднем Поволжье было сделано Т.А. Хлебниковой по результатам археологических исследований в Прикамье в 1960 г. (Хлебникова, 1960, л. 38–42, 44–48, 78–80, 93–94, 95–99). Подробное описание ее было дано в контексте исследования материальной культуры памятников Нижнего Прикамья. В описании материальных остатков Алексеевского городища Т.А. Хлебникова отмечала, что на данном памятнике впервые обнаружена большая группа посуды из теста с хорошо заметным песком как в группе лепной, так и в группе круго-

вой керамики. В небольшом количестве такая керамика встречена на всей территории Волжской Болгарии, а в Прикамье особенно много ее в районе Джукетау (Хлебникова, 1971, с. 167–168). В итоге было дано ее описание как горшковидной и чашевидной нелощеной круглодонной посуды с волнистым многорядным орнаментом по плечу (Хлебникова, 1971а, с. 172–173; 1974, с. 58–68). Этот орнамент из многорядной частой волны с крутым наклоном, нанесенный в один или два ряда по плечу, впоследствии получил название «волна джукетау».

Вторым этапом в изучении и выделении данной керамики в комплексе неполивной керамики стали исследования Джукетау в 1970–1972 гг. По итогам этих изысканий Т.А. Хлебниковой были выделены особенности керамического комплекса Джукетау, который отличается большим количеством посуды с хорошо заметным песком в тесте – керамика «джукетау» (Хлебникова, 1975, с. 234–251). Впоследствии эта группа керамики вошла в авторскую классификацию неполивной керамики Волжской Болгарии как группа XIII, или «джукетау» (Хлебникова, 1984, с. 167–168). В основе классификации лежит деление на этнокультурные группы по совокупности ряда признаков: техника формовки, состав теста, обработка поверхности, особенности обжига определялись визуально, общие очертания формы вычислялись на основании соотношения пропорций размеров. Самым значимым признаком была выбрана форма тулова, а также приемы оформления сосудов (Хлебникова, 1984, с. 21–26). Данная классификация, сформированная в середине 1980-х гг., во многом определила суть дальнейших

исследований керамики средневековых памятников Среднего Поволжья.

Н.А. Кокорина продолжила эту классификацию. В своих исследованиях автор в большей степени акцентировал внимание на выделении археолого-этнического типа при изучении общebolгарской керамики – установление типологических связей с традиционной посудой. Качественные признаки играют ведущую роль. В качестве дополнительного материала использовались знаки-тамги на массовой ремесленной посуде. Предложенная методика позволила автору выделить типы общих истоков в общebolгарской посуде, определяющих роль различных традиций в ее формировании, а также доказательно говорить о преемственности болгарской культуры домонгольского и золотоордынского периодов. Керамика группы XIII рассматривается как основа и важнейший компонент для образования XXI группы, или компонент в смешении традиций, и как результат, появление XVIII группы и т.д. (Кокорина, 1991, с. 49–51; 2002).

Направления изучения керамических комплексов Волжской Болгарии во многом определены подходами к общей классификации керамики. В большинстве своем эти классификации основаны на представлениях об уровне болгарского гончарного производства. Выделение керамики «джукетау» важно в контексте изучения материальной культуры других болгарских памятников. Ф.Ш. Хузин в результате описания керамического материала пригорода Биляра разделил все комплексы по технологическому принципу на гончарную и лепную керамику. Керамика «джукетау» вошла во вторую гончарную группу. На при-

мере этих материалов автор поднял вопрос о региональных особенностях данного типа керамики, которые проявились в изменении форм (Хузин, 1983, с. 20–50). Ранее Н.А. Кокорина также разделила керамику Биляра по технологическому принципу. Керамика типа «джукетау» была ею отнесена к лепной группе и близкой к ней (Кокорина, 1976, с. 212–227).

Истоки и развитие. Несмотря на существование достаточного количества работ, освещающих истоки и развитие различных групп керамики населения Волжской Болгарии, исследователи считают вопрос об истоках керамики группы «джукетау» дискуссионным (Набиуллин, 1997, с. 61–63). По обозначенной проблеме сформировались две основные концепции. Первая сформулирована Т.А. Хлебниковой по итогам археологических исследований в Нижнем Прикамье, ею поставлен вопрос об этнокультурных группах населения в составе домонгольской Волжской Болгарии (Хлебникова, 1971, с. 167–168). По этой концепции, истоки керамики «джукетау» – это третий компонент в формировании культуры Волжской Болгарии, кроме прикамско-приуральского и салтово-маяцкого (Хлебникова, 1974, с. 58–68). Большую роль в определении истоков этой группы керамики, по мнению Т.А. Хлебниковой, сыграло выделение IX группы керамики в культуре Волжской Болгарии, очень схожей по внешнему облику с группой керамики «джукетау». Для этих групп были определены одни истоки – южноказахстанские степи, то есть тюркский компонент (Хлебникова, 1984, с. 195). Детальные исследования керамических комплексов Болга-

ра дали возможность для подтверждения и развития этой точки зрения (Хлебникова, 1988, с. 15; Хлебникова, 2013, с. 148).

Отчасти точку зрения Т.А. Хлебниковой разделила И.Н. Васильева по итогам технологического исследования болгарской керамики. Керамика XIII группы выделяется специфичностью и яркой самобытностью технологических традиций. Она появилась как бы в готовом виде, со своими традициями, не имеющими аналогий в гончарстве других групп населения Волжской Болгарии, в том числе в VIII и IX группах, с которыми ее связывает Т.А. Хлебникова. Определенная близость субстратных навыков труда между керамикой IX и XIII групп есть, но абсолютизировать ее не следует, так как лоскутный налеп был широко представлен в гончарстве Волжской Болгарии. Нельзя оставить без внимания и общность форм (Васильева, 1993, с. 100).

Е.П. Казаков в своих работах сформулировал другую концепцию. Исследователь определил керамику «джукетау» как одну из гибридных групп, образовавшуюся под влиянием болгарской круговой керамики на основе постпетрогромской¹. Истоки этой керамики лежат в кругу уральских культур с керамикой, имеющей гребенчато-шнуровую орнаментацию (Казаков, 1971, с. 122–128; 1991, с. 111–123; 1996, с. 451; 2007, с. 52–53)².

¹ В классификации Т.А. Хлебниковой – это VII и VIII группы прикамских и приуральских истоков.

² Концепция развития Е.П. Казакова: в Волжскую Болгарию в X в. из районов петрогромской культуры проникают новые группы приуральского населения. Постпетрогромские кочевые группы с характерной цилиндрической керамикой,

Н.Г. Набиуллин указал на влияние угорских (финно-угорских) традиций (Набиуллин, 2011, с. 62, 64).

Обе концепции нашли отражение в работах Н.А. Кокориной. Она также видела истоки керамики «джукетау» в керамике IX группы. Ее истоки связываются с памятниками Южного Казахстана и Киргизии и отождествляются с исторически известными гузами-куманами, подвластными булгарам. Керамика группы IX явилась основой для формирования керамики группы XIII, происходившей при контакте с прикамско-приуральским населением. Отличия объясняются переходом под влиянием болгарского гончарства к ремесленной технике с применением вращения. Техника обеих групп примитивна. Определенная самобытность гончарных традиций допускает самостоятельный характер появления ее на территории Волжской Болгарии. Орнаменты имеют этническую специфику и общие истоки их формирования – кочевое население юга Казахстана и севера Средней Азии. Не исключена возможность смешения этих двух групп в Нижнем Прикамье (Кокорина, Хлебникова, 1993, с. 106–116; Кокорина, 1999, с. 177–187; 2002, с. 33–35; 2002–2003, с. 47–76; Кокорина, Останина, 2000, с. 76–174).³

имеющей веревочно-гребенчатую орнаментацию, в домонгольский период заняли практически всю территорию, ранее населенную кушнаренковскими этническими группами. Большие массы этого населения проникли в Западное Закамье и оставили лепную постпетрогромскую посуду или ее гибридные формы, образовавшиеся в результате воздействия со стороны болгарского комплекса круговой керамики.

³ Н.А. Кокорина пишет о том, что основные традиции этих групп самобытны, что подтвердили и исследования

Исходя из существующих исследований, можно сделать вывод о том, что развитие этой группы керамики происходило по нескольким направлениям. Во-первых, керамика группы XIII явилась подосновой для возникновения так называемых «гибридных» групп керамики, образовавшихся в результате смешения традиций изготовления традиционных групп керамики. Во-вторых, это развитие керамики «джукетау» следует рассматривать как маркерную и основную группу в керамическом комплексе Джукетау и других крупных памятников.

В рамках первого направления исследователи керамических комплексов большинства памятников Волжской Болгарии выявляли группы керамики, которые несут в себе черты от разных групп традиционной керамики, объединяя во многом традиции изготовления керамики «джукетау». Наиболее показательными, по мнению Н.А. Кокориной, являются взаимодействия с традициями VII, VIII, XVIII, XIX, XX, XXI, XIV, XVI групп. Происходившие в домонгольский и золотоордынский периоды изменения в составе и размещении различных этнокультурных групп керамики отразились на формировании болгаро-татарской посуды, в которой

технологии изготовления посуды этих групп. Формирование этих традиций можно связывать с кыпчаками-шарами, которые на пути расселения на запад смешались с кушнаренковско-караякуповскими племенами (тюркизированные угры) в Казахском Прииртышье. В эпоху Кимакского каганата в Южном Приуралье они оставили керамику типа Таптыковского городища. С X в. начинается оседание кыпчако-башкирских родов вместе с родственными гузукуманами в Нижнем Прикамье на территории Волжской Болгарии.

воплотились болгаро-салтовские, а с X в. – и огузо-кыпчакские традиции. Таким образом, сложившаяся в золотоордынский период этнокультурная картина в основных болгарских землях явилась более ярким и сложным отражением этнических процессов домонгольской поры (Кокорина, 1992, с. 100; 1994, с. 185–213; 1997, с. 81–85; 1999, с. 177–187; 2002, с. 92; Кокорина, Останина, 2000, с. 124).

Наиболее дискуссионным здесь является вопрос о типологическом соотношении керамики групп XIII и XXI (Бахматова, Набиуллин и др., 2014, с. 446). Керамика группы XXI была выделена Н.А. Кокориной по материалам Биляра. По мнению исследователя, эта группа керамики очень близка к керамике группы XIII по фактуре и орнаменту, но отличается по технике формовки. Керамика группы XIII принадлежит населению, родственному «кыпчакам-шарам» (группа керамики XXI), близкому гузам-куманам (группы керамики IX и X) и сформировавшемуся в результате смешения этих групп населения с финно-угорским и тюрко-угорским населением Среднего Поволжья и Прикамья (группы керамики VII–VIII). Сходство и различия групп керамики XIII и XXI свидетельствуют о более сложной картине генезиса населения Нижнего Прикамья. Аналогии данной керамики найдены Н.А. Кокориной в золотоордынских слоях Камаевского городища (Кокорина, 1999, с. 79; 2002, с. 45–48).

Исследователи Джукетау полагают, что пока нет достаточных оснований выделять особую группу керамики XXI и связывать ее с «кыпчаками»; скорее всего, это керамика группы XIII, которая потеряла свой «классический» облик благодаря сво-

ему развитию. Своеобразие керамики отражает не этнокультурные особенности, а производственные. Такие же особенности в керамическом комплексе Биляра были ранее выявлены и Ф.Ш. Хузиным (Хузин, 1983, с. 35; Набиуллин, 1997, с. 61–63).

В рамках второго направления важным является вопрос, связанный с количеством керамики «джукетау» и ее взаимодействием в материальной культуре напластований Джукетау в разные хронологические периоды. Н.Г. Набиуллин отмечал значительную преемственность в характере хозяйственно-производственной деятельности, быта, культуры города Джукетау в домонгольский и золотоордынский периоды его существования (Набиуллин, 2003, с. 183–190). Сохранение количественно значимой керамики «джукетау» позволит проследить ее развитие в течение подолжительного непрерывного периода. Возникнув в домонгольское время, в отличие от других «традиционных» групп, которые выходят из употребления, она сохраняет свой облик (Набиуллин, 2011, с. 62). Большой интерес вызывает группа керамики со смешанными традициями изготовления, обозначенная как «XIII а» или «XIII+I». В данной группе керамики четко прослеживаются традиции изготовления как общebolгарской керамики, так и «джукетау» (Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113; Набиуллин, 2001, с. 53–74; 2011, с. 62, 64). Появление гибридных групп отмечено и во взаимодействии с другими традиционными группами керамики (Набиуллин, 1999, с. 101–119; Бахматова, Набиуллин. 2013, с. 233–234). Вопрос о направлении влияния и обстоятельствах взаимодействия остается открытым.

Морфология, особенности ассортимента и технология изготовления. Наиболее важным вопросом в изучении керамики «джукетау» является выявление ее морфологических и технологических особенностей. Именно результаты этих исследований стали источником для выявления этнокультурных истоков, проведения типологизации, выявления региональных особенностей и т.д. Определяющими для получения результатов этих исследований стали подходы и методы к обработке и изучению неповлиной керамики. Рассмотрим первоначально морфологические особенности керамики «джукетау».

Первое подробное описание керамики этой группы принадлежит Т.А. Хлебниковой, как исследователю, первому выделившему ее в общей массе керамики памятников домонгольской Волжской Болгарии. Сосредоточившись на методике формального подхода, в своих работах Т.А. Хлебникова дала не только системное описание керамики, но и выявила некоторые закономерности в распределении и развитии форм сосудов во времени. Для времени возникновения ее в X–XI вв. керамика XIII группы характеризуется горшковидными и чашевидными формами с закругленным, иногда приуплощенным дном. Разграничение сосудов по видам четкое. Преобладающая форма горла – подцилиндрическая, часто с расширением на раструб. Блоковидная встречается реже. Край венчика закруглен, часто с утоншением. Наличие у чашевидных сосудов и близких к ним по высоте тулова горшковидных петлевидной ручки в верхней части тулова, которая закреплена на штыре. Орнамент представляет собой

многорядную резную волну от мелкой «зыбчатой» до довольно крупной. Нанесен он на плечико, а иногда и на внутреннюю сторону края венчика, иногда состоит из пояска гребенчатых наклонно поставленных отпечатков (Хлебникова, 1971, с. 167–168; 1984, с. 167–168).

Для времени ее окончательного формирования в XII–XIII вв. характерны те же формы, только еще больше выраженные и с некоторыми особенностями. Для горшковидных форм пропорции стали разнообразнее. Наблюдается увеличение сосудов с шаровидным туловом (результат внутреннего развития форм). Отмечена тенденция перехода к плоскодонности. Чашевидные сосуды все остались круглодонными или с уплощенным дном. Орнамент тот же. Сосуды с расширяющейся в верхней части и уплощенной ручкой, несущие гребенчатую орнаментацию по плечу, стали более выразительными в отношении этих элементов, но распространения не получили. Чашевидные разнообразны по общим очертаниям и форме тулова и по размерам. В орнаментации некоторых чашевидных сосудов появился гребенчатый орнамент (Хлебникова, 1984, с. 195).

Для золотоордынского периода сделаны наблюдения только по материалам Болгара. Формы остаются также чашевидными и горшковидными различных пропорций с округлым или уплощенным дном. Венчик закруглен и имеет в некоторых случаях утоньшение или утолщение снаружи. Сосуды орнаментированы наклонной многорядной волной в 1–2 пояса, расположенной по плечу, а изредка по краю венчика. На сосудах из поздне-золотоордынского слоя встречается

гребенчатый штамп по плечу, а изредка и по краю венчика (Хлебникова, 1988, с. 32; Хлебникова, 2013, с. 148). Р.Г. Фахрутдинов отмечал круглодонность посуды этой группы, подцилиндрическую горловину, а также некоторые особенности в орнаментации керамики «джукетау» золотоордынского времени. Орнамент представлял собой многозонную резную композицию из более широких линий, которые в нижних рядах превращаются в плавные волнистые линии. Чаще всего встречается орнамент из плавной или крутой волны. Нередко встречается гребенчатая орнаментация, нанесенная отпечатками крупнозубчатого штампа, которая сопровождается параллельными резными линиями, волнистыми или арочными мотивами (Фахрутдинов, 1984, с. 93; 1986, л. 10, 14).

Исследование особенностей форм и их развития было продолжено Н.А. Кокориной. В поле изучения попали не только горшковидные и чашевидные сосуды, но и другие формы разного функционального назначения. Для домонгольского периода выделены также круглодонные сосуды горшковидной и чашевидной формы нескольких типов, иногда с петлевидными ручками в верхней части тулова. Кроме многорядной резной волны с наклоном и отпечатков гребенчатого штампа выделены резные линии, насечки и наколы (Кокорина, 2002, с. 31–35). Для золотоордынского времени характерен большой ассортимент кухонной и столовой посуды: горшки, чаши, миски, плошки, чашки и котлы. Среди привычных форм наблюдаются некоторые изменения в типологическом соотношении горшков. Чашевидные сосуды отмечаются большой

вариабельностью. Котлы являются новой формой, заимствованной у носителей керамики групп XVIII и XXI (Кокорина, 2002, с. 91–94).

Интересны предположения Н.А. Кокориной об утилитарном использовании сосудов разных форм. Выявив прямые аналогии между керамикой XIII группы Джукетау и Чаллынского городка, Н.А. Кокорина полагала, что стандартность форм, размеров, отделки вызваны строго специальным ее назначением. Высокие горшки с подцилиндрической горловиной и ручкой предназначались для кипячения молока, молочной пищи. Горшки с отогнутой под крышку горловиной и подшаровидным приземистым туловом использовались как котлы для приготовления густой пищи. Горшки с закрытым горлом предназначались для кислого молока. Ручки сосудов имели зооморфную, роговидную форму, украшались отпечатками крупной гребенки в виде елочки. Появившаяся в золотоордынском слое форма цилиндрошейных кринкообразных горшков с резной отделкой под венчиком также служила для хранения молочных продуктов. Горшки с блоковидной горловиной использовались для приготовления жидкой пищи. Миски имели ручку и предназначались для приема и приготовления (разогревания) пищи. Чашкам свойственен отогнутый утонченный край и иногда петлевидная уплощенная ручка, что было характерно сосудам для питья. Блюдообразная форма встречается редко и только в золотоордынском слое. Н.А. Кокорина предполагает, что состав группы является полным в хозяйственном плане. Недостающие формы (корчаги, блюда) были трудоемки в исполнении

и невозможны для воспроизведения в этом месте, дополнялись общеболгарской и привозной посудой (Кокорина, Останина, 2000, с. 110–111).

В данном контексте следует обратить внимание на наблюдения исследователей за типологическим соотношением форм керамики XIII группы на разных памятниках. Для памятников Нижнего Прикамья (Джукетау, Алексеевское городище, Остолоповское селище, Чаллынский городок, Кирменский комплекс, Елабужское городище и др.) это соотношение стандартно (Набиуллин, 1995, с. 35–36, 1999, с. 101–119; 2011, с. 62, 64; Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113; Нигамаев, 2005; Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232; Бахматова, Набиуллин и др., 2014, с. 445; Руденко, 2015, с. 266–267, 312–329).

В комплексах керамики Билярского городища и его пригородах Ф.Ш. Хузин в ассортименте керамики XIII группы выделил кроме кухонной посуды некоторые виды тарной и столовой посуды – кувшины, стаканы, светильники, горшки с плоским дном. Существование таких форм посуды, по мнению исследователя, обусловлено высокоразвитым ремесленным производством и воздействием традиций других групп керамики (Хузин, 1983, с. 34–35).

Все исследователи, отмечают статичность внешних признаков сосудов разных форм в разные хронологические периоды, которые делают ее такой узнаваемой среди керамических комплексов Волжской Болгарии в домонгольское и золотоордынское время.

Важными отличительными признаками являются те, которые выделяются в зависимости от технологии

ее изготовления. Одним из таких диагностирующих признаков является примесь хорошо заметного песка в тесте разного по цвету и составу, но придающего внешней поверхности черепка после обжига шероховатость. Кроме песка среди примесей исследователи выделяют небольшое количество мелкого шамота, толченой раковины или других карбонатов, что может свидетельствовать о смешении технологических традиций керамики группы XIII и групп керамики верхнекамских истоков. Одним из существенных признаков является наличие красной галечной дресвы (Казаков, Старостин, 1992, с. 125–142; Кокорина, Хлебникова, 1993, с. 106–116; Кокорина, 1997, с. 83; 2002, с. 32, 91; Кокорина, Останина, 2000, с. 111; Хузин, Нигаматов, 2000, с. 175–202; Набиуллин, 2011, с. 62, 64).

Дискуссионным является вопрос, связанный с основным способом конструирования посуды XIII группы. В большинстве исследований керамика этой группы отнесена к посуде круговой, или в одних хронологических комплексах она подразделена на лепную, круговую, или примитивно-круговую (Хлебникова, 1971, с. 167–168; 1971а, с. 172–173; 1974, с. 58–68; 2000, с. 41–53; Кокорина, 1976, с. 212; 1999а, с. 77–102; Казаков, 1978, с. 35; 2007, с. 52–53; Хузин, 1983, с. 34; Фахрутдинов, 1984, с. 93; Руденко, 1992, с. 81; Набиуллин, 1999, с. 101–119; Калинин, 2000, с. 40–74). Ясность в этом вопросе дали системные исследования Т.А. Хлебниковой, которая выявила смешанные приемы конструирования сосудов XIII группы. Большинство образцов имеет признаки формовки на круге или вращающейся подставке. Способ изго-

товления тулова – от руки с выравниванием наружной поверхности путем срезания глины в горизонтальном направлении. Также существуют сосуды, полностью выделанные вручную (Хлебникова, 1984, с. 167; 1988, с. 30; 2013, с. 148).

Технологические исследования керамики памятников Волжской Болгарии И.Н. Васильевой вывели на совершенно иной уровень знания о технологических приемах изготовления керамики XIII группы в домонгольское и золотоордынское время. В работах И.Н. Васильевой представлены исследования по неполивной керамике для разных хронологических периодов существования Волжской Болгарии в соответствии со структурой гончарной технологии. Изыскания велись на основании использования историко-культурного подхода А.А. Бобринского. При историко-культурном подходе главной исследовательской задачей является реконструкция культурных традиций, гончарного производства, изучаются способы их формирования, развития и изменения (Васильева, 1993, с. 12–14).

Рассмотрим подробнее выводы И.Н. Васильевой о технологических традициях изготовления керамики XIII группы. Для керамики домонгольского времени в качестве основного пластического сырья определены чистые высокопластичные глины с ярко-красными включениями охры. Выделены две массовые традиции составления формовочных масс – несмешанная (глина с примесью песка) и смешанная (глина с примесью песка и навоза). Для керамики с Муромского городка зафиксированы рецепты только с навозом домашних животных, а также с дробленой раковинной,

песком и навозом для керамики городища Джукетау. Основным способом конструирования является лоскутный налеп, возможно, с применением формы-модели. Высказана идея о смешанной технике изготовления – тулово из лоскутов, а венчик из ленты. Начины донно-емкостные, придонные части подвергались обстругиванию деревянным ножом в горизонтальном направлении. Стадия развития функций круга – 0–2 (Васильева, 1993, с. 74).

Для керамики золотоордынского периода характерны те же традиции при отборе сырья, но стали использоваться запесоченные и среднезапесоченные глины. Рецепты формовочных масс те же, но распространилась традиция рецепта глина+навоз. Произошли некоторые изменения в способах конструирования. Есть сосуды формообразование верхних частей, которых происходило на гончарном круге, а конструирование нижней части старым традиционным способом. Известны также плоские днища из формовочной массы, характерной для группы XIII, что может свидетельствовать о процессе превращения круглодонной керамики в плоскодонную. Способ начина в данном случае не ясен. Гончарный круг используется не только для заглаживания, но и для профилирования – стадия развития функции круга 4 (Васильева, 1988, с. 129; 1993, с. 115). Исследования керамических коллекций Джукетау последних лет подтвердили существование двух способов конструирования венчика – отдельно из ленты и нераздельное конструирование венчика лоскутным налепом (Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232; Бахматова, Набиуллин и др., 2014, с. 445).

Другим диагностирующим признаком является наличие серой прослойки в изломе черепка, которая является результатом обжига сосудов, по мнению Т.А. Хлебниковой. Исследователь также предположила окислительную среду обжига, что обусловлена коричневым, желтоватым, красным или розовым оттенком самой керамики. Но также встречаются сосуды серого цвета – результат восстановительного обжига (Хлебникова, 1984, с. 167). Остается открытым вопрос о применении для обжига сосудов джукетаусской группы специальных теплотехнических сооружений. Во время осмотра производственного района золотоордынского времени Джукетау (западный посад в обрыве крутого берега) Ф.Ш. Хузиным был обнаружен двухкамерный гончарный горн XIV в. и следы еще двух горнов. Горн был без керамики, так что определенных выводов в поддержку применения горнов для обжига керамики XIII группы на Джукетау нет (Хузин, 1994, с. 139–142). Специальных исследований по реконструкции обжига керамики «джукетау» пока нет, но аналитические исследования небольшой выборки фрагментов сосудов джукетаусской группы из материалов Болгарского городища позволили сделать предположение о существовании двух режимов обжига – низкотемпературном и высокотемпературном обжиге в горне (Бахматова, 2013, с. 31).

Место керамики «джукетау» в материальной культуре памятников Волжской Болгарии. Хронология и особенности ее распространения. Исследователи определяют для керамики группы «джукетау» широкий хронологический диапазон

бытования. Возникнув в первой половине домонгольского периода, она сохранила свои черты и особенности на протяжении всего домонгольского и золотоордынского периодов, оказывая влияние на развитие гончарных традиций населения Волжской Болгарии. Т.А. Хлебникова определила временем возникновения керамики XIII группы X–XI вв., а наибольшим периодом расцвета и формирования XII – начало XIII в. Не утратила она свое место и в золотоордынское время (Хлебникова, 1984, с. 116, 167). В исследованиях Н.Ф. Калинина, А.П. Смирнова, Р.Г. Фахрутдинова высказывается мнение о том, что такая керамика была распространена и может быть отнесена, главным образом, к золотоордынскому периоду – XIII – началу XV в. (Смирнов, 1951, с. 267; Фахрутдинов, 1984, с. 93; 1986, с. 15; Калинин, 2000, с. 44).

Исследователи остатков средневекового города Джукетау по итогам археологических раскопок памятника сформулировали идею о Джукетау как политическом, экономическом, торговом и производственном «центре» Нижнего Прикамья, сформировав его «округу» из близлежащих археологических памятников, в которых на основании анализа материальных остатков прослежена связь с «центром» (Кокорина, 1992, с. 98–100; Набиуллин, 2003, с. 183–190). Хотя еще в 1970-х гг. Т.А. Хлебникова отмечала, что основной особенностью этого памятника является большое количество керамики XIII группы и посуды прикамско-приуральских истоков (Хлебникова, 1975, с. 234–251).⁴ Джу-

кетау является центром производства керамики XIII группы, составляющий почти половину всего керамического комплекса. На других памятниках в таких количествах она не встречается. Есть некоторые особенности в количественном распределении этой группы керамики в центре памятника и его периферии с течением времени. В золотоордынское время она перестала быть традиционной, но и в полном смысле ремесленной она не стала – сохраняет характерные для нее черты (Набиуллин, 1995, с. 35–36; 1997, с. 61–63; 1999, с. 101–119; 2001, с. 53–74; 2003, с. 183–190; 2011, с. 62, 64).

По мере удаления от центра, количество керамики «джукетау» несколько уменьшается. Заметное количество керамики этой группы (от 15 до 5%) является характерной чертой многих памятников Нижнего Прикамья (Хузин, Нигамаев, 1999, с. 114–142; 2000, с. 175–202; Кокорина, Останина, 2000, с. 110; Нигамаев, 2005, с. 28–30, 42–56, 65, 67, 76). Территориально керамика «джукетау» значительно выходит за территорию Джукетау и его округи. Широко распространена она на болгарских памятниках XI–XIV вв. Западного Закамья, Предкамья, вплоть до бассейна р. Казанки, на Чияликских поселениях Восточного Закамья (Кокорина, 1997, с. 81; Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113).

Т.А. Хлебникова заметила некоторую закономерность в территориальном распространении керамики XIII группы, применив метод картографи-

компонент», появившийся извне, и оказавший значительное влияние на элементы материальной культуры сначала Нижнего Прикамья, а затем и значительной территории Волжской Болгарии (Хлебникова, 1984, с. 172; Кокорина, Хлебникова, 1993, с. 106–116).

⁴ Т.А. Хлебникова определяла за носителями керамики XIII группы, особенно в домонгольский период, существенный «тюркский

рования: в домонгольское время она локализуется в районе Нижнего Прикамья, составляя примерно 10%, а в золотоордынском периоде выходит далеко за его пределы. В этот период наблюдается вытеснение традиционной посуды ремесленной керамикой общеполгарской группы. Джукетаусская керамика по-прежнему преобладает в Прикамье, где устойчиво сохранялись этнокультурные черты в общем процессе определенной этнокультурной нивелировки населения в государстве (Хлебникова, 1971, с. 167–168; 1974, с. 58–68; 1984, с. 205; 2000, с. 41–53).

Содержание керамики «джукетау» в керамических комплексах крупных городских центров Волжской Болгарии невелико, но есть некоторые особенности ее распространения на территории памятника в зависимости от стратиграфии. В Болгаре содержание ее колеблется в пределах 0,5–2%, но есть некоторые расхождения. В домонгольском и раннезолотоордынском слоях содержание керамики XIII группы примерно одинаково и составляет 0,7–1,7%. В позднезолотоордынском слое посуда группы XIII составляет 0,3–0,5%. Максимальные результаты при подсчетах керамики на 13 раскопах в разных районах городища дали домонгольские напластования раскопов в южном поселке X–XI вв., близ периферии раннего города. В раннезолотоордынском слое этого района, уже вошедшего в черту города, керамика группы XIII составляла от 0,05 до 1%. Т.А. Хлебникова утверждает, что в данном случае это свидетельствует о расширении ее топографии, а не об уменьшении ее количества со временем. Раскопы на территории раннего города дают ее

в гораздо меньшем количестве. Она сосредоточена в слоях X–XII вв. южного поселка и отсутствует в районах укрепленной центральной части. В золотоордынский период населения, ее использовавшего, расселились по всей территории города (Хлебникова, 1971а, с. 173; 1988, с. 12, 15, 30, 54; Кокорина, 2002, с. 33).

Аналогичные наблюдения сделаны и в отношении керамических материалов Биляра Ф.Ш. Хузиным. На территории Билярского городища керамика «джукетау» встречается только в отдельных локальных районах. В центральной части она практически не выделена и составляет в среднем 0,03%, но на одном из раскопов Билярского II могильника, близ южного угла внутреннего города, достигает 60% от общего керамического комплекса. В пригороде Биляра ее насчитывается около 37%, на Билярском III селище – 3,6% (Кокорина, 1976, с. 212; 1992, с. 98–100; 2002, с. 33; Хузин, 1983, с. 35).

Интересны для оценки распространения керамики XIII группы в позднезолотоордынское время исследования Н.А. Кокориной, сделанные по материалам Заказанья (Камаевское городище и Русско-Урматское селище). Керамику XIII группы она рассматривает в совокупности с керамикой XXI группы, так как эти группы имеют родственные истоки – составляют от 2,7 до 56,6% от общего количества. В материалах Русско-Урматского селища она составляет примерно 0,5–1,7%. Автор утверждает, что данная группа керамики сохраняется на этих памятниках вплоть до середины XV – первой половины XVI в. (Кокорина, 1999а, с. 77–102; 1999, с. 177–187; 2002, с. 92).

Выводы.

Анализ литературы выявил большое количество исследований, посвященных проблемам истории материальной культуры археологических памятников Среднего Поволжья в средневековье. Проблема изучения керамики «джукетау» является лишь малой частью всей проблематики, связанной с историей Волжской Болгарии в домонгольское и золотоордынское время. За многолетнюю историю изучения неполивной керамики памятников Волжской Болгарии исследователями проделана большая работа по классификации, изучению морфологических особенностей, выявлению закономерностей распространения керамических комплексов. Итогом детального изучения литературы и источников стал значительный перечень дискуссионных научных проблем, связанных с изучением керамики группы «джукетау».

Основой для разрешения дискуссий должны стать комплексные работы с применением новых материалов, которые должны включать исследования историко-культурных характеристик, морфологии, технологии изготовления. Предметом и объектом изучения здесь должна стать гончарная традиция изготовления керамики группы «джукетау». Достаточно большие перспективы для этого открывают комплексные междисциплинарные исследования с применением естественнонаучных методов (Бахматова, 2014, с. 117; Храмченкова, 2014, с. 187). Междисциплинарный подход в изучении археологических материалов может значительно повлиять на разрешение дискуссий по проблемам происхождения, развития и места в материальной культуре Волжской Болгарии в домонгольское и золотоордынское время керамики «джукетау».

Автор статьи выражает благодарность к.и.н. Н.Г. Набиуллину за оказание консультативной помощи в проведении исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асылгараева Г.Ш., Бахматова В.Н., Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г., Храмченкова Р.Х., Мельников Л.В., Мухаметшин Д.Г., Семькин Ю.А. Итоги и перспективы исследования Джукетау // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. II. Казань: Отечество, 2014. С. 445–446.
2. Бахматова В.Н. Использование естественнонаучных методов в изучении неполивной керамики (на примере джукетауской группы керамики Волжской Болгарии) // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых учёных Санкт-Петербурга (С.-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 29–31.
3. Бахматова В.Н. О сырьевых источниках керамики «джукетау» // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. IV / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 116–118.
4. Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г. Источниковые возможности неполивной глиняной «традиционной» посуды (на примере керамического комплекса города Джукетау X–XIV вв.) // Филология и культура. 2013. №3 (33). С. 232–235.
5. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 195 с.

6. *Васильева И.Н.* О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища / Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–148.
7. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
8. *Казаков Е.П.* О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии (на материале керамики) // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Материалы научной сессии по этногенезу башкир. (Уфа, май 1969 г.). Уфа, 1971. С. 122–128.
9. *Казаков Е.П.* О средневековых памятниках угров Прикамья // *Historia Fenno-Ugrica I-1. Congressus primus historiae Fenno-Ugricae* / Eds. Kyösti Julku et al. Oulu: Societas historiae Fenno-Ugricae, 1996. pp. 447–453.
10. *Казаков Е.П.* Об этнокультурных контактах населения Западного Закамья с народами Урало-Прикамья в IV–XII вв. н.э. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы: сборник статей / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 111–123.
11. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 103 с.
12. *Казаков Е.П., Старостин П.Н.* Булгарское поселение в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Архипов / Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1992. С. 125–142.
13. *Калинин Н.Ф.* Археологические раскопки на Чаллыском городище в 1955 году // Древние Чаллы. Борынгы Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 40–74.
14. *Кокорина Н.А.* К методике выделения археолого-этнического типа в болгарской посуде // Керамика как исторический источник. Тезисы докладов Всесоюзной научной археологической конференции. Куйбышев: Куйбышевский гос. пединститут им. В.В. Куйбышева, 1991. С. 49–51.
15. *Кокорина Н.А.* К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур (по материалам керамики) // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза, 1992. С. 98–100.
16. *Кокорина Н.А.* Керамика в кипчакских традициях с камаевского городища // ТА. 1999. №1–2 (4–5). С. 177–187.
17. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Болгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань: Институт истории, 2002. 383 с.
18. *Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972–1988 гг.) // ТА. 2002–2003. №1–2 (10–11). С. 47–76.
19. *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999а. № 1–2 (4–5). С. 77–102.
20. *Кокорина Н.А.* Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967–1971 гг.) // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 212–227.
21. *Кокорина Н.А.* О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Археология и этнография Марийского края. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 185–213.
22. *Кокорина Н.А.* Основные тенденции развития культуры Волжской Болгарии в золотоордынский период (по данным керамики) // ТА. 1997. № 1. С. 81–85.

23. *Кокорина Н.А., Останина Т.И.* Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Древние Чаллы. Борынги Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 76–174.
24. *Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А.* Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X–XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 106–116.
25. *Набиуллин Н.Г.* Город Джукетау в XIII–XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский) // ТА. 2001. № 1–2 (8–9). С. 53–74.
26. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город болгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
27. *Набиуллин Н.Г.* К вопросу о керамике типа «Джукетау» // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции (Билярск, сентябрь 1997 г.). Казань, 1997. С. 61–63.
28. *Набиуллин Н.Г.* Новые материалы о хозяйственно-производственной деятельности, быте и культуре Джукетау // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 183–190.
29. *Набиуллин Н.Г.* Предкамье и Джукетау // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Заман, 1995. С. 35–36.
30. *Набиуллин Н.Г.* Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам раскопа V 1994 г.) // Проблемы средневековой археологии Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 101–119.
31. *Нигаматов А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
32. *Руденко К.А.* Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 г. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.
33. *Руденко К.А.* К вопросу об этническом составе и связях населения Волжской Булгарии в золотоордынский период (по материалам Лаишевского селища) // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза, 1992. С. 81–84.
34. *Смирнов А.П.* Волжские Булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 275 с.
35. *Фахрутдинов Р.Г.* Исследования старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. 1984. № 4. С. 90–108.
36. *Фахрутдинов Р.Г.* К классификации болгарской керамики (по материалам массы археологических памятников). Казань, 1986 / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 69. 21 л.
37. *Хлебникова Т.А.* Алексеевское городище. (К вопросу о своеобразии раннеболгарской культуры района Нижнего Прикамья) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1971. С. 156–174.
38. *Хлебникова Т.А.* Город Жукотин (Джукетау) на Каме // АО 1970 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971а. С. 172–173.
39. *Хлебникова Т.А.* К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. №1. С. 234–251.
40. *Хлебникова Т.А.* Керамика V слоя Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000, С. 41–53.
41. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
42. *Хлебникова Т.А.* Некоторые итоги исследования болгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1. С. 58–68.

43. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 142–159.
44. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.
45. Хлебникова Т.А. Отчёт II отряда археологической экспедиции КФАН СССР в 1960 году. Казань, 1961 / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 5. Оп. 43. Д. 201. 154 л.
46. Храмченкова Р.Х. Химический состав глин как индикатор сырьевого источника // ПА. 2014. №2 (8). С. 176–204.
47. Хузин Ф.Ш. Исследования в пригороде Биляра // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С. 20–50.
48. Хузин Ф.Ш., Нигаматов А.З. Археологические исследования Чаллынского городища // Древние Чаллы. Борынгы Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 175–202.
49. Хузин Ф.Ш. Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сборник статей / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола, 1994. С. 139–142.
50. Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 г.) // Археологическое изучение булгарских городов / Ред. Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 90–113.
51. Хузин Ф.Ш., Нигаматов А.З. Раскопки на территории пригородов Чаллынского городища // Археологическое изучение булгарских городов / Ред. Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 114–142.

Информация об авторе:

Бахматова Вера Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); luna-87@yandex.ru.

STUDYING DZUKETAU CERAMICS (HISTORIOGRAPHIC OVERVIEW)

V.N. Bakhmatova

The article addresses history of studies and some debatable issues regarding the origin, development and chronology of Dzuketau ceramics (group XIII of non-glazed ceramics according to T.A. Khlebnikova's classification). Such ware was distinguished as a separate group after archaeological research on the sites in the Lower Kama Region in 1960s. It is mainly localized in the cultural layer of Dzhuketau – one of the economic and political centers in the Volga Bulgaria. The article summarizes the main published materials and presents typological and technological features of Dzuketau ceramics. Some debatable issues related to studying different aspects of existence of this type of ceramics are subjected to analysis. The author emphasizes the important role played by Dzhuketau ceramics in material culture found on the sites in the Volga Bulgaria Region in pre-Mongol and Golden Horde time. In conclusion, the author defines perspectives for further studies of Dzhuketau ceramics.

Keywords: archaeology, Kama Region, Volga Bulgaria, Jochi's Ulus, pre-Mongol and Golden Horde Time, non-glazed ceramics, historiography

REFERENCES

1. Asylgaraeva, G. Sh., Bakhmatova, V. N., Gazimzianov, I. R., Nabiullin, N. G., Khranchenkova, R. Kh., Mel'nikov, L. V., Mukhametshin, D. G., Semykin, Yu. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*

(Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan) II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 445–446 (in Russian).

2. Bakhmatova, V. N. 2013. In Alekshin, V. A. (ed.). *Aktual'naiia arkhologiiia: arkhologicheskie otkrytiia i sovremennye metody issledovaniia (Current Archaeology: Archaeological Discoveries and Modern Methodology)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 29–31 (in Russian).

3. Bakhmatova, V. N. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 116–118 (in Russian).

4. Bakhmatova, V. N., Nabiullin, N. G. 2013. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 33 (3), 232–235 (in Russian).

5. Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bulgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th–14th Centuries)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

6. Vasil'eva, I. N. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103–148 (in Russian).

7. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

8. Kazakov, E. P. 1971. In *Arkhologiiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* IV. Ufa, 122–128 (in Russian).

9. Kazakov, E. P. 1996. In Kyösti Julku et al. (eds.). *Historia Fenno-Ugrica I-1. Congressus primus historiae Fenno-Ugricae*. Oulu: Societas historiae Fenno-Ugricae, 447–453 (in Russian).

10. Kazakov, E. P. 1991. In Ivanova, M. G. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkhologii lesnoi polosy Vostochnoi Evropy (Studies on Medieval Archaeology of the East-European Forest Belt)*. Izhevsk: Udmurt Institute for Language, Literature and History Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 111–123 (in Russian).

11. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bolgar Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

12. Kazakov, E. P., Starostin, P. N. 1992. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Archaeology and Ethnography of Mari Land 21. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History 125–142 (in Russian).

13. Kalinin, N. F. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnie Chally = Borıngı Çallı (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 40–74 (in Russian).

14. Kokorina, N. A. 1991. In *Keramika kak istoricheskii istochnik (Ceramics as a Historical Source)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 49–51 (in Russian).

15. Kokorina, N. A. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of Ethnic History of the Volga-Don Region)*. Penza: "AO «Povolzh'e»" Publ., 98–100 (in Russian).

16. Kokorina, N. A. 1999. In *Tatarskaia arkhologiiia (Tatar Archaeology)* 4–5 (1–2), 177–187 (in Russian).

17. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

18. Kokorina, N. A. 2002–2003. In *Tatarskaia arkhologiiia (Tatar Archaeology)* 10–11 (1–2), 47–76 (in Russian).

19. Kokorina, N. A. 1999. In *Tatarskaia arkhologiiia (Tatar Archaeology)* 4–5 (1–2), 77–102 (in Russian).

20. Kokorina, N. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 212–227 (in Russian).

21. Kokorina, N. A. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of the Volga Finns)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History, 185–213 (in Russian).
22. Kokorina, N. A. 1997. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* (1), 81–85 (in Russian).
23. Kokorina, N. A., Ostanina, T. I. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnie Chally = Borıngı Çallı (Ancient Chally)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 76–174 (in Russian).
24. Kokorina, N. A., Khlebnikova, T. A. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 106–116 (in Russian).
25. Nabiullin, N. G. 2001. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 8–9 (1–2), 53–74 (in Russian).
26. Nabiullin, N. G. 2011. *Dzhuketau – gorod bulgar na Kame (Juketau, a Town of the Bulgars on the Kama River)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
27. Nabiullin, N. G. 1997. In *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: “Fest” Publ., 61–63 (in Russian).
28. Nabiullin, N. G. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (From Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: “RITs «Shkola»” Publ., 183–190 (in Russian).
29. Nabiullin, N. G. 1995. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Zakazan'e: problemy istorii i kul'tury (Trans-Kazan area: Issues of History and Culture)* 1. Kazan: “Zaman” Publ., 35–36 (in Russian).
30. Nabiullin, N. G. 1999. In *Problemy srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Issues of Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Area)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 101–119 (in Russian).
31. Nigamaev, A. Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bolgar Towns of the Cis-Kama area: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
32. Rudenko, K. A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992–1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992–1996)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. (in Russian).
33. Rudenko, K. A. 1992. In Vinnikov, A. Z. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of the Ethnic History of Volga-Don Region)*. Penza: “AO «Povolzh'e»” Publ., 81–84 (in Russian).
34. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum, (in Russian).
35. Fakhrutdinov, R. G. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 90–108 (in Russian).
36. Fakhrutdinov, R. G. 1986. *K klassifikatsii bulgarskoi keramiki (po materialam massy arkheologicheskikh pamiatnikov) (On Classification of Volga-Bulgarian Ceramics: by materials of a mass of archaeological sites)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Archaeology Institute named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 17. Inv. 1, dossier 69 (in Russian).
37. Khlebnikova, T. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 156–174 (in Russian).
38. Khlebnikova, T. A. 1971. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1970 goda (Archaeological Discoveries in 1970)*. Moscow: “Nauka” Publ., 172–173 (in Russian).
39. Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 234–251 (in Russian).

40. Khlebnikova, T. A. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Kazan': vznikovnenie i razvitie (Medieval Kazan: appearance and development)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 41–53 (in Russian).
41. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
42. Khlebnikova, T. A. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 58–68 (in Russian).
43. Khlebnikova, T. A. 2013. In Baranov, V. S., Valeev R. M., Salikhov R. R., Poluboiarinova M. D., Sharifullin R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ., 142–159 (in Russian).
44. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102 (in Russian).
45. Khlebnikova, T. A. 1961. *Otchet II otriada arkheologicheskoi ekspeditsii KFAN SSSR v 1960 godu (Report of the 2nd Team of the Archaeological Expedition of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences for 1960)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Archaeology Institute named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 5. Inv. 43, dossier 201 (in Russian).
46. Khramchenkova, R. Kh. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 176–204 (in Russian).
47. Khuzin, F. Sh. 1983. In *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archaeological Sites of Tataria)*. Kazan, 20–50 (in Russian).
48. Khuzin, F. Sh., Nigamaev, A. Z. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnie Chally = Borungı Çallı (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 175–202 (in Russian).
49. Khuzin, F. Sh. 1994. In Nikitin, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Yoshkar-Ola, 139–142 (in Russian).
50. Khuzin, F. Sh., Nabiullin, N. G. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 90–113 (in Russian).
51. Khuzin, F. Sh., Nigamaev, A. Z. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 114–142 (in Russian).

About the Author:

Bakhmatova Vera N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lyna-87@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.08.2016 г.

УДК 904 «04/14»

**СРЕДНЕВЕКОВОЕ СЕЛЕНИЕ ДЗУКАЛАИ
НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹**

© 2016 г. С.Г. Бочаров

Определено местоположение средневекового селения Дзукалаи на Керченском полуострове, на территории современного с. Золотое. Этот населённый пункт входил в состав генуэзских владений в Причерноморье именованных Генуэзской Газарией и был частью сельской округи единственного крупного генуэзского города на Керченском полуострове – Воспоро. Локализовать поселение удалось на основании данных средневековых морских карт – портоланов. По материалам археологических исследований 2010 г. установлено время существования этого населённого пункта – вторая половина XIII – конец XV вв. Некоторые особенности погребального обряда на могильнике Дзукалаи, выявленные раскопками 1970-х гг., позволяют предположить, что поселение возникло в результате переселения адыгов с Северного Кавказа.

Ключевые слова: археология, Крым, Генуэзская Газария, Каффа, Воспоро, селение Дзукалаи, средние века, историческая география, портоланы, поливная керамика, могильник, миграции.

В морской торговле XIII–XV вв. Крымский полуостров занимал ключевое место (Еманов, 1995, с. 4–8). Здесь располагались крупнейшие городские и коммерческие центры – Каффа, Солдайя, Чембало, Воспоро (Бочаров, 2015а, с. 172–173), а также менее крупные, но важные порты Херсон, Каламита, Луста. Однако каботажное плавание торговых судов вдоль побережья Крыма требовало организации многочисленных якорных стоянок, пунктов снабжения судов водой и продовольствием (Бочаров, 2015б, с. 304). Только благодаря этой развитой инфраструктуре стало возможно то быстрое развитие торговых связей Причерноморья XIII–XV вв., центральное место в которых занимал Крым.

По картографическим и археологическим источникам хорошо известны поселения и якорные стоянки крымского побережья от Каффы до Чембало – Провато (Бочаров, 2015б, с. 314), Посидима, Калиера, Тасили, Сдафо, Луста, Партенит, Горзувиты, Джалита, Сембос. Однако маршруты судов проходили вдоль всех берегов Крыма, в том числе и вокруг Керченского полуострова, где поселения XIII–XV вв. никогда не исследовались системно. В настоящее время античные и раннесредневековые памятники Керченского полуострова активно изучаются представителями различных археологических школ. На этом фоне Боспорские древности, относящиеся к позднесредневековому времени (XIII–XV вв.), выглядят почти «белым

¹ Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» поддержанному Российским научным фондом (соглашение № 14-28-00213 от 15 августа 2014. между Российским научным фондом и МГУ им. М.В. Ломоносова).

пятном» (Бочаров, Коваль, 2011а, с. 127).

Для исправления этой ситуации в 2008–2010 гг. была выполнена совместная программа Крымского филиала Института археологии НАНУ (сейчас Институт археологии Крыма РАН) (соруководитель программы С.Г. Бочаров) и Института археологии РАН (соруководитель программы В.Ю. Коваль): «Роль Крыма в торговых и культурных связях Украины и России в XIII–XV вв.»². Основными задачами программы был поиск позднесредневековых поселений и могильников на прибрежных территориях Тарханкутского и Керченского полуостровов. В качестве основных картографических источников привлекались средневековые компасные карты – портоланы. На первом этапе выполнения проекта в 2008–2009 гг., в ходе археологических разведок, ставилась задача соотнесения пунктов, указанных на портоланах, с известными археологическими памятниками либо с географическими пунктами, удобными для размещения поселений (пристаней). Основными критериями для такой локализации выступали: наличие защищенных бухт, источников питьевой воды (колодцев, родников, балок), размещение неподалеку соленых озер – мест соледобычи. В ходе этих разведок одним из главных хроноиндикаторов служила керамика византийского происхождения (обломки амфор трапезундской и трилийской групп, поливная посуда) или

красноглиняная и поливная керамика крымского производства XIII–XV вв. (Бочаров, Коваль, 2011б, с. 46).

На втором этапе проводилось археологическое исследование этих пунктов. В 2010 г. на Керченском полуострове Восточно-Крымской (Феодосийской) экспедицией Крымского филиала Института археологии НАНУ (сейчас Археологическая экспедиция «Каффа» ИАК РАН) были проведены археологические разведки на побережье Азовского моря на территории села Золотое Белинского сельского совета Ленинского района Республики Крым (рис. 1) (Бочаров, 2011, л. 12–19). Место исследований было выбрано не случайно. В 1973 г. Боспорским отрядом Института археологии АН УССР на античном поселении Золотое был заложен раскоп площадью 100 кв. м, в котором выявлен культурный слой XIII–XIV вв. (Орлов, 1979, с. 128) (рис. 1). В 200 м южнее находился могильник селения (рис. 2), где в 1969–1971 и 1973 г. исследованы 143 позднесредневековых могилы и фундамент христианского храма. Храм представляет собой простую, прямоугольную в плане, постройку, с выступающей с востока абсидой, имеет два хорошо выделенных объема: полукруглую абсидную часть и прямоугольный неф (размеры по внешнему контуру: 4,80×7,20 м, по внутреннему 3,80×5,40 м) (рис. 2). Стены храма сложены из разномерных камней известняка (на углах камни более крупные) на известковом растворе, все углы здания сложены впереплет. Толщина северной и южной стен – 0,90–1,00 м, западной – 0,80–0,90 м. Стены сохранились на высоту от одного до трех рядов кладки от 0,18 до 0,60 м. Нижняя часть входного

² Совместный проект финансировался Президиумом Национальной Академии наук Украины и Российским гуманитарным научным фондом (грант № 22/08-01-91108а/У).

Рис. 1. Средневековое поселение Дзукалаи. Общий план. Красным цветом выделена примерная территория поселения. 1, 2, 3 – расположение шурфов (исследования 2010 г.); 4 – средневековый храм и могильник (исследования 1969–1971, 1973 гг.).

Fig. 1. Dzūkai, medieval settlement. General plan. The red color outlines an approximate territory of the settlement. 1, 2, 3 – location of prospecting trenches (excavations of 2010); 4 – medieval temple and necropolis (excavations of 1969–1971, 1973).

проема не сохранилась, возможно, он был расположен в западной стене, по центральной оси церкви. Пол храма был в древности выложен плитками известняка, две из которых уцелели в центральной части постройки. Абсида полукруглая, выступающая из толщи стены на 1,10–1,30 м. Плечи абсиды выделены не очень явно (внутренняя ширина северного плеча – 0,26 м, внешняя – 1,20 м; внутренняя ширина южного плеча – 0,28 м, внешняя – 0,90 м). Толщина стены абсиды 0,75 м, осталась на высоту 0,25 – 0,40 м. В центре абсидной части храма сохранился камень основания престола – прямоугольный блок песчаника со срезанными угла-

ми (0,30×0,38×0,74 м) (рис. 3). В захоронениях могильника фиксируется христианский погребальный обряд: труположение на спине головой на запад. Исследователем этих памятников Р.С. Орловым были выделены три конструктивных типа в устройстве могил: грунтовые ямы прямоугольной формы, перекрытые деревянными досками (16 единиц), грунтовые могилы прямоугольной формы, перекрытые известняковыми плитами (42 единицы) и плитовые могилы (85 единиц). Из находок можно выделить медный медальон с изображением Богоматери Оранты (рис. 4: 1), бусину стеклянную (рис. 4: 10), три железные пряжки (рис. 4: 3; рис. 5: 1, 2), пуго-

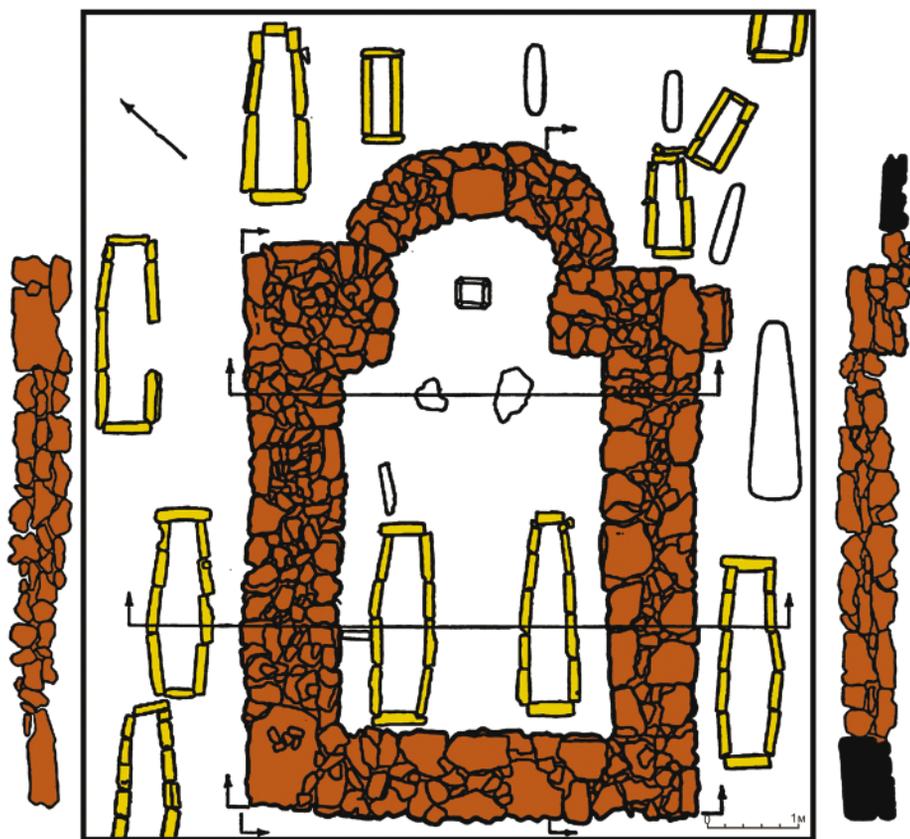

Рис. 2. Средневековое поселение Дзукалаи.
План храма и части могильника (по Орлов Р.С., 1979).

Fig. 2. Dzukal'ai, medieval settlement. Plan of the temple and a part of necropolis (after Орлов Р.С., 1979).

вицы-бубенчики бронзовые и серебряные (рис. 4: 13–16), четыре серьги серебряных (рис. 4: 4–7), серебряное височное кольцо (рис. 4: 8), девять серебряных с позолотой подвесок – лунниц (рис. 4: 9), два серебряных перстня: первый – с монограммой (рис. 4: 11), второй – с ромбовидным щитком, украшен полупальметтами (рис. 4: 12); одна бронзовая пряжка (рис. 5: 3), фрагмент деревянного гребня (рис. 5: 4), четыре бронзовых зеркала (рис. 5: 12–15), железное кресало (рис. 5: 5), два железных ножа (рис. 5: 6, 7), железное шило (рис. 5: 18), ножницы

(рис. 5: 16, 17), серп (рис. 5: 19), две иглы (рис. 5: 10, 11), два наконечника стрел (рис. 5: 8, 9). На основании вещевого комплекса из позднесредневекового некрополя Р.С. Орлов датирует храм и могильник XIII–XIV вв. (Орлов, 1979, с.116–124).

Разведочные исследования 2010 г. велись тремя шурфами, которые располагались в западной приморской части с. Золотое (Белинского сельсовета Ленинского района Республики Крым) (рис. 1).

Шурф 1 расположен на третьем естественном мысу к западу от исследу-

Рис. 3. Средневековое поселение Дзукалай. Средневековый храм, вид с севера (исследования 1969–1971, 1973 гг.). Фото 2010 г.

Fig. 3. Dzukalai, medieval settlement. Temple, view from the north (excavations of 1969–1971, 1973). Photo of 2010.

дованного в 70-х годах XX в. средневекового могильника, в 2,00 м севернее от берегового обрыва, на незастроенном пространстве в 20,0 м к северу от жилого дома по улице Школьная, 15 (рис. 1). Шурф ориентирован по оси север – юг. Размер шурфа 2,00×2,00 м. Глубина культурных напластований до 0,53 м.

В шурфе 1 фиксировалась следующая стратиграфическая ситуация: слой дерна толщиной от 0,02 до 0,06 м зафиксирован по всей площади шурфа, археологических находок в нем не обнаружено. Под ним, также на всей площади шурфа, зафиксирован слой светло-коричневого плотного грунта мощностью до 0,36 м. В слое были обнаружены: фрагмент сосуда эллинистического времени (рис. 6: 1), фрагмент амфоры красноглиня-

ной (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.) (Волков, 1989, с. 87–96; Масловский, 2006, с. 381–383) (рис. 6: 7), фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359) (рис. 6: 3–6), фрагмент кувшина поливного красноглиняного (Каффа, XIV–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 364–366) (рис. 6: 8), фрагмент чаши поливной красноглиняной с росписью ангобом (Солхат, XIV в.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 355, 360–364) (рис. 6: 2). Под слоем светло-коричневого плотного грунта располагался следующий слой светло-коричневого суглинка, также фиксирующийся на всей площади шурфа. Он залегал на глубине от 0,25 до 0,42 м от уровня современной дневной по-

Рис. 4. Средневековое поселение Дзукалаи. Находки из археологических исследований могильника (1969–1971, 1973 гг.) (по Орлов Р.С., 1979).

Fig. 4. Dzukulai, medieval settlement. Finds from archaeological studies on the necropolis (1969–1971, 1973) (after Орлов Р.С., 1979).

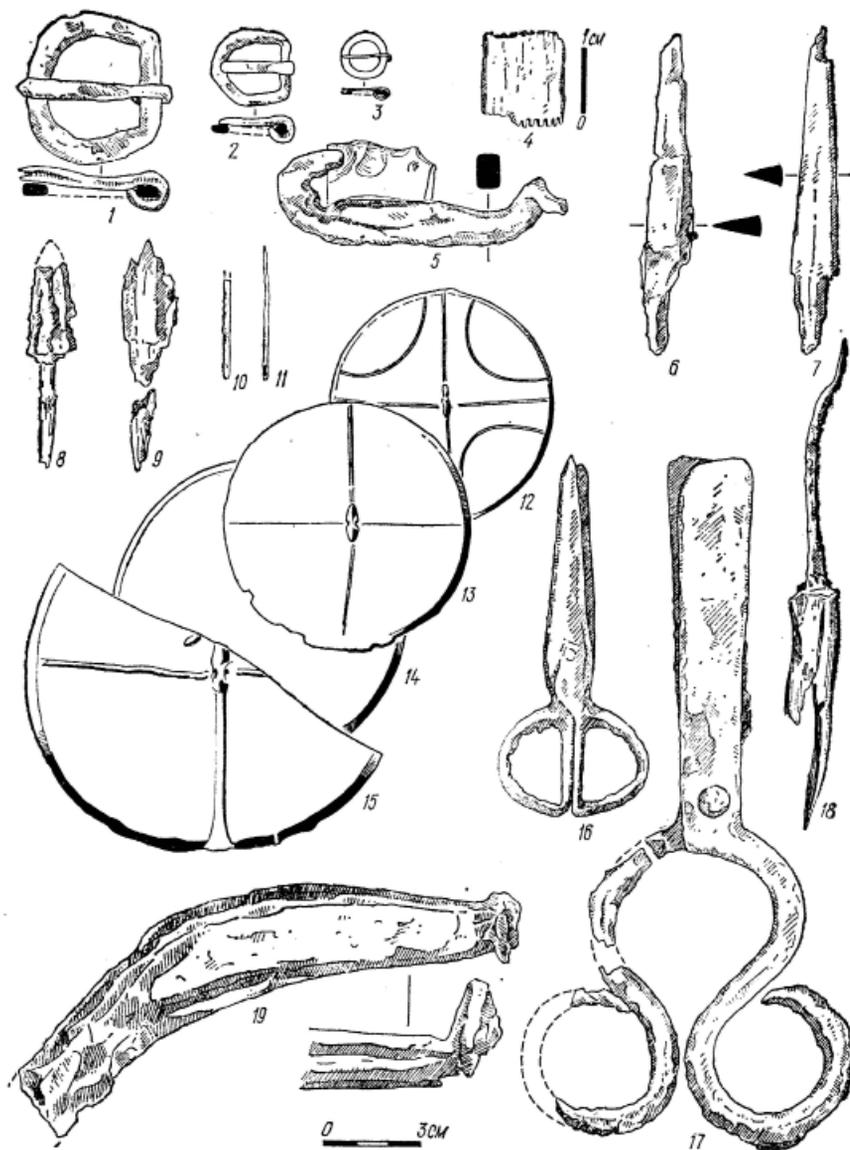

Рис. 5. Средневековое поселение Дзукалаи. Находки из археологических исследований могильника (1969–1971, 1973 гг.) (по Орлов Р.С., 1979).

Fig. 5. Dzukalai, medieval settlement. Finds from archaeological studies on the necropolis (1969–1971, 1973) (after Орлов Р.С., 1979).

верхности, его мощность до 0,12 м. Археологических находок в этом слое не обнаружено. Ниже слоя светло-коричневого суглинка залегал материковый слой плотного светло-коричневого суглинка.

Шурф 2 расположен в северо-западной части села Золотое на незастроенном пространстве к западу от исследованного в 70-х годах XX в. средневекового могильника, в 10 м к югу от жилого дома по улице Школьной, 22 (рис. 1). Шурф ориентирован по оси север – юг, его размер 2,00×2,00 м. Глубина культурных напластований до 0,54 м.

В шурфе 2 слой дерна толщиной от 0,02 до 0,06 м залегал по всей площади шурфа, археологических находок в нем не обнаружено. Слой плотного коричневого грунта, залежавшего под слоем дерна, зафиксирован на всей площади шурфа на глубине от 0,02 до 0,06 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность этого слоя до 0,38 м. В слое были обнаружены следующие находки: фрагменты сосудов эллинистического времени (рис. 7: 1, 3, 4), фрагмент амфоры светлоглиняной (рис. 7: 2) (Гераклея Понтийская, II в. н.э.) (Внуков, 2006, с. 181), фрагменты сосудов красноглиняных (рис. 7: 1, 5) (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359). В западном борту шурфа зафиксирован слой золы, который залегал под слоем плотного коричневого грунта на глубине от 0,23 до 0,25 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,12 м. Археологических находок в нем не обнаружено. Следующий ниже слой светло-коричневого суглинка зафиксирован на всей площади шурфа. Он залегал как под

слоями плотного коричневого грунта, так и под слоем золы, на глубине от 0,37 до 0,44 м от уровня современной дневной поверхности. Его мощность до 0,14 м. Археологические находки в слое не обнаружены. Ниже слоя светло-коричневого суглинка залегал материковый слой плотного светло-коричневого суглинка.

Шурф 3 расположен в западной части села Золотое, в 11 м к югу от жилого дома по улице Школьной, 24 (рис. 1). Шурф ориентирован по оси север–юг. Размер шурфа 2,00×2,00 м. Глубина культурных напластований до 0,64 м.

В шурфе 3 зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация: слой дерна (рис. 8; 9) залегал по всей площади шурфа, толщина слоя от 0,02 до 0,06 м. Археологических находок в нем не обнаружено. Под слоем дерна на глубине от 0,02 до 0,06 м от уровня современной дневной поверхности залегал слой темно-коричневого плотного грунта (рис. 8; 9), мощностью до 0,14 м. Ниже этого слоя на большей части шурфа зафиксирован слой светло-серого грунта с включением камней (рис. 8; 9) мощностью до 0,16 м, который залегал на глубине от 0,12 до 0,18 м от уровня современной дневной поверхности. Слой светло-коричневого плотного грунта (рис. 8; 9) зафиксирован на всей площади шурфа. Он располагался под слоями темно-коричневого плотного грунта и светло-серого грунта с камнями на глубине от 0,10 до 0,28 м от уровня современной дневной поверхности. Его мощность – до 0,30 м. В слое были обнаружены: фрагмент амфоры красноглиняной (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.) (Волков, 1989, с. 87–96; Масловский, 2006, с. 381–383)

Рис. 6. Средневековое поселение Дзукалаи. Керамические находки из шурфа 1. Исследования 2010 г. 1 – фрагмент сосуда эллинистического времени; 2 – фрагмент чаши поливной с росписью ангобом (Солхат, XIV в.); 3–6 – фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.); 7 – фрагмент амфоры красноглиняной (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.); 8 – фрагмент кувшина поливного красноглиняного (Каффа, XIV–XV вв.).

Fig. 6. Dzukulai, medieval settlement. Ceramic finds from prospecting pit 1. Excavations of 2010. 1 – fragment of Hellenistic vessels; 2 – fragment of a glazed cup with engobes (Solkhath, 14th century); 3–6 – fragments of red-clay vessels (south-eastern Crimea group, 13th – 15th century); 7 – fragment of a red-clay amphora (Trabzon group, 13th – 14th century); 8 – fragment of a glazed red-clay jar (Caffa, 14th – 15th century).

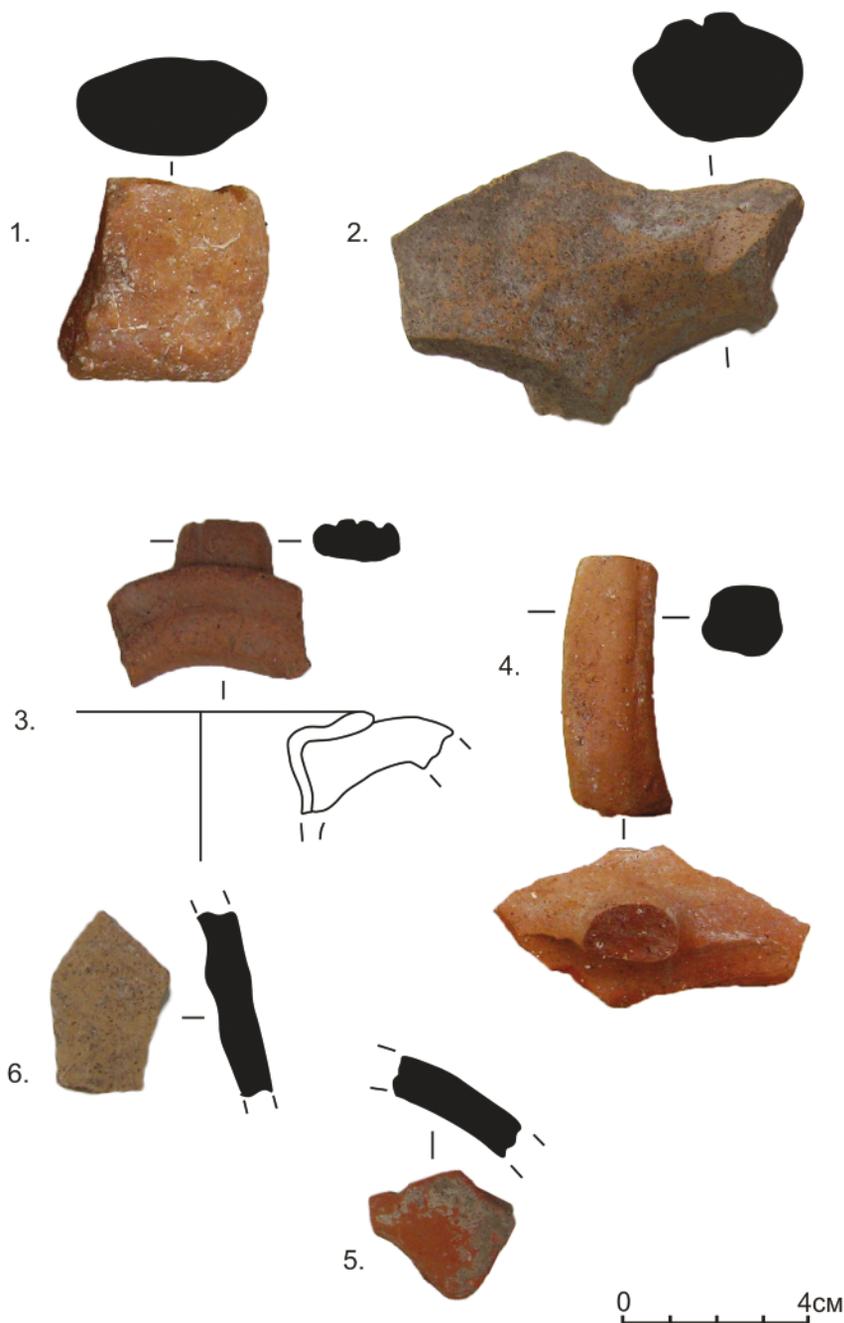

Рис. 7. Средневековое поселение Дзукалай. Керамические находки из шурфа 2. Исследования 2010 г. 1, 3, 4 – фрагменты сосудов эллинистического времени; 2 – фрагмент амфоры светлоглиняной (Гераклея Понтийская, II в. н. э.); 5, 6 – фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.).
Fig. 7. Dzukalai, medieval settlement. Ceramic finds from prospecting pit 2. Excavations of 2010. 1, 3, 4 – fragments of Hellenistic vessels; 2 – fragment of a light-clay amphora (Heraclea Pontica, II c. A.D.); 5, 6 – fragments of red-clay vessels (south-eastern Crimea group, 13th – 15th century).

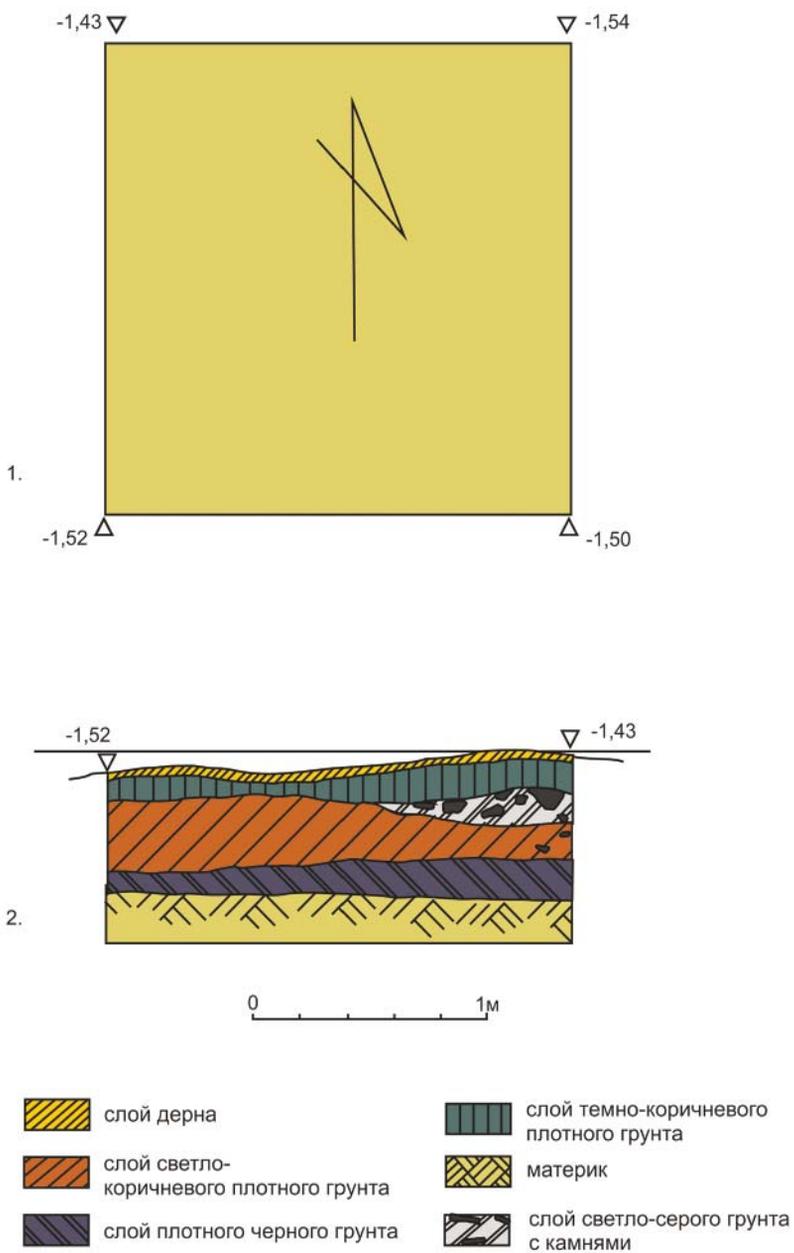

Рис. 8. Средневековое поселение Дзукалай. План шурфа 3 и стратиграфия западного борта. Исследования 2010 г.

Fig. 8. Dzukalai, medieval settlement. Plan of prospecting pit 3 and stratigraphy of the western boarder. Excavations of 2010.

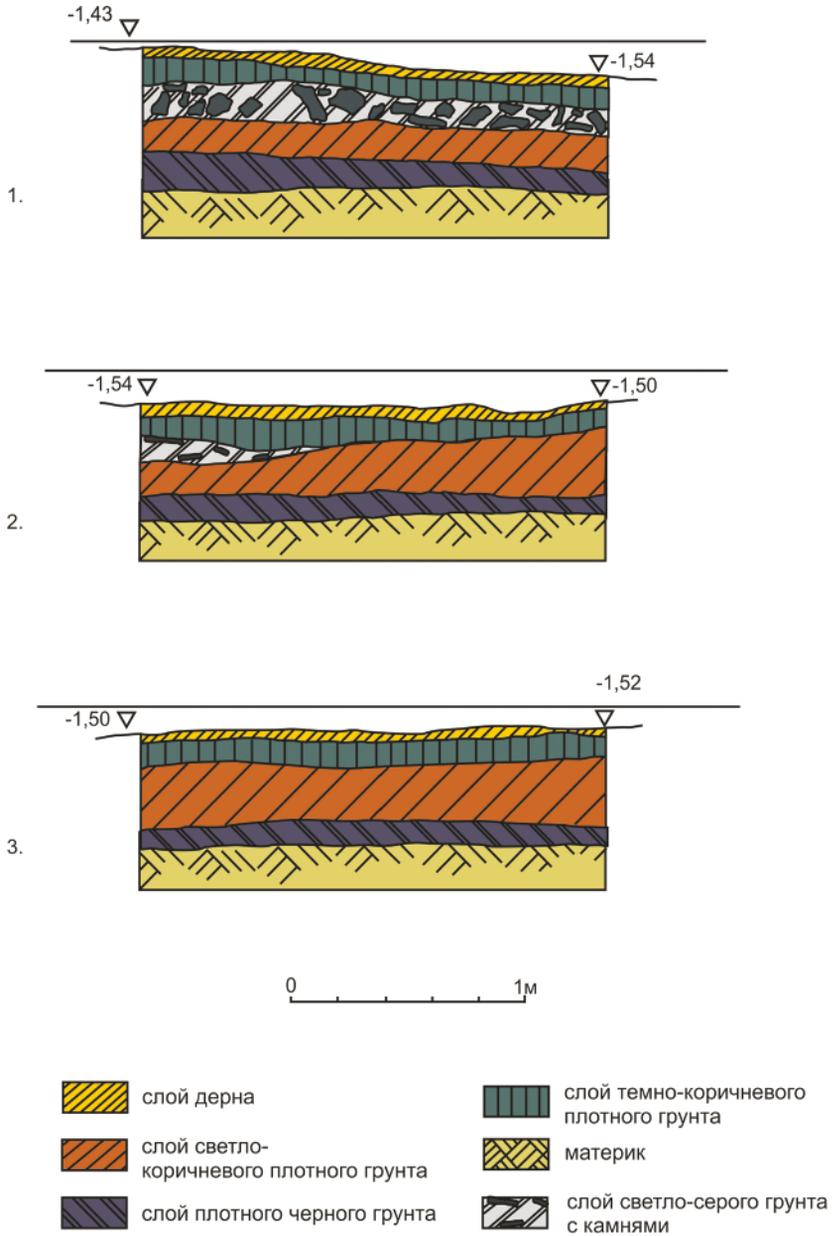

Рис. 9. Средневековое поселение Дзукалаи. Стратиграфии бортов шурфа 3. Исследования 2010 г.

Fig. 9. Dzūkai, medieval settlement. Stratigraphy of excavating pit 3. Excavations of 2010.

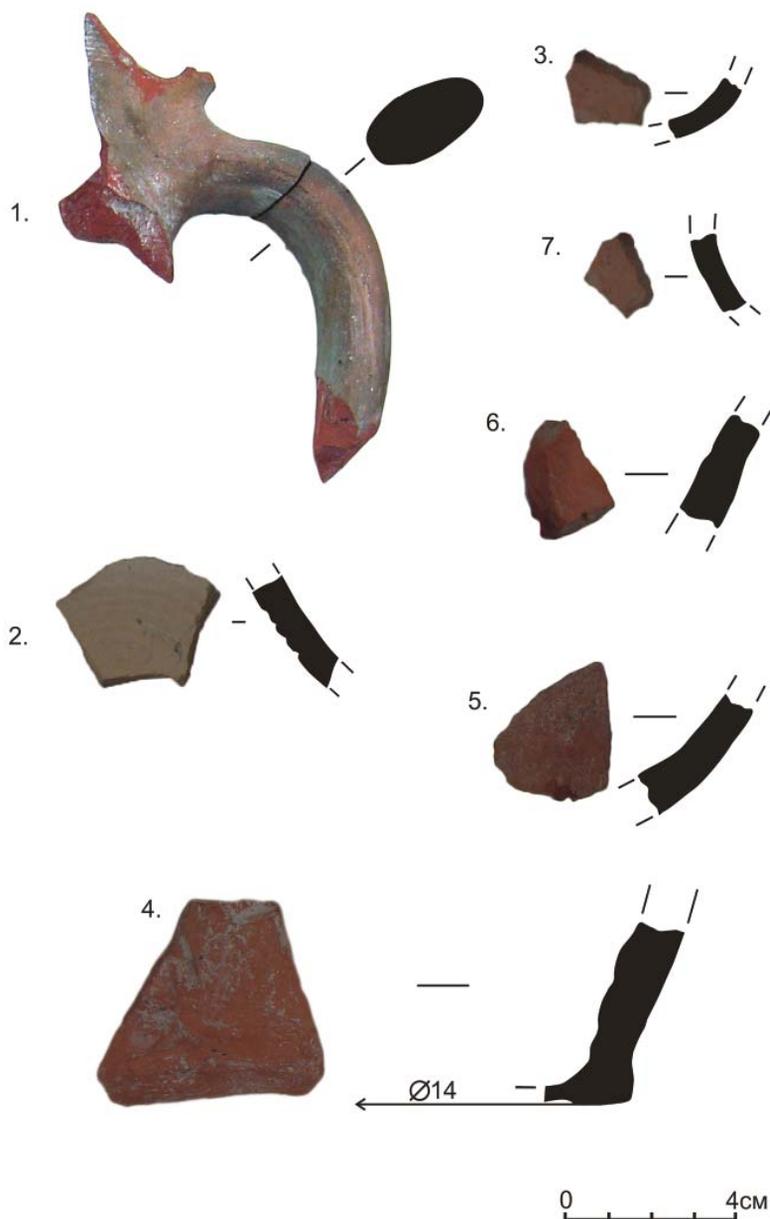

Рис. 10. Средневековое поселение Дзукалаи. Керамические находки из шурфа 3. Исследования 2010 г. 1 – фрагмент кувшина красноглиняного (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.); 2 – фрагмент амфоры красноглиняной (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.); 3 – фрагмент чаши поливной красноглиняной (Каффа, XV вв.); 4–5 – фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.); 6–7 – фрагменты кувшинов поливных красноглиняных (Каффа, XIV–XV вв.)

Fig. 10. Dzūkai, medieval settlement. Ceramic finds from prospecting pit 3. Excavations of 2010. 1 – fragment of a red-clay jar (south-eastern Crimea group, 13th – 15th century); 2 – fragment of a red-clay amphora (Trabzon group, 13th – 14th century); 3 – fragment of a glazed red-clay cup (Kaffa, 15th century); 4–5 – fragments of red-clay vessels (south-eastern Crimea group, 13th – 15th century); 6–7 – fragments of glazed red-clay jars (Kaffa, 14th – 15th century).

(рис. 10: 2), фрагмент кувшина красноглиняного (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (рис. 10: 1), фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359) (рис. 10: 4–5), фрагменты кувшинов поливных красноглиняных (Каффа, XIV–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 364–366) (рис. 10: 6, 7), фрагмент чаши поливной красноглиняной (Каффа, XV вв.) (рис. 10: 3). Следующий слой плотного черного грунта (рис. 8; 9), мощностью до 0,16 м, зафиксированный на всей площади шурфа, располагался под слоем светло-коричневого плотного грунта на глубине от 0,36 до 0,44 м от уровня современной дневной поверхности. Археологические находки в слое не обнаружены. Ниже слоя плотного черного грунта залегал материковый слой очень плотного черного грунта.

Анализ соотношений всех групп археологического материала из шурфов позволяет отнести данный керамический комплекс ко второй половине XIII – концу XV в. Этим периодом и следует датировать время существования исследуемого поселения.

Интересующий нас пункт отмечен на портоланах как Дзукалаи (Zucali, Zucolai, Zucalay) (Фоменко, 2003, с. 62; 2007, с. 274, 322). Из археологических исследований 1970-х годов следует, что на могильнике Дзукалаи христианские погребения совершаются с вещевым инвентарем и жертвенными

приношениями пищи, что совершенно не характерно для основной массы христианских погребений Крыма этого периода. Возможно предположить, что и селение, и могильник Дзукалаи принадлежали адыгам – переселенцам из дельты Кубани и Северного Кавказа. Волна переселенцев-христиан с Северного Кавказа в Крым (адыгов, зихов – согласно латинским письменным источникам, черкесов – восточным) археологически фиксируется в конце XIII – начале XIV в. на памятниках междуречья Качи – Бельбека и в Алуштинской долине. Наличие в погребальных сооружениях жертвенной пищи является одним из основных критериев выделения специфики погребального обряда этой новой группы населения (Мыц, 1991, с. 82; Мыц, 2009, с. 217, 226). По-видимому, появление селения Дзукалаи и других подобных поселений на Керченском полуострове следует связать с приходом адыгов на пути их продвижения с Северного Кавказа в Горный Крым (Бочаров, 2013, с. 39).

С большой долей вероятности можно сделать вывод о том, что населенный пункт Дзукалаи в XIV–XV вв. был частью Генуэзской Газарии – владений республики св. Георгия на Крымском полуострове и входил в сельскую округу единственного крупного генуэзского города региона – Воспоро, а также был составным звеном в системе обеспечения безопасного плавания вдоль берегов Азовского моря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С.Г. Отчет об археологических исследованиях средневековых поселений XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова в 2010 г. Симферополь, 2011 / Научный архив ИАК РАН. Инвентарная книга 7. Инвентарный № 1229. Папка 1665.

2. *Бочаров С.Г.* Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа // Поволжская археология. 2015 а. № 4. С. 172–189.
3. *Бочаров С.Г.* Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356–1382 гг. // *Stratum plus*. 2015б. Вып. 6. С. 303–315.
4. *Бочаров С.Г.* Генуэзский замок Калиера // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдииков. Казань, Симферополь, Кишинев: *Stratum plus*, 2015в. С. 47–99.
5. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Поселения крымского побережья в системе международной торговли Руси и Средиземноморья. Археологические свидетельства // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород – Старая Русса, 2011а. С. 127.
6. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли // Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов «Российское византиноведение: традиции и перспективы» / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: Изд. Московского университета, 2011б. С. 46–49.
7. *Волков И.В.* Импортная амфорная тара золотоордынских городов. Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во: Ростовского ун-та, 1989. С. 87–96.
8. *Волков И.В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1992. 20 с. Таб. 1–3.
9. *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.
10. *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: Город, 1995. 225 с.
11. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006. С. 309–473.
12. *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 158 с.
13. *Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 427 с.
14. *Орлов Р.С.* Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1979. С. 114–129.
15. *Фоменко И.К.* Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам конца XIII–XVII вв. // Причерноморье в средние века. Вып. 5 / Под ред. С.П. Карпова. СПб.: Алетейя, 2001. С. 40–108.
16. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. Москва: Индрик. 2007. 397 с.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

DZUKALAI: A MEDIEVAL SETTLEMENT ON THE KERCH PENINSULA

S.G. Bocharov

The author localized Dzukalai – a medieval settlement on the Kerch Peninsula – on the territory of modern Zolotoe village. This settlement was a Genoese hold in the Black Sea region – the so called Genoese Gazaria, and was part of the rural environs of Vosporo – the only large Genoese city on the Kerch Peninsula. The settlement was localized with the help of portolans, i.e. medieval sea charts. The archaeological research in 2010 established the time span of this locality as the second half of the thirteenth – late fifteenth centuries. Some specific features of the funerary rite in Dzukalai necropolis, which were revealed during the excavations in 1970s, suggest that the settlement was founded by the Circassians who migrated here from the North Caucasus.

Keywords: archaeology, the Crimea, the Genoese Gazaria, Kaffa, Vosporo, Dzukalai settlement, Middle Ages, historical geography, portolan, glazed ceramics, necropolis, migrations.

REFERENCES

1. Bocharov, S. G. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaxh srednevekovykh posele-nii XIII–XV vv. na poberezh'e Kerchenskogo poluostrova v 2010 g. (Report on the Archaeological Studies of 13th–15th Centuries Medieval Settlements on the Shore of Kerch Peninsula in 2010)*. Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Inventory book 7. Inv. no. 1229. Folder 1665. 146 l (in Russian).
2. Bocharov, S. G. 2015a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 172–189 (in Russian).
3. Bocharov, S. G. 2015b. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 303–315 (in Russian).
4. Bocharov, S. G. 2015b. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan, Simferopol, Kishinev: “Stratum plus” Publ., 47–99 (in Russian).
5. Bocharov, S. G., Koval', V. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)* 2. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 127 (in Russian).
6. Bocharov, S. G., Koval', V. Yu. 2011. In Karpov, S. P. (ed.). *Rossiiskoe vizantinovedenie: traditsii i perspektivy. Tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov (Russian Byzantine Studies: Traditions and Perspectives. Abstracts of the XIX All-Russian Scientific Session of Byzantinists)*. Moscow: Moscow State University, 46–49 (in Russian).
7. Volkov, I. V. 1989. In Fyodorov-Davydov, G. A. (manag. ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniiaxh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th–16th Centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 87–96 (in Russian).
8. Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).

The research was prepared under “The Black Sea and the Medieval World within Relationships between Rus', East and West in the Middle Ages” Project supported by the Russian Scientific Fund (contract no. 14-28-00213 of 15 August 2014 between the Russian Scientific Fund and Lomonosov Moscow State University).

9. Vnukov, S. Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Ch. 2: Petrografiia, khronologiia, problemy trgovli (Pontic Amphorae of the 1st Century B.C. – the 2nd Century A.D. Part 2: Petrography, Chronology, Trade Issues)*. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ. (in Russian).
10. Emanov, A. G. 1995. *Sever i lug v istorii komertsii na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the History of Commerce by 13th–15th Centuries Materials from Caffa)*. Tyumen: “Gorod” Publ. (in Russian).
11. Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 309–473 (in Russian).
12. Myts, V. L. 1991. *Ukrepenniia Tavriki X–XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th–15th Centuries)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
13. Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: “Universum” Publ. (in Russian).
14. Orlov, R. S. 1979. In Baran, V. D. (ed.). *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia (Monuments of Ancient Cultures of Northern Pontic Region)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 114–129 (in Russian).
15. Fomenko, I. K. 2001. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 5. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 40–108 (in Russian).
16. Fomenko, I. K. 2007. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII–XVII vv. (How the World Looked on the Ancient Portolanos. Pontic Area. Late 13th – 17th Centuries)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья поступила в номер 27.06.2016 г.

УДК 902/904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ ХАНСКОЙ КАЗАНИ

© 2016 г. Н.Р. Садриев

Статья посвящена истории изучения и проблемам реконструкции городских жилых и хозяйственных построек Казани эпохи Казанского ханства. Архитектурные объекты XV – первой половины XVI в. в Казани не сохранились и известны только по материалам археологических раскопок. Комплексные исследования археологических данных, полученных в Казани в результате многолетних раскопок большими площадями, позволяют воссоздавать не только планировку и топографию города, но и проследить динамику развития городской застройки. Значительную роль в этом играет также использование письменных источников. В заключении ставится задача дальнейших исследований, посвященных систематизации жилищ и хозяйственных сооружений Казанского ханства в целом, с привлечением материалов других памятников этого времени.

Ключевые слова: археология, Казанское ханство, градостроительство, архитектура, жилища, постройки, топография, историография.

Казанское ханство как политическое явление в истории Восточной Европы остается слабо изученным. Особо отмечается недостаточность исследований в области истории материальной культуры этого государства. Наличие только отрывочных аутентичных письменных источников по хозяйственному укладу, относящихся к периоду существования ханства, затрудняет изучение данной темы по истории этого государства.

Все выявленные на сегодня постройки ханского времени были найдены в ходе археологических раскопок. Комплексные исследования всего многообразия археологических данных, полученных в Казани при вскрытии раскопами большими площадями, позволяют воссоздавать не только планировку и топографию города, но и проследить динамику его развития, ставить вопросы о реконструкции архитектурного облика города, уста-

новить специфику хозяйственной и ремесленной деятельности для отдельных территорий и объектов. К сожалению, большинство материалов полевых исследований вводились в научный оборот фрагментарно в разрозненных публикациях.

В работах XVIII – конца XIX в. авторы в большей мере обращали внимание на существующие объекты в Казанском кремле и увязывали время их появления с периодом Казанского ханства. Предметом исследований были также вопросы времени и места возникновения г. Казани, расположение укреплений, атрибуция и локализация древних зданий на территории ханской крепости (Ситдинов, 2006, с. 8). Работы в основном были посвящены анализу русских летописей, татарских легенд, обобщению и критике достижений предшественников (Рычков, 1767; Шпилевский, 1873 и др.). Наиболее известной и часто упо-

минаемой постройкой, увязываемой с ханским временем, в работах этого периода является башня Сююмбике (Баженов, 1847; Пенегин, 1890). В это время активно вводится в научный оборот новый письменный источник – Писцовая книга города Казани 1558–1562 гг., ставшая объектом специальных исследований ученых (Невоструев, 1877; Заринский, 1877; Заринский, 1884).

К сожалению, культурные слои средневековой Казани оставались вне поля специальных археологических работ и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете во второй половине XIX – начала XX в. В изданиях Общества и других научных сборниках имелись лишь отдельные публикации, посвященные описанию случайных наблюдений на местах проведения строительных работ (Соловьев, 1874; 1900; и др.).

Среди случайных находок XIX – начала XX в., обнаруженных на территории Казани и опубликованных на страницах Известий ОАИЭ, примечательны клады 1861, 1878, 1893 и 1909 г., состоящие из большого количества джучидских и древнерусских монет XIV – начала XVI в. (Хузин, 2001, с. 225–251). В числе найденных предметов этого времени привлекают внимание клад и гипсовые архитектурные орнаментированные детали, датированные исследователями XV–XVI вв. (Ситдииков, 2006). Они были найдены при строительстве кафедральной части Благовещенского собора во второй половине XIX в. Клады и отдельные архитектурные предметы указывают на районы с наибольшей концентрацией монументальных объ-

ектов и места проживания социально привилегированного населения.

Среди трудов, вышедших в конце XIX в., представляет интерес работа Н.П. Загоскина, в которой автор при характеристике эпохи Казанского ханства впервые использует результаты археологических исследований на территории Кремля, производившиеся в 1881 г. совместно с П.А. Пономаревым во дворе Юнкерского училища. По итогам работ были обнаружены следы основания обгоревшей дубовой крепостной стены, построенной, по их мнению, в ханское время (Загоскин, 1895).

К изучению облика города дорусского времени в работах историков начала XX в. активно привлекались иконографический и литографический иллюстративный материалы (Худяков, 1990). Обобщением собранных архивных материалов является книга М.Г. Худякова. Он в своем труде опирается в основном на письменные и иллюстративные источники. В его монографии «История Казанского ханства» имеется отдельная глава, посвященная топографии города ханского времени. Им предпринимается попытка локализации известных по письменным источникам каменных зданий и определения расположения улиц. Привлечение археологического материала в его исследованиях минимально, в связи с незначительностью доступных в то время данных раскопок.

Кроме того, интерес для нас представляет другая работа М.Г. Худякова – «Татарская Казань в рисунках XVI столетия», – вышедшая в 1930 г. в Вестнике научного общества Татароведения (Худяков, 1930, с. 45–60).

В качестве основных источников автор использует изобразительные материалы. В ней впервые предпринята попытка идентификации по иллюстративным материалам архитектурные объекты ханского времени.

За три года до этого выходит в свет другая, не менее важная, статья, посвященная Казани периода существования Казанского ханства, «Где был дворец Казанских ханов?» (Калинин, 1927). Автором статьи был Николай Филиппович Калинин, один из организаторов археологических экспедиций по изучению памятников эпохи Казанского ханства. В статье автор, ссылаясь на материалы писцовых книг, старых планов и других письменных источников, намечает расположение некоторых построек XVI в. на основе сопоставительного анализа сведений Писцовой книги 1565–1568 гг. и других письменных источников, а также картографического материала XVIII в.

Исключительное место в изучении планиграфической структуры города и социально-экономических отношений Казани второй половины XVI в. занимает изданная в 1932 г. М.Г. Худяковым «Писцовая книга 1558–1562 гг.». В этой книге имеется большая вводная статья М.Г. Худякова и карта города, подготовленная Н.Ф. Калининым (Худяков, 1932). Оба автора обращают внимание на преемственный характер развития городской структуры первых лет после захвата и периода Казанского ханства. Многие годы это издание служило важным источником в изучении Казани XVI в., а последующее научное издание позволило внести ряд важных уточнений в реконструкции города XVI в. (Писцовое описание, 2006).

Н.Ф. Калинин кроме изучения письменных памятников впервые начинает комплексное привлечение археологических материалов при исследовании построек Казанского ханства. Наиболее интересные в плане археологии Казанского ханства работы были проведены на территории Казани и Казанского кремля (Калинин, 1927а; Калинин 1927б; Калинин, 1941).

Исключительно важными являются результаты комплексных историко-археологических исследований, полученные в ходе раскопок в Казанском кремле в 1928–1929 гг. (Бороздин, 1929). Они дали первые стратифицированные археологические данные на обширном полевом материале. Получены первые достоверные сведения о материальной культуре ханской Казани, в том числе о жилых и хозяйственных постройках периода Казанского ханства. Особенно выделяется жилища постройки первой половины XVI в., найденная в шурфе 1, 1а 1929–1928 гг., представляющая собой деревянную постройку с остатками конструкций и бытовых предметов времени ее функционирования (Ситдинов, 1999).

Последующие раскопки Н.Ф. Калинина дали уникальный материал по жилым и хозяйственным постройкам средневековой Казани. В частности, к числу объектов периода Казанского ханства относятся остатки деревянной постройки первой половины XVI в., выявленной в раскопе 1953–1954 гг. с западной стороны Тайницкой башни (Калинин, 1955). Постройка представляла собой систему бревенчатых настилов, состоящих из пластов, плотно лежащих друг к другу бревен. Каждый слой настила лежал под углом друг к другу. Бревна скреплялись между

собой углублением в пазы зарубок. Пространство между ними было заполнено бытовым мусором ханского времени, в том числе большим количеством остатков кожаной обуви. По своему функциональному назначению сооружения представляют собой остатки раската для ведения артиллерийского боя (Ситдииков, 2006).

Важное значение при изучении Н.Ф. Калининским памятников периода Казанского ханства имели проводимые им раскопки за пределами Казани. В частности, были организованы археологические раскопки и получен новый материал по изучению Камаевского городища (Ситдииков, 2002). Изыскания были продолжены в 1970–1990-х годах казанскими археологами (Бурханов, 2001).

В целом с 1923 по 1954 г. на исследованной территории более 5 тыс. кв. м было выявлено не менее 5 сооружений, связанных с периодом существования Казанского ханства. Среди объектов этого времени, найденных в раскопах, можно выделить ров, остатки мусульманского кладбища (Ситдииков, 2006).

Итогами работ стали многочисленные статьи, посвященные археологии Казани. В статьях автор, опираясь на результаты археологических исследований, определяет первичную стратиграфическую шкалу, хронологию культурных наслоений и дает описание остатков жилых и хозяйственных построек.

Археологические изыскания 1960–1980-х годов дали новые материалы для изучения построек Казанского ханства. Наиболее плодотворными были раскопки 1971–1978 гг. В это время под руководством А.Х. Халикова проводятся широкомасштабные ис-

следования в Казанском кремле (Халиков, 1983). В раскопках принимали участие Л.С. Шавахин и А.Г. Мухаммадиев. Всего было заложено 20 раскопов и 36 шурфов общей площадью около 1600 кв. м (Ситдииков, 2006). В данных раскопах было локализовано около 22 объектов, связанных с периодом существования Казанского ханства. Большая их часть представляла собой хозяйственные ямы. Одними из наиболее интересных комплексов объектов периода Казанского ханства можно назвать сооружения №№ 4, 6 и 9 в раскопе I 1975 г. у Благовещенского собора (Древняя Казань, 1996, с. 333). Срезы их отчетливо видны в северном профиле стенки раскопа. Каждое сооружение принадлежит разным строительным горизонтам. Сооружение № 4 относится к верхнему строительному горизонту времени Казанского ханства, датировано первой половиной XVI в.; сооружение № 6 – ко второму горизонту III слоя, датируется концом XV – началом XVI в. С третьим строительным горизонтом связано сооружение № 9. Оно датируется второй половиной XV в. Материалы этого раскопа позволили установить устойчивую преемственную традицию городской планировки и техники строительства.

Показателем роста интереса к изучению истории Казанского ханства в 1970–1980-х годах является ряд работ, затрагивавших вопросы архитектуры и градостроительства (Айдаров, 1978; Валеев, 1967 и др.). В них ставятся ряд приоритетных историко-археологических задач по изучению проблем, связанных с ханским периодом (Фахрутдинов, 1973).

В 1988 г. в связи с работами по строительству казанского метро в

районе пересечения ул. Баумана и Кремлевская было заложено три раскопа общей площадью 172 кв. м. В раскопах были выявлены остатки двух построек периода Казанского ханства, оказавшиеся кожаными мастерскими с большим количеством фрагментов кожаной обуви. По мнению А.Х. Халикова, были обнаружены также следы посадской стены XIV–XVI вв. (Халиков, 1989).

Кроме того, в 1987 г. выходит монография «Древнее искусство Татарии». В главе, посвященной искусству XV – первой половины XVI в., есть описание казанского зодчества периода Казанского ханства. Прежде всего, речь идет об монументальных архитектурных объектах, таких как мечети. Жилые и хозяйственные постройки упоминаются лишь поверхностно (Валеев, 1987).

В последнее десятилетие в свет вышло несколько работ, освещающих вопросы типологии жилищ и хозяйственных построек волго-уральских татар в период XIX–XX вв. В главе, посвященной поселениям и жилищам, достаточно полно раскрываются все проблемы планировки и различных конструктивных приемов, применяемых при строительстве жилых и хозяйственных построек (Атлас, 2008). Интерьер татарского дома раскрыт в монографии Д.Н. Сулеймановой. В ней же мы можем познакомиться с внутренним устройством болгарского и золотоордынского жилища (Сулейманова, 2010).

Давая общую характеристику истории археологического изучения жилищ и хозяйственных построек периода Казанского ханства, нельзя не упомянуть основных исследователей по архитектуре нашего края. Это

прежде всего работы: Айдаров, 1990; Айдарова-Волкова, 1997. Труды этих авторов посвящены в основном монументальной архитектуре. Ключевым объектом в их работах является мечеть Кул Шарифа, локализация и архитектурный облик которой стал предметом споров.

Историко-архитектурные исследования облика зданий и городской планировки были продолжены в трудах Н.Х. Халитова (Халит, 1991, Халит, 1997; Халит, 1999; и др.). В серии работ им были сделаны сравнительный анализ объектов и реконструкция архитектуры монументальных зданий ханской Казани. Широкий круг привлекаемых аналогий дал автору возможность показать место и значение ханской Казани в общей системе развития мировой средневековой архитектуры.

Значительный вклад в понимание формирования традиционной жилой и хозяйственной застройки Волжской Булгарии внесли работы Ф.Ш. Хузина, Р.Ф. Шарифуллина, К.А. Руденко (Хузин, 1976; Хузин, 1979; Шарифуллин, 1993; Руденко, 2004). В них на обширном фактическом материале показано типологическое многообразие объектов жилого и хозяйственного назначения Волжской Булгарии домонгольской и золотоордынской эпох на широком круге памятников. Материалы их исследований создают важную сравнительную базу для изучения подобных объектов периода Казанского ханства.

Исключительно важное место при анализе и систематизации фактического материала по постройкам периода Казанского ханства занимают данные, полученные в ходе археологических исследований Казанско-

го кремля в 1990–2000 гг. С 1994 по 2012 г. на территории кремля было заложено около 70 раскопов общей площадью более 30 000 кв.м и проведены десятки наблюдений за земляными работами, в результате которых были получены важные материалы по изучению древней Казани (Ситдииков, 1999; Ситдииков, 2006; Хузин, 2011а). При проведении работ было локализовано около 600 объектов, связанных с периодом существования Казанского ханства. Среди них 67 жилищ, 210 хозяйственных сооружений и более 300 объектов, функциональное назначение которых не до конца ясно.

Результаты данных исследований были отражены во многих работах. Среди них есть и такие, в которых затрагиваются интересующие нас вопросы. Это, прежде всего, работы А.Г. Ситдиикова, Ф.Ш. Хузина (Хузин, 2005; Ситдииков, 2008; Ситдииков, 2009; Хузин, 2003 и др.). Некоторые статьи посвящены итогам отдельных исследований (Набиуллин, 2001; Хузин, 2011б). Одной из немногих публикаций, касающихся непосредственно построек Казанского ханства, является работа А.А. Старкова, в которой автор подводит итоги археологических работ на раскопе LI а, проводившихся на территории Казанского кремля (Старков, 2005).

Итогом археологических исследований можно назвать монографию А.Г. Ситдиикова, посвященную историко-археологическому изучению Казанского кремля (Ситдииков, 2006). Автор, опираясь на большой археологический материал, прослеживает динамику развития города, реконструирует историческую топографию, локализует архитектурные сооружения, упоминаемые в письменных источниках.

Сооружения периода Казанского ханства были найдены и изучены также и в ходе археологических работ на территории города Казань. Это, например, наблюдения на улицах Щапова, Кирова, Баумана (Ситдииков, 2004). Кроме того, исследования проводились и на других территориях Татарстана. В 1990 г. изучены Камаевское и Арское городища. Во внутренней части обеих крепостей были выявлены остатки хозяйственных построек и жилых сооружений (Бурханов, 2001; Ситдииков 2010, 2011).

В результате многолетних археологических наблюдений и раскопок, проводившихся на территории Казанского кремля и за его пределами, начиная со второй половины XIX в. и до нашего времени, были сделаны заметные успехи в изучении периода существования Казанского ханства. Н.Ф. Калининым была проделана архивная работа по локализации крупных и монументальных объектов периода Казанского ханства на территории Казанского кремля, а также начатые им работы на Камаевском городище и продолженные другими учеными дали новые материалы по этой эпохе. Были сделаны первые попытки описания и анализа хозяйственных и жилых объектов Казанского ханства. На сегодняшний день создана обширная источниковая база и накоплен огромный фактический материал, на основании которых уже можно сделать некоторые выводы.

К началу 2000-х годов только на территории Казани было заложено более 100 раскопов, общая площадь которых составляет более 30 тысяч кв.м. С III слоем, сформировавшимся в период Казанского ханства, связано строительство и функционирование

около 650 объектов, из которых около 90 жилищ и не менее 250 хозяйственных сооружений. Большая часть сооружений была зафиксирована в Казанском кремле. Среди них встречаются наземные сооружения, подпольные конструкции, максимальные размеры которых составляют 4×4 м. Плотность застройки была неравномерной с особой концентрацией объектов у ханского двора.

Однако, несмотря на столь значительные археологические исследования последних лет, на данный момент нет работ, посвященных систематизации жилищ и хозяйственных сооружений Казанского ханства в целом. В будущем этот пробел будет восполняться главным образом за счет обобщения результатов археологических экспедиций Казани и изучения других памятников этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров С.С.* Архитектурное наследие Казани. Казань: Таткнигоиздат, 1978. 80 с.
2. *Айдаров С.С.* Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности). Автореф. дисс... доктора архитектуры. М. 1990. 42 с.
3. *Айдарова-Волкова Г.Н.* Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX веков. Казань: Казанская гос. архитектурно-строительная академия, 1997. 196 с.
4. Атлас «Тартарика. Этнография» Этнография татар. М.: Издательско-Продюсерский Центр «Дизайн. Информация. Картография», 2008. 864 с.
5. *Баженов Н.К.* Казанская история. Ч. I. Казанское царство. XIII. Казань: Типография университета, 1847. 138 с.
6. *Бороздин И.Н.* Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского. 1929. С. 37–40.
7. *Бурханов А.А.* Некоторые итоги изучения памятников охранной зоны Иске-Казанского историко-культурного и природного комплекса в Заказанском регионе // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. С. 354–381.
8. *Валеев Ф.Х.* К истории архитектуры казанских татар XV - первой половины XVI в. // Вопросы истории, филологии и педагогики. Вып. 2. / Отв. ред. А.С. Шофман. Казань: Изд-во КГУ, 1967. С. 94–103.
9. *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1987. 204 с.
10. Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Фест, 1996. 444 с.
11. *Загоскин Н.П.* Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города. Казань: Типо-литография Императорского Университета. 1895. 691 с.
12. *Заринский П.Е.* Очерки древней Казани, преимущественно XVI века. Казань: Губернская типография. 1877. 221 с.
13. *Заринский П.Е.* Топография города Казани в 1552 году, во время осады его русскими войсками. // Труды IV Археологического съезда. Т. I. Казань: Типо-литография Императорского Университета. 1884. С. 59–98.
14. Какой вид имела Казань в XVI веке? // Казанские Губернские Ведомости. №№ 33, 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46. 1856.

15. *Калинин Н.Ф.* Археологические наблюдения на улицах Казани. (Материалы к «биографии» г. Казани) // Известия Общества археологии, истории, этнографии. Т. XXXIII. Вып. 4. Казань, 1927а. С. 33–38.

16. *Калинин Н.Ф.* Где был дворец казанских ханов? // Вестник Научного общества татароведения. № 6. Казань, 1927б. С. 81–96.

17. *Калинин Н.Ф.* Город Казань // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. / Отв. ред. В.В. Гольмстен М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 104–106.

18. *Набиуллин Н.Г.* Охранно-спасательные раскопки в северо-восточной части Казанского кремля (раскоп XIII). // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 20–23.

19. *Руденко К.А.* К вопросу об исследовании болгарских домов домонгольского времени // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, Болгар: Институт истории АН РТ, 2004. С. 164–167.

20. *Рычков П.Н.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. 196 с.

21. *Ситдииков А.Г.* К вопросу об укреплениях посада Казани 1552 г. // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. Казань, 1999. С. 98–101.

22. *Ситдииков А.Г.* Археологические источники по истории г. Казани // Проблемы истории Казани: современный взгляд / Отв. ред. И.К. Загидуллин Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 93–112.

23. *Ситдииков А.Г.* Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиант, 2006. 288 с.

24. *Ситдииков А.Г.* Улицы средневековой Казани: локализация и идентификация // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки, Т. 153. Кн. 3. Казань: изд-во КГУ, 2011. С. 63–73.

25. *Ситдииков А.Г., Старостин П.Н.* Николай Филиппович. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 24 с.

26. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Ханская Казань в свете новых археологических исследований // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2008. № 2. С. 46–59.

27. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Некоторые итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. 2009. № 1. С. 99–111.

28. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* Ранняя история Арска // Достояние поколений. 2010. № 2. С. 42–45.

29. *Соловьев Е.* О раскопках в Казани // Известия Императорского Русского географического общества. Т. X. Вып. 8. СПб., 1874. С. 374–376.

30. *Старков А.С.* Деревянная застройка Казанского кремля XVI в. (По материалам раскопа Ila) // Татарская археология. Казань и Казанское ханство. 2005. № 1–2. С. 63–70.

31. *Сулейманова Д.Н.* Интерьер татарского дома: истоки и развитие. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 141 с.

32. *Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4. С. 113–122.

33. *Халиков А.Х.* Археологические наблюдения на предбулачной части посада Казани XV–XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989, 1989. С. 116–118.

34. *Халиков А.Х.* История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Ин-т языка, литературы и истории, 1983. С. 111–138.

35. *Халит Н.* Архитектура ханской Казани: Гипотезы. Факты. Размышления. Казань: Мастер-Лайн, 1999. 232 с.
36. *Халит Н.* Мавзолеи ханской Казани в документах XVI в. // Мавзолеи Казанского кремля / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 1997. С. 68–88.
37. *Халит Н.* Тайна гравюры Адама Олеария // Идель. 1991. № 7. С. 34–35.
38. *Худяков М.Г.* Казань в XV–XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 7–25.
39. *Худяков М.Г.* Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9/10. Казань. С. 45–60.
40. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд ТЯК, 1990, 311 с.
41. *Хузин Ф.Ш.* Из истории изучения болгарского жилища домонгольского периода // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1976. С. 72–78.
42. *Хузин Ф.Ш.* Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. 1979. С. 62–99.
43. *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Археологическое изучение памятников архитектуры Волжской Булгарии и Казанского ханства (итоги и перспективы) // Региональные и национальные аспекты в архитектуре: наследие и перспективы / Отв. ред. Г.Г. Нугманова. Казань: АН РТ. 2003. С. 56–58.
44. *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Древняя Казань. Казань: изд-во Казанского университета, 2005, 152 с.
45. *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолианть, 2011а. С. 186–200.
46. *Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шарифа // Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолианть, 2011б. С. 213–227.
47. *Шарифуллин Р.Ф.* О ранних жилищах волжских болгар (X – начало XIII вв.) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 1993. С. 63–76.
48. *Шпилевский С.М.* Указатель исторических достопримечательностей г. Казани. Казань: Универ. Тип, 1873. 66 с.

Информация об авторе:

Садриев Наиль Равилевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия); nail.sad@mail.ru

URBAN DEVELOPMENT OF THE KAZAN KHANATE: A HISTORY OF STUDIES

N.R. Sadriev

The article offers a history of studies and problems of reconstruction of urban housing and household structures in Kazan during the Kazan Khanate. Architectural objects of the fifteenth – first half of the sixteenth century in Kazan did not survive and are known only from archaeological digs. A complex analysis of archaeological data obtained in Kazan through many years of digs on vast areas allow reconstructing not only the plan and topography of the city, but also the stages in its urban development. Written accounts also play an important role. In conclusion, the author suggests further studies into systematization of dwellings and

household structures in the whole Kazan Khanate by involving the evidences from other sites of the same time.

Keywords: archaeology, Kazan Khanate, urban development, architecture, dwellings, structures, topography, historiography.

REFERENCES

1. Aidarov, S. S. 1978. *Arkhitekturnoe nasledie Kazani (Architectural Heritage of Kazan)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
2. Aidarov, S. S. 1990. *Monumental'nye kamennye sooruzheniia i komplekсы Volzhskoi Bulgarii i Kazanskogo khanstva (opyt rekonstruktsii i genetiko-stilisticheskie osobennosti) (Monumental Stone Constructions and Complexes of the Volga Bulgaria and the Kazan Khanate (an experience of reconstruction and genetic-stylistic features))*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
3. Aidarova-Volkova, G. N. 1997. *Arkhitekturnaia kul'tura Srednego Povolzh'ia XVI–XIX vekov (Architectural Culture of the Middle Volga Area in 16th–19th Centuries)*. Kazan: Kazan State Architectural Academy (in Russian).
4. Atlas «Tartarika. Etnografiia». *Etnografiia tatar (Atlas: "Tartarica: Ethnography". Ethnography of Tatars)*. 2008. Moscow: "Dizain. Informatsiia. Kartografiia" Publ. (in Russian).
5. Bazhenov, N. K. 1847. *Kazanskaia istoriia I. Kazanskoe tsarstvo (Kazan History I. Kazan Kingdom) XIII*. Kazan: University Typography (in Russian).
6. Borozdin, I. N. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)*. Vol. III. Kazan: "Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo" Publ., 37–40 (in Russian).
7. Burkhanov, A. A. 2001. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii: Voprosy srednevekovoi istorii i arkhologii. Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo nasledii (Dialogue of Eurasian Cultures. Issues of Medieval History and Archaeology. Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage) 2*. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 354–381 (in Russian).
8. Valeev, F. Kh. 1967. In Shofman, A. S. (ed.). *Voprosy istorii, filologii i pedagogiki (Issues of History, Philology and Pedagogics) 2*. Kazan: Kazan State University, 94–103 (in Russian).
9. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. 1987. *Drevnee iskusstvo Tatarii (Ancient Art of Tataria)*. Kazan: Tatknigoizdat (in Russian).
10. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (comp.). 1996. *Drevniaia Kazan' glazami sovremennikov i istorikov (Ancient Kazan in the Eyes of Contemporaries and Historians)*. Kazan: "Fest" Publ. (in Russian).
11. Zagoskin, N. P. 1895. *Sputnik po Kazani. Illiustrirovannyi ukazatel' dostoprimechatel'nostei i spravocnaia kniga goroda (Your Guide to Kazan. An Illustrated Reference-book for the Sightseeings and City Directory)*. Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University (in Russian).
12. Zarinskii, P. E. 1877. *Ocherki drevnei Kazani, preimushchestvenno XVI veka (Essays on the Ancient Kazan, Mainly 16th Century)*. Kazan: Provincial Typography (in Russian).
13. Zarinskii, P. E. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress) I*. Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University, 59–98 (in Russian).
14. Kakoi vid imela Kazan' v XVI veke? (The View of Kazan in the 16th Century). 1856. In *Kazanskie Gubernskie Vedomosti (Kazan Provincial Bulletin)* (33, 34, 36, 40, 41, 43, 44, 46) (in Russian).
15. Kalinin, N. F. 1927. In *Izvestiia Obshchestva arkhologii, istorii, etnografii (Bulletin of the Society of Archaeology, History and Ethnography) XXXIII* (4). Kazan, 33–38 (in Russian).
16. Kalinin, N. F. 1927. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies) 6*. Kazan, 81–96 (in Russian).
17. Kalinin, N. F. 1941. In Golmsten, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia (Archaeological Research in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 104–106 (in Russian).

18. Nabiullin, N. G. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 20–23 (in Russian).
19. Rudenko, K. A. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 164–167 (in Russian).
20. Rychkov, P. N. 1767. *Opyt Kazanskoi istorii drevnikh i srednikh vremen (Attempt of Kazan History of Ancient Times and Middle Ages)*. Saint Petersburg (in Russian).
21. Sitdikov, A. G. 1999. In *Problemy pervobytnoi i srednevekovoi arkheologii. Tezisy dokladov Pervykh Khalikovskikh chtenii (Issues of Prehistoric and Medieval Archaeology: Abstracts from 1st Khalikov Readings)*. Kazan, 98–101 (in Russian).
22. Sitdikov, A. G. 2004. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Problemy istorii Kazani: sovremennyy vzgliad (Issues of the Kazan History: Present-Day View)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 93–112 (in Russian).
23. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
24. Sitdikov, A. G. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 153. Book 3. Kazan: Kazan State University, 63–73 (in Russian).
25. Sitdikov, A. G., Starostin, P. N. 2002. *Nikolai Filippovich (Nikolay Philippovich)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
26. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)* (2), 46–59 (in Russian).
27. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 99–111 (in Russian).
28. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2010. In *Dostoianie pokolenii (Heritage of Generations)* (2), 42–45 (in Russian).
29. Solov'ev E. 1874. In *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Russian Geographic Society)*. Vol. X, issue 8. Saint Petersburg, 374–376 (in Russian).
30. Starkov, A. S. 2005. In *Tatarskaia arkheologiya. Kazan' i Kazanskoe khanstvo (Tatar Archaeology: Kazan and Kazan Khanate)* (1–2), 63–70 (in Russian).
31. Suleimanova, D. N. 2010. *Inter'er tatarskogo doma: istoki i razvitie (Interiors of the Tatar House: Origins and Evolution)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
32. Fakhрутдинov, R. G. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 113–122 (in Russian).
33. Khalikov, A. Kh. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 116–118 (in Russian).
34. Khalikov, A. Kh. 1983. In Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N. (eds.). *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archeological Sites of Tataria)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, 111–138 (in Russian).
35. Khalit, N. 1999. *Arkhitektura khanskoi Kazani: Gipotezy. Fakty. Razmyshleniia (Architecture of the Khan's Kazan: Hypotheses. Facts. Considerations)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).
36. Khalit, N. 1997. In Khakimov, R. S. (ed.). *Mavzolei Kazanskogo kremliia (Kazan Kremlin Mausoleums)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 68–88 (in Russian).
37. Khalit, N. 1991. In *Idel' (The Idel)* 7, 34–35 (in Russian).
38. Khudiakov, M. G. 1932. In *Materialy po istorii Tatarskoi ASSR. Pistsovye knigi goroda Kazani 1565–1568 gg. i 1646 g. (Materials on the History of the Tatar Republic. Kazan Census Books in 1565–1568 and 1646)*. Leningrad: the USSR Academy of Sciences Publ., 7–25 (in Russian).

39. Khudiakov, M. G. 1930. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies)* (9-10). Kazan, 45–60 (in Russian).
40. Khudiakov, M. G. 1990. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva (Essays on the Kazan Khanate History)*. Kazan: “Fond TlaK” Publ. (in Russian).
41. Khuzin, F. Sh. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 72–78 (in Russian).
42. Khuzin, F. Sh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 62–99 (in Russian).
43. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2003. In Nugmanova, G. G. (ed.). *Regional'nye i natsional'nye aspekty v arkhitekture: nasledie i perspektivy (Regional and Ethnic Aspects in Architecture: Heritage and Perspectives)*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 56–58 (in Russian).
44. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2005. *Drevniaia Kazan' (Ancient Kazan)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
45. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2011. In *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkheologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: “Foliant” Publ., 186–200 (in Russian).
46. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2011. In *Issledovaniia po bulgaro-tatarskoi arkheologii (Studies on the Bulgar and Tatar Archaeology)*. Kazan: “Foliant” Publ., 213–227 (in Russian).
47. Sharifullin, R. F. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 63–76 (in Russian).
48. Shpilevskii, S. M. 1873. *Ukazatel' istoricheskikh dostoprimechatel'nostei g. Kazani (Index of the Historical Sights in the Kazan City)*. Kazan: University Typography (in Russian).

About the Author:

Sadriev Nail R. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; nail.sad@mail.ru

Статья поступила в номер 22.09.2016 г.

УДК 623.11

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРТИФИКАЦИИ КАЗАНСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ

© 2016 г. А.М. Губайдуллин

В статье проведен сравнительный анализ археологических данных по фортификации Казанского и Сибирского ханств. Рассматриваются сходства и различия памятников оборонительного зодчества этих государств, их топографии, технологии сооружения основных и дополнительных укреплений. Большинство крепостных построек этого времени возводилось из дерева и грунта. Принципы их строительства в эпоху средневековья были в целом одинаковыми, так как зависели от характера и свойств используемого материала. Однако в устройстве линий обороны городищ этих государств имеются некоторые отличия. Количество самих укрепленных поселений также существенно различалось. В эпоху существования Казанского и Сибирского ханств был достигнут высший уровень развития местных традиций военного зодчества. В середине XVI в. «казанские» традиции фортификации прекращают развитие. На территории Западной Сибири местные традиции продолжают, о чем свидетельствуют памятники фортификации Сибирского ханства.

Ключевые слова: археология, Казанское ханство, Сибирское ханство, фортификация, городища, сравнительный анализ.

Развитие военно-инженерной науки у различных народов проходило неодинаково. Это, несомненно, связано со степенью исторического, политического и экономического формирования тех или иных государственных образований. Не является здесь исключением и фортификация. Степень ее развитости представляет собой один из показателей такого уровня. Поэтому сравнительный анализ достижений в науке об укреплениях позволяет по-новому обратить внимание на данную тему.

Главным показателем достигнутого уровня фортификации любого государства являются оборонительные сооружения основных городских центров. Сюда входят их топографические особенности, заключающиеся в степени использования для защиты поселений окружающего рельефа

местности, применение тех или иных типов крепостных построек, их комплекс и соотношение друг с другом. Именно по ним мы и можем судить о степени развития военно-инженерной науки в целом и военного зодчества в частности. Таковыми являются известные нам ключевые укрепленные поселения Казанского и Сибирского ханств. Анализ их фортификации и дает нам общую картину оборонительной науки этих государств. Все ли из них, за исключением некоторых, можно отнести к социальному типу городов – вопрос открытый и требует отдельного рассмотрения.

Не взирая на то, что мы имеем очень ограниченное количество городищ Казанского ханства, как исследованных, так и вообще в численном соотношении с укрепленными поселениями Волжской Булгарии, у нас

есть широкий спектр типов и знаний, касающихся технологии их возведения. На сегодняшний день известно применение в строительстве тарас для обороны Казани (рис. 1), городней – на Камаевском и Чаллыском городищах (рис. 2), столбовых конструкций или городней на Утерняском (рис. 3), а также, возможном наличии тыновой ограды на Тавлыском и Арском городищах (рис. 4).

Как известно, принципы строительства дерево–земляных оборонительных сооружений везде в эпоху средневековья были довольно одинаковыми, т.к. сам характер используемого материала и его свойства заставляли придерживаться определенных правил при возведении крепостных построек. Для сравнения можно привести фортификацию Сибирского ханства, являющуюся в основном синхронной «казанской».

По своей типологии, отношению к окружающему рельефу местности

городища этого государства были разделены В.И. Соболевым на три типа: мысовые, возведенные на мысу, образованном естественными берегами рек и оврагов; равнинные, возведенные на равнинной местности или гривах, но не имеющие доминирующего положения над окружающей местностью и островные, сосредоточенные на островах. Первые в количественном соотношении доминируют – 82,5%, вторых значительно меньше – 12,5%, а число последних составляет лишь 5% (Соболев, 2008, с. 64). Следует отметить, что памятников, подчиненных рельефу, подавляющее большинство. Это первый и третий типы.

Принимая во внимание, что количество поселений, имевших оборонительные сооружения в Сибирском ханстве, было больше, все же примерно такая же тенденция проследживается и для городищ Казанского ханства, с той лишь разницей, что

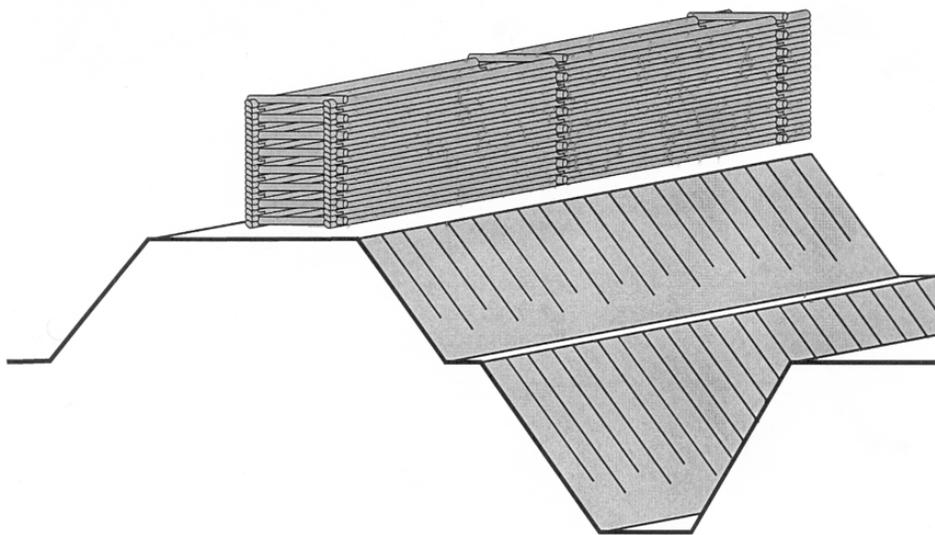

Рис. 1. Тарасы.

Fig. 1. *Taras* (wooden chests filled with stones, imitating fort walls).

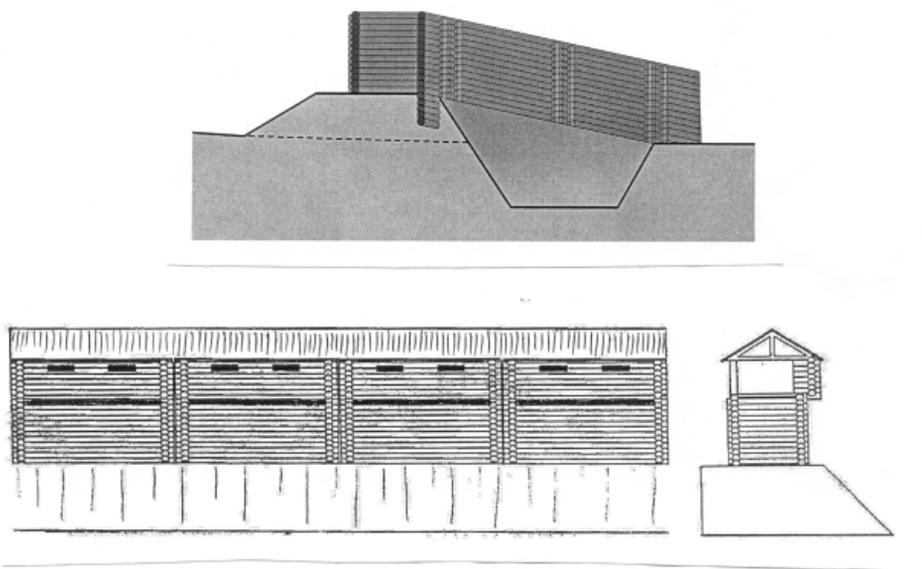

Рис. 2. Городни.

Fig. 2. Gorodnya (a wooden and earth structure).

здесь полностью отсутствовали укрепленные поселения неподчиненные рельефу (равнинные по В.И. Соболеву). Как отмечалось нами ранее, только Чаллыньское городище относится к частично подчиненным, т.е. ко II типу по типологии П.А. Раппопорта (1961, с. 215–220).

Количество линий обороны на поселениях Сибирского ханства также варьировало. Они состояли, в основном, из одного–трех рядов, причем в последнем случае валы и рвы устраивались в три пояса с расстоянием в несколько десятков метров между ними, например, у городищ Кучум-Гора и Чудская Гора (Соболев, 2008, рис. 5, 9, с. 234–235). У «казанских» городищ такой прием отсутствовал, т.к. к этому времени произошел уже полный отказ от него. Разве что исключение составляла Казань, однако это был большой по тем временам город, имевший также укрепленный и не укрепленный посад (Ситдииков, 2002, с. 167–172)

(рис. 5). Поэтому вряд ли его можно приводить для сравнения.

Кроме основных оборонительных сооружений на городищах Сибири зафиксированы и дополнительные укрепления, представлявшие собой небольшие бастионообразные постройки. Например, они прослеживаются в местах въездов на памятники или спусков к воде. Подобное устройство в виде вала, несшего функции барбакана¹ было выявлено на Тунусском городке у подошвы останца в месте въезда на поселение (Татауров, 2007, с. 225; Матвеев, Татауров, 2012, с. 142) В то же время, такие выступы были зафиксированы и в системе

¹ Барбакан (араб. или перс. bab-khanah – привратное укрепление, лат. barbecana – внешнее укрепление города или крепости, франц. barbican) – средневековый термин, обозначающий, в частности, отдельное укрепление, оборонявшее подступ к мостам или внешним входам в крепостной ограде.

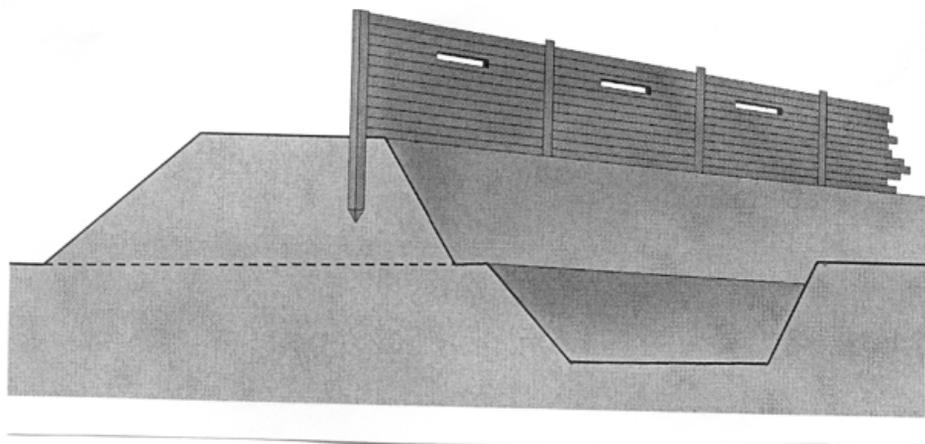

Рис. 3. Столбовые конструкции.

Fig. 3. Pillar constructions.

основных оборонительных линий, например, на городище Безымянное-1 (Соболев, 2008, рис. 7) (рис. 6). По-видимому, они несли функции крепостных башен, или более поздних ронделей², по продольной защите стен. Этот тип укреплений представляется нам несколько «архаичным», т.к. применялся он только в раннесредневековой фортификации и Волжской Булгарии, а для эпохи Казанского ханства такие примеры нам неизвестны.

В дополнение к вопросу устройства въездов на городища и их защиты, нужно отметить интересную конструкцию воротных проемов на укрепленном поселении Большой Чуланкуль-1, расположенном в бассейне р. Омь и датированном также временем существования Сибирского ханства (Соболев, 2008, с. 63–64). Здесь у небольшого подквадратного в плане памятника в юго-западной и северо-восточной частях имеются

проезды типа *agricolan*, когда оба конца вала, подходя друг к другу, повернуты в напольную сторону (рис. 7). Этот прием довольно ранний и еще восходит минимум к античным временам (Буйских, 1991, с. 97). Однако в эпоху средневековья он практически перестает применяться, в том числе и в фортификации Казанского ханства. Для чего он был здесь устроен – не совсем понятно, т.к. сама очень незначительная площадь городища Большой Чуланкуль-1, расположенного на равнинной местности, делала его очень уязвимым для нападения армии противника. Поэтому не исключено, что это укрепленное поселение можно отнести к социальному типу феодальных усадеб–замков, чья оборона должна была соответствовать только защите от соседей.

Что касается надземных стен, то, зачастую, они строились в виде застокола или тыновой ограды. В тоже время, по-видимому, у некоторых более крупных и важных административных центров Сибирского ханства оборонительные конструкции могли

² Рондели (итал. *rondelli*) – полукруглые выступы в крепостной ограде.

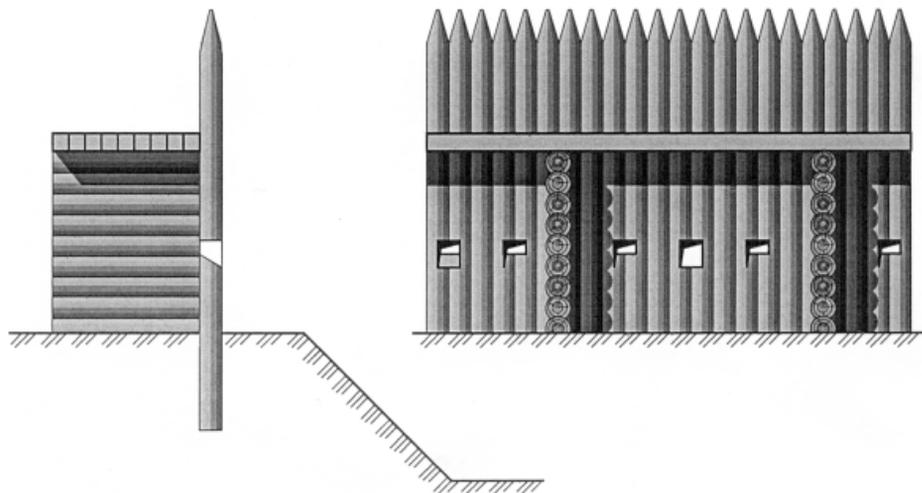

Рис. 4. Тыновая ограда (по Ф.Ф. Ласковскому).

Fig. 4. Palisade (after F.F. Laskovsky).

создаваться и в виде городней. Однако на Кучумовом городище, являющемся остатками города Искер, скорее всего крепостные стены представляли собой тыновую ограду, в линию которой входили и четырехгранные башни. По мнению исследователей, это был деревянный палисад, установленный вдоль ската рва. Об этом, предположительно, можно также судить и по изображению укрепленного города на рисунке Сибирской (Кунгурской) летописи С.У. Ремезова (Овчинникова, 2014, с. 188, рис. 13).

Думается, что такой тип деревянных оборонительных конструкций для этого памятника был достаточен, не смотря на его административную значимость, т.к. это городище, в первую очередь, являлось хорошо укрепленным самой природой. В результате для его обороны строители всемерно использовали труднодоступность местности. Кроме того, не исключено, что данное укрепленное

поселение использовалось только в качестве официальной ставки правителя и представляло собой больше замок, чем город.

На укрепленных поселениях Сибири для фланкирования³ подступов к стенам использовались также и крепостные башни (Матвеев, Татауров, 2012, с. 141). Исходя из всего комплекса имеющихся данных, можно провести некоторые параллели с наукой об укреплениях, развивавшейся на территории Среднего Поволжья в XV – первой половине XVI веков, где также возводились похожие оборонительные сооружения.

В эпоху Казанского ханства был достигнут своеобразный венец военного зодчества, развивавшегося на территории Среднего Поволжья на протяжении нескольких веков. В

³ Фланкирование (нем. flankieren) – продольная оборона крепостных сооружений.

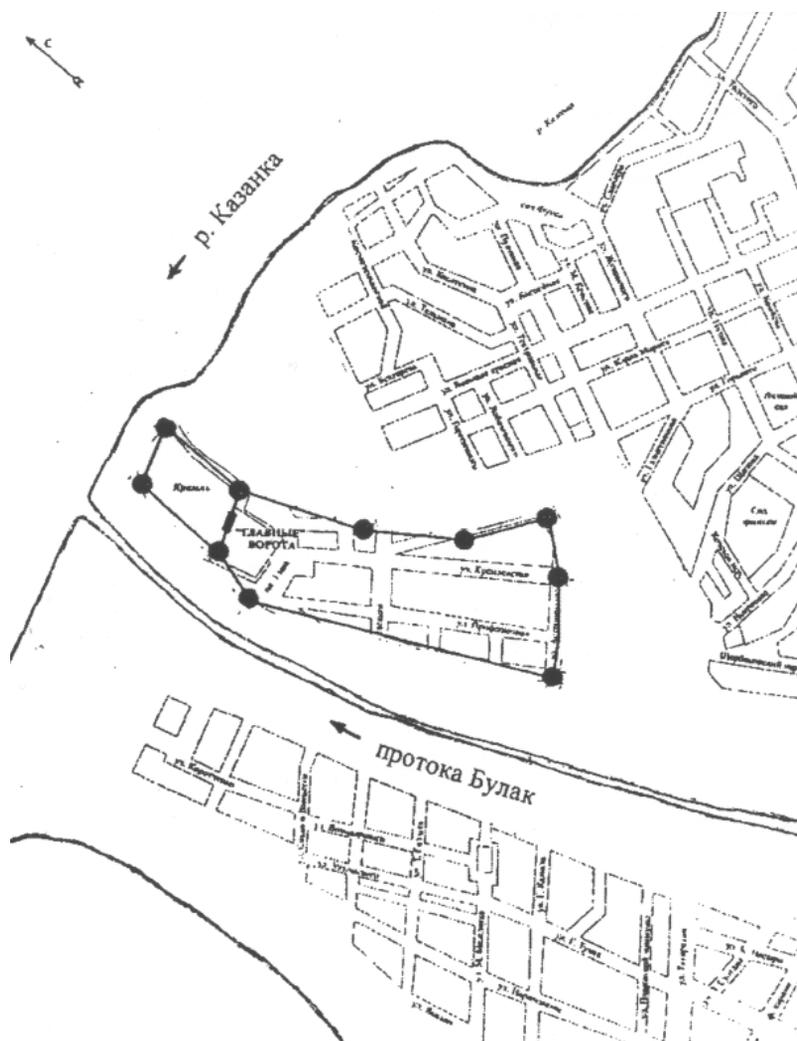

Рис. 5. План укрепленной части Казани первой половины XVI в. (по А.Г. Ситдикову).

Fig. 5. Plan of the fortified part of Kazan in the first half of 16th c. (after A.G. Sitdikov).

XVI в. также состоялся и финал в его развитии, выраженный в прекращении местной военно-инженерной традиции строительства оборонительных сооружений и возможном ее переносе на территорию Западной Сибири, о чем могут свидетельствовать памятники фортификации Сибирского ханства (Матвеев, Тагауров, 2012, с. 142).

Касаюсь последнего предположения – действительно является сомнительным, что основное количество крепостей, и вообще оборонительных сооружений, здесь строили выходцы из Средней Азии, т.к. принципы строительства и, особенно, материал для возведения фортификационных построек существенно различались. Сюда же можно отнести и навыки

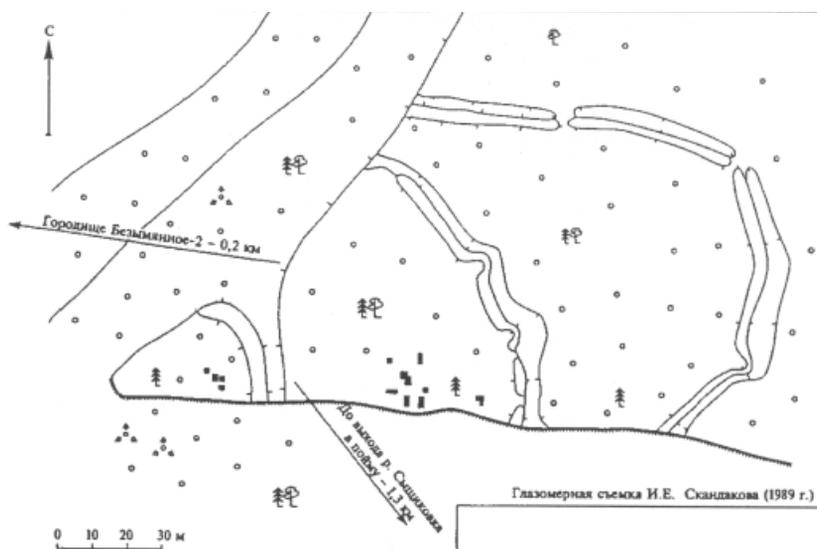

Рис. 6. План городища Безумянное-1 (по В.И. Соболеву).

Fig. 6. Plan of hillfort Bezumyannoe-1 (after V.I. Sobolev).

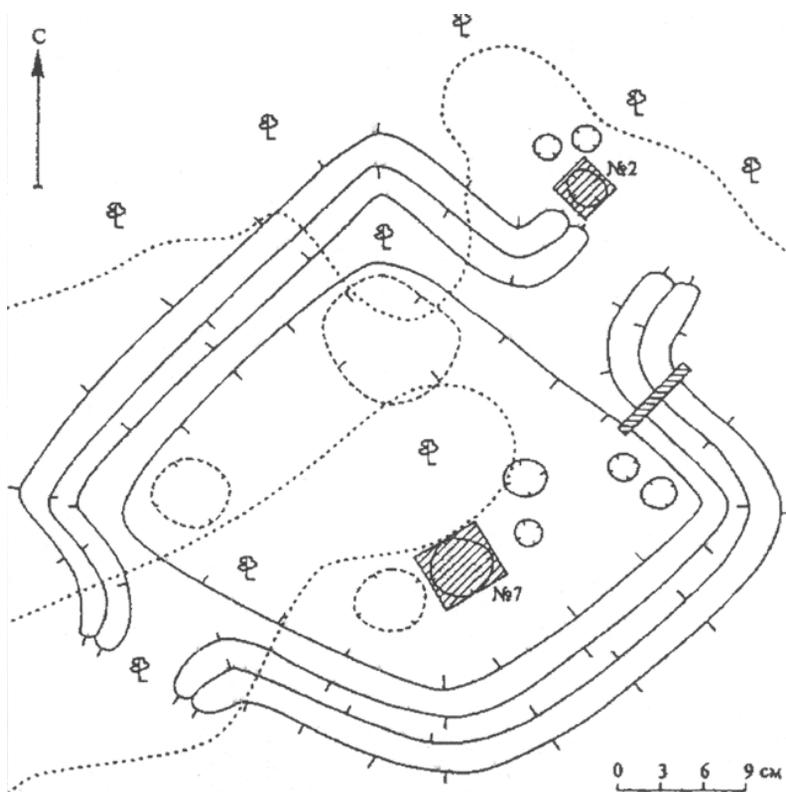

Рис. 7. План городища Большой Чуланкуль-1 (по В.И. Соболеву).

Fig. 7. Plan of Bolshoy Chulankul-1 hillfort (after V.I. Sobolev).

использования для обороны сходных топографических условий, которые довольно существенно отличаются от среднеазиатских. Однако полностью отрицать этого мы бы не стали. Не исключено также и то, что казанские инженеры, в силу своей специфичной и редкой профессии, могли пополнить число «градодельцев» других окружающих стран. Причиной всему этому явилось присоединение всего региона Среднего Поволжья после периодических военных конфликтов к Русскому государству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буйских С.Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1991. 160 с.
2. *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* К вопросу об оборонительных сооружениях населения Сибирского ханства // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. С. 141, 142.
3. *Овчинникова Б.Б.* Искер – Кучумово городище (археологические исследования 1968 года) // Поволжская археология. 2014. № 1. С. 188.
4. *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105. С. 215–220.
5. *Ситдигов А.Г.* Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ФЭН, 2002. С. 160–206.
6. *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Серия «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума». Т. 10. Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
7. *Татауров С.Ф.* Археологические исследования памятников Сибирского ханства в Омском Прииртышье в 2003–2006 гг. // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Междунар. конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 224–226.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FORTIFICATION OF THE KAZAN AND SIBERIAN KHANATES

A.M. Gubaidullin

This paper presents a comparative analysis of archaeological data on fortification of the Kazan and Siberian Khanates. The author considers similarities and differences in defensive architecture of these states, their topography, building technologies behind the main and additional fortifications. Majority of the fortresses of the time were built of wood and earth. Principles of their construction in the Middle Ages were quite similar, because they depended on qualities of the used materials. The design of defensive lines in the hillforts of these states, however, somewhat differs. Also, the number of the fortified settlements significantly differed. The time of the Kazan and Siberian Khanates was marked by the highest level of development of local traditions of the military architecture. In the middle of the 16th century, “Kazan” traditions of fortification came to a halt, while local traditions kept developing in

Western Siberia, which is proved by fortification sites found on the territory of the Siberian Khanate.

Keywords: archaeology, Kazan and Siberian Khanates, fortification, hillforts, comparative analysis.

REFERENCES

1. Buisikh, S. B. 1991. *Fortifikatsiia Ol'viiskogo gosudarstva (pervye veka nashei ery)* (*Fortification of the Olbian State: First Centuries AD*). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
2. Matveev, A. V., Tataurov, S. F. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 141, 142 (in Russian).
3. Ovchinnikova, B. B. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 166–193 (in Russian).
4. Rappoport, P. A. 1961. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi X–XV vv. (Essays on History of Military Architecture in Northeast and Northwest Russia during the 10th – 15th Centuries)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 105. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Sitdikov, A. G. 2002. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Kazanskoe khanstvo: aktual'nye problemy issledovaniia (Kazan Khanate: Actual Issues for Research)*. Kazan: "Fän" Publ., 160–206 (in Russian).
6. Sobolev, V. I. 2008. *Istoriia sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam) (History of Siberian Khanates (by archaeological data))*. Series: Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma (Ethnographic-Archaeological Complexes: Issues of Culture and Society) 10. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Tataurov, S. F. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednekovoiia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes) I*. Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 224–226 (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в номер 19.11.2015 г.

УДК 904 “04/14”

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КАСИМОВА****© 2016 г. Ф.А. Ахметгалин, Р.Н. Хамзин,
А.В. Беляев, И.Ю. Мирсияпов, А.Г. Ситдииков**

В статье рассматривается история археологического изучения города Касимова с начала XIX по начало XXI вв. Выделяются этапы этого изучения: XIX в., 20-30-е гг. XX в. и современный этап, начиная с 2000 г. Приводятся основные результаты археологических исследований 2008–2014 гг. Исследования в центральной части Касимова и возле ханской мечети не выявили слоев и сооружений середины XV – начала XVI вв., связанных с основанием города ханом Касимом. Авторами предполагается первоначальная локализация города Касимова – Городца Мещерского в районе Старого Посада (Уланова гора), где обнаружен материал второй половины XV в. Также сделано предположение о преемственности городищ: Земляной Струг (начало I тысячелетия – XIII в.) – Городец Мещерский (XV в.) – Касимов (середина XVI – XXI вв.). Установлено, что перенос города на современное место был осуществлен не ранее середины второй половины XVI в. в годы правления хана Шах-Али.

Ключевые слова: археология, Касимовское ханство, город Касимов, Городец Мещерский, позднее средневековье, XV–XVII вв., история исследований.

Касимовское ханство и его столица город Касимов является объектом пристального внимания многих поколений историков. Татарское ханство, возникшее на южной границе Российского государства в середине XV в. и сохранившееся в качестве удельного княжества до конца XVII в., было важным культурным и политическим явлением, оказавшим значительное влияние на российскую историю.

Город Касимов берет свое начало от Городца Мещерского, который, по мнению историков, был основан в 1152 г. суздальским князем Юрием Долгоруким. При впадении речки Бабенки в Оку на крутом ее берегу им была поставлена небольшая пограничная крепость, получившая название Городец Мещерский (Археологическая карта России: Рязанская область, 1993, с. 79–82). В 1239 г. го-

род был осажден и взят монгольскими войсками. В XIII в. город становится владением князей Мещерских, ведущих свою родословную от выходцев из Золотой Орды Ширинов: «В лето 6706 Князь Ширинский Бахмет Усейнов сын, пришел из Большие Орды в Мещеру, и Мещеру воевал, и засел ее, и в Мещере родился у него сын Беклемиш» (Бархатная книга, 1787, Ч. I, гл. 38, с. 275).

Д.И. Иловайский в «Истории Рязанского княжества» пишет: «Князья Ширинские подняли брань на Царя Большой Орды и в 1298 г. ушли из нея кочевать на Волгу. Один из них Бахмет Усейнов сын пришел в Мещеру, взял ее войною и остался здесь княжить» (Иловайский, 1884, с. 52). В XIV в. Городцом Мещерским и Мордовским Городком (Елатьма) владел потомок Бахмета, князь Мещерский

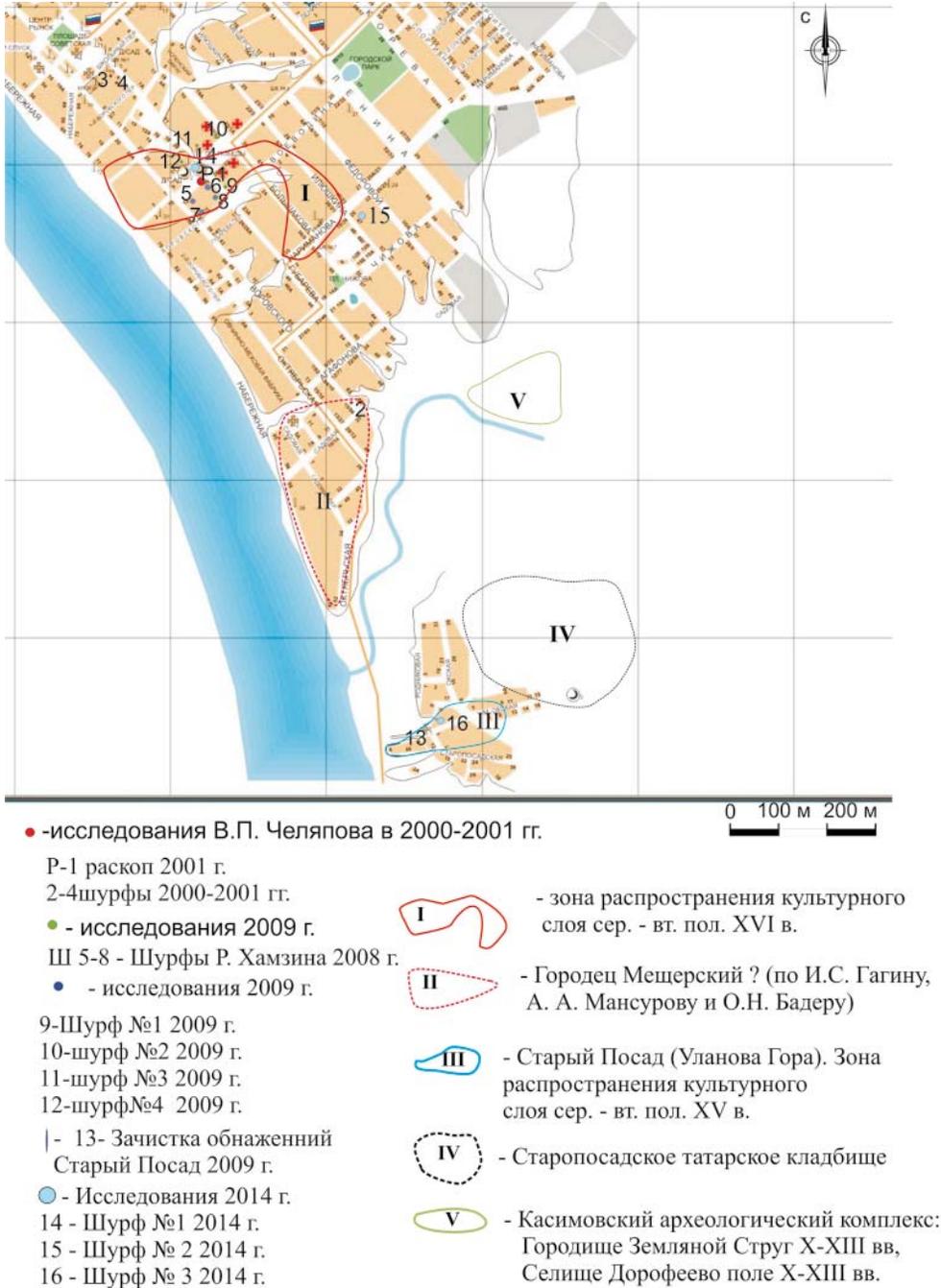

Рис. 1. Карта археологической изученности г. Касимова.

Fig. 1. Map of archaeological exploration of Kasimov.

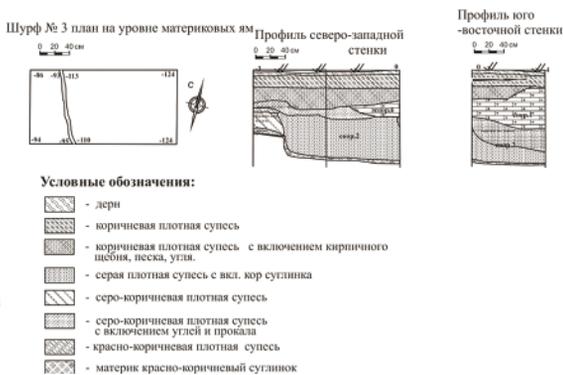

Рис. 2. 1 – шурф №1 2009 г.; 2 – шурф №2; 3 – шурф №3.

Fig. 2. 1 – Pit no. 1, 2009; 2 – Pit no. 2; 3 – Pit no. 3.

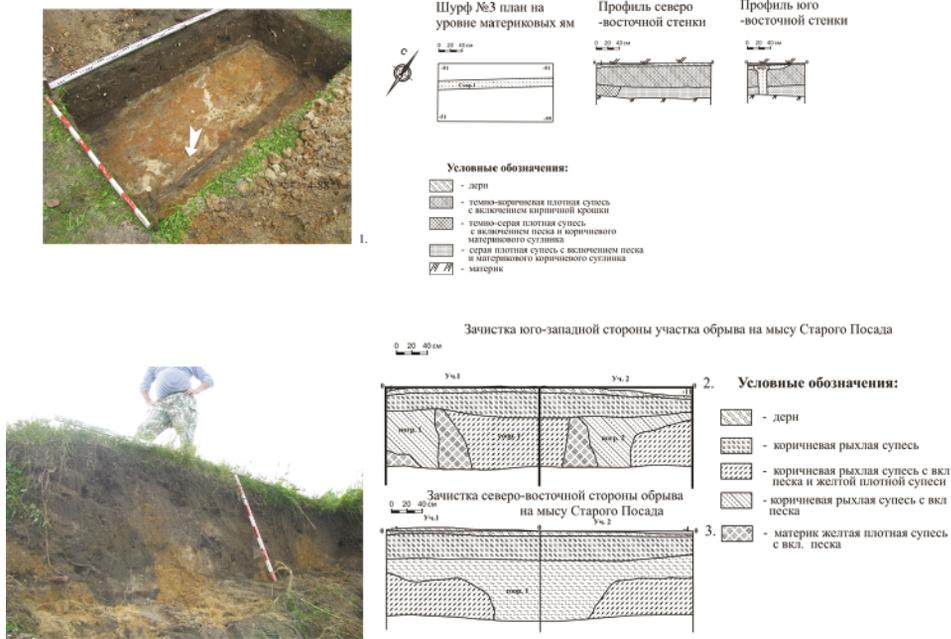

Рис. 3. 1 – шурф № 4 2009 г.; 2 – зачистки обрыва на Старом Посаде 2009 г.

Fig. 3. 1 – Pit no. 4, 2009; 2 – Cleaning of the escarp in Stary Posad, 2009.

Александр Укович (Окович, Окский). Между 1362 и 1373 гг. Александр Укович продают свои земли – Городец Мещерский (Касимов) и Мордовский Городок (Елатьма) великому князю московскому Дмитрию Ивановичу (Иловайский, 1884, с. 52).

В борьбе за московский престол в 40–50 х гг. XV в. великому князю Василию Васильевичу Тёмному большую помощь оказали татарские царицы Касим и Якуб. За оказанную великому князю Василию Васильевичу Темному помощь Городец Мещерский был отдан Касиму, сыну хана Улу-Мухаммеда (Вельяминов-Зернов, 1838, с. 13–26; Зимин, 1991, с. 171).

По мнению И.С. Гагина, А.А. Мансурова и О.Н. Бадера, культурный слой Городца Мещерского локализуется на левом берегу р. Бабенка за вторым поворотом от устья, примерно

в 1 км к югу от центра нынешнего Касимова. Культурный слой здесь почти полностью разрушен поздним строительством, но удалось зафиксировать остатки углублений сооружений (Мансуров, Бадер, 1974, с. 281).

По мнению исследователей, в середине XV в. при хане Касиме город был заново построен выше по течению Оки между Успенским и Никольским оврагами, где и расположен современный центр города. К настоящему времени, по мнению специалистов, из собственно татарских памятников сохранилось только одно раннее здание – это минарет ханской мечети, которая возведена ханом Касимом (сыном Улу-Мухаммеда) в середине XV в. Здание мечети в XVIII в. было перестроено и достроено. Мечеть представляет собой прямоугольный двухэтажный объем с минаретом

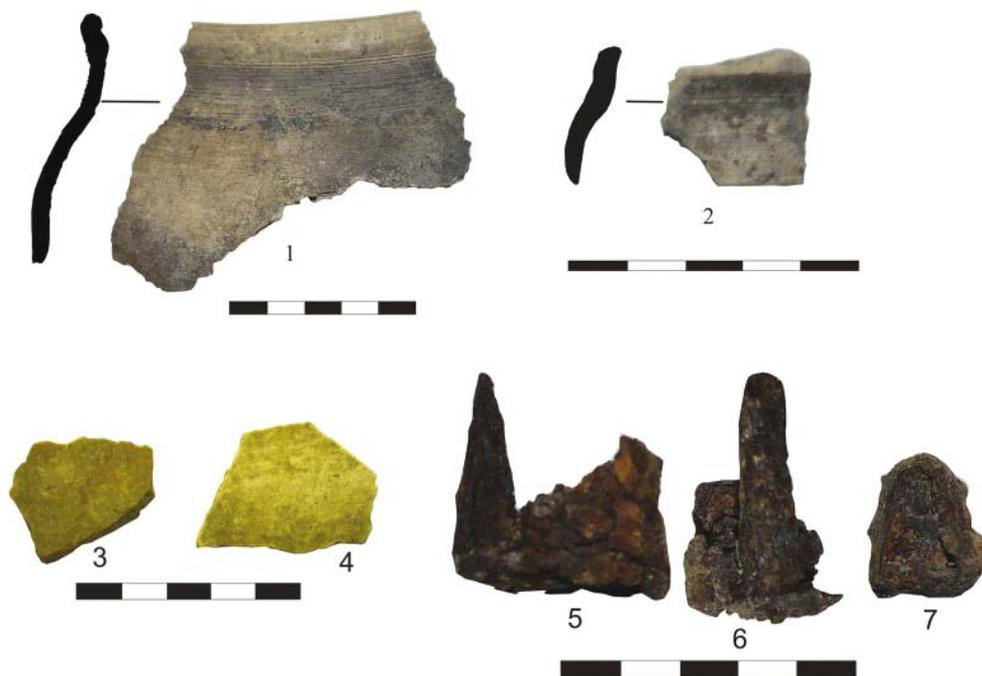

Рис. 4. Зачистки 2009 г. мыса Старого Посада.

1–2 – венчики сосуда русского белоглиняного хорошего качества; 3–4 – стенки сосуда русского белоглиняного хорошего качества; 5–7 – фрагменты цилиндрического замка.

Fig. 4. Cleanings (2009) on the cape in Stary Posad.

1–2 – Rims of a Russian white-clay high quality vessel; 3–4 – Walls of Russian white-clay high quality vessel; 5–7 – Fragments of a cylindrical padlock.

у северо-западного угла. Также сохранился мавзолей (текие) Шах Али середины XVI в. и на Старопосадском татарском кладбище мавзолей (текие) Мухамед Агвана XVII в. (Мансуров, Бадер, 1974, с. 285).

Укрепления Касимова состояли из двух частей – собственно ханский двор (татарская часть), имевший свои укрепления, и Касимовский Кремль (?) (русская часть), который локализуется в центральной части современного города, в районе площади Соборной и Благовещенской и по краю Успенского оврага (Мансуров, 1924, с. 9–11).

Первые попытки археологического описания и исследования г. Касимова были предприняты в начале XIX в. архитектором И.С. Гагиным. Он описал ряд археологических памятни-

ков и нанес их на карту. В его архиве должны были сохраниться сведения о местоположении царского дворца в Касимове, план расположения крепостных стен Касимовского кремля и Городца Мещерского. Но, к сожалению, его архив был утерян в советское время. В 1860 г. Хусаин Фаизханов для В.В. Вельяминова-Зернова сделал перевод эпитафий с надгробий в мавзолее (текие) Шах Али и на Старопосадском кладбище, им также было сделано описание этих текие, (Вельяминов-Зернов, 1838, с. 486–558). В 1877 г. Ф.Д. Нефедов предпринял археологические раскопки на старом татарском кладбище в Касимове. Более серьезные исследования были проведены в 1886–87 гг. А.В. Селивановым, который провел раскопки в мавзолеех

Рис. 5. Находки из шурфа № 1 2009 г.

1–2 – фрагменты стеклянного сосуда; 3 – венчик сосуда коричневого плохого обжига; 4, 5 – венчики сосуда русского белоглиняного хорошего качества; 6 – венчик сосуда коричневого плохого обжига; 7 – фрагменты венчика сосуда серого лощеного плохого обжига; 8 – венчик сосуда русского белоглиняного плохого качества; 9 – венчик сосуда русского белоглиняного плохого качества (розоватого), 10 – стенка сосуда общеполгарского красного лощеного хорошего обжига.

Fig. 5. Finds from pit no. 1, 2009.

1–2 – Fragments of a glass vessel; 3 – Rim of a vessel, roughly baked (brown); 4, 5 – Rims of a Russian white-clay high quality vessel; 6 – Rim of a vessel, roughly baked (brown); 7 – Fragments of rim of a gray polished vessel, roughly baked; 8 – Rim of a Russian white-clay poor quality vessel; 9 – Rim of a Russian white-clay (pink) poor quality vessel; 10 – Wall of a common Bulgar red polished vessel, well baked.

Рис. 6. Находки из шурфов № 2, 3, 4; 2009 г.

1 – стенка сосуда серого хорошего обжига, шурф № 2; 2 – фрагменты венчика сосуда серого хорошего обжига, шурф № 2; 3 – венчик сосуда серого хорошего обжига, шурф № 3; 4–5 – венчики сосуда русского белоглиняного хорошего качества; 6 – венчик сосуда серого хорошего обжига, шурф № 3; 7 – фрагмент крышки сосуда татарско-русского серого хорошего обжига, шурф № 3; 8–11 – венчики сосуда русского белоглиняного хорошего качества, шурф № 4; 12 – фрагмент лепной керамики (эпоха бронзы, шурф № 4; 13–14 – фрагменты сосудов серых лощеных хорошего обжига, шурф № 4; 15 – фрагмент крышки сосуда серого хорошего обжига, шурф № 4.

Fig. 6. Finds from pits no. 2, 3, 4; 2009.

1 – Wall of a gray vessel, well baked, pit no. 2; 2 – Fragments of rim of a gray vessel, well baked, pit no. 2; 3 – Rim of a gray vessel, well baked, pit no. 3; 4–5 – Rims of a Russian white-clay high quality vessel; 6 – Rim of a gray vessel, well baked, pit no. 3; 7 – Fragment of lid of a Tatar-Russian gray vessel, well baked, pit no. 3; 8–11 – Rims of a Russian white-clay high quality vessel, pit no. 4; 12 – Fragment of handmade ceramics (Bronze Age, pit no. 4; 13–14 – Fragments of gray polished vessels, well baked, pit no. 4; 15 – Fragment of lid of a gray vessel, well baked, pit no. 4.

(текие) Шах Али и Мухамед Агвана (Мансуров, Бадер, 1974, с. 285).

В 1920-е годы А.А. Мансуровым были обнаружены остатки укрепленной посадочной части Касимова. Им были предприняты усилия по изучению культурного слоя на месте предполагаемого Городца Мещерского. В 1932 г. О.Н. Бадером был осмотрен мыс при впадении р. Бабенки в р. Оку, где были выявлены углубления построек (Мансуров, Бадер, 1974, с. 290). В конце 30-х годов XX в. А.А. Мансуров и О.Н. Бадер ставили вопрос о дальнейших археологических исследованиях Касимова и территории Касимовского ханства с целью выявления древних татарских селищ и могильников. Но эти исследования прервала Великая Отечественная война, с которой А.А. Мансуров не вернулся (Бадер, Вагнер, Кригер, 1974, с. 324–330). После его гибели и до начала XXI в. археологические исследования территорий Касимова и Касимовского ханства не проводились.

Новый этап исследований начался с 2000 г., когда рязанским археологом В.П. Челяповым был осмотрен мыс на левом берегу р. Бабенки при впадении ее в р. Оку, где, предположительно, по мнению предшествующих исследователей, находился Городец Мещерский. Явных следов укрепления, кроме небольшой канавы в восточной части городища и остатков рва, выявлено не было. На этом мысу им был заложен шурф, в котором найдены фрагменты керамики раннего железного века, а с прилегающей к нему территории собрана керамика чернолощенная серая лощеная XVI–XVIII вв. и лепная керамика раннего железного века (Челяпов, 2000, с. 157).

Двор ханской мечети исследовался небольшим раскопом площадью 20 кв. м. В раскопе были выявлены два слоя: нижний – слой белесой супеси – был датирован второй половиной XVI–XVII вв., в слое были найдены остатки глинобитных печей XVII в.

В 2001 г. исследования были продолжены. В.П. Челяпов двумя шурфами на Советской площади возле торговых рядов исследовал посад города. Шурф № 1 не выявил слоев и находок ранее первой половины XX в. В шурфе № 2 были выявлены остатки слоя XVIII в. (Челяпов, 2009, с. 65; Челяпов, 2001, с. 55).

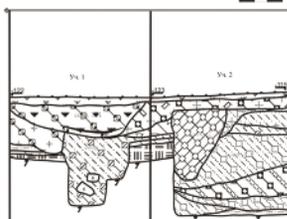
В 2008–2009 гг. в рамках проекта «Материальная культура народов Волго-Окского региона в эпоху средневековья» под руководством А.Г. Ситдикова была организована с рязанскими археологами совместная экспедиция (Ахметгалин, 2008; Ситдииков, 2010). В 2008 г. В.П. Челяповым и Р.Н. Хамзиным четырьмя шурфами были вскрыты участки на свободной площади за ханской мечетью. Нижние слои культурных напластований были датированы исследователями концом XVI – началом XVII в., мощность культурных напластований в шурфах составила 60–100 см¹.

В 2009 г. археологические исследования были продолжены казанской экспедицией в составе Р.Н. Хамзина, Ф.А. Ахметгалина, А.В. Беляева. Исследовались г. Касимов и его окрестности для уточнения стратиграфии его наиболее ранней татарской части, поиск остатков ранних сооружений.

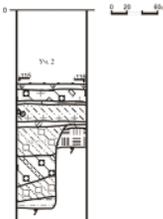
¹ К сожалению, в 2008 году В.П. Челяпов внезапно скончался, и отчет остался не написанным.

1 Профиль северной стенки

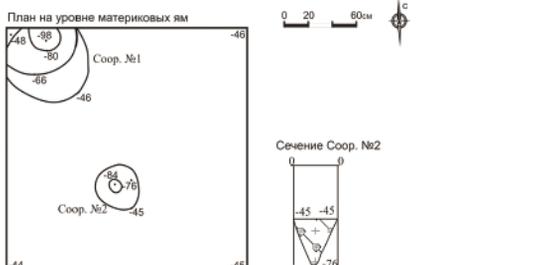
Профиль восточной стенки

□ известняк, мелко-зернистый □ глина, кирпич □ темная серая супесь с вкл. карбонатового шпала, известняк □ темная рыхлая супесь □ с вкл. известняк □ с вкл. карбонатового шпала (белая) □ с вкл. известняк □ известняк, супесь, с вкл. известняк □ известняк, супесь, с вкл. известняк □ известняк, супесь, с вкл. известняк	□ известняк, супесь □ темная серая супесь □ супесь с вкл. угля □ известняк, супесь □ известняк, супесь, с вкл. известняк	□ известняк, супесь	□ известняк, супесь с вкл. карбонатового шпала, известняк □ известняк, супесь с вкл. известняк	□ известняк, супесь

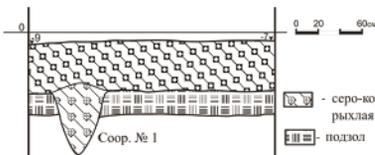
Шурф №2 2014 г. ул. Илюшкина д.47

2

Рис. 55. Касимов 2014 г. ул. Илюшкина д.47

Профиль западной стенки

□ светлая серо-коричневая супесь

□ серо-коричневая рыхлая супесь

□ подзол

Рис. 7. 1 – шурф № 1 2014 г. возле минарета Ханской мечети;
2 – шурф № 2 2014 г. ул. Илюшкина, 47.

Fig. 7. 1 – Pit no. 1 2014, next to minaret of the Khan’s Mosque;
2 – Pit no. 2, 2014. Piyushkina St., 47.

Для решения этих вопросов в центральной части татарской слободы вокруг ханской мечети было заложено четыре шурфа (Ахметгалин, 2011, с. 9–10).

Первый шурф размером 1×4 м был заложен в 50 м к востоку от здания

старой мечети и в 7 м к юго-западу от здания психиатрической больницы. Общая мощность слоев в шурфе № 1 составила около 60 см (рис. 1; рис. 2: 1). В нем было выявлено 3 слоя, нижний слой белесой супеси с включением мелких угольков мощностью до

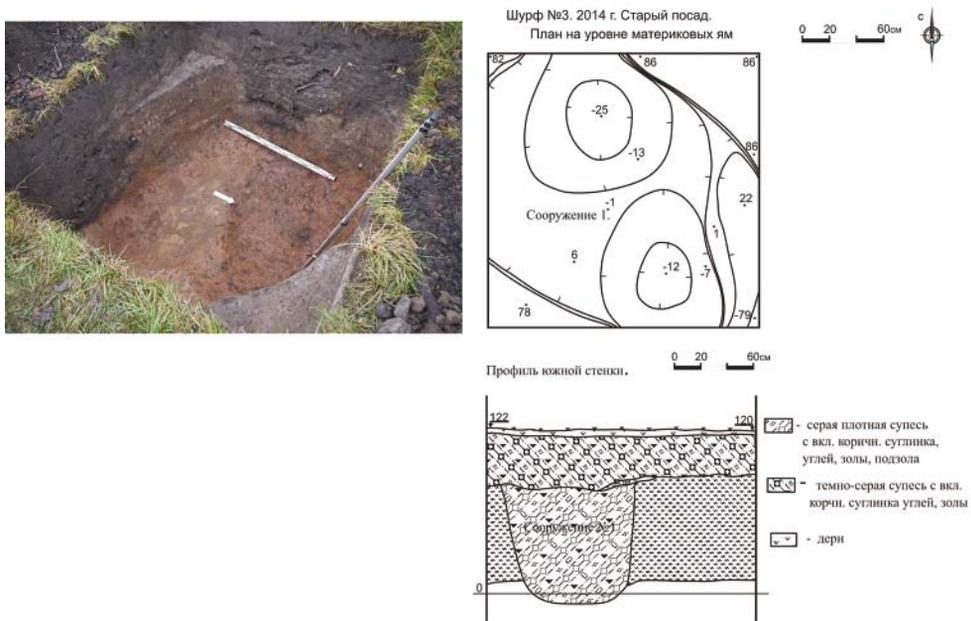

Рис. 8. 1 – шурф № 3 2014 г. Старый Посад.

Fig. 8. 1 – Pit no. 3. Sary Posad.

5 см по находкам (рис. 5) датирован нами второй половиной XVI – началом XVII в.

Второй шурф размером 1×4 м был разбит в парке перед мечетью в 50–55 м к северо-востоку от здания ханской мечети, в 30 м к югу от здания Детско-юношеского центра и в 25 м к востоку-северо-востоку от лечебно-производственных мастерских в парке. Поверхность была снивелирована при разбивке парка, и поздние слои были срезаны. Толщина культурных слоев составила до 40 см. В шурфе выявлено 2 слоя, нижний слой светло-серой супеси с включением песка мощностью до 20 см датируется по стратиграфии и керамике XVII в. (рис. 6: 1; 2: 2).

Третий шурф размером 1×2 м был разбит за оградой мавзолея (текие) Шах Али, в 4 м к северу от северно-

го угла здания мавзолея (текие) Шах Али (рис. 1). Мощность культурных напластований в шурфе составила 60–75 см. В шурфе было выявлено 3 слоя, нижний слой серо-коричневой плотной супеси с включением углей и прокала по находкам и стратиграфии датируется XVII в. (рис. 6), в слое выявился фрагмент кирпичной кладки, вероятно, часть ранней ограды мавзолея (рис. 1, 2, 3).

В четвертом шурфе размером 1×2 м, также заложеном в парке перед мечетью (рис. 1). Толщина культурных слоев составила 40 см. Стратиграфически было выявлено два слоя, нижний слой серой плотной супеси с включением песка и материкового коричневого суглинка толщиной до 10 см по находкам (рис. 6) и стратиграфии датирован началом XVII в. В шурфе на уровне материка найден

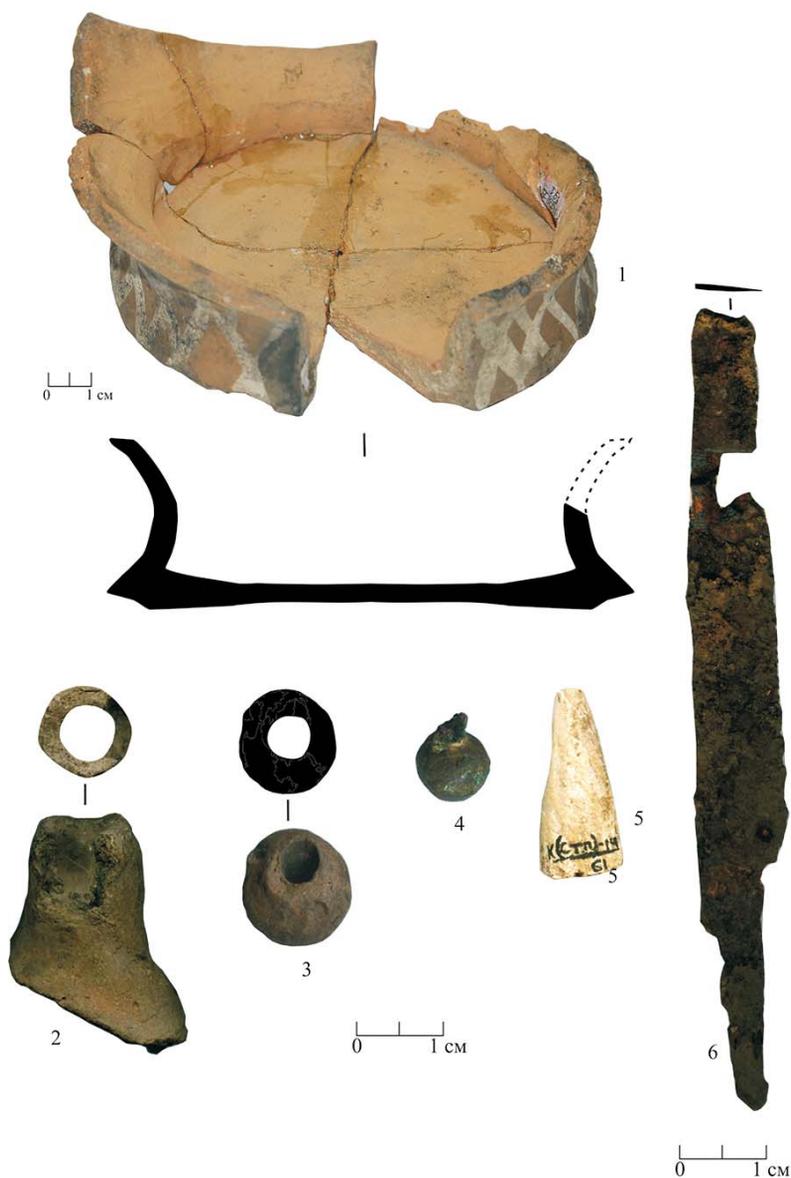

Рис. 9. Находки из шурфа № 3 2014 г.

1 – придонная часть сосуда красноглиняного плохого обжига с орнаментом в виде пересекающихся линий, выполненных белым ангобом; 2 – фрагмент льячки лепной с примесью толченой раковины и растительности в тесте; 3 – напрясло лепное; 4 – пуговица бронзовая с орнаментом XIV–XVI вв.; 5 – белемнит обработанный; 6 – нож железный.

Fig. 9. Finds from pit no. 3, 2014. 1 – Bottom part of a red clay vessel, roughly baked, with a pattern of crossing lines in white engobe; 2 – Fragment of a handmade mold with an addition of ground shell and vegetation; 3 – Handmade ceramic top of a spindle whorl; 4 – Bronze bead with a pattern of 14th – 16th century; 5 – Treated belemnite; 6 – Iron knife.

Рис. 10. Подъемный материал со Старого Посада 2014 г. (передано Игнатьевыми).
1 – замок железный XV в.; 2 – фрагмент изразца из текие Мухамад Агвана XVII в.;
3 – браслет бронзовый X в.

Fig. 10. Stray finds from Stary Posad, 2014 (offered by the Ignatievs).
1 – Iron padlock dated by 15th century; 2 – Fragment of a tile from Mohammad Agvana tekye,
17th century; 3 – Bronze bracelet of the 10th century.

Рис. 11. Находки из шурфа № 3 2014 г.

1 – венчик сосуда русского белоглиняного хорошего обжига; 2 – венчик сосуда в болгарских традициях красного плохого обжига; 4 – венчик сосуда русского белоглиняного плохого обжига с примесью песка; 5 – стенка сосуда лепного с примесью шамота и растительности; 6 – стенка сосуда кругового с примесью песка и дресвы; 7 – венчик сосуда татарско-русского по образцу белоглиняной коричневого плохого обжига; 8 – стенка сосуда лепного с примесью известняка; 9 – стенка сосуда лепного с примесью шамота и растительности; 10 – венчик сосуда в болгарских традициях красного плохого обжига; 11 – стенка сосуда в болгарских традициях красно-коричневого лощеного хорошего обжига; 12 – стенка сосуда русского песочно-дресвяного.

Fig. 11. Finds from pit no. 3, 2014.

1 – Rim of a Russian white clay vessel, well baked; 2 – Rim of a red vessel, Bulgar tradition, roughly baked; 4 – Rim of a Russian white clay vessel, roughly baked, with addition of sand; 5 – Wall of a handmade vessel with addition of chamotte and vegetation; 6 – Wall of a wheel-made vessel with addition of sand and landwaste; 7 – Rim of a Tatar-Russian vessel, replica of a white clay, roughly baked (brown); 8 – Wall of a handmade vessel with addition of limestone; 9 – Wall of a handmade vessel with addition of chamotte and vegetation; 10 – Rim of a vessel, Bulgar tradition, roughly baked (red); 11 – Wall of a vessel, Bulgar tradition, well baked, polished (red-brown); 12 – Wall of a Russian vessel, with sand and landwaste.

фрагмент керамики эпохи бронзы (рис. 1; 2: 4).

В этот же год был проведен сбор подъемного материала в татарской части старого города. На участке дома по ул. Илюшкина, 47 за новой мечетью были найдены фрагменты белоглиняной и чернолощеной керамики, датируемые XVII–XVIII вв. (рис. 6).

Были также осмотрено Старое татарское кладбище на Старом Посаде, расположенном в 3-х километрах от Касимова на высоком берегу реки Бабенки напротив предполагаемого Городца Мещерского. По описаниям в середине XIX в. здесь было до 40 надгробных камней, в том числе и XVI в. и мавзолеей (текие) Мухамед Агвана (XVII в.). Собранный подъемный материал датируется XVI–XIX вв. (рис. 4).

В 2009 г. проводилась и зачистка обрыва на мысу возле Ильинской церкви, где зафиксированы два погребения конца XVII–XVIII вв. В разрезе были выявлены слои XVI–XIX вв., два сооружения. Одно из них датировалось концом XV в. При зачистке в сооружении найдено несколько обломков железных замков XV в. и фрагменты керамики белоглиняной, чернолощеной серой лощеной и не лощеной (рис. 4). Местные краеведы Игнатъевы передали материалы, собранные ими на Старом Посаде: замок XV в. (рис. 10: 1), фрагмент изразца с мавзолея Мухамед Агвана XVII в. (рис. 10: 2). Среди переданных находок имеется браслет X в. (рис. 10: 3). Вероятно, он связан с могильником на соседней террасе, где в 1939 г. было найдено погребение X в. (Мансуров, Бадер, 1974, с. 295).

В 2014 г. археологические исследования возобновились в рамках

государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг. §1.12)» под руководством А.Г. Ситдиикова. В соответствии с утвержденным планом мероприятий программы экспедицией Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ были проведены новые археологические исследования в г. Касимове.

В соответствии с планом предусматривалось решение нескольких актуальных задач по изучению памятника. Во-первых, выделить этапы развития поселения с установлением районов освоения на каждом из них. Во-вторых, определить время строительства основных архитектурных объектов ханского времени и выявления мест их расположения. С учетом предшествующих материалов и поставленных задач были обозначены места для проведения раскопочных работ на территории исторического поселения.

С восточной стороны минарета ханской мечети был заложен шурф 1 (1×4 м) (Ахметгалин, 2014, с. 20, рис. 10). Мощность культурных напластований в шурфе составила 90 см. Стратиграфически выделяются три горизонтальные прослойки, датируемые разным временем. Верхний слой плотной темно-серой супеси сильно переработан, сформировался, вероятно, в XIX–XX вв, мощность 20 см. Следующий слой коричневого суглинка с включением извести толщиной до 50 см датирован XVIII в., возможно, он связан с ремонтом и перделкой мечети в XVIII в. Последний (нижний) слой светло-серой белесой супеси мощностью до 20 см датируется нами второй половиной XVI–XVII вв.

В нем найдены фрагменты чернолощеной черепицы. Этот же слой был выявлен В.П. Челяповым в раскопе 2000 г. (Челяпов, 2000, с. 158). Слой перекрывает сооружение № 4, которое мы интерпретировали как котлован под фундамент минарета, находок в нем не найдено. Стратиграфически он может датироваться серединой или второй половиной XVI в. Время постройки минарета и мечети датируется этим же временем.

За Новой мечетью во дворе дома по ул. Илюшкина, 47 был заложен шурф 2 (2×2 м). Он был заложен на месте сбора находок в 2009 г. (рис. 1). В шурфе выявился слой темно-серой супеси (огорода) с сильной переработкой мощностью 40 см. В слое при зачистке найдены фрагменты керамики белоглиняной, чернолощеной серой лощеной и не лощеной, белоглиняной. В целом находки могут быть датированы с XVI по XX вв.

Третий шурф 2×2 м был заложен нами на Старом Посаде Касимова в 2,5 км юго-западнее ханской мечети, в 200 м восточнее Ильинской церкви участок по ул. Старопосадская, д. 1 (рис. 1). Под дерном выявился слой темно-серой супеси, сильно переработанный огородом. Собранный вещественный материал (600 ед.) датируется второй половиной XV–XXI вв. Мощность культурного слоя вне объектов составила 40 см. На уровне материка в шурфе выявилась хозяйственная яма. Находки из сооружения датируются второй половиной XV в. Керамический материал из сооружения характерен для изделий второй половины или конца XV в (Полюлях, 2015, с. 9–24) (рис. 11). В числе находок имеются фрагмент бронзовой пуговицы (датируется XIV–XVI вв.), придонная

часть красноглиняного сосуда плохого обжига с орнаментом в виде пересекающихся линий, выполненных белым ангобом, фрагмент керамической льячки, керамическое напрясло, фрагменты железных ножей (рис. 9: 1, 2, 4, 6).

Археологические исследования предыдущих лет показали отсутствие культурных напластований середины или второй половины XV в. в центральной части Касимова и возле ханской мечети. Практически вся центральная часть города, расположенная между Успенским и Никольским оврагами, была освоена в период между серединой XVI и XVII вв. По результатам проведенных исследований пока не подтверждается мнение историков о переносе города на новое место в середине XV в., а возведение минарета и ханской мечети можно датировать не ранее середины XVI в., что совпадает по времени с постройкой мавзолея Шах Али.

Вероятно, Городец Мещерский середины XV в., связанный с именем хана Касима, располагался на Старом Посаде, перенос его на новое место состоялся не ранее середины второй половины XVI в. Предположительно в это же время была возведена каменная ханская мечеть.

Требует своего уточнения и предположение В.П. Челяпова, а также некоторых рязанских археологов, о локализации Городца Мещерский на месте городища Земляной Струг, расположенного в 2-х км от современного города и 4-х км выше по течению реки Бабенки. Городище существовало с начала I тысячелетия по XIII в. (Археологическая карта России: Рязанская область, 1993, с. 82). Указанное время функционирования вышеописанного поселения по археологическому датированию проти-

воречит известной летописной дате основания Городца Мещерского в 1152 г. князем Юрием Долгоруким. Важно отметить, что нижегородские историки считают доказанным, что летописные сведения об основании Городца относятся к Городцу Радилову на Волге и не имеют отношения к Городцу Мещерскому (Пудалов, 2003, с. 13–16). Данные обстоятельства требуют в дальнейшем дополнительного комплексного источниковедческого рассмотрения проблемы освоения территорий и формирования поселений Поочья в начале II тысячелетия н.э.

По результатам исследований можно предположить, что Земляной Струг был в X в. племенным центром мещеры – одного из племен Среднего Поочья. В окрестностях городища выявлены и описаны селище X–XIII вв, грунтовый могильник X в., в том числе курганы (Агеев, 2015, с. 86–90). Вероятно, с X в. поселение, существовавшие на месте известном как Земляной Струг, включается в систему международной торговли (Дубов, 1999, с. 256–270). Подтверждением этому могут служить материалы раскопок. Среди находок имеются обломки арабских дирхемов X в. (Челяпов 2001, с. 57). С этим же временем связан целый дирхем X в. из фондов Касимовского краеведческого музея, найденный в грунтовом могильнике Дорофеево поле у Земляного Струга.

Проведенные исследования позволяют предположить, что в середине XV в. поселенческий центр перемещается на новое место, расположенное на мысу, в районе впадения р. Бабенки в р. Оку. Возможно, новое поселение и поселение на месте

Земляного струга продолжали существовать. В материалах сооружения из шурфа со Старого Посада есть отдельные находки, характерные и для Земляного Струга. К их числу относится керамическая льячка и лепное керамическое напрясло (рис. 9: 2, 3).

Остался открытым вопрос локализации Городца Мещерского XIV в. на мысу левого берега р. Оки (правый берег реки Бабенки). Результаты последних исследований ставят под сомнение устоявшее в историографии определение места его расположения. Важно отметить, что материалы шурфа В.П. Челябинова в 2000 г. не дали находок XIV–XV вв. Среди них преобладает керамика раннего железного века. При сборе подъемного материала были найдены фрагменты керамики раннего железного века и XVII в. Предположительно, Городец Мещерский размещался на месте Старого Посада (Уланова гора) на левом высоком берегу р. Бабенки напротив ее устья. Рядом находится Старопосадское татарское кладбище, где, вероятно, захоронено большинство ханов, правивших Касимовским ханством. Данный вопрос требует продолжения исследований.

Полученные в ходе археологических исследований материалы 2000-х годов указывают на то, что город Касимов имел насыщенную историю со сменой названий, перемещениями городского центра. С этого времени Касимов развивается на хорошо известном сейчас историческом центре города, куда он был перенесен в середине – второй половине XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев В.В.* К проблеме истории Касимова до середины XV в.: археологический аспект. XLVII Урало–Поволжская археологическая студенческая конференция: сб. науч. статей / Отв. ред. В.Н. Рассадин. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Некрасова, 2015. С. 86–90.
2. Археологическая карта России: Рязанская область / Авторы-составители Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Рязанская область. Ч. 1. № 181. М., 1993. С. 79–82.
3. *Ахметгалин Ф.А. Хамзин. Р.Н.* Археологические исследования г. Касимова. Следы веков. Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы археологии Поволжья и Приуралья», посвященной 65-летию Археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: Казанский университет, 2011. С. 9–10.
4. *Ахметгалин Ф.А.* Отчет об археологических исследованиях на территории Пильненского района Нижегородской области, Кадомского, Сасовского, Касимовского районов, г. Касимова Рязанская область за 2014 г. Казань, 2015 / Научный фонд МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.
5. *Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Материальная культура населения Волго-Окского региона в эпоху средневековья: проблемы и перспективы изучения // Фаизхановские чтения. Материалы IV науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. С. 30–31.
6. *Бадер О.Н., Вагнер Г.К., Кригер Н.И.* Роль А.А. Мансурова в изучении Рязанского края. Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 324–330.
7. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб.: В тип. Имп. Академии наук. Часть первая. (с четырьмя таблицами). 1863. XIII, 558 с.
8. *Дубов. И.* Протогорода и перемещение центров Северо-Восточной Руси в X–XIII вв. Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья в IX–XIII веков. Материалы Международного симпозиума Казань, 8–10 сентября 1998 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 256–270.
9. *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 289 с.
10. История Рязанского княжества. Сочинения Д.И. Иловайского с портретом автора. М.: Издание книгопродавца А.Л. Васильева, 1884. 289 с.
11. *Мансуров А.А.* К восстановлению границ Касимовского кремля // Вестник рязанских краеведов. Рязань, 1924. С. 9–11.
12. *Мансуров А.А., Бадер О.Н.* Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 253–323.
13. *Полюлях А.А.* Факторы возникновения и характер развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV – первой трети XX в. // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. Вып. 1 / Отв. ред. М.В. Моисеев. М.: Музей Москвы, 2015. С. 9–24.
14. *Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород: Ком. по делам арх. Администрации Губернатора Нижегород. обл., 2003. 214 с.
15. Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. Бархатная книга. Ч. I. Москва, 1787. 351 с.
16. *Ситдииков А.Г., Ахметгалин Ф.А.* Итоги программы «Волго-Окское междуречье в эпоху средневековья» в 2007 г. / Фаизхановские чтения. Материалы V науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2009. С. 53–55.

17. Челяпов В.П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 2000 г. / Научно отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 24330.

18. Челяпов В.П. Отчет о археологических разведках в Рязанской области в 2001 г. / Научно отраслевой архив ИА РАН. Ф 1. Р 1. № 30000.

19. Челяпов В.П. Археологические исследования в г. Касимове. Фаизхановские чтения. Материалы пятой ежегодной научно-практической конференции / Отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.-Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2009. С. 65.

20. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Касимов: топография Г.А. Фицнера, 1889. 172 с.

Информация об авторах:

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

Хамзин Радюн Наильевич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khzn80@yandex.ru

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); bav986@yandex.ru

Мирсияпов Ильнур Юсупович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); i_mirsiyupov@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, заведующий кафедрой, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDIES IN MEDIEVAL KASIMOV

**F.A. Akhmetgalin, R.N. Khamsin, A.V. Belyaev,
I.Yu. Mirsiyapov, A.G. Sitdikov**

The authors address the history of archaeological studies in the town of Kasimov since the early 19th to the early 21st centuries. They distinguished stages in these studies: the nineteenth century, 1920–30s and the modern time, starting from 2000. They address key findings of archaeological research conducted in 2008–2014. Studies in the central part of Kasimov and in the area near the Khan's Mosque did not reveal any strata or structures dated by the middle 15th – early 16th centuries that could suggest that the town was founded by Khan Qasim. The authors suggested Gorodets Meshchersky in the area of Stary Posad (Ulanova Mount) as the initial localization of Kasimov: this area yielded some material of the second half of the fifteenth century. They also supposed that there was a continuity between these hillforts: Zemlyanoy Strug (early I Millennium – 13th century) – Gorodets Meshchersky (15th century) – Kasimov (middle 16th – 21st century). It was established that the town could be moved to its current location as early as the middle – second half of the 16th century, under the Khan Shah-Ali's rule.

Keywords: archaeology, Kasimov Khanate, town of Kasimov, Gorodets Meshchersky, late Middle Ages, 15th – 17th centuries, research history.

REFERENCES

1. Ageev, V. V. 2015. In Rassadin, V. N. (ed.). *XLVII Uralo–Povolzhskaya arkhologicheskaya studencheskaya konferentsiya (47th Ural and Volga Regions Student Archaeological Conference)*. Kostroma: N. A. Nekrasov Kostroma State University, 86–90 (in Russian).

2. Krasnov, Yu. A., Mikhal'chenko, S. E. (comp.). 1993. *Arkhologicheskaya karta Rossii: Riazanskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Ryazan Oblast)*. In *Riazanskaia oblast' (Ryazan Oblast)*. Part 1, no. 181. Moscow, 79–82 (in Russian).

3. Akhmetgalin, F. A. Khamzin., R. N. 2011. In Valiulina S. I. (ed.). *Sledy vekov. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Aktual'nye problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia», posviashchennoi 65-letiiu Arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Traces of Centuries: Current Issues of the Volga and Ural Regions Archaeology: to the 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: Kazan State University, 9–10 (in Russian).
4. Akhmetgalin, F. A. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na territorii Pil'enskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti, Kadomskogo, Sasovskogo, Kasimovskogo raionov, g. Kasimova Riazanskaia oblast' za 2014 g. (Report on Archaeological Investigations on the Territory of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast, and Kadom, Sasovo and Kasimov Districts and the Town of Kasimov, Ryazan Oblast, for 2014)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).
5. Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings) IV*. Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 30–31 (in Russian).
6. Bader, O. N., Vagner G. K., Kriger, N. I. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 324–330 (in Russian).
7. Velyaminov-Zernov, V. V. 1863. *Issledovanie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh (Study on Qasim Tsars and Princes) I*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
8. Dubov, I. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX–XII vekov (International Relations, Trade Routes and Cities from Middle Volga Region in the 9th–12th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 256–270 (in Russian).
9. Zimin, A. A. 1991. *Vitiaz' na rasput'e. Feodal'naiia voina v Rossii XV v. (A Hero on the Crossroads: the Feudal War in Russia in 15th Century)*. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).
10. Ilovaysky, D. I. 1884. *Istoriia Riazanskogo kniazhestva (History of the Principality of Ryazan)*. Series: Sochineniia D. I. Ilovaiskogo s portretom avtora (D. I. Ilovaysky Works with Portrait of the Author). Moscow: A. L. Vasilyev Publ. House (in Russian).
11. Mansurov, A. A. 1924. In *Vestnik riazanskikh kraevedov (Bulletin of the Ryazan Local History Students)*. Ryazan, 9–11 (in Russian).
12. Mansurov, A. A., Bader, O. N. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiya Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–323 (in Russian).
13. Poliuliakh, A. A. 2015. In Moiseev, M. V. (ed.). *Moskoviia: materialy i issledovaniia po istorii i arkheologii (Moscovy: Materials and Studies on History and Archaeology) 1*. Moscow: Museum of Moscow City, 9–24 (in Russian).
14. Pudalov, B. M. 2003. *Nachal'nyi period istorii drevneishikh russkikh gorodov Srednego Povolzh'ia (XII – pervaiia tret' XIII v.) (The Beginnings of the History of the Earliest Russian Towns in the Middle Volga Basin in 12th — First Third of 13th Century)*. Nizhny Novgorod: Archival Committee of the Nizhny Novgorod Oblast Governor's Administration (in Russian).
15. *Rodoslovnaia kniga kniazei i dvorian Rossiiskikh i vyezshikh. Barkhatnaia kniga (Studbook of the Russian and Naturalized Princes and Noblemen: the Velvet Book)*. 1787. Part I. Moscow (in Russian).
16. Sitdikov A. G., Akhmetgalin, F. A. 2009. In Khairtdinov, D. Z. (ed.). *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings) V*. Moscow; Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 53–55 (in Russian).
17. Cheliapov, V. P. 2001. *Otchet o razvedkakh na territorii Riazanskoi oblasti v 2000 g. (Report on Archaeological Surveys in the Territory of the Ryazan Oblast in 2000)*. Scientific Sectoral Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Register 1, no. 24330 (in Russian).
18. Cheliapov, V. P. 2002. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Riazanskoi oblasti v 2001 g. (Report on Archaeological Surveys in the Ryazan Oblast in 2001)*. Scientific Sectoral Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Register 1, no. 30000 (in Russian).
19. Cheliapov, V. P. 2009. In Khairtdinov, D. Z. (ed.). *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings) V*. Moscow; Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 65 (in Russian).

20. Shishkin, N. I. 1889. *Istoriia goroda Kasimova s drevneishikh vremen (History of the Town of Kasimov from the Earliest Times)*. Kasimov: G. A. Fitsner Publ. House (in Russian).

About the Authors:

Akhmetgalin Farid A., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Khamsin Radion N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khm80@yandex.ru

Belyaev Alexandr V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Mirsiyapov Ilnur Yu., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; i_mirsiyapov@mail.ru

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 13.10.2016 г.

УДК 737(470.41)«12/13»

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
ИЗ РАСКОПА CLXXXV БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА¹**

© 2016 г. А.И. Бугарчѐв, М.В. Сивицкий

Проанализированы новые нумизматические находки с Болгарского городища, из раскопа CLXXXV 2013 г. Найденный нумизматический материал (240 монет) разделяется на три части: отдельные находки серебряных монет XIII–XIV вв., – 23 экз.; клад серебряных монет – 37 дангов XIV в., и медные динары и пулы XIII–XIV вв. – 180 экз. Наибольшее число монет было чеканено на монетном дворе Булгар (Булгар ал-Махруса) – 82 экз. Представлены также монетные дворы Сарай (Сарай ал-Махруса), Сарай ал-Джадид, Гулистан, Крым и Мохши. По хронологии наибольшее количество монет приходится на середину XIII в. – 44 экз., и на 1330–1340-е гг. – 91 экз. Состав клада является обычным для болгарских кладов XIV в., однако особая важность его состоит в том, что известно точное место обнаружения. Большое количество медных монет позволило провести метрологический анализ каждой группы – медных динаров XIII в. и пулов 1320-х – начала 1360-х гг. Младший данг из клада относится к 1362–1363 г., к этому же времени относятся пулы хана Хызра. На основании этого факта сделан вывод о прекращении денежного обращения в данной части города в первой половине 1360-х гг.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Болгарское городище, золотоордынский период, нумизматика, монетные находки, клад, динар, данг, пул.

Раскоп CLXXXV был заложен в 2013 году, в центральной северной части болгарского городища, он был вытянут по линии запад–восток вдоль современной улицы Мухамедьяра. Общая площадь раскопа составила 1303 кв. м.

Раскоп стал продолжением широкомасштабных охранно-спасательных исследований данной территории, начатых в 2010 году в связи со строительством здания речного вокзала с функцией музея, а также благоустройством близлежащего пространства.

Начало изучению данной территории было положено в 2010 году В.С. Барановым и Р.Р. Валиевым. Общая площадь исследований рас-

копами CXLIX и CLI составила около 4000 кв. м (Археологические исследования, 2011, с. 14). В 2011 году раскопки продолжили А.М. Губайдуллин, Р.Р. Валиев, А.В. Беляев, А.А. Нуриев, А.И. Фахретдинов (раскопы CLVIII, CLIX, CLXI общей площадью 1800 кв. м): (Археологические исследования, 2012, с. 12). В 2012 году раскопами CLXXXII, CLXXVII, CLXXXI руководили Р.Р. Валиев, Т.Р. Губайдуллин и А.В. Беляев. В этот год здесь была обследована территория общей площадью 958 кв. м (Археологические исследования, 2013, с. 15–16). За время раскопок здесь было выявлено множество объектов XIII–XIV вв., по-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-11-16015 «Исследование нумизматического материала государства Джучидов с применением междисциплинарных методов археотехнологий и археологического материаловедения».

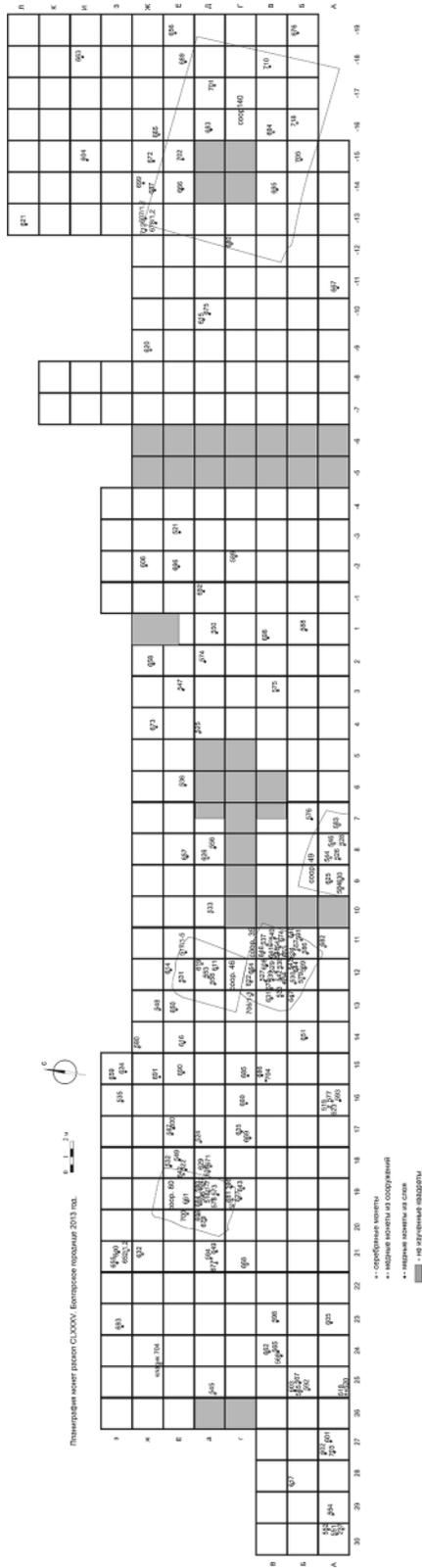

Рис. 1. Общая планиграфия раскопа 185.
Fig. 1. General planigraphy of dig 185.

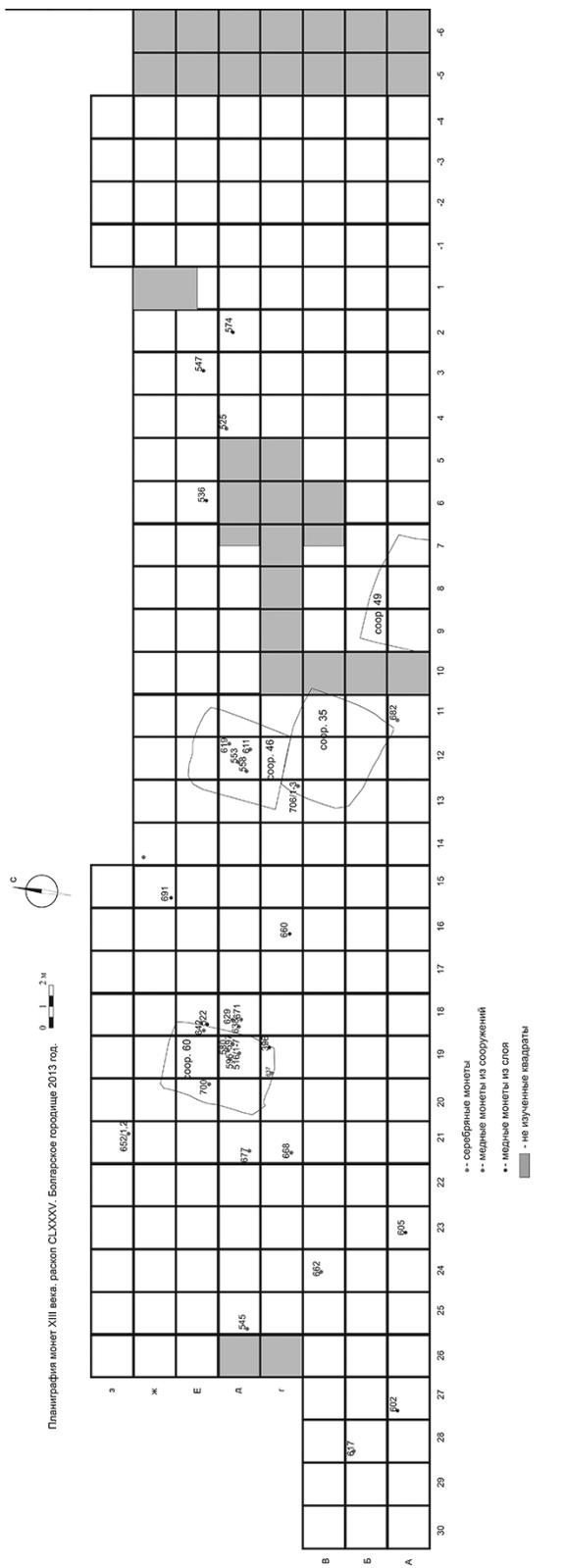

Рис. 2. Находки монет в левой части раскопа 185.
 Fig. 2. Coin finds in the left part of dig 185.

звояющих говорить о том, что данная территория в средневековье была плотно заселена и застроена жилыми усадьбами с различными ремесленными мастерскими.

На рисунке 1 представлены места находок монет из раскопа и место нахождения клада. Цифры на обеих схемах соответствуют номерам монет из таблиц 1 и 3. На рисунке 2 показаны места обнаружения монет XIII в., за исключением одной медной монеты Мунке (№ 694) все они обнаружены в левой части раскопа. Это означает, что именно здесь в середине XIII в. находились поселения средневекового города.

Нумизматический комплекс раскопа состоит из трех частей: 1) отдельные находки серебряных джучидских монет XIII–XIV вв., 2) клад золотоордынских дангов XIV в., 3) отдельные находки медных монет XIII–XIV вв. Рассмотрим каждую часть по отдельности (табл. 1).

Тринадцать серебряных монет раскопа по хронологии распределяются следующим образом:

середина – вторая половина XIII в. – 2 экз.,

конец XIII – начало XIV в. – 2 экз.,

первая четверть XIV в. – 2 экз.,

вторая четверть XIV в. – 7 экз.,

неопределяемые – 10 экз.

Из монетных дворов лучше всего представлен чекан Болгарского региона. К нему относятся девять из 13 определяемых дирхемов. По одному экземпляру чеканено в Сарае, Сарае ал-Махруса и Сарае ал-Джадид, причем последний – № п/о 544 – может относиться к местному чекану.

В левом краю раскопа, в квадрате 24 Ж, был обнаружен клад серебряных монет первой половины – сере-

дины XIV в. Он состоял из 37 экземпляров.

Судя по единственной монете 764/1362–1363 г., клад был сокрыт в этом году хиджры.

За исключением данга Токты 710/1310–1311 г., остальные монеты клада чеканены в период 727/728 (1326/1327) – 764 (1362/1363) гг. На данге №12 сохранились остатки ткани, в которую, видимо, был завернут клад.

Ранее по публикациям было известно 13 кладов, найденных на территории Болгара и содержащих данги, чеканенные с 710 (и позднее) и до 767 гг.х. (Федоров-Давыдов, 1960; он же, 1963; он же, 1974; он же, 2003). В этих кладах находилось от 15 до 1360 монет. Кладов с небольшим количеством дангов, не более 60 экземпляров, было семь: №№ 45, 47, 48, 51, 52, 52 а, 52 в. Точное место находки было указано только у последнего – раскоп XV Болгарского городища. Теперь можно говорить о двух комплексах с точной топографией. Что касается составов кладов, то сейчас мы можем говорить о 14 кладах с примерно одинаковым составом монет, из них половина – семь кладов – имеют от 15 до 52 дангов.

Состав медных монет по хронологии.

Первая половина–середина XIII в. – 42 (23,3%),

720-е гг.х. – 17 (9,4%) («тамга в треугольнике»),

730-е гг.х. – 33 (18,3%) («тамга в звезде», «лев-солнце», «решетка»),

740-е гг.х. – 46 (25,6%) («двуглавый орел» Сарая ал-Джадид и Крыма),

750-е гг.х. – 15 (8,3%) («цветок»),

760-е гг.х. – 12 (6,7%), (пулы Хызра),

Таблица 1

Серебряные монеты раскопа CLXXXV Болгарского городища.

№ п/п	Эмитент	Монетный двор	Время чекана	Вес, г	№ по полевой описи. Примечание
1	Мунке	Булгар	(1251-1259)	1,05	516/1
2	Анэпиграфная	Не указан	(686-690 г.х. =1287-1291)	1,14	595. С/100*. «Трёхногая» тамга
3	Анэпиграфная	Не указан	(Конец XIII – нач. XIV в.)	0,96 - обломан	637. С/189*
4	Анэпиграфная	Не указан	(Начало XIV в. – до 1328 г.)	1,10 - обломан	682. С/128*
5	Токта	Сарай ал- Махруса	710 г.х.=1310- 1311	0,98	634
6	Узбек	Сарай	(1320-е гг.)	1,29	583
7	Узбек	Булгар ал- Махруса	732 г.х.=1331- 1332	1,44	519. Вар. 10 а.**
8-9	Узбек	Булгар ал- Махруса	«723» (732) г.х.	1,16 – обломан; 1,45	585; 626. Вар. 13.**
10	Узбек	Булгар ал- Махруса	[731-733 г.х.] = 1330-1333	1,42	523
11	Узбек	Булгар ал- Махруса	73[1-3] г.х.	1,33 - надломан	633
12	Джанибек	(Стёрто)	746 г.х.=1345- 1346	1,49	237
13	Джанибек (подражание)	«Сарай ал- Джадид»	«750 г.х.»=1349- 1350	1,12	544
14-19	Неопределяе- мые монеты	Не сохранился	Не определяется	0,82; 0,72; 0,74; 0,68; 0,77; 0,47	516/2-7. 6 экз.
20-21	Неопределяе- мые обломки	Не сохранился	Не определяется	0,11; 0,09	578. 2 экз.
22-23	Не определяется	Не сохранился	Первая половина XIV в.	1,30; 0,90 - обломан	546; 584. 2 экз.

* Ссылка на каталог из монографии А.З. Сингатуллиной, 2003.

** Вариант дангов Узбека указан по статье П.Н. Петрова и А.И. Бугарчёва, 2012, с. 176–177.

Таблица 2

Состав клада джучидских дангов из раскопа CLXXXV.

№ п/п	Эмитент	МД	Год выпуска, х.	Вес, г	№ по полевой описи. Примечание
1	Токта	Сарай ал-Махруса	710	1,42	724/11.2. Отверстие. Вар. А – С 12; R 3, 10*
2	Узбек	Сарай	(730-е)	1,34	724/11.8
3-4	Узбек	Сарай	[727-728]	1,46; 1,44	724/11.14; 724/11.17
5	Узбек	Булгар ал-Махруса	«723»=732	1,29	724/11.1. Вар. №13**
6	Узбек	Сарай	739	1,38	724/11.30
7-8	Джанибек	Сарай ал-Джадид	[742-743]	1,41; 1,41	724/11.5; 724/11.10
9	Джанибек	Сарай ал-Джадид	743	1,42	724/11.29
10	Джанибек	Сарай ал-Джадид	[743-746]	1,51	724/6.4
11	Джанибек	Сарай ал-Джадид	[746-748]	1,51	724/11.22
12	Джанибек	Сарай ал-Джадид	747	1,35	724/6.2. Ткань
13	Джанибек	Сарай ал-Джадид	[749]	1,46	724/11.6
14	Джанибек	Сарай ал-Джадид	[751]	1,53	724/11.11
15	Джанибек	Гулистан	752	1,27	724/11.25
16	Джанибек	Сарай ал-Джадид	[752]	1,51	724/11.9
17-18	Джанибек	Сарай ал-Джадид	753	1,22; 1,52	724/6.3; 724/11.12
19	Джанибек	Гулистан	75[2-3]	1,59	724/11.23
20-22	Джанибек	Гулистан	753	1,51; 1,59; 1,51	724/11.24; 724/11.27; 724/11.28
23	Джанибек	Гулистан	[752, 753, 756]	1,42	724/11.19
24-25	Бердибек	Гулистан	759	1,52; 1,36	724/6.1; 724/11.20
26	Хызр	Гулистан	[761-762]	1,40	724/11.3
27	Хызр	Сарай ал-Джадид	[761-762]	1,43	724/11.7
28	Хызр	Гулистан	761	1,47	724/11.13
29	Хызр?	Гулистан	Забито двойным ударом	1,48	724/11.26
30	Орду-Мелик	Сарай ал-Джадид	[762]	1,53	724/11.4
31-32	Мурид	Гулистан	«732»=763	1,54; 1,36	724/11.15; 724/11.21
33	Мурид	Гулистан	763	1,49	724/11.18
34	Мурид	Гулистан	764	1,43	724/11.31
35	(стёрто)	Сарай ал-Джадид	(стёрто)	0,78	724/12.1
36-37	(стёрто)	(стёрто)	(стёрто)	0,83; 0,75	724/11.16; 724/12.2

*Вариант данга Токты указан по статье А.Л. Пономарёва, 2011, с. 39–40.

** Вариант данга Узбека указан по статье П.Н. Петрова и А.И. Бугарчёва, 2012, с. 176–177.

Таблица 3

III. Медные монеты раскопа CLXXXV. 180 экземпляров

№ п/п	Эмитент, тип	МД	Время чекана	Вес, г	№ по полевой описи. Примечание
1	Насир	[Булгар]	(1230-е гг.?)	5,98	706/1. «Архаичный» тип
2-22	Насир	[Булгар]	(1240-е – до 1251?)	3,33; 2,48; 2,02; 3,60; 1,91; 1,76; 1,46; 3,39; 2,17; 2,16; 3,57; 3,39; 1,85; 2,95; 2,10; 2,29; 3,15; 1,95; 1,54; 2,22; 1,13 (1/2 монеты)	706/2-3; 596; 525; 536; 553; 559; 560; 574; 588; 602; 617; 619; 642; 652/1; 668; 677; 687; 688/1; 688/3; 691. 21 экз.
23	Насир (л.с. в 4 строки)	[Булгар]	(1240-е – до 1251?)	2,59	671
24-40	Мунке	Булгар	(1251?-1259)	3,60; 1,00 (1/2 монеты); 3,08; 2,44; 2,49; 1,39; 1,74; 2,96; 1,92; 1,94; 2,06; 1,26; 1,92; 3,58; 2,67; 2,44; 2,73	522; 524; 545; 547; 558; 571; 580; 581; 597; 605; 638; 614; 660; 662; 667; 694; 700. 17 экз.
41	Мунке	Булгар	(1251?-1259)	0,80	611. Не перечекан
42	Всадник с луком	Крым	(XIII век - до 1266 г.?)	1,52	609. Лебедев, 2000, М 52
43-59	Тамга в треугольнике	[Булгар]	(1320-е – до 1331?)	0,95; 0,92; 0,66 (отверстие); 0,86; 0,69; 1,17; 1,25; 1,02; 0,96; 0,83; 1,02; 1,13; 1,08; 1,07; 0,55 (обломан); 1,05; 0,80.	528; 573; 577; 592; 598; 607/2; 616; 621; 627; 632; 652/2; 653; 655; 658; 678/2; 685; 688/2. 17 экз.
60-64	Тамга в звезде (вар. Б/П)*	Булгар	(732-736 =1331 -1336)	1,23; 1,29; 1,22; 1,55; 0,94	549; 557; 656; 607/1; 666. 5 экз.
65-66	Тамга в звезде (вар. П/Б)**	Булгар	734 г.х. = 1333 - 1334	1,98; 1,46	568; 600. 2 экз.
67-68	Тамга в звезде (вар. П/Б)	Булгар	73[2-6] г.х.	1,88; 2,07	587; 689. 2 экз.
69	Тамга в звезде (вар. Б/П)	Булгар	[73]4	1,50	683
70	Тамга в звезде (вар. П/Б)	Булгар	736 г.х= 1335 - 1336	2,22	518

71-88	Лев и солнце	Сарай	(1336-1342)	1,38; 1,24; 1,40; 1,07; 1,01; 1,16; 1,07; 1,47; 1,60; 1,40; 1,20; 0,99; 1,21; 1,41; 1,33; 0,85; 1,69; 1,21	520; 529; 531; 567; 569; 579; 586; 615; 620; 629; 631; 644; 646; 654; 657; 684; 701; 704. 18 экз.
89-92	Решетка	Булгар	(Около 740 г.х. - 1340-го)	1,43; 0,98; 1,19; 1,69	641; 648; 661 (пяти-ячейчатая решётка); 675. 4 экз.
93	Двуглавый орел	Сарай ал-Джадид	(1342-1350)	1,34	659. Перечекан
94-134	Двуглавый орел	Сарай ал-Джадид	(1342-1350)	0,82; 1,25; 1,01; 1,21; 0,84; 0,90; 0,96; 0,80; 1,46; 1,44; 0,79; 0,95; 1,03; 1,06; 1,71; 1,92; 1,53; 0,89; 0,86; 0,86; 0,99; 1,48; 1,28; 0,91; 1,40; 0,97; 0,78; 1,33; 1,22; 1,37; 1,13; 1,65; 1,19; 0,63; 1,47; 0,78; 1,32; 1,23; 0,91; 0,99; 1,32	526; 527; 530; 533; 534; 537-543; 550; 552; 554; 556 (подражание); 561; 562; 563 (подражание); 565; 572; 582; 589-591; 594; 606; 608; 610; 622; 624; 669; 670; 674; 676; 679; 681; 698; 702; 703; 710. 41 экз.
135-138	Двуглавый орёл	Крым	[744 г.х. = 1343-1344]	1,58; 1,91; 1,20; 1,52	517/1-2; 535; 625. 4 экз.
139	Цветок	«Сарай ал-Джадид» (Крым)	753 г.х.=1352-1353	2,36	517/4. Лебедев, Смирнов, 2005, №7 д-2
140-145	Цветок	Сарай ал-Джадид	(751-760 г.х.=1350-1359)	2,36; 3,03; 3,03; 2,39; 2,68.	517/5; 521; 630; 696; 699. 5 экз.
146	Цветок	Сарай ал-Джадид	752 г.х.=1351-1352	2,98	673
147	Цветок	Сарай ал-Джадид	753 г.х.	1,96	718
148	Цветок	Сарай ал-Джадид	753 (?) г.х.	2,32	517/3
149	Цветок	Мохши	756 г.х.=1355-1356	1,05	672. Лебедев, Гумаюнов, 2011, №26 а.
150-153	Шестиугольная звезда	Мохши	[757~758 г.х. =1356-1357]	1,67; 1,29 (обломан); 2,17; 1,79	647; 663; 664; 720. 4 экз. Лебедев, Гумаюнов, 2011, №27 б; №27 а.
154	Шестиугольная звезда	Мохши	758 г.х. =1356-1357	1,65	650. Лебедев, Гумаюнов, 2011, №27 а.
155-157	Хызр	Гюлистан	762 г.х. = 1359-1360	3,14; 2,75; 3,33	575; 649; 705. 3 экз.

158-160	Хызр	Сарай ал-Джадид	762 г.х.	2,48; 2,74; 2,54	601; 640; 665. 3 экз.
161	Хызр	Сарай ал-Джадид	76[2] г.х.	2,49	564
162-163	Хызр	Сарай ал-Джадид	[762 г.х.]	4,17; 2,36	651; 721. 2 экз.
164	Хызр	Гюлистан	[762 г.х.]	2,69	693
165-166	Хызр	(стёрто)	[762 г.х.]?	3,15; 2,66	680; 695. 2 экз.
167	Два надчекана: «1/96» и «хан»	(Стёрто)	[1370-е - 1380-е гг.]	2,44	532
Неджучидские монеты					
168	Городецкое пуло		(2-я половина XIV в.)	1,51	603 (отверстие)
169	Двуглавый орёл	Сивас?	(2-я половина XIV в.)	1,06	604 . Малоазийские бейлики.***
170	Неджучидский пул			1,11	566
171	Два фрагмента иноземной монеты			0,31 и 0,29	643

172–180. Неопределяемые медные монеты: 1,12; 1,49; 1,03; 0,53; 0,99; 0,59; 2,18; 1,14; 1,83 (№№ 548; 551; 570; 593 (1/2 монеты); 678/1; 686; 690; 692; 712). 8 экз.

*Вариант «Булгар / Пули». **Вариант «Пул / Булгара». ***Определение А.В. Акопяна (Москва).

Выделенные жирным шрифтом монеты приведены в фототаблицах.

2-я половина XIV в. – 3 (1,7%),
неопределяемые – 12 (6,7%).

Больше всего медных монет относится к 1340-м годам.

Состав медных монет по монетным дворам.

Булгар – 73 (40,1%),

Сарай ал-Джадид – 57 (31,7%),

Сарай – 18 (10,0%),

Крым (в т.ч. «цветок» Крыма) и Мохши – по 6 (3,4%),

Гулистан – 4 (2,2%),

Городец (Нижний Новгород), Сивас? (Малая Азия) – по 1 (по 0,6%),

неопределяемые – 14 (7,8%).

Больше всего в раскопе найдено монет местного булгарского чекана. В то же время необходимо отметить равнозначное присутствие пулов далекого Крыма и относительно близкой Мохши.

К самым ранним выпускам Булгара мы относим медную монету так называемого «архаичного» типа с именем покойного халифа ан-Насир лид-дини-Ллаха (№ п/о 706/1). От более поздних массовых выпусков булгарских динаров эти монеты отличаются большим весом, своеобразной палеографией и наличием знака-орна-

мента на лицевой стороне над именем ан-Насира. Вес нашего экземпляра – 5,98 г – не самый большой. Встречаются монеты с весом за восемь грамм, например, в монографии А.З. Сингатуллиной отмечен экземпляр весом 8,19 г (Сингатуллина, 2003, с. 72), в Джукетау была найдена монета весом 8,31 г (Бугарчев, 2015, с. 69). В устном докладе Е.Ю. Гончарова, прочитанном на III Международном Золотоордынском форуме (Казань, 2013), упоминалась медная монета весом 8 г. Чеканились такие монеты, по нашему мнению, в середине–второй половине 1230-х гг. Известны случаи, когда «архаичный» ан-Насир попадал в перечекан при каане Мунке в 1250-х гг. Одна такая монеты была найдена в 1995 г. в Казанском кремле (вес 5,62 г, шифр КК 95-П/824, фонды Музея Казанского кремля).

Следующая группа медных динаров с именем ан-Насира, найденных в раскопе, состоит из 22 экземпляров. Без учета обломка № п/о 691 весом 1,13 г, остальные монеты весят от 1,54 до 3,60 г, их средний вес – 2,43 г. Несколько отличается динар № 671 – на лицевой стороне надпись расположена не в три, а в четыре строки: Ан-Насир / лид-дини-Ллах / повелитель / правоверных. Такой вариант расположения надписей прослеживается и на серебряном болгарском чекане – по монографии А.З. Сингатуллиной это динар № 4 (с. 132).

По нашим представлениям, серебряные и медные динары выпускались до 1251 г., то есть около десяти лет.

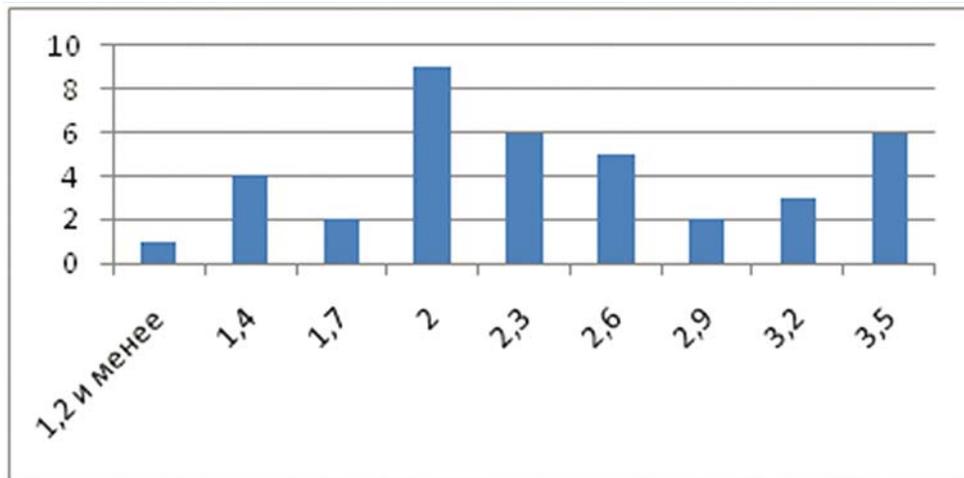
В 1251 г. в Монгольской империи произошла смена власти – кааном был провозглашен внук Чингиз-хана Мунке. В Булгаре стали чеканиться

серебряные и перечеканиваться медные монеты с его именем и названием монетного двора Булгар. В это время в болгарском монетном деле возникла очень необычная ситуация: серебряные монеты Мунке чеканились на обычных серебряных заготовках, в то время как для чекана медных монет Мунке использовались старые аннаси́ровские медные динары. Нельзя сказать, что это правило соблюдалось на 100 процентов – в кладе из Лаишевского района находилась одна серебряная монета Мунке с явными следами предыдущего чекана ан-Насира (Бугарчев, Степанов, 2015, №19); что касается медных монет, то в раскопе CLXXXV был обнаружен один экземпляр Мунке без следов чекана ан-Насира (вес 0,80 г, № по п/о 611). По словам к.и.н. Д.Г. Мухаметшина, много лет отдавшего пополнению нумизматического фонда Болгарского музея, ему ранее встречались подобные перечеканенные монеты Мунке, найденные на Болгарском городище.

Чеканились, а точнее, перечеканивались, медные монеты Мунке в период 1251 – 1259 гг., то есть при жизни каана. Однако в денежном обращении региона они могли использоваться гораздо дольше – до начала XIV века.

Так как медные монеты Мунке – это почти всегда перечеканенные динары с именем ан-Насира, то для анализа метрологии мы построили диаграмму, используя информацию о весе обоих типов (диагр. 1).

Максимум количества монет приходится на значение веса $2,0 \pm 0,1$ г – 9 экз. (23,7%). Второстепенные максимумы прослеживаются на значениях $3,5 \pm 0,1$ г и $1,4 \pm 0,1$ г. На вес от 1,9 до 2,7 г приходится более половины «меди» ан-Насира и Мунке –

Диагр. 1. Зависимость количества необломанных медных монет ан-Насира и Мунке от значения их веса, 38 экз. Болгарское городище, раскоп CLXXXV. Шаг 0,3 г.

Ось X – вес в граммах, ось Y – количество в экз.

Diagram 1. Correlation of the number of whole copper coins by an-Nasir and Munke and their weight values, 38 pcs. Bolgar fortified settlement, dig CLXXXV. Step 0.3 g. Axis X is weight in g, axis Y is quantity in pcs.

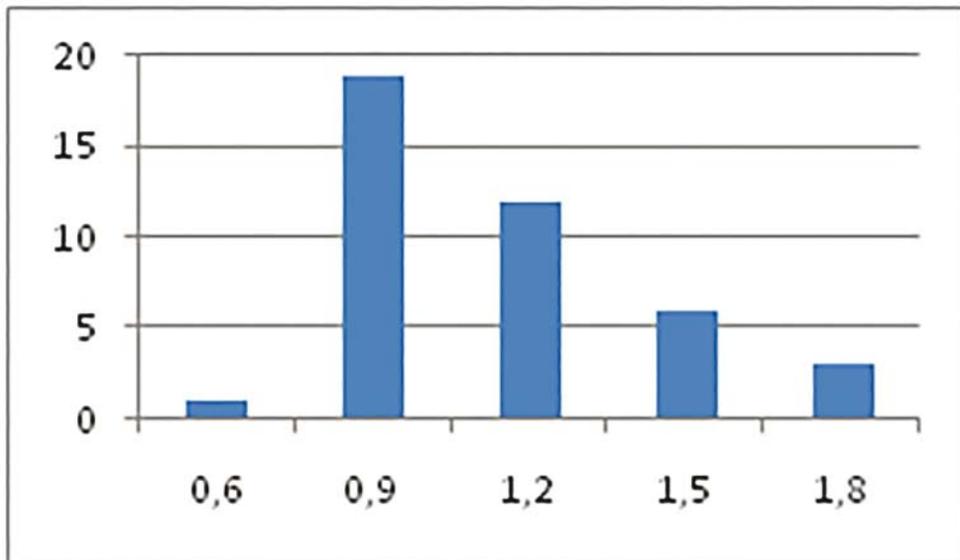
20 экз. (52,6%). Средний вес монет ан-Насира – 2,43 г, средний вес монет Мунке – 2,30 г. По двум пикам – на значении вес 2,0–2,1 г и на значении веса 1,4–1,5 г – можно сделать предположение о существовании двух сменивших друг друга указанных весовых норм Булгарского медного чекана середины XIII в.

Крымский пул с изображением всадника (№ по п/о 609) – не уникальная находка для Булгара. Подобная монета есть в фондах БГИАМЗ (КП57-759/36 «нум.»), она была найдена в раскопе XXXVII. Наш экземпляр не дает возможности прочитать легенды монеты, но в «Каталоге...» В.П. Лебедева приводится их чтение и перевод – «Алхух Крым» – «Мощь Крыма» (Лебедев, 2000, М 52). Предположительно такие пулы чеканились в середине XIII в.

Пулы с тамгой Менгу-Тимура в треугольнике постоянно встречаются

в сборах с различных археологических объектов Татарстана. Датировка пулов до сих пор вызывает разногласия у нумизматов. По нашему мнению, монеты стали выпускаться в различных булгарских мастерских в 1320-х годах и до 732/1331 года. Что касается веса пулов, то для построения приемлемой гистограммы их все-таки маловато, поэтому можно назвать только средний вес 16 необломанных экземпляров – 0,97 г.

В 732/1331–1332 г. в Булгарском регионе стали выпускаться пулы нового типа с тамгой Менгу-Тимура в пятиугольной звезде. После 70-летнего перерыва на местных медных монетах снова появилось название монетного двора «Булгар». По расположению легенды на оборотной стороне выявляются два варианта: А – Пул / Булгара – 5 экземпляров, средний вес 1,92 г; Б – Булгара / Пул – 6 экземпляров, средний вес 1,29 г. Ранее на более мас-

Диagr. 2. Зависимость количества пулов «Двуглавый орёл» от значения их веса. Раскоп CLXXXV. 42 экз. Шаг 0,3 г. Ось X – вес в г, ось Y – количество в экз.

Diagram 2. Correlation of the number of pools with 'Two-head Eagle' and their weight values. Dig CLXXXV. 42 pieces. Step 0.3 g. Axis X is weight in g, axis Y is quantity in pcs.

совом материале уже было отмечено, что пулы варианта А встречаются в два раза меньше, чем пулы варианта Б (Бугарчев, Петров, 2013, с. 227). Среди пулов из раскопа выделяется экземпляр с сохранившейся цифрой-перевертышем «2» (№518), то есть с датой [73]6 г.х. (аргументацию см. Бугарчев, Петров, 2013, с. 225–226).

Булгарские пулы с изображением решетки уже не несут на себе тамгу Менгу-Тимура. Они чеканились на рубеже 1330–1340-х гг. Средний вес четырех экземпляров – 1,32 г. Среди них можно отметить необычный вариант, на котором помещена не девяти-ячеистая, а пяти-ячеистая решетка (№ 661).

Одни из самых часто встречающихся монет – это сарайские пулы со львом и солнцем на одной стороне и надписью «Высочайшее повеление» на другой. Они чеканились с датой «737» в период с 737/1336–1337 до

743/1342–1343 г. Средний вес 18 пулов из раскопа – 1,26 г. Можно сравнить этот показатель с нумизматическими материалами из Бельджамена (Водянского городища), где средний вес 276 сарайских пулов 726–740 гг.х. равнялся $1,35 \pm 0,05$ г (Клоков, Лебедев, 2000, с. 99).

Медные монеты со львом и солнцем сменились еще более массовыми выпусками пулов с двуглавым орлом. Они чеканились в 740-е/1340-е годы на многих монетных дворах, но на самих монетах всегда писалось «Чекан Сарая ал-Джадид». Этим можно объяснить огромное количество штемпельных вариантов. В нашем раскопе обнаружено 42 пула, что позволяет построить весовую диаграмму (диagr. 2).

Максимум количества монет приходится на значение веса $0,9 \pm 0,1$ г (19 экземпляров или 45,2% от всех монет с двуглавым орлом). Пулы весом от

0,8 до 1,3 г составляют почти три четверти (73,8%) от всех пулов данного типа, найденных в раскопе. Средний вес – 1,14 г. Расчет по материалам Водянского городища показал, что средний вес 263 пулов Сарая ал-Джадид приходится на значение $1,15 \pm 0,05$ г (Клоков, Лебедев, 2000, с. 99, с. 142).

Как видно, значения среднего веса пулов 730-х – 740-х гг.х. из болгарского раскопа и из находок на Водянском городище вполне сопоставимы, несмотря на многократно превосходящую разницу Бельджаменского материала.

Кроме крымской медной монеты с всадником (№ 609), в раскопе были обнаружены еще пять крымских монет, четыре из них – это пулы 744/1342–1344 г. с очень стилизованным изображением двуглавого орла. Подобные монеты были обнаружены уже во время первых больших раскопок Болгарского городища в 1946–1954 гг. (Янина, 1954, с. 437–438; Янина, 1958, с. 406). – 13 экземпляров (вес не указан). Сколько их всего найдено на городище – такой информации у нас пока нет. Средний вес наших четырех экземпляров – 1,55 г.

Шестая Крымская монета, обнаруженная в раскопе CLXXXV – это пул с цветком на лицевой стороне (№517/4). Хотя на оборотной стороне написано «Чекан Сарая ал-Джадид», благодаря работе В.П. Лебедева и В.В. Смирнова можно смело отнести данный пул к крымскому чекану (Лебедев, Смирнов, 2005). Такие монеты отличаются своеобразным «вытянутым» написанием слова «Джадид» и очень характерным написанием цифры «5» в дате 753.

Остальные пулы с цветком и местом чекана «Сарай ал-Джадид»

были выпущены в период 751/1350 – 760/1359 гг. Где конкретно они чеканились – неясно. В статье 2002 г. авторами В.Б. Клоковым и В.П. Лебедевым была высказана гипотеза – «Пулы с цветочной розеткой и указанным местом чеканки – Сарай ал-Джадид – могли выпускаться на разных монетных дворах» (Клоков, Лебедев, 2002, с. 149). Логично предположить, что какие-то варианты пулов с цветком чеканились на Булгарском монетном дворе. Этой точки зрения придерживаемся мы. Средний вес восьми экземпляров – 2,59 г. Сравнить их с 609 пулами 750-х гг. х. из Водянского городища мы считаем некорректным из-за мизерного количества пулов из раскопа.

Среди продукции других монетных дворов в раскопе были обнаружены шесть пулов территориально близкой Мохши: один экземпляр – пул с цветком 756/1355–1356 г и пять экземпляров с шестиугольной звездой, выпущенных в 757–758/1356–1357 гг. Пулы Мохши разных типов довольно часто встречаются на территории Татарстана вообще и Болгарского городища, в частности: в рукописном каталоге А.Ф. Лихачёва (1832–1890) упомянуты три экземпляра, сборы С.А. Яниной дали 4 пула (Янина, 1962), в статье Д.Г. Мухаметшина описаны 38 пулов двенадцати типов (Мухаметшин, 2000, с. 50–55), одним из авторов статьи ранее был перечислен 81 экземпляр различных типов, найденных в Татарстане (Бугарчѳв, 2010, с. 53–54); три пула Мохши были найдены в 2014 г. в раскопе СХСІХ Болгарского городища (Мухаметшин, 2015); два экземпляра 751 г.х. были найдены в Тетюшском районе РТ (Руденко, Бугарчѳв, 2015). Средний вес

четырёх необломанных пулов Мохши с шестиугольной звездой из раскопа CLXXXV – 1,82 г.

Следующая группа пулов чеканилась от имени хана Хызра на двух монетных дворах – Гулистане (4 монеты) и Сарае ал-Джадид (6 монет), у двух экземпляров монетный двор не устанавливается. Обычно пулы Хызра по массовости ненамного уступают пулам «лев-солнце» и «двуглавый орел». Например, на Водянском городище было найдено 120 монет (Клоков, Лебедев, 2000, с. 78–79). Небольшое количество, найденное в раскопе, может свидетельствовать о затухании экономической жизни в этой части города к моменту появления пулов Хызра в денежном обращении города. Средний вес пулов Хызра – 2,875 г (гулистанских пулов – 2,98 г, новосарайских пулов – 2,80 г).

Ко второй половине XIV в. можно отнести всего три медные монеты – забитый двумя местными надчеканами неопределенный пул, городецкое пуло Нижегородского княжества (Гайдуков, тип 5) и малоазиатскую монету – Малоазийские бейлики, чекан Сиваса (?) (определение Александра Владимировича Акопяна, Москва, за что авторы ему искренне благодарны).

Заключение. Оба блока нумизматического материала как серебряного, так и медного свидетельствуют об активной торгово-экономической жизни в этой части средневекового города во второй половине XIII – первой половине XIV в. Клад с младшим дангом 764 г.х. и очень незначительное количество медных монет Хызра 762 г.х. – говорят о прекращении денежного отношения в этой части города в начале 1360-х гг.

Фототаблица 1. Клад серебряных монет 14 века из раскопа.

Photo table 1. Hoard of 14th century silver coins from the dig.

Фототаблица 2. Медные монеты 13 века из раскопа.
Photo table 2. 13th century copper coins from the dig.

Фототаблица 3. Медные монеты из раскопа.

Photo table 3. Copper coins from the dig.

Фотогтаблица 4. Медные монеты из раскопа.
Photo table 4. Copper coins from the dig.

Фототаблица 5. Медные монеты из раскопа.
Photo table 5. Copper coins from the dig.

Фотогтаблица 6. Медные монеты из раскопа.
Photo table 6. Copper coins from the dig.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков., З.Г. Шакиров. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. 40 с.
2. Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков, А.С. Старков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. 36 с.
3. Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков, А.С. Старков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 34 с.
4. *Бугарчѐв А.И.* Монеты Мохши из собрания казанского коллекционера А.Ф. Лихачѐва // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 49–55
5. *Бугарчѐв А.И., Петров П.Н.* Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 216–231.
6. *Бугарчѐв А.И.* Дополнительные материалы по денежному обращению Джукетау в XIII–начале XIV в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Коломна. 20–25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. И.В. Волков. М.: Триумф принт, 2015. С. 68–70.
7. *Бугарчѐв А.И., Сивицкий М.В.* Клад серебряных джучидских монет из раскопа CLXXXV Болгарского городища (предварительное сообщение) // Материалы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия, посвященного пятилетию создания Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Болгар, 2015. С. 61–66.
8. *Бугарчѐв А.И., Степанов О.В.* Клад золотоордынских монет из Татарстана // Нумизматика Золотой Орды. № 5. / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2015. С. 16–21.
9. *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. 50 с.
10. *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–147.
11. *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро, 2002. С. 73–165.
12. *Лебедев В.П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. № 2 / Науч. ред. С.Б. Охотников. Одесса: АИЗТ «Полис», 2000. С. 1–48.
13. *Лебедев В.П., Гумаюнов С.В.* Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // *Stratum plus*. 2011. № 6. С. 1–24.
14. *Лебедев В.П., Смирнов В.В.* Новосарайские пулы с цветочной розеткой из Крыма и Азова // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов, 2001. Муром, 2003 / Ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 24–30.
15. *Мухаметшин Д.Г.* Монеты Мохши из фондов БГИАМЗ // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: ИПР «Информэлектро», 2000, С. 50–55.
16. *Мухаметшин Д.Г.* О локализации Болгарского монетного двора рубежа XIV–XV в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Коломна. 20–25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. И.В. Волков. М.: Триумф принт, 2015. С. 83–85.
17. *Мухаметшин Д.Г.* Медные монеты Болгара и других золотоордынских городов. Каталог монет из фондов Института археологии АН РТ (в печати).
18. *Петров П.Н., Бугарчѐв А.И.* Монеты Узбек-хана, выпущенные монетными дворами Булгарского вилайата // *Stratum plus*. 2012. № 6. С. 173–181.

19. Пономарёв А.Л. Ключи к джучидскому чекану: Токта, год хиджры 710 // Нумизматика Золотой Орды. Сборник научных статей / Редактор к.и.н. И.М. Миргалеев. Вып. 1. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 28–49.
20. Руденко К.А., Бугарчев А.И. Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ) // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 156–175.
21. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.
22. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 94–192.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 165–221.
24. Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: «Наука», 1974. С. 176–182.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с. и 40 с. ил.
26. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с.
27. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 424–484.
28. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 61. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 392–423.
29. Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. М.: Наука, 1962. С. 153–178.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

Сивицкий Максим Владимирович, старший научный сотрудник, Болгарский Государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Россия); m1213@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC FINDINGS FROM DIG CLXXXV AT BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

A.I. Bugarchev, M.V. Sivitsky

The authors analyze new numismatic finds from Bolgar fortified settlement, dig CLXXXV, which was excavated in 2013. All numismatic findings (240 coins) can be divided into three groups: stray silver coins – 23 pieces dating to the 13th – 14th centuries, a hoard of silver coins – 37 dangs of the 14th century, and copper dinars and pools of the 13th – 14th centuries – 180 pieces. Most of these were coined by the mint in Bolgar (Bolgar al-Makhrusa) – 82 pieces. Other coins represents mints in Saray (Saray al-Makhrusa), Saray al-Dzhadid,

The work was implemented under the Russian Foundation for the Humanities Project no. 16-11-16015 "Study of the Numismatic Materials of the Jochids' State by Interdisciplinary Methods of Archaeo-Technologies and Archaeological Material Engineering".

Gulistan, the Crimea and Mokhsa. Chronologically, most coins are dated by the middle of the 13th century – 44 copies, and by 1330s –1340s – 91 pieces. Although the structure of the hoard is typical for Bulgar hoards of the 14th century, this one is particularly valuable for the fact that its exact location is known precisely. Numerous copper coins allow undertaking a metrological analysis for each group – the copper dinars of the 13th century and the pools of the 1320s – early 1360s. The youngest dang in the hoard dates to 1362–1363, as the pools of Hyzr Khan do. This made the authors to infer that the monetary circulation in this part of the city stopped in the first half of the 1360s.

Keywords: archaeology, Middle Volga, Bolgar fortified settlement, Golden Horde time, numismatics, coin findings, hoard, dinar, dang, pool.

REFERENCES

1. Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Shakirov Z. G. (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniia 2010 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2010: Bolgar and Sviyazhska)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
2. Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., et al. (comp.). 2012. *Arkheologicheskie issledovaniia 2011 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2011: Bolgar and Sviyazhska)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
3. Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. (comp.). 2013. *Arkheologicheskie issledovaniia 2012 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2012: Bolgar and Sviyazhska)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
4. Bugarchev, A. I. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhska i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhska and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 49–55 (in Russian).
5. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 216–231 (in Russian).
6. Bugarchev, A. I. 2015. In Volkov, I. V. (ed.). *Vosemnadtsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov i soobshchenii (18th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: “Triumf print” Publ., 68–70 (in Russian).
7. Bugarchev, A. I., Sivitskii, M. V. 2015. In *Bolgarskii muzei-zapovednik – khranitel' kul'nurnogo naslediiia (Bolgar Museum-Reserve as Keeper of Cultural Heritage)*. Bolgar, 61–66 (in Russian).
8. Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2015. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 5. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 16–21 (in Russian).
9. Gaidukov, P. G. 1993. *Mednye russkie monety kontsa XIV–XVI vekov (Russian Copper Coins of Late 14th – 16th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Klovov, V. B., Lebedev, V. P. 2000. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) III = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 2. Moscow: “Informelektro” Publ., 56–147 (in Russian).
11. Klovov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) IV = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 3. Moscow: “Informelektro” Publ., 73–165 (in Russian).
12. Lebedev, V. P. 2000. In Okhotnikov, S. B. (ed.). *Vestnik Odesskogo muzeia numizmatiki (Bulletin of Odessa Museum of Numismatics)* 2. Odessa: “Polis” Publ., 1–48 (in Russian).
13. Lebedev, V. P., Gumaiunov, S. V. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 67–90 (in Russian).
14. Lebedev, V. P., Smirnov, V. V. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)*. Moscow: “Numizmaticheskaia literatura” Publ., 24–30 (in Russian).

15. Mukhametshin, D. G. 2000. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) III = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings) 2*. Moscow: "Informelektro" Publ., 50–55 (in Russian).
16. Mukhametshin, D. G. 2015. In Volkov, I. V. (ed.). *Vosemnadsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaiia konferentsiia. Tezisy докладов i soobshchenii (18th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: "Triumf print" Publ., 83–85 (in Russian).
17. Mukhametshin, D. G. (in print). *Mednye monety Bolgara i drugikh zolotoordynskikh gorodov. Katalog monet iz fondov Instituta arkheologii AN RT (Copper Coins of Bolgar and other Towns of the Golden Horde: Catalogue of Coins from the Funds of the Archaeology Institute, Tatarstan Academy of Sciences)* (in Russian).
18. Petrov P. N., Bugarchev, A. I. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 173–181 (in Russian).
19. Ponomarev, A. L. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 1*. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 28–49 (in Russian).
20. Rudenko, K. A., Bugarchev, A. I. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 156–175 (in Russian).
21. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
22. Fyodorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy) I*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).
23. Fyodorov-Davydov, G. A. 1963. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy) IV*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–221 (in Russian).
24. Fyodorov-Davydov, G. A. 1974. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–182 (in Russian).
25. Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
26. Fraehn, Ch. M. J. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami inykh mukhammedanskikh dinastii (The Coins of the Khans of Ulus Jochi or Golden Horde, and the Coins of other Muslim Dynasties)*. Saint Petersburg (in Russian).
27. Yanina, S. A. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 424–484 (in Russian).
28. Yanina, S. A. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 392–423 (in Russian).
29. Yanina, S. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 111. Moscow: "Nauka" Publ., 153–178 (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Alexey I., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Sivitskiy Maxim V. Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Nazarov St., 67, Bolgar, 422840, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; m1213@mail.ru

Статья поступила в номер 30.05.2016 г.

УДК 616.71+904

**ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ БОЛГАРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА СХСІ)¹**

**© 2016 г. Е.В. Волкова, К.В. Кирягин,
А.Г. Ситдилов, Н.В. Харламова**

Представлена палеопатологическая характеристика серии скелетированных останков одной из групп населения Болгарского городища, относящаяся к золотоордынскому периоду. Антропологический материал получен в результате археологических работ 2013 г. в северо-западной части городища из раскопа СХСІ. Были исследованы останки 35 индивидов: 16 женских скелетов, 8 мужских и 11 детских. Работа авторов состояла из двух частей: визуальное исследование скелетов с помощью лучевых методов (параллельно была сделана попытка реконструировать механизмы возникновения ряда патологических изменений травматического генеза при помощи медико-криминалистического подхода); вторая часть работы включала исследование зубочелюстной системы на предмет присутствия следующего ряда патологических изменений: кариес, одонтогенный остеомиелит, зубной камень, парадонтопатии, прижизненная утрата зубов, гипоплазия зубной эмали. Было выделено несколько групп патологических изменений, благодаря которым можно судить о бытовой и военной активности рассмотренной группы индивидов. Полученные данные позволяют сделать вывод о диете, в которой, вероятно, доминировала вязкая грубая пища, богатая углеводами, а также о наличии стрессовых факторов

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Болгарское городище, золотоордынский период, антропология, палеопатология, остеоскопия.

Изучение одного из участков в северо-западной части Болгарского средневекового городища X–XV вв. (Спасский район, Республика Татарстан) в 2013 году было продолжено раскопом СХСІ. Исследованный участок расположен в 310 м восточнее могильника на Бабьем Бугре, в 90 м к западу от здания музея Болгарской цивилизации, в 60 м южнее здания старой археологической базы (ул. Мухамедьярова, 10), и в 30 м восточнее раскопа СLXXXIX (2013 г.). Общая площадь раскопа составила 600 кв. м.

На исследованном участке средневековой городской территории зафиксированы культурные напластования двух хронологических периодов: современного села XIX–XX вв. и золотоордынского времени (середина XIII–XV в.), их мощность составила от 45 до 220 см (Ситдилов, Бочаров, 2013, с. 18).

Руководство раскопом СХСІ осуществлял д.и.н. А.Г. Ситдилов. Начальником раскопа СХСІ, осуществлявшим непосредственное руководство ходом работ, являлся

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00463 А «Особенности жизнедеятельности населения средневекового Болгара по антропологическим и генетическим данным».

старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН к.и.н. С.Г. Бочаров. Топографический план Болгарского городища с местом расположения раскопа СХСІ, а также план-схема некрополя представлены на рисунках 1 и 2 в недавней публикации (Макарова, Ситдииков, Бочаров, 2016, с. 245–246).

Раскоп насчитывал 31 погребение и останки 4 индивидов, встреченные вне погребений. Из них 16 индивидов определены как женщины, 8 – как мужчины, 11 индивидов отнесены к детской возрастной группе (Infantilis I-II). Половозрастные оценки проведены заведующим лабораторией археобиологии Института археологии АН РТ И.Р. Газимзяновым и сотрудником лаборатории Е.М. Макаровой (Газимзянов, 2015, с. 117; Макарова, Ситдииков, Бочаров, 2016, с. 247), и представлены в таблице 1. Были опубликованы результаты изучения краниологической выборки, в том числе данной части могильника: и мужские, и женские черепа были отнесены к брахикранным европеоидным формам с незначительной монголоидной примесью в женской группе черепов (Газимзянов, 2015). Также опубликованы данные по морфологии посткраниального скелета, согласно которым мужская

группа была высокорослой при мезоморфном строении скелета, имела сильно развитый мышечный рельеф плечевой и бедренной костей, что свидетельствует о физических нагрузках на соответствующие группы мышц, у женской серии отмечена массивность костей нижних конечностей (Макарова, Ситдииков, Бочаров, 2016, с. 254).

В силу небольшой разработанности направления палеопатологических исследований Болгарского городища, имеется всего несколько соответствующих исследований. Известна работа по остеоскопии патологий, травм и аномалий скелетов Усть-Иерусалимского могильника Болгарского городища (Боруцкая, 2003; Боруцкая, Васильев, 2004). Также проводилось медико-криминалистическое исследование повреждений на черепах из раскопов Болгарского городища, в ходе которого было изучено 9 черепов (раскопы 119, 121, 132, 154, 156, 174, 191 и случайные сборы) (Жолобов, Кириягин, Газимзянов, 2015). Указанные работы представляют данные для сравнительного исследования в дальнейшем, по мере накопления информации о патологиях могильников Болгарского городища, и настоящее исследование – еще один шаг в этом направлении. По-

Таблица 1

Суммарная половозрастная характеристика антропологического материала из раскопа СХСІ Болгарского городища

Женщины		Мужчины		Дети	
<35	>35	<35	>35	<12	возраст
10	6	2	6	11	количество
16		8		-	∑ по полу
35					общее количество
0,62	0,38	0,25	0,75	-	доля по полу
0,29	0,17	0,06	0,17	0,31	доля от общего количества

пытка палеопатологического исследования с привлечением медико-криминалистического подхода к анализу происхождения травм предпринимается на материале СХСІ раскопа второй раз, так как уже был исследован мужской череп из погребения 31 (Жолобов, Кирагин, Газимзянов, 2015).

При определении сохранности представленных скелетированных останков было отмечено, что 1 скелет не сопровождался черепом (неидентифицированное пог. Б), в 6 случаях отсутствовали челюсти (нижняя челюсть или обе челюсти) (пог. 25, 26, 31, неидентифицированное пог. Б, 2 индивида: сектор 2, кв. Е/3, пласт 5 и кв. Е/4, пласт 5), в одном случае присутствовал только череп без зубов (индивид: сектор 4, кв. Е/9, пласт 3), 4 посткраниальных скелета были представлены только длинными костями (пог. 10, 18, 27, 1 индивид: сектор 2, кв. Е/3, пласт 5). Проверка сохранности также показала потери костей в дистальных частях конечностей и плохую сохранность ребер.

Скелетированные останки были рассмотрены на предмет патологий, которые удалось сгруппировать в несколько типов. В *первую группу* патологических изменений следует выделить деструктивно-дегенеративные изменения. Наиболее часто встречались патологические изменения на позвонках (костные разрастания – остеофиты, снижение высоты тел позвонков, потертость и прерывистость лимбуса, также отмечались окостенения реберных хрящей) (рис. 1: А, Б, В).

Развитие остеохондроза в виде остеофитов на позвонках было отмечено у скелетов из следующих погребений: 1, 11, 13, 14, 15, 23, 24, 31, 32.

Были обнаружены хрящевые узлы (грыжи Шморля), у скелета из 1 погребения: 7-ой грудной, 2–4-ый поясничные позвонки, у скелета из 4 погребения: 9 и 11-ый грудные, 2–3-ые поясничные позвонки, из погребений 11 и 24 – на позвонках грудного и поясничного отделов (рис. 3: Г). Данный признак используется при оценке физической активности, так как он указывает на резкие элеваторные нагрузки на позвоночник, и для уточнения диагноза некоторых болезней позвоночника, например, как признак кифоза (Бужилова, 2005, с. 132; Бужилова, Березина, Селезнева, 2013, с. 15).

Многочисленные оксификации хрящей и связок были отмечены у мужчины из погребения 23 (рис. 1: Д, Е), проявления артрозов во всех отделах скелета, вероятнее всего связано с преклонным возрастом (*senilis*). Окостенение хрящей гортани (рис. 1: Д) в норме может происходить у человека после 40–45 лет (Перерва, 2009, с. 153).

Развитие артрозов суставов позвоночника и других мелких суставов было также отмечено у скелетов из погребений 1, 7, 15, 24.

У женского скелета из погребения 7 выявлено окостенение крестцово-подвздошных суставов (рис. 1: Ж), что может являться признаком анкилозирующего спондилоартрита, а также начальной стадией болезни Бехтерева. Анкилозирующий спондилоартрит – систематическое, прогрессирующее неинфекционное воспалительное заболевание. Чаще всего болезнь начинает проявлять себя в возрасте от 15 до 35 лет (Перерва, 2005, с. 51). Также обнаружена конкресценция 5 и 6-го шейных по-

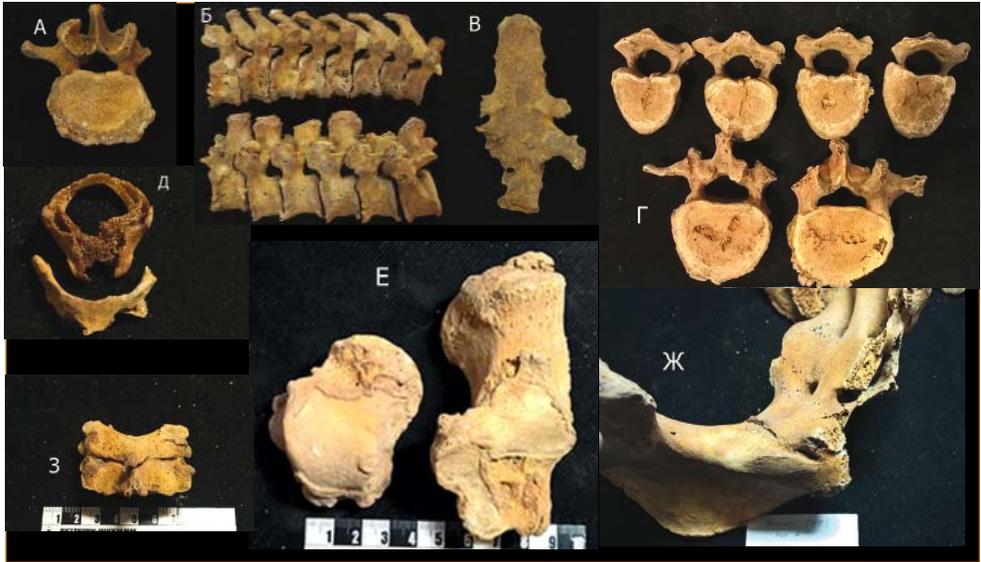

Рис. 1. Деструктивно-дегенеративные изменения на костях. А – Отдельный позвонок с остеофитами (пог. 23), Б – позвоночный столб (пог. 1), В – тело грудины с поперечными костными разрастаниями (пог. 23), Г – «грыжи Шморля» на телах грудных и поясничных позвонков (пог. 11); Д – окостенение щитовидного и перстневидного хрящей (пог. 23); Е – пяточная и таранная кости с разрастаниями (пог. 23); Ж – анкилоз крестцово-подвздошного сустава (пог. 7); 3 – конкреция 5 и 6 шейных позвонков.

Fig. 1. Degenerative changes on the bones. А – a separate vertebra with osteophytes (burial 23), Б – vertebral column (burial 1), В – corpus sterni with transversal bone hypertrophies (burial 23), Г – 'Schmorl's nodules' on corpora of thoracic or lumbar vertebrae (burial 11); Д – calcification of thyroid and anular cartilages (burial 23); Е – calcaneal and astragalus with hypertrophies (burial 23); Ж – ankyloses of sacroiliac joint (burial 7); 3 – concrescence of 5 and 6 cervical vertebrae.

Рис. 2. Перелом ключицы. А – левая здоровая ключица, Б – правая ключица с зажившим переломом (пог. 4), В – схема осевого нагружения ключицы: топография напряжений и механизм образования перелома.

Fig. 2. Fracture of the clavicle. А – the left healthy clavicle, Б – the right clavicle with healed fracture (burial 4), В – axial tension of the clavicle: topography of tensions and mechanism of fracture.

звонков (рис. 1: 3). Возникает данная аномалия за счет аплазии или гипоплазии межпозвоночного диска, нарушения развития межпозвоночных суставов и связок, при сохранении нормальной формы и величины позвонков и проявляется отсутствием движения в соответствующем позвоночно-двигательном сегменте позвоночника (Слепченко, Татаурова, 2012, с. 99).

Ко второй группе патологических изменений были отнесены зажившие переломы, примером которых выступает правая ключица скелета из погребения 4. В средней трети (область S-образного изгиба) отмечается зажившая линия перелома, расположенная в косопродольном направлении, со сглаженными краями и наличием в центре отверстия, диаметром около 3 мм. При сравнении правой ключицы с левой из того же погребения отмечается ее деформация с изменением естественных изгибов, укорочением, утолщением в месте зажившего перелома (рис. 2: А, Б).

Согласно литературным данным (Крюков, 2011, с. 522) переломы короткого S-образно изогнутого тела ключицы возникают чаще при падениях на руку или ударах в плечевой сустав. Образование переломов ключицы при опосредованном воздействии связано с ее формой – наличием двух изгибов и значительно выраженным резильянсом. Падение на руку или удар в область плечевого сустава вызывает в теле ключицы осевую нагрузку. Наибольшему изгибу подвергается участок на границе наружной и средней третей. Костная ткань на наружной и верхней поверхностях испытывает продольное растяжение. На

противоположной – кость сжимается (рис. 2: В). Образуются косоперечные или оскольчатые переломы с соответствующей локализацией зон разрыва и долома. В случаях падения на руку, кроме осевого нагружения, тело ключицы испытывает некоторую ротацию, что отражается в морфологии и траектории перелома: появляются некоторые элементы винтообразного разрушения.

Отмечается деформация дистальных отделов II и III пястных костей левой кисти (пог. 31) со сращением головок медиальными (внутренними) сторонами и их отклонением кпереди (рис. 3: А). Была произведена рентгенография указанных объектов с использованием рентгеновского аппарата «Мобирен-МТ» при следующих режимах: напряжение тока 40 киловольт, сила тока 35 мАс (рис. 3: Б). Согласно литературным данным (Байбулатов, Саркисян, 2009, с. 52) при ударе твердым тупым предметом в область пястно-фаланговых суставов сжатой в кулак кисти, максимальные по объему разрушения формируются на 3-й пястной кости за счет выстояния ее головки. Переломы пястных костей возникают вследствие деформации продольного изгиба; они, как правило, изолированные, метаэпифизарные и чаще всего располагаются в дистальном метаэпифизе. Характер и морфологические свойства переломов зависят как от степени совпадения вектора нагрузки и анатомической оси, так и степени фиксации кисти. При совпадении вектора нагрузки с анатомической осью кости (когда кисть сжата в кулак и фиксирована в области пястно-фалангового сустава с предплечьем,

Рис. 3. Перелом II и III пястных костей (пог. 31). А – фотография, Б – рентгенограмма, В – схема механизма образования перелома пястной кости.

Fig. 3. Fracture of II and III metacarpal bones (burial no. 31). А – photo, Б – X-ray picture, В – mechanism of fracture of metacarpal bone.

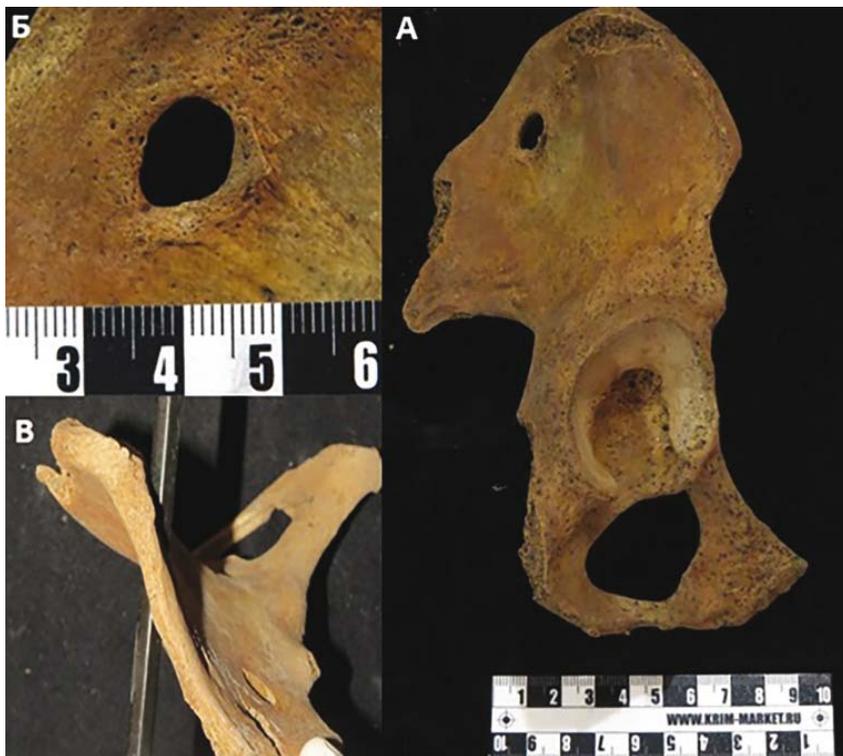

Рис. 4. Тазовая кость, поврежденная стрелой (пог. 9). А – правая тазовая кость целиком; Б – участок крыла подвздошной кости с отверстием овальной формы 13×9 мм; В – крыло подвздошной кости с зондом в месте дефекта.

Fig. 4. Pelvic bone damaged by arrow (burial no. 9). А – the right pelvic bone, as a whole; Б – fragment of a wing of iliac bone with an oval hole, 13×9 mm; В – a wing of iliac bone with a probe in the defected spot.

образуя одну ось) формируются вколоченные переломы дистального метаэпифиза.

К *третьей группе* патологических изменений отнесены прижизненные повреждения, по которым можно судить об отдельных конструктивных особенностях травмирующего предмета и направлении воздействия. В крыле подвздошной кости (правой тазовой кости из пог. 9) в 8 см от края вертлужной впадины и в 7 см от передней верхней подвздошной ости имеется дефект овальной формы, размерами 13×9 мм, длинником ориентированный параллельно краю подвздошного гребня (рис. 4). Края дефекта сглажены с выраженными признаками остеопороза (уменьшение плотности наружной костной пластинки, ее хрупкость, наличие мелких отверстий и пр.). Передний край истончен. Задний с внутренней поверхности пологий (с меньшей толщиной у края дефекта и наибольшей со стороны крестцово-подвздошного сочленения).

Таким образом, выявленное повреждение является прижизненным (образовалось не менее чем за несколько месяцев до наступления смерти) от действия предмета с ограниченной контактирующей поверхностью, размерами не более 13×9 мм. При этом преимущественное направление воздействия было снаружи внутрь, справа налево и несколько сверху вниз. Вероятнее всего, данное повреждение было нанесено стрелой.

К *четвертой группе* были отнесены изменения, посттравматическое течение которых было сопряжено с инфекционными осложнениями (посттравматическим остеомиелитом). Воспалительный процесс, начи-

нающийся в костной мозговой ткани и распространяющийся на компактное и губчатое вещество кости и надкостницу, характеризующийся костными разрушениями (остеолизом), поражающими кортикальный, подкорковый слои и костномозговой канал, часто с образованием клоак и секвестров, относится к остеомиелитам (Бужилова, 1998, с. 136).

Фрагмент поясничного отдела позвоночника (пог. 5) представлен четырьмя частично сросшимися между собой позвонками, контуры тел которых отчетливо не просматриваются, на телах и отростках имеются множественные костные разрастания, отмечается снижение высоты тел позвонков и их «углообразная» деформация с наличием полостей (рис. 5: А, Б). Костная структура позвонков на прямой и боковой рентгенограммах нарушена, сильно разряжена (рис. 5: В, Г). Таким образом, на представленном поясничном отделе позвоночника имеются признаки компрессионного перелома, который образуется в результате сочетания сгибания туловища впереди с осевой нагрузкой (например, падение на ягодицы с лошади) и впоследствии был осложнен посттравматическим остеомиелитом.

У того же индивида на телах 7 и 9 позвонков грудного отдела отмечены углубления округлой формы 7–8 мм в диаметре, что может быть следствием миграции инфекционно-воспалительного процесса, связанного с развитием остеомиелита в нижележащем отделе позвоночника (рис. 5: Д).

Правая бедренная кость (пог. 24), длиной 46 см, имеет в верхней трети зону разрастания костной ткани (рис. 6: А, В). На уровне большого и малого вертелов имеются соединяющие-

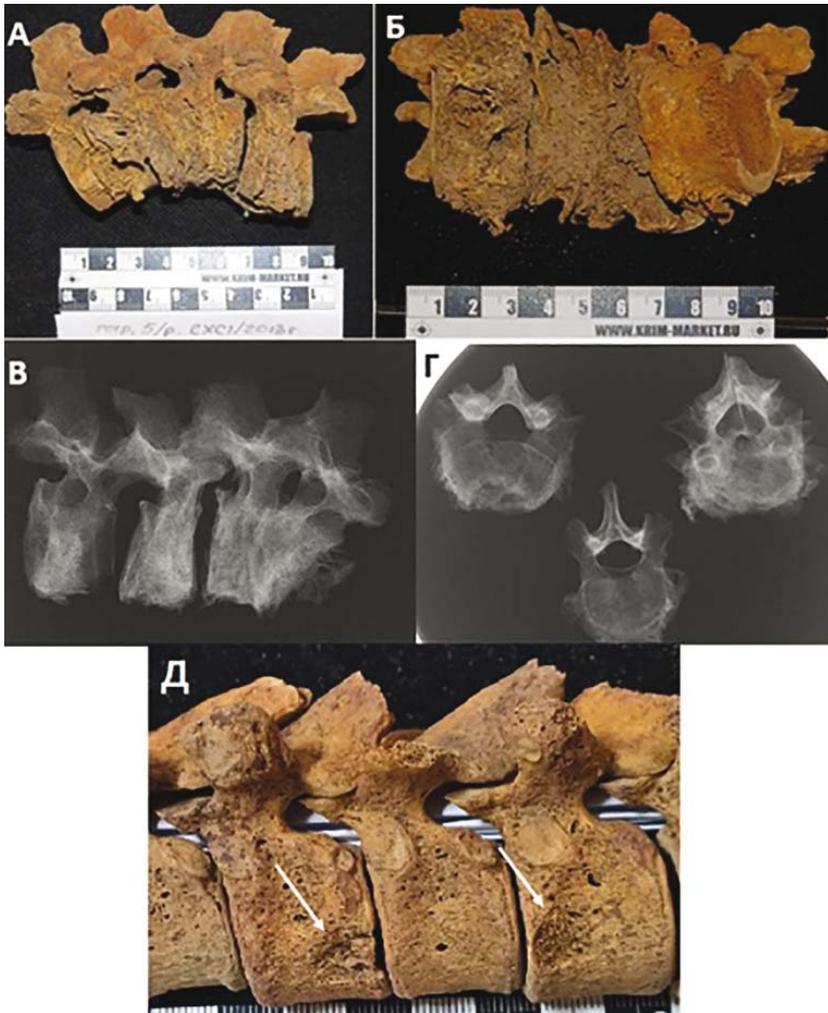

Рис. 5. Компрессионный перелом в поясничном отделе позвоночника с посттравматическим остеомиелитом (пог. 5). А – фото латеральной стороны участка; Б – фото вентральной стороны участка; В, Г – рентгенограммы позвонков; Д – «ямки» на позвонках грудного отдела (обозначены белыми стрелками).

Fig. 5. Compression fracture of the lumbar spine with post-traumatic osteomyelitis (burial no. 5).
А – photo of the lateral part; Б – photo of the ventral part; В, Г – X-ray of vertebrae;
Д – 'pits' on pectoral vertebrae (marked by white arrows).

ся между собой полости, размерами 35×34×15 мм и 38×30×12 мм, которые визуализируются на рентгенограмме (рис. 6: Г). Имеются признаки заросшего перелома в верхней трети кости, со смещением проксимального конца кпереди на 23 мм. Переломы диафизов длинных трубчатых костей

образуются в результате изгиба (продольного или поперечного). В данном случае установить образовался ли данный перелом от непосредственного воздействия в область верхней трети бедра или конструкционно (то есть травмирующая сила действовала на удалении от места перелома) не

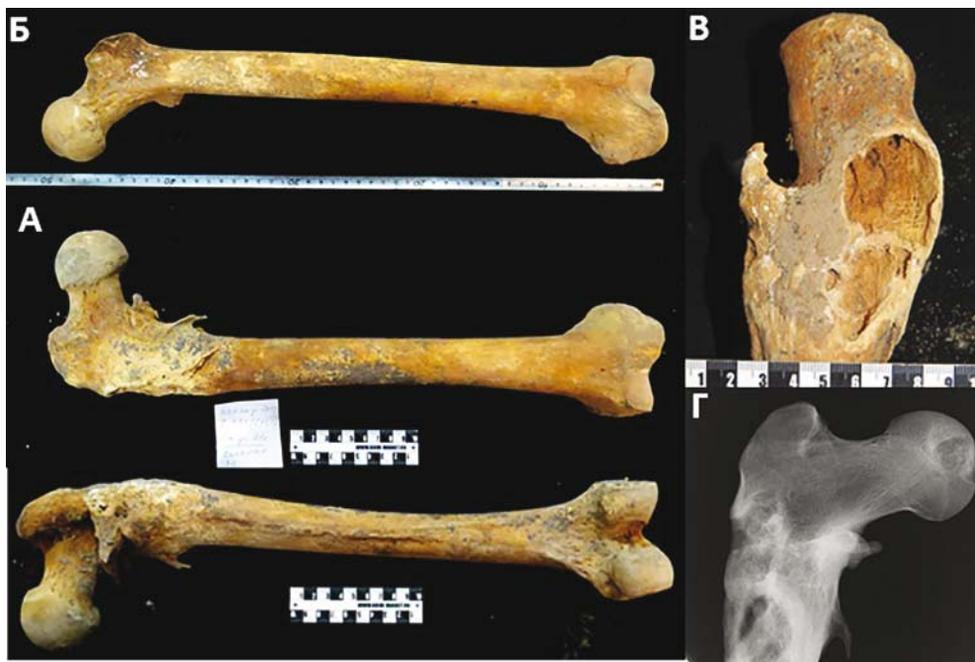

Рис. 6. Осложненный перелом бедренной кости (пог. 24). А – фото правой бедренной кости с переломом, вид с вентральной и дорсальной сторон; Б – здоровая левая бедренная кость из того же погребения; В – фото проксимального отдела правой бедренной кости на уровне перелома с латеральной стороны; Г – рентгенограмма.

Fig. 6. Complicated fracture of femur (burial no. 24). А – photo of the right fractured femur, ventral and dorsal view; Б – the healthy left femur from the same burial; В – photo of the proximal section of the right femur, lateral view of the fracture; Г – X-ray picture.

представляется возможным из-за разрастания костной ткани в окружности зоны перелома.

К пятой группе патологических изменений отнесен костный нарост на теле и крыле правой подвздошной кости (правая тазовая кость из погребения 14), неопределенной формы, размерами 64×41 мм с наличием в центре полости размерами 28×12×16 мм. При исследовании указанного объекта лучевыми методами диагностики обнаружено инородное тело металлической плотности, имеющее треугольную форму (с размерами 5,4×4,8×4,8 мм в представленной проекции на рис. 7), что возможно, является осколком орудия/оружия.

К шестой группе отнесены изменения на черепах (погребения 5 и 14). На представленных объектах отмечается необычная форма больших затылочных отверстий (рис. 8: А, В), что может быть обусловлено аномалиями развития краниовертебрального перехода, травматическими воздействиями, прижизненными медицинскими вмешательствами. Необычные выемки расположены похожим образом, стоит отметить истончение края большого затылочного отверстия у черепа из пог. 5, что могло привести к образованию посмертных сколов. В материалах погребения 14 первый шейный позвонок отсутствует, в материалах погребения 5 представлен, но имеет

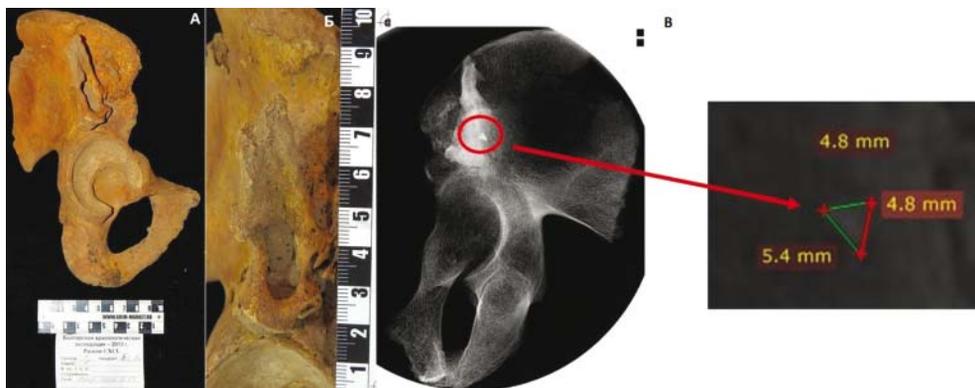

Рис. 7. Нарост на правой тазовой кости (пог. 14). А – правая тазовая кость целиком; Б – костный вырост на теле и крыле подвздошной кости; В – рентгенограмма правой тазовой кости (окружностью отмечен инородный предмет).

Fig. 7. Outgrowth on the right pelvic bone (burial no. 14). А – the right pelvic bone, as a whole; Б – outgrowth on the corpus and wing of the iliac bone; В – X-ray of the right pelvic bone (a foreign item is circled).

аномалию – неполное сращение задней дуги. Так или иначе, данный случай является предметом дискуссий.

К седьмой группе патологических изменений были отнесены неспецифические воспаления – периоститы. Периостит характеризуется поражением надкостницы с образованием периостальных наслоений. Периоститы бедренных и/или больших берцовых костей были встречены в погребениях 4, 6, 7, 9, 11, 13, 15, 20, 22, 23, 24, 29, 30, 33, плечевых костей (погребение 13), ребер (погребения 31, 32). Периоститы рассматриваются как маркеры пищевого стресса (Бужилова, 2005, с. 168), как следствие травмы и инфицирования окружающих мягких тканей (Бужилова, 2009, с. 64), как результат раздражения периоста циркулирующими в крови токсическими продуктами распада при ряде заболеваний, например, туберкулез или сифилис (Рохлин, 1965, с. 100). Помимо указанных выше, ряд поражений надкостницы был отмечен на детских скелетах из погребений 12, 25 и по-

гребения в секторе 2 кв. К/3 пласте 5 (рис. 9). Для детских костяков не исключены в качестве причин патологических изменений надкостницы такие заболевания, как анемия или цинга. В случае скелета из последнего погребения поверхность всех имеющихся костей на ощупь шероховатая, имеет губчатую структуру, что говорит о поражении системного характера (рис. 9: В, Г), однако установление причины затруднено вследствие плохой сохранности скелета.

Патологии зубочелюстной системы. Вторая часть исследования включила изучение зубочелюстных патологий, как представляющих особый интерес. В зубах и челюстях, помимо характерных лишь для них возрастных особенностей, с большой частотой наблюдаются аномалии и некоторые патологические изменения, которые обнаруживаются только в этих органах (Рохлин, 1965, с. 125). На представленном материале СХСІ раскопа были рассмотрены следующие патологии: кариес, одон-

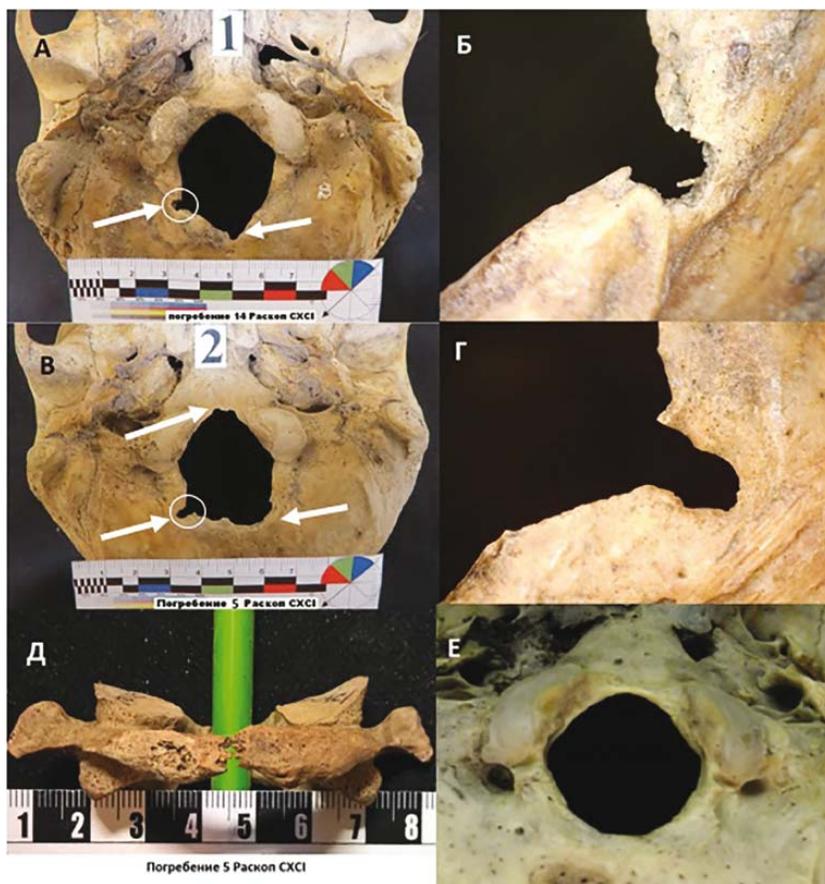

Рис. 8. Шестая группа патологических изменений. А – череп из погребения 14 (белыми стрелками обозначены необычные выемки по краю большого затылочного отверстия); Б – микрофотография области, обозначенной белым кольцом на рисунке А (x 300); В – череп из погребения 5; Г – микрофотография области, обозначенной белым кольцом на рисунке В (x 300); Д – первый шейный позвонок из погребения 5; Е – череп с нормальным большим затылочным отверстием

Fig. 8. The sixth group of pathological changes. А – a skull from burial 14 (the white arrows point to some unusual grooves along the great foramen); Б – micro-photo of the area marked by a white circle on figure А (x 300); В – a skull from burial 5; Г – micro-photo of the area marked by a white circle on figure В (x 300); Д – the first cervical vertebra from burial 5; Е – a skull with a normal great foramen

тогенный остеомиелит, зубной камень, гипоплазия эмали, парадонтопатии и прижизненная утрата зубов. Данные патологии были выбраны как характеризующие режим питания, образ жизни и состояние здоровья индивидов.

Среди различных заболеваний зубов и челюстей современного человека первое место занимает *кариес зубов*

(Рохлин, 1965, с. 125). В настоящее время известно множество причин возникновения кариеса, в связи с чем заболевание относят к полиэтиологическим. Среди основных факторов возникновения и развития кариеса выделяют: генетические и возрастные факторы, общее состояние организма, патогенную микрофлору полости рта (факторы вирулентности кариес-

Рис. 9. Периоститы. А – длинные кости из пог. 25; Б – длинные кости из пог. 12; В – участок бедренной кости; Г – участок ребра из погребения сектора 2 кв. К/3 пласта 5.

Fig. 9. Periostitis. A – long bones from burial 25; Б – long bones from burial 12; В – a fragment of femur; Г – a fragment of a rib from the burial in sector 2 sq. K/3 from layer 5.

согенных микроорганизмов, величина зубной бляшки); неполноценную диету (с дефицитом белков, макро- и микроэлементов, избытком углеводов), недостаточное содержание фтора в воде; режим питания (частота приемов пищи, вязкость, абразивные свойства потребляемых продуктов), количество и качество слюны (количество слюноотделения, состав слюны, буферные свойства, вязкость и кислотность слюны, уровень содержания бикарбонатов, ионизированного кальция и фосфатов); стрессовые факторы (Saraf, 2006, p. 161; Перерва, 2009, 144).

Установлено, что бактерии, обитающие в зубном налете, расщепляют углеводы, в результате чего образуется молочная кислота, повреждающая поверхность зуба. Пища, богатая протеинами (белками) и жирами, на-

оборот, ассоциируется с очень низкой частотой кариеса. Таким образом, потребление легко усваиваемых углеводов – сахара и крахмала, рассматривается как одна из основных причин появления кариеса, поэтому в палеодиетологическом исследовании кариозные поражения являются оценкой углеводного компонента рациона (Тур, Краскова, 2008, с. 217).

Наличие кариозных зубов при снижении иммунитета может стать причиной воспалительных процессов и многих хронических заболеваний внутренних органов.

Наличие кариеса отмечалось, если имелось разрушение поверхности зуба (стадия пятна не учитывалась), согласно принятым в публикациях последнего времени способам и рекомендациям по подаче данных, для характеристики распространения за-

Таблица 2

Патологии зубочелюстной системы одонтологической выборки раскопа СХСИ Болгарского городища

Патология	Возраст	Женщины, % (n/N)*	Мужчины, % (n/N)	Взрослые, % (n/N)	Дети (до 12 лет), % (n/N)	∑ % (n/N)
Кариес (не включая стадию пятна)	<35	55,5 (5/9)	0	55,5 (5/9)	14,0 (1/7)	37,0 (6/16)
	>35	50,0 (3/6)	66,6 (2/3)	55,5 (5/9)	-	55,5 (5/9)
	∑ % (n/N)	53,3 (8/15)	66,6 (2/3)	55,5 (10/18)	14,0 (1/7)	44,0 (11/25)
Одонтогенный остеомиелит	<35	33,0 (3/9)	33,0 (2/6)	33,3 (5/15)	0	33,0 (3/15)
	>35	50,0 (1/2)	25,0 (1/4)	33,3 (2/6)	-	33,0 (2/6)
	∑ % (n/N)	36,0 (4/11)	30,0 (3/10)	33,3 (7/21)	0	66,0 (5/21)
Пародонтопатии	<35	67,0 (6/9)	100 (6/6)	80,0 (12/15)	0	80,0 (12/15)
	>35	50,0 (1/2)	100 (4/4)	83,3 (5/6)	-	83,3 (5/6)
	∑ % (n/N)	80,0 (12/15)	83,0 (5/6)	81,0 (17/21)	0	81,0 (17/21)
Прижизненная утрата зубов	<35	55,6 (5/9)	50,0 (1/2)	54,5 (6/11)	-	54,5 (6/11)
	>35	66,6 (4/6)	75,0 (3/4)	70,0 (7/10)	-	70,0 (7/10)
	∑ % (n/N)	60,0 (9/15)	66,6 (4/6)	62,0 (13/21)	-	62,0 (13/21)
Зубной камень (включая следы)		87,0 (13/15)	83,0 (5/6)	85,7 (18/21)	25,0 (2/8)	69,0 (20/29)
Гипоплазия		64,0 (9/14)	75,0 (3/4)	66,6 (12/18)	50,0 (4/8)	62,0 (16/26)

* n – количество индивидов с кариесом, N – объем выборки категории

болевания (Святко, 2014; Тур, Краскова, 2008, с. 217; Waldron, 2008, р. 265, Nilson, 2005, р. 295–329).

Кариес отмечается у более чем половины индивидов по взрослой выборке (55%) (таблица 2), что является достаточно высоким показателем (Перерва, 2009, с. 145). Пример поверхностного кариеса приведен на снимке (рис. 10: А). К сожалению, здесь и далее в силу малочисленности выборки оценить достоверность отличий между женской и мужской ее частью не представляется возможным. Делаются только рабочие предположения, которые можно будет проверить, описав весь материал из раскопок г. Болгара. Если рассматривать кариес по группам зубов, то в основном поражаются премоляры и моляры. Встречен

случай кариеса в детской группе (поверхностный кариес, пог. 28).

Остеомиелит представляет собой инфекционный гнойно-некротический процесс, развивающийся в кости и окружающих ее тканях. В результате острого протекания воспаления тканей челюсти, окружающих верхушку зуба (перио-, пародонтиты), образуется альвеолярный абсцесс, при котором формируется ограниченный очаг гнойного распада, приводящий к деструкции костной ткани (Ражев, Рыкун, Святова, 2011, с. 107). Через 10–14 суток после начала заболевания при рентгенологическом исследовании обнаруживаются признаки остеопороза, затем очаги деструкции костной ткани. На 3–4-й неделе на рентгенограмме видны признаки сек-

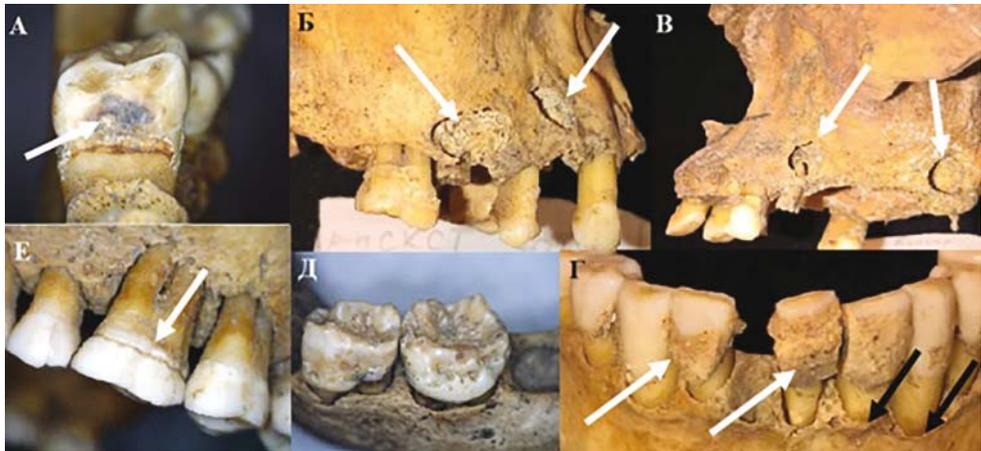

Рис. 10. Зубочелюстные патологии краниологического материала СХСІ раскопа Болгарского городища.

А – поверхностный кариес в контактной зоне первого моляра правой стороны нижней челюсти (пог. 32), микрофотография Х300; Б, В – одонтогенный остеомиелит (пог. 7 и 15), белыми стрелками обозначены каверны, локализирующие область развития абсцесса; Г – лабиальная сторона зубного ряда нижней челюсти (пог. 1), пораженная зубным камнем (обозначен белыми стрелками) и редукция высоты альвеолярного отростка (пародонтопатическое проявление, указано черными стрелками); Д, Е – гипоплазия эмали (Д – нарушение формирования коронки 1 и 2 молочных моляров нижней челюсти, пог. 10; Е – линейная гипоплазия 1 моляра верхней челюсти пог. 29).

Fig. 10. Dento-facial pathologies on craniological material of dig СХСІ on Bolgar fortified settlement. А – superficial caries in contact zone of the first molar on the right side of the mandible (burial 32), micro-photo X300; Б, В – odontogenic osteomyelitis (burial 7 and 15), white arrows mark caverns localizing abscess development areas; Г – labial part of the dental row in the mandible (burial 1) infected by calculus (marked by white arrows) and reduced height of alveolar bone (parodontopathic process, marked by black arrows); Д, Е – hypoplasia of enamel (Д – dyspoiesis of 1 and 2 milk molars of the mandible, burial 10; Е – linear hypoplasia of the 1 molar of the maxillary bone, burial 29).

вестирования (очаги с повышенной интенсивностью тени), при локализации процесса на верхней челюсти – намного раньше (2 недели) (Леус, Горегляд, Чудакова, 2002, с. 164).

Возникновение воспалительных процессов вокруг верхушки корня обычно провоцируют такие патологии, как кариес, травма, сильная стертость зубной поверхности, болезни пародонта, регулярная перегрузка зуба (Перерва, 2009, с. 147; Ражев, Рыкун, Святова, 2011, с. 107). Острый одонтогенный остеомиелит обычно возникает у людей в возрасте 20–45

лет (Афанасьев, 2011, с. 263). Иногда гематогенное распространение инфекции по организму дает серьезные осложнения в виде менингита (воспаление оболочек спинного и головного мозга), гематогенных остеомиелитов, спондилита (Бужилова, Козловская, Лебединская, Медникова, 1998, с. 97).

На краниологическом материале последствия абсцесса фиксировались в виде каверн (полостей), располагающихся в области корней одного или нескольких смежных зубов, и оценивалось по балльной системе (Бужило-

ва, Козловская, Лебединская, Медникова, 1998, с. 98). Ввиду отсутствия дополнительного рентгенологического исследования, полости, не имеющие выхода наружу, не учитывались, а потому реальные результаты могут быть выше. Рис. 10 Б демонстрирует резкое проявление (3 балла) в области первого моляра, В – проявления, соответствующие 2 баллам (диаметром 3 мм и более). В нашем случае, вероятно, мы имеем недостаточный объем выборки для обнаружения различия по полу. Всего по группе одонтогенный остомиелит встречается в 33,3% (табл. 2), что является довольно высоким показателем, преимущественная локализация поражений (2 балла) – в области моляров верхней челюсти.

Зубной камень возникает в результате минерализации зубного налета под воздействием некоторых составляющих слюны, накапливается, в первую очередь, на участках выхода устьев больших слюнных желез, т.е. на язычных поверхностях нижних резцов и щечных поверхностях первых моляров верхней челюсти (Леманн, Хельвиц, 1999, с. 92). Зубной камень может приводить к кровоточивости десен, неприятному запаху изо рта, пародонтиту – воспалению пародонта (комплекса тканей, окружающих и удерживающих зуб в альвеоле). На его появление влияет как диета (при употреблении белковой пищи усиливается отложение зубного камня вследствие увеличения во всех тканевых жидкостях концентрации мочевины), так и абразивные свойства пищи (Тур, Краскова, 2008, с. 220). Сравнение встречаемости кариеса и зубного камня в популяции позволяет оценить соотношение белковой и углеводной пищи в рационе. Зубной камень оце-

нивался по предложенной А.П. Бужиловой (1998) схеме, подсчитывалась доля индивидов с отложениями зубного камня в составе исследуемой выборки, определялась выраженность отложений в балльной оценке (от 1 до 3 баллов). Всего по взрослой группе: 86% (18/21), что отражает высокую частоту зубного камня. У женщин зубной камень фиксировался немного чаще, чем у мужчин, также обнаружено 2 случая в детской выборке (табл. 2). На зубах у индивида из погребения 4 оценка отложений достигла 3 баллов. Пример поражения зубным камнем, соответствующий 2 баллам, продемонстрирован на рис. 10 Г.

Гипоплазия зубной эмали – неравномерное развитие толщины эмалевого покрова, которое происходит из-за недостаточности обызвествления в процессе формирования зуба. Так как резорбтивных процессов в зубной ткани нет – дефект остается на всю жизнь. Гипоплазия является индикатором целого спектра негативных факторов: от пищевого стресса до специфических заболеваний – и регистрирует стрессы в интервале от 3–4 месяцев до 12–13 лет – времени формирования и появления постоянных зубов, не считая последнего коренного (Бужилова, Козловская, Лебединская, Медникова, 1998, с. 94–95, 100).

Данный дефект развития зуба отражает нарушения метаболических процессов под влиянием сбоя в минеральном и белковом обмене организма. Среди причин сбоев – болезни (напр. рахит, туберкулез, врожденный сифилис, острые инфекционные заболевания, болезни желудочно-кишечного тракта, токсическая диспепсия, паразитарные инвазии), недоедание,

переход от грудного вскармливания к обычной пище, таким образом, гипоплазия эмали является маркером физиологического стресса (Бужилова, Козловская, Лебединская, Медникова, 1998, с. 94; Перерва, 2009, с. 148). При фиксации проявлений гипоплазии эмали на постоянных зубах указывался пораженный зуб и примерное время возникновения по шкале кальцификации Н.В. Алтухова. Подсчитывалась доля индивидов с гипоплазией зубов в составе исследуемой выборки. Всего по взрослой выборке гипоплазия составила 66,6% (12/18), что является достаточно высоким уровнем (табл. 2). Средний возраст образования дефекта у женщин на зубах верхней челюсти – 5 лет, нижний – 5–6–7 лет; у мужчин на зубах верхней челюсти – 2, 4, 5, 6 лет, нижней – 4, 6. На рис. 10 Е показано характерное проявление – линейная гипоплазия, на рис. 10 Д случай нарушения формирования коронки молочных зубов, возможно, являющийся случаем несовершенного амелогенеза.

При несовершенном амелогенезе клиническим проявлением является изменение цвета эмали от светло-желтого до темно-коричневого, а также ее размягчение и откалывание. Недоразвитие эмали часто сочетается с недоразвитием дентина – дентин обнажается, твердость его снижена. Характерно отсутствие болезненности. Зубы могут быстро стираться или отламываться (Леус, Горегляд, Чудакова, 2002, с. 69). Этиология несовершенного амелогенеза до конца не выяснена, предполагаются наследственные факторы в нарушении формирования эмали в случае обеих смен зубов (Izgli, Kale, Nigiz, 2015, p. 1). Другое предположение о формирова-

нии подобного типа коронок – влияние сифилиса на амелогенез, такие моляры в зарубежной литературе получили название «mulberry molars» (Hillson, Grigson, Bond, 1998, p. 27; Lauc et al., 2015, p. 1554).

Понятие *пародонтопатии* было впервые дано Д.А. Энтиным и С. Палацци. Известны классификации заболеваний пародонта А.Е. Евдокимова, И.Г. Лукомского, Я.С. Пеккера, И.О. Новика, И.М. Старобинского, А.И. Бегельмана, основывающиеся на понимании единого патологического процесса, лежащего в основе поражения пародонта – дистрофия пародонта, ведущая к резорбции альвеолы, образованию парадонтальных карманов и, в конечном итоге, элиминации зубов. В более поздних классификациях учитывались и другие, различные по своему характеру процессы, сопровождающиеся воспалительными, дистрофическими и опухолевыми изменениями в парадонте. Они включают все заболевания, встречающиеся как в отдельных его тканях, так и во всем функционально-тканевом комплексе, независимо от вызвавших их причин. Эти классификации разработаны на основе принципа единства всех тканей парадонта (ВОЗ, Е.Е. Платонова, Д. Свракова, Н.Ф. Данилевского, Г.Н. Вишняк, И.Ф. Виноградовой, В.И. Лукьяненко, Б.Д. Кабакова, Н.М. Абрамова). В течение 1951–1958 гг. Международная организация по изучению заболеваний пародонта (ARPA) разработала и приняла следующую классификацию парадонтопатий: 1) воспалительные парадонтопатии: а) поверхностные воспалительные парадонтопатии (гингивит); б) глубокие воспалительные парадонтопатии (пародентит);

2) дистрофические пародонтопатии (пародонтоз); 3) смешанные пародонтопатии (дистрофический пародентит, пародентит воспалительный); 4) идиопатические (без выясненной причины); 5) новообразования – пародонтомы (Иванов, 1989, с. 34).

Среди заболеваний, протекающих с поражением пародонта, лидирующее положение занимают мочекаменная и гипертонические болезни, подострый септический эндокардит, заболевания печени (цирроз, хронический гепатит), язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, гипо- и авитаминоз С, сахарный диабет, ревматизм и др. Отмечено также, что зубной камень и пародонтоз – сопутствующие друг другу патологии зубной системы (Перерва, 2009, с. 147). В качестве пародонтопатических проявлений рассматривались резорбция, пористость или деформация альвеолярного края челюстей, иногда сопровождаемые «обнаженными» корнями зубов (рис. 10: Г). Подсчитывалась доля индивидов с пародонтопатическими проявлениями в составе исследуемой выборки, и эта доля составила 81%, что представляет высокую частоту (табл. 2).

Прижизненная утрата зубов может происходить в результате пародонтопатий, травм и абсцессов. На краниологическом материале традиционно определялась как участок альвеолярного отростка с отсутствующим зубом и лункой, затянутой или затягивающейся костной тканью. В старшей возрастной категории прижизненная утрата зубов встречается чаще, что, вероятно, можно объяснить ухудшающимся состоянием зубов с возрастом. В целом у более чем половины индивидов (62%) наблюдается

прижизненная утрата зубов (табл. 2), потеря зубов в результате абсцесса представлена на рис. 10 (Б, В).

Завершая палеопатологическое исследование скелетированных останков из некрополя СХСІ раскопа Болгарского городища, можно подвести следующие итоги. Удалось выделить несколько групп патологических изменений: 1) деструктивно-дегенеративные изменения, связанные с возрастом и жизнедеятельностью, 2) зажившие переломы, 3) прижизненные повреждения, по которым можно судить об отдельных конструктивных особенностях травмирующего предмета и направлении воздействия, 4) изменения, посттравматическое течение которых было сопряжено с инфекционными осложнениями (посттравматическим остеомиелитом), 5) костные разрастания, содержащие инородные объекты, 6) необычная форма больших затылочных отверстий на черепах (в процессе изучения), 7) воспалительные поражения надкостницы (периоститы) длинных костей и ребер. С помощью медико-криминалистического подхода удалось реконструировать механизмы получения бытовых травм (переломов). Полученные результаты говорят о бытовой и военной активности рассмотренной группы индивидов.

В ходе исследования зубочелюстного аппарата выявлено следующее: 1) высокая частота поражения кариесом – 55%, одонтогенного остеомиелита – 33%, зубного камня (взрослые – 85,7%, дети – 25%), высокая частота пародонтопатий – 81% и прижизненной утраты зубов – 62%, высокая частота гипоплазий, в целом по выборке – 62%; 2) в силу малочисленности выборки подтвердить разницу в про-

явлении зубочелюстных патологий по полу не представляется возможным, для гипоплазии намечаются тенденции: средний возраст образования дефекта у женщин на зубах верхней челюсти – 5 лет, нижней – 5, 6, 7 лет; у мужчин на зубах верхней челюсти – 2, 4, 5, 6 лет, нижней – 4, 6 лет; 3) высокие частоты у взрослого населения зубного камня, пародонтопатии, кариеса, прижизненной утраты зубов, вероятно, свидетельствуют о диете, в которой доминировала вязкая грубая пища, бога-

тая углеводами, а учитывая данные по гипоплазии можно сделать вывод о высоком давлении стрессовых факторов.

Поскольку исследуемая выборка не является отдельно выделяемой группой населения средневекового Болгарского городища, имеет смысл суммировать полученные данные с данными по антропологическим материалам других раскопов для получения общей картины распространенности исследованных патологий в средневековом городе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов С.С., Гедыгушев И.А., Звягин В.Н., Назаров Г.Н., Томилин В.В.* Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под общей ред. В.В. Томилина. М.: Издательская группа НОРМА. ИНФРА, 2000. 472 с.
2. *Байбулатов Т.Д., Саркисян Б.А.* Судебно-медицинская оценка переломов коротких трубчатых костей кисти (пособие для врачей интернов, ординаторов, аспирантов и судебно-медицинских экспертов). Барнаул: Параграф, 2009. 52 с.
3. *Боруцкая С.Б.* Анализ физического развития населения, оставившего Усть-Иерусалимский могильник (г. Болгар, Татарстан) // Экология древних и современных сообществ. Вып. 2 / Отв. ред. Н.П. Матвеева, А.Н. Багашев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003, С. 212–214.
4. *Боруцкая С.Б., Васильев С.В.* Некоторые аспекты остеологии погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских Чтений 27–30 мая 2004 г. / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань-Болгар: Институт истории АН РТ, 2004. С. 31–32.
5. *Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
6. *Бужилова А.П., Березина Н.Я., Селезнева В.И.* Новые находки из коллекции Рохлина: рентгенологический анализ образцов из палеопатологического фонда МАЭ РАН // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / Отв. ред: Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. 504 с.
7. *Бужилова А.П., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б.* Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998, 260 с.
8. *Волкова Е.В.* Патологии зубочелюстной системы у городского и сельского населения Среднего Поволжья XVI–XVIII вв. (на примере некрополя г. Чебоксары и сельских чувашских могильников) // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань, Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 205–211.
9. *Газимзянов И.Р.* Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 112–124.

10. Диагностикум механизмов и морфологии переломов при тупой травме скелета. Изд. 2-е, перераб. Новосибирск: Наука, 2011. 522 с.

11. Жолобов А.И., Кирягин К.В., Газимзянов И.Р. Медико-криминалистические исследования поврежденных на черепах из раскопок Болгарского городища // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 137–149.

12. Иванов В. С. Заболевания пародонта. 2 изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1989. 272 с.

13. Леманн К., Хельвиг Э. Основы терапевтической и ортопедической стоматологии. Пер. с нем. Львов: ГалДент, 1999. 262 с.

14. Леус П.А., Горегляд А.А., Чудакова И.О. Заболевания зубов и полости рта. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 288 с.

15. Макарова Е.М., Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам раскопа СХСІ раскопа) // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 244–259.

16. Перерва Е. В. Маркеры стресса как индикаторы адаптации (по материалам золотоордынского могильника Маячный бугор) // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях / Отв. ред. А.В. Громов, В.И. Хартанович. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 293 с.

17. Перерва Е.В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 322 с.

18. Ражев Д.И., Рыкун М.П., Святова Е.О. Стоматологическое здоровье средневекового населения лесной зоны Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 103–115.

19. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей М.-Л.: Наука, 1965. 304 с.

20. Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита – раннего железа: новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 58(2). С. 143–156.

21. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Раскоп СХСІ // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова, 2014. С. 18–19.

22. Слепченко С.М., Татаурова Л.В. Палеопатологии у русских первооселенцев Тарского Прииртышья (по материалам могильника Ананьино I) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 92–101.

23. Тур С.С., Краскова Т.А. Население пазырыкской культуры Средней Катунь: зубные индикаторы палеодиеты // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 216–220.

24. Хирургическая стоматология: учебник / Под ред В.В. Афанасьева. М.: ГЭО-ТАР-Медиа, 2011. 880 с.

25. Hillson S., Grigson C., Bond S. Dental defects of congenital syphilis. American Journal of Physical Anthropology. V. 107. pp. 25–40.

26. Hilson S. Teeth. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, p. 295–329.

27. Izgi A.D., Kale E., Nigiz R. Amelogenesis Imperfecta: Rehabilitation and Brainstorming on the Treatment Outcome after the First Year. Case Reports in Dentistry. Volume 2015, pp. 1–7.

28. Lauc T. Dental stigmata and enamel thickness in a probable case of congenital syphilis from XVI century Croatia / Lauc T., Fornai C., Premuzic Z., et al. Archives of Oral Biology, V. 60 (2015). pp. 1554–1564.

29. Saraf S. Textbook of oral pathology. (1st edition) Published by Jitendar P. Vij Jaypee Brothers Medical Publishers (P) Ltd, New Delhi, India, 2006, p. 605.

30. Waldron T. Paleopathology. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, p. 265.

Информация об авторах:

Волкова Елизавета Валерьевна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); erminea.wolf@gmail.com

Кирягин Константин Валерьевич, врач, судебно-медицинский эксперт, «ГАУЗ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ» (г. Казань, Россия); kiryagin@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Харламова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); natasha_kharlamova@iea.ras.ru

THE PALEOPATHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE MEDIEVAL POPULATION OF BOLGAR (BASED ON CXCI DIG)

E.V. Volkova, K.V. Kiryagin, A.G. Sitdikov, N.V. Kharlamova

This article presents paleopathological characteristic of skeletal remains of one of the groups of the Bolgar fortified settlement related to the Golden Horde period. The anthropological material was obtained during archaeological excavations in the north-western part of the site in 2013 (excavation CXCI). The authors have analyzed remains of 35 individuals: 16 women, 8 men and 11 children. Our work consisted of two parts: 1) osteoscopy and radiography (with parallel attempts to reconstruct mechanisms behind development of a number of trauma-driven pathologies by forensic methods); 2) osteoscopy of the dentoalveolar system to determine the following pathologies: caries, osteomyelitis of the jaw, dental calculus, parodontopathy, antemortem tooth loss, enamel hypoplasia.

The authors have marked out several types of pathological changes that show living and military activity of the studied group. The data we thus obtained allow the researchers us to infer that their diet may have consisted, predominantly, of coarse, viscous food, rich in carbohydrates, and that they were exposed to very pressing stress factors.

Keywords: archaeology, Middle Volga, Bolgar fortified settlement, Golden Horde time, anthropology, paleopathology, osteoscopy.

REFERENCES

1. Abramov, S. S., Gedygushev, I. A., Zviagin, V. N., Nazarov, G. N., Tomilin, V. V. 2000. *Mediko-kriminalisticheskaya identifikatsiya. Nastol'naya kniga sudebno-meditsinskogo eksperta (Medical and Criminalist Identification: Reference Book of Forensic Expert)*. Moscow: Moscow: "NORMA – INFRA" Publ. (in Russian).
2. Baibulatov, T. D., Sarkisian, B. A. 2009. *Sudebno-meditsinskaya otsenka perelomov korotkikh trubchatykh kostei kisti (posobie dlia vrachei-internov, ordinatorov, aspirantov i sudebno-meditsinskikh ekspertov) (Forensic Study of Fractures of short tubular bones of hand (a manual for interns, trainees, postgraduate students and forensic experts))*. Barnaul: "Paragraf" Publ. (in Russian).
3. Borutskaya, S. B. 2003. In Matveeva, N. P., Bagashev A. N. (eds.). *Ekologiya drevnykh i sovremennykh soobshchestv (Ecology of Ancient and Modern Communities) 2*.

The article is written with support by the Russian Fund for Basic Research grant no. 14-06-00463 A "Features of everyday life of the population of the medieval Bolgar by anthropological and genetic data".

Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 212–214 (in Russian).

4. Borutskaia, S. B., Vasil'ev, S. V. 2004. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan; Bolgar: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 31–32 (in Russian).

5. Buzhilova, A. P. 2005. *Homo Sapiens: Istoriia bolezni (Homo Sapiens: a Medical History)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

6. Buzhilova, A. P., Berezina, N. Ya., Selezneva, V. I. 2013. In Chistov, Yu. K. (ed.). *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 g. (Radlow Collected Papers: Investigations and Museum Projects of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences in 2012)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (in Russian).

7. Buzhilova, A. P., Kozlovskaiia, M. V., Lebedinskaia, G. V., Mednikova, M. B. 1998. *Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovani (Historical Ecology of Humans: Methodology of Biological Research)*. Moscow: "Staryi Sad" Publ. (in Russian).

8. Volkova, E. V. 2015. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Mezhdunarodnaia polevaia shkola v Bolgare. Sbornik materialov itogovoi konferentsii (International Field School in Bolgar: Proceedings of the Final Conference)*. Kazan; Bolgar: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Kazan (Volga Region) Federal University, 205–211 (in Russian).

9. Gazimzianov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkhologiia (Volga River Region Archaeology)* (3), 112–124 (in Russian).

10. *Diagnostikum mekhanizmov i morfologii perelomov pri tupoi travme skeleta (Diagnostic of Mechanisms and Morphology of Fractures in Case of Blunt Trauma of Skeleton)*. 2011. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Zholobov, A. I., Kiryagin, K. V., Gazimzianov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkhologiia (Volga River Region Archaeology)* (4), 137–149 (in Russian).

12. Ivanov, V. S. 1989. *Zabolevaniia parodonta (Diseases of Parodontium)*. Moscow: "Meditsina" Publ. (in Russian).

13. Lehmann, K. M., Hellwig, E. 1999. *Osnovy terapevticheskoi i ortopedicheskoi stomatologii (Einführung in die restaurative Zahnheilkunde = Basics of Therapeutic and Orthopedic Stomatology)*. Lvov: "GalDent" Publ. (in Russian).

14. Leus, P. A., Goregliad, A. A., Chudakova, I. O. 2002. *Zabolevaniia zubov i polosti rta (Diseases of Teeth and Oral Cavity)*. Rostov-on-Don: "Feniks" Publ. (in Russian).

15. Makarova, E. M., Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2016. In *Povolzhskaya arkhologiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 244–259 (in Russian).

16. Pererva E. V. 2009. In Gromov, A. V., Khartanovich, V. I. (eds.). *Mikroevoliutsionnyye protsessy v chelovecheskikh populiatsiiakh (Micro-Evolutionary Processes in Human Populations)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (in Russian).

17. Pererva, E. V. 2005. *Naselenie sarmatskoi epokhi po antropologicheskim materialam iz mogil'nikov Nizhnego Povolzh'ia i Nizhnego Dona (Population of the Sarmatian Epoch by the Anthropological Materials from the Burial Grounds in the Lower Volga and Lower Don Areas)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).

18. Razhev, D. I., Rykun, M. P., Sviatova, E. O. 2011. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (1), 103–115 (in Russian).

19. Rokhlin, D. G. 1965. *Bolezni drevnikh liudei (kosti liudei razlichnykh epokh, normal'nye i patologicheskie izmeneniia) (Diseases of Ancient People: Bones of People of*

Different Epochs, Normal and Pathological Changes). Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Sviatko, S. V. 2014. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (*Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*) 58 (2), 143–156 (in Russian).

21. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2014. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviiazhska* (*Archaeological Studies in 2013: Bolgar and Sviiazhska*). Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 18–19 (in Russian).

22. Slepchenko, S. M., Tataurova, L. V. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*) 18 (3), 92–101 (in Russian).

23. Tur, S., Kraskova, T. A. 2008. In Tishkin, A. A. (ed.). *Drevnie i srednekovye kochevniki Tsentral'noi Azii* (*Antique and Medieval Nomads of Central Asia*). Barnaul: "Azbu-ka" Publ., 216–220 (in Russian).

24. Afanas'ev, V. V. (ed.). 2011. *Khirurgicheskaia stomatologiya: uchebnik* (*Dental Surgery: Manual*). Moscow: "GEOTAR-Media" Publ. (in Russian).

25. Hilson, S. 2005. *Teeth*. Cambridge: Cambridge University Press, 295–329.

26. Hillson, S., Grigson, C., Bond, S. 1998. Dental defects of congenital syphilis. *American Journal of Physical Anthropology* 107, 25–40.

27. Izgi, A. D., Kale, E., Nigiz, R. 2015. Amelogenesis Imperfecta: Rehabilitation and Brainstorming on the Treatment Outcome after the First Year. *Case Reports in Dentistry*. 1–7.

28. Lauc, T., Fornai, C., Premuzic, Z., et al. 2015. Dental stigmata and enamel thickness in a probable case of congenital syphilis from XVI century Croatia. *Archives of Oral Biology* 60, 1554–1564.

29. Saraf, S. 2006. *Textbook of oral pathology*. 1st edition. New Delhi: Jitendar P. Vij Jaypee Brothers Medical Publishers (P) Ltd.

30. Waldron, T. 2009. *Paleopathology*. Cambridge: Cambridge University Press.

About the Authors:

Volkova Elizaveta V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; erminea.wolf@gmail.com

Kiryagin Konstantin V., State Autonomous Health-Care Agency «Republican Bureau for Forensic Medical Examination, Ministry of Health, Republic of Tatarstan». Sibirsky Trakt St., 31a, 420029, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kiryagin@mail.ru

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Kharlamova Natalya V., Candidate of Historical Sciences. N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Lenin Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; natasha_kharlamova@iea.ras.ru

Статья поступила в номер 01.09.2016 г.

Археология нового времени

УДК 902.34:069.44

КОЖАНАЯ ОБУВЬ СВЯЖСКОГО ПОСАДА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОСТЫХ ПОРШНЕЙ

© 2016 г. Л.Ф. Богатова, М.Ю. Визгалова, А.С. Старков

В статье апробируется методика системной классификации позднесредневековой кожаной обуви на примере простых поршней из Свяжска. Описаны основные этапы реставрации и реконструкции археологических находок, сделавшие возможным снять выкройку с деталей. В результате удалось рассмотреть такие морфологические и технологические особенности, как крой и сборка, виды швов, способ декорирования и орнамент, способ крепления обуви на ноге. Интересными оказались следы разнообразных видов ремонта, которым подвергались поршни с целью увеличения срока использования. Обмер обуви позволил составить приблизительную антропометрическую характеристику населения свяжского посада. В результате реконструкции изделий авторами выделены три варианта простых поршней, бытовавшие в Свяжске в конце XVI – начале XVIII вв. На основании аналогий установлено, что третий вариант свяжских простых поршней является продукцией местных мастеров. Анализ кожевенного сырья показал, что для данной модели была использована кожа таннидного дубления, используемая в сапожных мастерских.

Ключевые слова: археология, Поволжье, позднее средневековье, Свяжск, посад, кожаная обувь, простые поршни, реставрация, реконструкция.

Простейшей обувью, встречающейся среди массы кожевенных изделий при раскопках Средневековых русских городов, являются поршни. В Свяжске при раскопках посада, представленного культурными слоями XVI–XVIII веков, собрана коллекция поршней и их фрагментов. Особенно интересным является тот факт, что морфология данных изделий различна и делится на варианты, имеющие отличия в деталях кроя. Еще одной отличительной чертой является уровень ремесленного мастерства. Одни изделия носят характер домашнего производства, другим свойственен более профессиональный характер (стандартный крой, декорирование).

В связи с этим возникает потребность в рамках данной статьи детально рассмотреть простые поршни из Свяжска как вид позднесредневековой обуви, представить их реконструкцию. Необходимо заметить, что работ, посвященных отдельным видам обуви не так много. Хотелось выделить статьи А.В. Курбатова и Д.О. Осипова, посвященные теме погребальной обуви (Курбатов, 2002, с. 155–172; Осипов, 2013, с. 140–151), воинской обуви (Курбатов, 2009, с. 416–431), кожаным сапогам (Осипов, 2000), предохранительной обуви (Курбатов, 2011, 241–250), лаптям (Курбатов, 2001, с. 42–44; Осипов, 2010, с. 303–308; Абдуллин, Визгалова и др., 2014,

Рис. 1. Способ крепления поршня к ноге (по Д.К. Зеленину).

Fig. 1. Fastening system (by D.K. Zelenin).

с. 277–293), валяной обуви (Курбатов, 2006, с. 31–33), а также парадной обуви, шитой золотом и серебром (Алёшина, 1990, с. 116–131).

Востребованность публикации вызвана также тем, что поршни как археологические находки малочисленны и обычно имеют неполную сохранность (Фатюнина, 2011, с. 220). Второй причиной является крайне ограниченная информация по теме обуви Позднего средневековья и периода Нового времени. Сравнительный анализ в пределах одного вида кожаных изделий позволит специалистам проследить изменение формы изделия. Для описания поршней использованы методические рекомендации для системного описания и классификации кожаной обуви, разработанные Д.О. Осиповым и Ю.А. Лихтер (Осипов, Лихтер, 2004), дополненные антропометрической характеристикой, апробированной на московской археологической обуви (Осипов, 2003, с. 18–21).

В исследовании кратко рассмотрены этапы реставрации данных объектов, привлечены археологические аналогии.

Поясним, что подразумевается под термином «поршни». Поршни – это простейшая обувь, изготавливаемая человеком с глубокой древности. По мнению Д.К. Зеленина, первобытный человек изначально носил на ногах обувь из шкуры животного, стянутую ремешком на щиколотках (Зеленин, 1982, с. 136). Этимология слов «поршень», «прабошень», «черевик», обозначающих рассматриваемую обувь, хорошо раскрывается в монографии А.В. Курбатова на примере летописных источников и берестяных грамот (Курбатов, 2004, с. 49) и обозначает простейшую по крою обувь, вырезанную из одного куска кожи и гнутую по ноге (Курбатов, 2011, с. 38). Форму им придавали с помощью колодки-правила (Лысенко, 1989, с. 113). Отличительной особенностью поршней является их эргономичность. Поршень представляет собой кусок кожи прямоугольной или трапецевидной формы. По краю изделия делались прорезы, в который продевался ремешок для сборки по размеру ноги. Носок, а иногда и пятка сшивались тачным или выворотным швом или скреплялись тонким ремешком. К ноге прикреплялись оборамы, которые продевались сквозь пару (две пары) специальных

отверстий. Оборы фиксировались на ноге, обхватывая голень (рис. 1). Различают три вида поршней: простые, ажурные и составные. Поршни из Свяжска относятся к первому виду. Термин «простые поршни» для данного вида обуви ввела С.А. Изюмова (Изюмова, 1959, с. 205). Она же, ссылаясь на Пермскую летопись, заметила, что поршни производились из сыромятной кожи (Изюмова, 1959, с. 194). Кожу не дубили, а только разминали и пропитывали жиром. Она отличалась большей прочностью, но быстрее впитывала воду (там же). Однако анализ кожевенного сырья одного из свияжских поршней показал, что он изготовлен из кожи танидного дубления (см. Приложение). Возможно, сыромятные поршни были характерны для более раннего времени (до XVII века).

В России поршни существовали на протяжении всего средневековья и находились в употреблении вплоть до начала XX века (Осипов, 2014, с. 57). Если в раннем средневековье данный вид обуви производился в каждом единоличном хозяйстве, то затем они вытесняются другими изделиями профессиональных ремесленников, что характерно для западноевропейского общества. Исследователями отмечено **явление консервации** (сохранения) в русском обществе ранее повсеместно применяемых обувных конструкций (Курбатов, 2004, с. 48). Свяжские поршни являются прямым подтверждением этого феномена.

Представленная обувь (табл. 1) была обнаружена во время раскопок в районе Речного вокзала в 2008 г. – 1 экз. (Шакиров, 2008, том I, с. 79–80; Шакиров, Валиев, Ситдилов, 2012, с. 200, рис. 5) и раскопе «Татарской (Дере-

вянной) слободки» в 2011–2012 гг. – 8 экз. (Старков, 2011), расположенных рядом в прибрежной зоне на северо-востоке острова (рис. 2). Данное место являлось частью посада средневекового города Свяжска, и было заселено до середины XX века, пока не оказалось в береговой черте Куйбышевского водохранилища.

Реставрация. Кожаные изделия после извлечения из раскопа были упакованы в полиэтиленовые пакеты и переправлены в лабораторию для реставрации. Объекты поступали в реставрационную мастерскую в разное время, но все они были в сильно усушенном и деформированном виде. Главной задачей реставраторов является возвращение коже пластичности (Синицина, Соломатина, 2010, с. 405). Лицевая поверхность обуви была покрыта множеством глубоких трещин, с большими потерями кожаной ткани. Работа по пластификации археологической кожи проходила в несколько этапов.

Механическая чистка. Чистка кожаной ткани проводилась в дистиллированной воде художественными кистями с натуральным ворсом и мягкими флейцами. Излишняя хрупкость объектов затрудняла процесс чистки в труднодоступных местах.

Процесс консервации. Объект помещали в водный раствор низкомолекулярного полиэтилен гликоля (ПЭГ–400) и антисептика – катамина АБ. В археологической коже в данном растворе протекают три процесса:

1. Диффузия. Полиэтиленгликоль (ПЭГ) проникает в структуру кожаной ткани. Это способствует вымыванию грязи, песка, глины и других примесей, которые не удалось удалить из ткани на этапе механической чистки.

Рис. 2. План Свяжска.

Fig. 2. Plan of Sviyazhsk.

2. Антимикробная обработка. Катамин АБ устраняет патогенную флору и грибки.

3. Пластификация. ПЭГ насыщает и укрепляет структуру, кожа восстанавливает свою пластичность.

Сушка. После пребывания кожи в растворе проводилась дегидратация в холодильной камере в течение нескольких недель. Затем кожу помещали в водный раствор высокомолекулярного и низкомолекулярного полиэтилен гликоля и катамина АБ. И снова – в холодильную камеру. Данную операцию повторяли несколько раз.

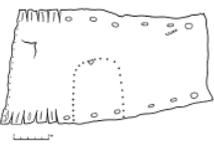
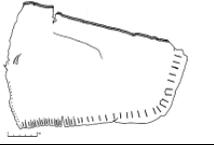
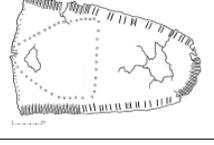
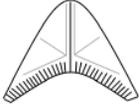
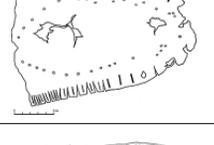
Во время процесса консервации проводилось *ширфование* бахтормянной поверхности кожаной ткани. Эта операция проводилась с помощью

скальпеля. Такое воздействие помогло консерванту легче проникнуть в структуру материала и сократить время обработки. Процесс консервации был завершен, когда кожа достигла состояния пластичности.

Прессование. Так как объекты поступали в реставрационную лабораторию в деформированном состоянии, для их распрямления использовались небольшие грузики. Подобным способом устраняют деформацию на археологической коже в ходе реставрационных работ (Левыкина, 2010, с. 353). Предварительно кожаная ткань была обработана смазкой с лицевой и бахтормянной сторон. Прессование производится щадящим весом и таким образом, чтобы распрямить объекты, не повредив технологические складки.

Таблица 1

Морфология простых поршней из Свяжска (XVI–XVIII вв.)

№ п/п	Фото	Выкройка	Декорирование	Размер стопы (см)	Век
1			Отсутствует	24	2-я пол. XVI в.
2			Отсутствует	24	Сер. XVII в.
3			Отсутствует	25	Сер. XVII в.
4			Отсутствует	-	2-я пол. XVII в.
5			«Куриная лапка»	25	2-я пол. XVII в.
6			Отсутствует	18	2-я пол. XVII в.
7			«Елочка»	25	2-я пол. XVII в.
8		Отсутствует	«Дорожка»	23	2-я пол. XVII в.
9			Отсутствует	22	1-я пол. XVIII в.

Реконструкция. Восстановление изделий проводилось в несколько этапов:

1. Были выполнены выкройки поршней. С помощью них можно было определить недостающие фрагменты.

2. Выполнена дублировочная кожа для замещения утрат.

3. Части объектов, на которых не присутствовали швы, были склеены клеем ПВБ (поливинилбутираль).

4. Детали, на которых присутствовали швы, были подробно рассмотрены. Для каждого объекта были определены виды швов. Сборка обуви производилась по старым отверстиям для иглы, с помощью вощенной хлопчатобумажной нити.

Таким образом удалось восстановить большую часть поршней.

Определение видовой принадлежности и способа дубления кожаного сырья.

Для идентификации видовой принадлежности археологической кожи, с применением метода оптической микроскопии, был подготовлен каталог с микрофотографиями кожаной ткани различной видовой принадлежности, выделанной в наше время (Богатова, Кулевцов, Степин, 2014, с. 70). Каталог микроскопических снимков структуры кож упростил задачу по определению сырья, что сделало возможным правильно организовать работу по консервации и реставрации кожаных изделий из раскопок.

На рис. 3 представлен поперечный срез кожи бычины хромтанидного дубления, на котором наблюдаются сосочковый и сетчатый слои дермы и часть эпидермиса. Сосочковый слой значительно тоньше сетчатого. Оба слоя образованы пучками коллаген-

новых и эластиновых волокон. Между слоями наблюдается четкая ровная граница. Характеризуется тип переплетения пучков волокон – вертикально-волокнустый (Вознесенский, Шарифуллин, Абдуллин, 2011, с. 145).

На рис. 4 представлен поперечный срез кожаной ткани поршня после процесса консервации. На поперечном срезе образца наблюдаются сосочковый и сетчатый слои дермы, а также часть эпидермиса. Граница между слоями четкая, ровная. Сосочковый слой намного меньше сетчатого. Отчетливо характеризуется тип переплетения пучков волокон – вертикально-волокнустый.

На лицевой поверхности поршня отсутствуют загрязнения. Видны отверстия от волосяных сумок на протяжении всего слоя, расположенных параллельно поверхности шкуры. Кожаная ткань шероховатая, по всей поверхности просматриваются истертости (рис. 5).

Лицевая поверхность кожаной ткани бычины хромтанидного дубления имеет умеренно блестящую поверхность. Просматривается наличие частых отверстий от волосяных сумок. Волосяные луковички параллельны поверхности кожи шкуры (рис. 6).

Проведя сравнительный анализ микрофотографий кожаной ткани объектов из археологической кожи и кожаной ткани объектов, выработанных в наше время, можно определить, к какому виду природно-видового происхождения относится дубление полуфабриката археологический объект. Изучив все характеристики и результаты исследования можно сделать вывод о том, что поршень № 4 выработан **из кожаной ткани бычины хромтанидного дубления.** Этот

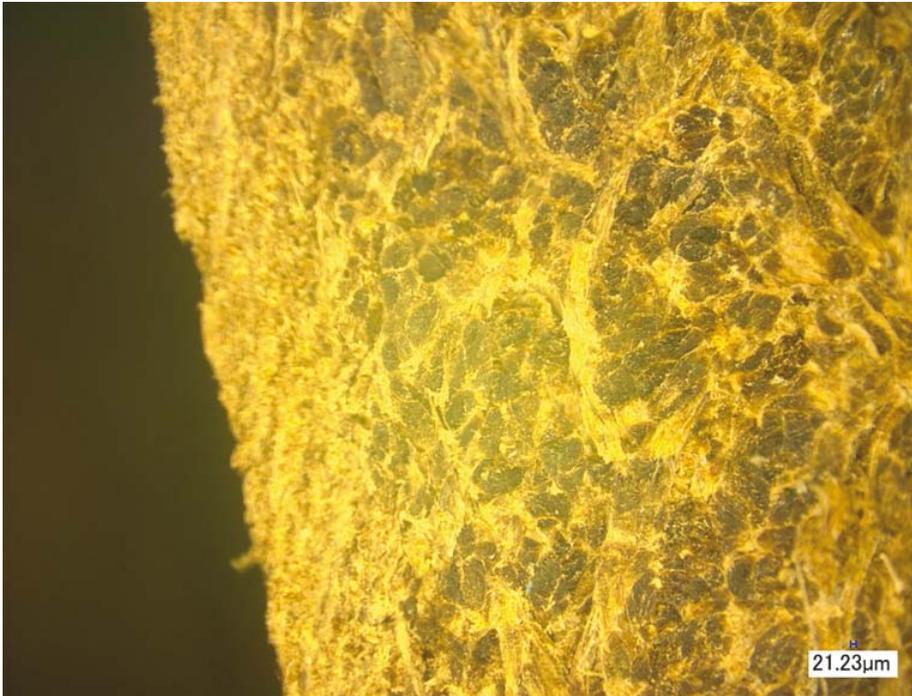

Рис. 3. Поперечный срез кожной ткани бычины хромтанидного дубления (x100).
Fig. 3. Cross-section of cattle-hide fabric, chrome-tannin tanning (x100).

Рис. 4. Поперечный срез кожной ткани поршня (x100).
Fig. 4. Cross-section of leather fabric used in *porshni* (x100).

Рис. 5. Лицевая поверхность кожаной ткани поршня (x100).

Fig. 5. Upper surface of leather fabric used in *porshni* (x100).

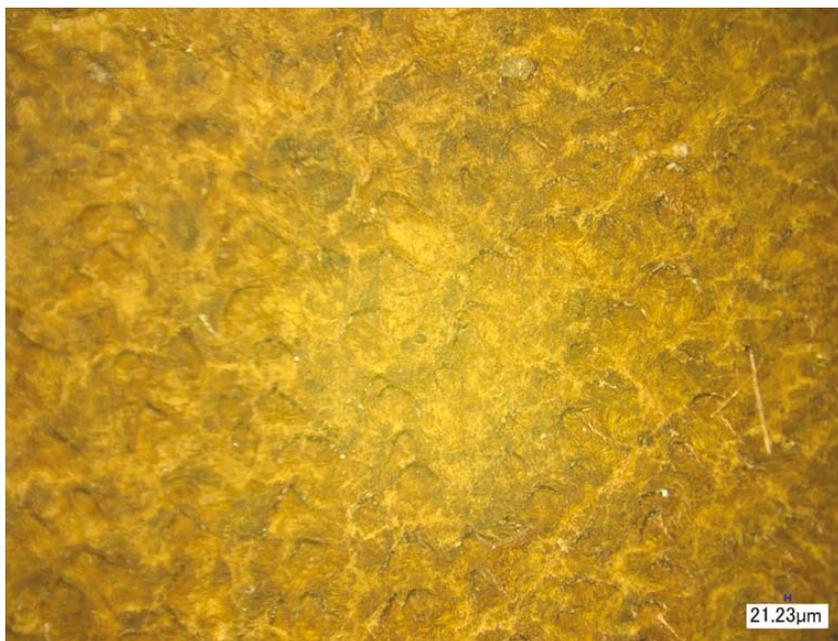

Рис. 6. Лицевая поверхность кожаной ткани бычины хромтаннидного дубления (x100).

Fig. 6. Upper surface of cattle -hide leather, chrome-tannin tanning (x100).

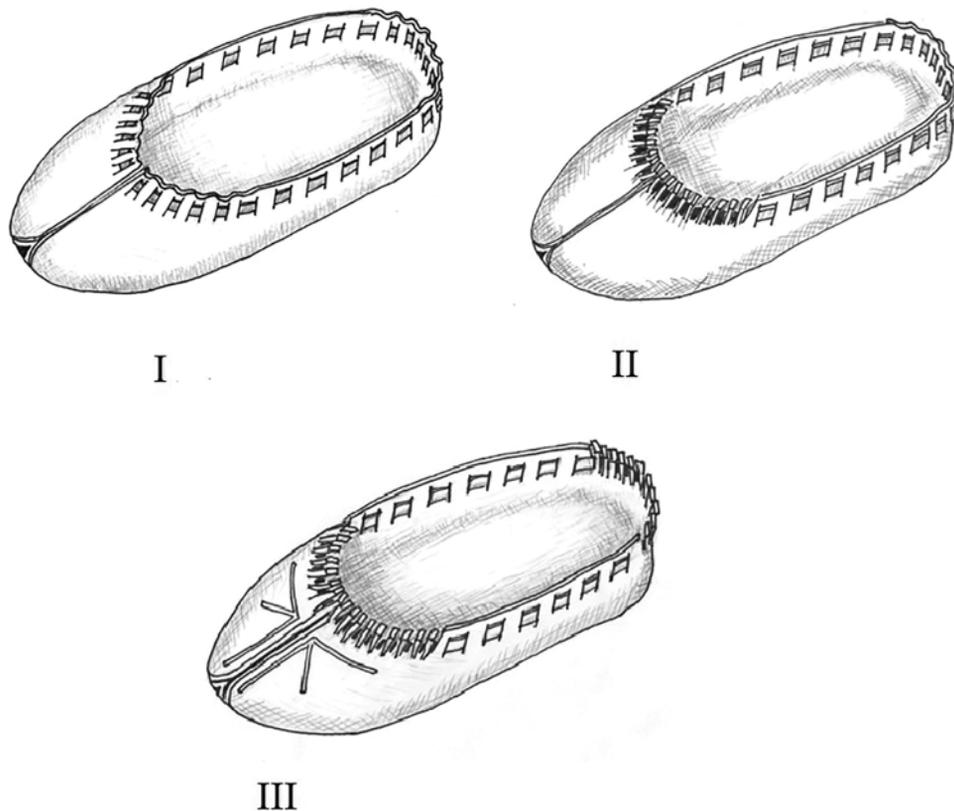

Рис. 7. Варианты простых поршней из Свияжска.

Fig. 7. Varieties of simple *porshni* from Sviyazhsk.

заключение сделано, основываясь на характерной мере лицевой поверхности (рис. 3, 4), укладке пучков коллагеновых волокон и залегании корневых влагалищ волос.

Морфология.

Крой и сборка. После пластификации кожи стало возможно нарисовать выкройку большинства поршней, рассмотреть морфологические особенности и рисунок декора (табл. 1, рис. 1–9). Как видно из рисунков, большинство поршней – цельнокройные, за исключением № 8, который состоит из трех деталей, возможно по причине ремонта средней части. Несоразмерность выкройки, нерегулярные отвер-

стия для ременной стяжки отмечены у № 1 и № 6, что свидетельствует о домашнем изготовлении данной обуви. № 2, № 3, № 5, № 7, № 8 – носят характер профессиональных ремесленных изделий, остальные по причине утрат и сильной изношенности невозможно дифференцировать.

Крой **носка** (головки) имеет отличия по виду стяжки. У № 9 – это стяжка на прорезях, в остальных – на петельчатых зубцах (бахроме), уложенных боком, перпендикулярно ременному стягу (№ 1–8). Для кроя **пяточной части** (задника) характерны подобные особенности. № 9, № 2, № 6 – стяжка на прорезях, № 3, № 5,

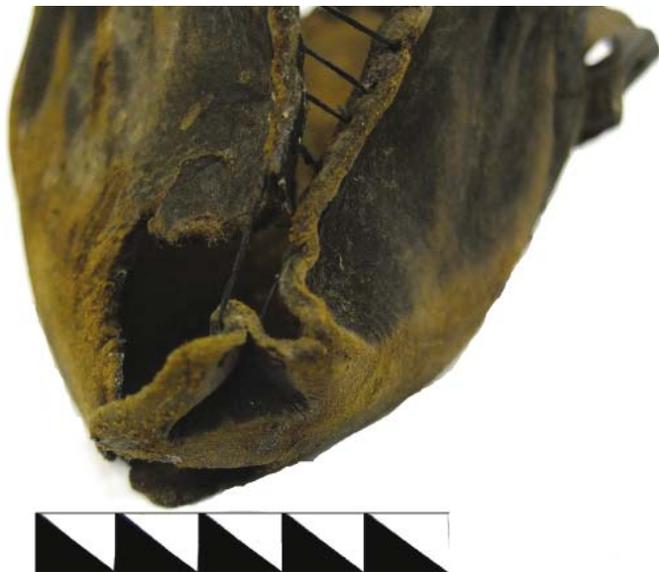

Рис. 8. Закладывание внутренней складки на носке.

Fig. 8. The interior pleat, boot tip.

№ 7, № 8 – петельчатые зубцы, № 1 – без стяжки, № 4 – пятка отсутствует.

В свияжских изделиях по сочетанию вышеперечисленных признаков кроя носка и пятки можно выделить 3 варианта простых поршней (рис. 7):

I вариант: ременная стяжка по прорезям на носке и на пятке (пример № 9)

II вариант: ременная стяжка на петельчатых зубцах на носке и по прорезям на пятке (примеры № 2, № 6).

III вариант: ременная стяжка на петельчатых зубцах на носке и на пятке (примеры № 3, № 5, № 7, № 8). Данный вариант часто имеет декорированный способом линования носок.

В эту типологию не вошел поршень № 1, т.к. ременная стяжка здесь проходит не по прорезям, а через округлые отверстия, пятка же вообще не оформлена. Это изделие «домашнего» производства. У № 4 – неполная сохранность, но можно предположить,

что он близок 3-му варианту. На рис. 7 дана реконструкция каждого варианта простых поршней из Свяжска. Необходимо отметить, что к 3 варианту относится большинство изделий, т.о. он является устойчивой схемой раскроя профессиональных мастерских города и стратиграфически определяется XVII веком.

Среди данных поршней один (№ 9) является двухслойным, деталь выкроена из наложенных друг на друга тонких листов кожи. Остальные поршни – однослойные. Форма деталей у большинства поршней – трапецевидная, с небольшим округлением пятки и носка, исключение – поршень № 1 имеет подпрямоугольную форму (графа «Выкройка»). Носок изделий заостренный, вследствие складывания детали углом. Однако у 6 поршней хорошо просматривается закладывание дополнительной складки внутрь на краю носка (рис. 8), образующих

Рис. 9. Оборы из лыка.

Fig. 9. Bast latches.

при сшивании треугольный выступ. Он служил, вероятно, для снижения излишней нагрузки в носочной части, как и у сапог (Осипов, Лихтер, 2004, с. 25), и являлся профессиональным приемом сапожников.

Виды швов. У данной обуви швы присутствуют только на носке. По проколам и деформации края здесь просматриваются 4 вида швов:

- точной (№ 9, № 8);
- выворотный, краями наружу (№ 2, № 3, № 7);
- шов через край (№ 4, № 5);
- сквозной («вперед иглой») – № 1, № 6.

Отверстия для швов имеют овальную форму, приблизительно $1,7 \times 1,9$ мм. Расстояние между отверстиями (длина шва) 6–8 мм.

Декорирование. К дополнительной обработке рассматриваемых изделий отнесем декорирование носка у части поршней (№ 5, № 7, № 8). Ряды тесненных прямых линий складываются в узор (см. графу «Декорирование»). Название орнаменту дано авторами по подобию. Линии невидимы со стороны бахтормы. Такой способ

украшения кожи называется «**линование**», кожу прочерчивали горячим заостренным металлическим предметом (Осипов, Лихтер, 2004, с. 27).

Ремни и оборы. О присутствии некогда ременной стяжки в поршнях свидетельствует ее отпечатки между прорезей и незначительные фрагменты ремешка (например, у № 1, № 9), а также остаточная складчатая деформация носка и пятки. Сами ремни практически не сохранились, т.к. были сделаны из очень тонкой кожи и изнашивались.

Оборы крепили поршень к ноге, вторая функция – дополнительная фиксация онучей или портянок на лодыжке. Оборы были пеньковыми, лыковыми или кожаными. Возможно, в местном варианте применялись именно оборы из липового волокна. По предварительным подсчетам, в раскопах найдено порядка 30 фрагментарных обор – лыковых веревочек диаметром от 4 до 7 мм, скрученных из двух прядей (рис. 9). Интересно место крепления оборы у поршней. Так, у некоторых моделей веревки прикреплялись по бокам изделия

(№ 3, № 6), у других – оборы крепилась в области пятки (№ 1, № 2, № 5). Места крепления обор на деталях поршней просматриваются четко – это крупные округлые, эллипсоидные или прямоугольные отверстия.

Ремонт обуви. Почти все изделия, 7 из 9, или 78%, имеют следы починки. Следы в виде сквозных регулярных отверстий показывают места наложения заплат и другого ремонта:

- заплата в средней части изделия (№ 1);
- заплата в области носка (№ 3);
- подшивка новой подошвы (№ 5, № 6);
- срез и замена боковины с прорезями (№ 2);
- перфорация участков между прорезями вследствие прорыва последних, вдевание новой стяжки-шнурка (№ 9);
- замена, вставка средней части порвавшегося изделия (№ 8);
- зашивание пореза на коже (№ 1).

Т.о. поршни подвергались разнообразному ремонту, что свидетельствует о хозяйственности и экономности посадского населения.

Антропометрическая характеристика населения Свяжска по данным обмера обуви. Как показывают современные исследования археологической обуви, она способна дать общее представление о метрической характеристике и диагностике ортопедических заболеваний населения средневекового города (Осипов, 2003, с. 18–21). В данной коллекции поршней было возможно вычислить длину стопы ее носителей. Так, длина выкройки, например, поршня № 9–28 см. Было принято вычитать 2 см на краю носка (острый угол или заложение

складки) и 4 см на краю пятки (загиб на стяжку). Таким образом, длина стопы вычислялась: $28-(2+4)=22$ см или $R=L-6$ (R – размер стопы, L – длина выкройки). Вычисления являются приблизительными, но и они дают нам общее представление о размерном ряде Свяжских поршней (см. графу «размер стопы», табл. 1). Четко выделяются два детских поршня: № 6, № 9 (18 и 22 см); подростковые или женские: № 1, № 2, № 8 (23–24 см); и № 3, № 5, № 7 имеют 25 размер, который может являться как женским, так и мужским.

По длине стопы можно вычислить рост человека. Ю.П. Зыбиным были рассчитаны коэффициенты корреляции размера ноги человека от его роста: 15,5% – у женщин, 15,8% – у мужчин (Осипов, 2003, с. 18). Рассчитаем рост самого маленького носителя поршней Свяжска: $(18:15,5) \times 100=116,1$ см. Самые большие: $(25:15,5) \times 100=161,3$ см – для женщин; $(25:15,8) \cdot 100=158,2$ см – для мужчин. Рост людей, согласно расчету, невелик, однако по наблюдениям археологов габариты жилищ и некоторые находки свидетельствуют об этом же. Изучение изношенности для обуви мягких форм, к тому же, возможно, использующей вторичное сырье, не может нести объективный характер. С большей вероятностью можно отметить, что хозяин поршня № 9 страдал косолапостью (*Pes equino varus*) – сильный износ подошвы с наружной стороны. Обращает на себя внимание увеличенная ширина подошвы у № 6, но, принимая во внимание размер стопы (18 см), можно предположить, что детская обувь отличалась более широкими, округлыми формами, как и в

наше время. В дополнение можно добавить, что, возможно, хозяин обуви был склонен к полноте.

Аналогии. Надо отметить, что детальных реконструкций поршней не так уж много среди российских публикаций. Особо выделяется среди них реконструированный «арбатский» поршень с розеточным тиснением (Осипов, 2006, с. 135, илл. 33:1) и поршни Мангазейского городища (Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011, с. 109–113, рис. 2–6). Выкройка большинства поршней из Свияжска представляет подовальную трапецию (трапецию с округленными основаниями) и небольшой выемкой спереди. Обращает внимание **отсутствие** у свияжских моделей сшивных пяток, клапанов и ременных плетешков на носке или пятке. Вариант I (ременная стяжка по прорезам на носке и на пятке) является классической формой простого поршня и известен из коллекций кожевенных изделий Великого Новгорода, начиная с XI века (Изюмова, 1959, с. 212, рис. 8.6), Ярославля XIII века (Археология древнего Ярославля, 2012, с. 94), Москве XIV–XVI веков (Осипов, 2014, с. 57, с. 216, илл. 39.1). Вариант II (ременная стяжка на петельчатых зубцах на носке и по прорезам на пятке) известен из раскопок Москвы XVI – начала XVIII в. (Векслер, Осипов, 2004, с. 340), Казанского кремля XV–XVI века (Валиев, 2010, с. 204, рис. 12.2). Очень близка ему модель Мангазейских поршней XVII века, имеющая, однако, клапан на пятке (Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011, с. 110, рис. 3.2). Вариант II, по наблюдениям А.В. Курбатова, очень характерен для русских городов XVI века (там же, с. 38). Вариант III (ременная стяжка на

петельчатых зубцах на носке и на пятке) стратиграфически определен XVII веком, возможно местного, свияжского, производства. О наличии здесь в XVII веке профессионального кожевенного и сапожного ремесла свидетельствуют как письменные источники второй половины XVI века (Список, 1909, с. 24, с. 39), так и многочисленные изделия из кожи и обрезки раскроя из раскопок 2008 г. и 2010 г. у речного вокзала (Шакиров, Валиев, Ситдииков, 2012, с. 206), из раскопок 2011–2014 гг. «Татарской (Деревянной) слободки» (Археологические исследования..., 2013, 2014, 2015). Поршни III варианта носят черты профессиональных изделий, декорированы. Среди опубликованных моделей простых поршней аналогии данному варианту не обнаружены.

Подпрямоугольная деталь поршня домашнего производства № 1 с округлыми отверстиями находит аналогию в коллекции тверской обуви XIII–XV вв. (Курбатов, 2014, с. 194, рис. 12), однако в нашем варианте присутствуют зубцы на подъеме (см. табл. 1).

Таким образом, применив метод системного описания кожаной обуви со всеми технологическими особенностями, выделив антропометрическую характеристику и найдя аналогии, удалось рассмотреть поршни из Свияжска в максимально полном объеме. Выделение местного варианта обуви (вариант III) будет способствовать расширению источниковой базы позднесредневековых кожевенных изделий Волжско-Камского региона.

Данное исследование адресовано не только археологам и историкам, но и мастерам исторических реконструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин Х.М., Визгалова М.Ю., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Федотова Ю.В., Храменкова Р.Х. Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свяжска и Казани) // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 277–293.
2. Алёшина Т.С. Обувь, шитая золотом и серебром. Памятники русской народной культуры // Тр. ГИМ. Вып. 75. М.: Изд-во ГИМ, 1990. С. 116–131.
3. Археологические исследования 2012 г. Болгар и Свяжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2013. 32 с.
4. Археологические исследования 2013 г. Болгар и Свяжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2014. 38 с.
5. Археологические исследования 2014 г. Болгар и Свяжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2015. 38 с.
6. Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
7. Богатова Л. Ф., Кулевицов Г. Н., Степин С.Н. Разработка методики идентификации археологических объектов из кожевенных материалов // Вестник Казан. технол. ун-та. 2014. № 19. 70 с.
8. Валиев Р.Р. Кожевенно-сапожное производство Ханской Казани. Дисс...канд. ист.наук. Казань, 2010. 259 с.
9. Векслер А.Г., Осипов Д.О. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Археология Подмосквья. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2004. С. 333–342.
10. Векслер А.Г., Осипов Д.О. Кожаные сапоги из раскопок в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосквья / Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. Ч. 3 / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: МИГМ, 2000. С. 160–165.
11. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007). Нефтеюганск, Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 216 с.
12. Вознесенский Э.Ф., Шарифуллин Ф.С., И.Ш. Абдуллин Теоретические основы структурной модификации материалов кожевенно-меховой промышленности в плазме высокочастотного разряда пониженного давления. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2011. 364 с.
13. Зеленин Д.К. Терминология лапотного дела // Сборник МАЭ. Вып. 38. Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР / Отв. ред. Т.В. Станюкович. Л.: Наука, 1982. С. 135–144.
14. Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремёсел Новгорода Великого // МИА. № 65. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 192–222.
15. Курбатов А.В. История войлока и валяной обуви на Руси // Живая старина. 2006. № 3 (51). С. 31–33.
16. Курбатов А.В. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверское областное издательство, 2001. С. 225–233.
17. Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 312 с.
18. Курбатов А.В. О специальной воинской обуви в средневековой России // «Краеугольный камень». Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1 / Ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.: Ломоносовь, 2009. С. 416–431.

19. *Курбатов А.В.* Погребальная обувь средневековой Руси / Археологические вести. 2002. № 9. С. 155–172.
20. *Курбатов А.В.* Предохранительная обувь в средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность / Науч. ред. Н.Ф. Соловьёва. ИИМК РАН. СПб.: Изд-во ЭлекСис, 2011. С. 241–250.
21. *Левыкина Т.А.* Консервация и реконструкция археологических памятников из кожи (на примере реставрации обуви) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань, Омск: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 352–357.
22. *Лысенко П.Ф.* Открытие Берестья. Минск: Наука и техника, 1989. 160 с.
23. *Осипов Д.О.* К истории лаптя на Руси / Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр, 2010. С. 303–308.
24. *Осипов Д.О.* Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2. С. 17–30.
25. *Осипов Д.О.* Обувь из погребений и погребальная обувь // Археология Подмосквья. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 140–151.
26. *Осипов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН, 2006. 202 с.
27. *Осипов Д.О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН», 2014. 269 с.
28. *Осипов Д.О., Лихтер Ю.А.* Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). М.: Институт археологии РАН, 2004. 66 с.
29. *Синицина Н.П., Соломатина Н.В.* Реставрация кожаных предметов археологического происхождения // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1. Казань, Омск: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 405–409.
30. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567гг.). Казань, 1909. 143 с.
31. *Старков А.С.* Отчёт об археологических исследованиях «Татарская Слободка» на территории села Свияжск в Зеленодольском районе Республики Татарстан в 2011 году / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ.
32. *Фатюнина О.А.* Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV–XVI века // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 217–221.
33. *Шакиров З.Г.* Отчёт об археологических охранно-спасательных исследованиях в Зеленодольском районе Республики Татарстан на территории о. Свияжск за 2008 год. Т. I / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ.
34. *Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдинов А.Г.* О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 184–210.

Информация об авторах:

Богатова Лина Феликсовна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); LinaFeliksova@mail.ru

Визгалова Мария Юрьевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mutqueen@mail.ru

Старков Андрей Сергеевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); 2647425@mail.ru

LEATHER FOOTWEAR FROM THE POSAD OF SVIYAZHISK:
AN EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF SIMPLE *PORSHNI*

L.F. Bogatova, M.Yu. Vizgalova, A.S. Starkov

The authors use simple *porshni* (one-piece leather-hide shoes) from Sviyazhsk to test an approach to systemic classification of the late medieval leather footwear. They describe the main stages in restoration and reconstruction of archaeological finds, which make it possible to reproduce the cut of the parts. This approach enables examining such morphological and technological features as the cut and the assemblage, types of seams, method of decoration and ornamentation, and fastening of the shoes. It was interesting to discover traces of different mending activities on *porshni*, most likely meant to extend their durability. Measurements offered an approximate anthropometric profile of Sviyazhsk population. The reconstruction enabled distinguishing three types of simple *porshni* spread in Sviyazhsk in late 16th – early 18th centuries. Analogies helped establishing that the third version of the simple *porshni* from Sviyazhsk is a product of the local masters. Analysis of the raw material showed that this model used tannin leather, typical for shoe-shops.

Keywords: archaeology, Volga region, late Middle Ages, Sviyazhsk, posad, leather footwear, simple *porshni* (one-piece leather-hide shoes), restoration, reconstruction.

REFERENCES

1. Abdullin, Kh. M., Vizgalova, M. Yu., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S., Fedotova, Yu. V., Khranchenkova, R. Kh. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 277–293 (in Russian).
2. Aleshina, T. S. 1990. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 75. Moscow: State Historical Museum, 116–131 (in Russian).
3. Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). 2013. *Arkheologicheskie issledovaniia 2012 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2012: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan (in Russian).
4. Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). 2014. *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2013: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan (in Russian).
5. Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). 2015. *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan (in Russian).
6. Engovatova, A. V. 2012. *Arkheologiia drevnego Iaroslavlia. Zagadki i otkrytiia (Archaeology of Ancient Yaroslavl: Riddles and Discoveries)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
7. Bogatova L. F., Kulevtsov G. N., Stepin, S. N. 2014. In *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta (Bulletin of the Kazan Technological University)* 19 (in Russian).
8. Valiev, R. R. 2010. *Kozhevenno-sapozhnoe proizvodstvo Khanskoi Kazani (Leather and Footwear Industry during the Kazan Khanate)*. PhD Diss. Kazan (in Russian).
9. Veksler, A. G., Osipov, D. O. 2004. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 333–342 (in Russian).
10. Veksler, A. G., Osipov, D. O. 2000. In Yanin, V. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Moskvy i Podmoskov'ia (Archaeological Sites in Moscow and Moscow Region)* 3. Series: *Trudy muzeia istorii g. Moskvy (Proceedings of the Museum of History of the Moscow City)* 10. Moscow: Museum of History of the Moscow City, 160–165 (in Russian).
11. Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G., Kurbatov, A. V. 2011. *Mangazeia: kozhanye izdeliia (materialy 2001-2007) (Mangazeya: Leather Ware (materials of 2001–2007))*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: “AMB” Publ. (in Russian).
12. Voznesenskii, E. F., Sharifullin, F. S., Abdullin, I. Sh. 2011. *Teoreticheskie osnovy strukturnoi modifikatsii materialov kozhevenno-mekhvoi promyshlennosti v plazme vysokochastotnogo razriada*

ponizhennogo davleniia (Elementary Theory of Structural Modification of Leather and Fur Materials in Low Pressure RF Plasma). Kazan: Kazan State Technological University (in Russian).

13. Zelenin, D. K. 1982. In Staniukovich, T. V. (ed.). *Pamiatniki kul'tury narodov Evropy i Evropeiskoi chasti SSSR (Cultural Sites of the Peoples of Europe and the European Part of the USSR)*. Series: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii RAN (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences) 38. Leningrad: "Nauka" Publ., 135–144 (in Russian).

14. Iziumova, S. A. 1959. In Artsikhovskiy, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 65 (II). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 192–222 (in Russian).

15. Kurbatov, A. V. 2006. In *Zhivaia starina (Living Antiquity)* 51 (3), 31–33 (in Russian).

16. Kurbatov, A. V. 2001. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 4 (II). Tver: "Tverskoe oblastnoe izdatel'stvo" Publ., 225–233 (in Russian).

17. Kurbatov, A. V. 2004. *Kozhevennoe proizvodstvo Tveri XIII—XV vv. (po materialam raskopok Tverskogo kremlia 1993—1997 gg.) (Leather Industry of Tver in 13th—15th Centuries (Based on the Excavations of the Tver Kremlin, 1993–1997))*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

18. Kurbatov, A. V. 2009. In Nosov, E. N., Beletsky, S. V. (eds.). *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, History, Art and Culture of Russia and Its Neighboring Countries)* 1. Saint Petersburg: "Lomonosov" Publ., 416–431 (in Russian).

19. Kurbatov, A. V. 2002. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 9. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 155–172 (in Russian).

20. Kurbatov, A. V. 2011. In Solov'ev N. F. (ed.). *Biulleten' IIMK RAN (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)*. Saint Petersburg: "ElekSis" Publ., 241–250 (in Russian).

21. Levykina, T. A. 2010. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan, Omsk: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 352–357 (in Russian).

22. Lysenko, P. F. 1989. *Otkrytie Berest'ia (Discovery of the Berestye Town)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).

23. Osipov, D. O. 2010. In Khokhlov, A. N. (ed.). *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia (Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages)* (6). Tver: Tver Research Historical, Archaeological and Restoration Center, 303–308 (in Russian).

24. Osipov, D. O. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 17–30 (in Russian).

25. Osipov, D. O. 2013. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 140–151 (in Russian).

26. Osipov, D. O. 2006. *Obuv' moskovskoi zemli XII—XVIII vv. (Footwear of the Moscow Land, the 12th—18th Centuries)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

27. Osipov, D. O. 2014. *Srednevekovaiia obuv' i drugie izdeliia iz kozhi (po materialam raskopok v Moskovskom Kreml'e) (Medieval Shoes and Other Leather Products: Based on the Excavations in the Moscow Kremlin)*. Moscow: "Akteon" Publ. (in Russian).

28. Osipov, D. O., Likhter, Yu. A. 2004. *Sistemnoe opisanie i klassifikatsiia kozhanoi obuvi (metodicheskie rekomendatsii) (Systemic Description and Classification of Leather Footwear (Methodological Recommendations))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

29. Sinitsina, N. P., Solomatina, N. V. 2010. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1.

Kazan, Omsk: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 405–409 (in Russian).

30. *Spisok s pistsovoi i mezhevoi knigi goroda Sviiazhska i uezda. Pis'ma i mezhevaniia Nikity Vasil'evicha Borisova i Dmitriia Andreevicha Kikina (1565-1567 gg.) (A Copy of the Land and Cadaster Book of Sviyazhsk Town and County. Measurements by Nikita Vasilievich Borisov and Dmitry Andreevich Kikin (1565-1567))*. 1909. Kazan (in Russian).

31. Starkov, A. S. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax «Tatarskaia Slobodka» na territorii sela Sviiazhsk v Zelenodol'skom raione Respubliki Tatarstan v 2011 godu (Report on Archaeological Investigations in the “Tatarskaya Slobodka” Site, on the Territory of Sviyazhsk Village (Zelenodolsk, Republic of Tatarstan) in 2011)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

32. Fatiunina, O. A. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 217–221 (in Russian).

33. Shakirov, Z. G. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-spatatel'nykh issledovaniiax v Zelenodol'skom raione Respubliki Tatarstan na territorii o. Sviiazhsk za 2008 god (Report on Rescue Investigations on Sviyazhsk Island (Zelenodolsk, Republic of Tatarstan) in 2008)* I. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

34. Shakirov, Z. G., Valiev, R. R., Sitdikov, A. G. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 184–210 (in Russian).

About the Authors:

Bogatova Lina F., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; LinaFeliksovna@mail.ru

Vizgalova Mariya Yu., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mutqueen@mail.ru

Starkov Andrej S., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; 2647425@mail.ru

Статья поступила в номер 18.10.2016 г.

УДК 902.34:069.44

**ПЛЕТЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ ВОЛОКОН
«ТАТАРСКОЙ (ДЕРЕВЯННОЙ) СЛОБОДКИ» ОСТРОВА СВИЯЖСК**

© 2016 г. М.Ю. Визгалова, А.С. Старков

В статье представлен новый подход к изучению изделий из растительных волокон типа лыка, ранее не выделявшихся в отдельную категорию археологических находок. Приводится описание методики, специально разработанной для консервации и реставрации изделий из лыка. На основе этой методики была исследована коллекция предметов из липового лыка и луба из раскопок сооружений XVI–XVIII вв. на посаде Свияжска. Комбинированная система реставрационных мер, применяемых авторами, позволила восстановить фрагменты изделий так называемого «мочального» промысла. В результате дальнейших этнографических, статистических и технологических исследований стало возможным разделить данный комплекс на следующие группы: верёвочные изделия или «сторожковые» снасти; изделия рогожно-кулёцкого промысла; лапти; единичные находки, предназначение которых не выяснено. Внутри каждой группы предметов выделяются подгруппы по определённым признакам. Опыт комплексного подхода авторов к систематизации данного материала позволит в дальнейшем расширить его применение к находкам из органических материалов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, позднее средневековье, Свияжск, посад, растительное волокно, изделия из лыка, реставрация.

Археологические исследования уникального города-крепости Свияжска дали богатейший материал о жизни и быте позднесредневекового населения на Средней Волге. За полевые сезоны 2011–2014 гг. при раскопках «Татарской слободки» на острове Свияжск под руководством А.С. Старкова на площади 2100 кв. м удалось выявить более 250 разновременных сооружений XVI–XVIII вв., представленных остатками крупных жилых и хозяйственных построек, разделенных между собой сетью различных оград на небольшие домовладения. В соответствии со стратиграфическими наблюдениями, до XVIII века, на данной территории насчитывается до 4 строительных ярусов, прослеженных по всей площади раскопа. Мощность культурного археологического слоя

достигает 300 см (Археологические исследования 2014, 2015, с. 32).

Уникальный влажный культурный слой прибрежной зоны сохранил предметы из органического материала. Здесь собраны предметы быта из дерева, изделия из кожи, растительных волокон, ткани (Шакиров, Валиев, Ситдииков, 2012, с. 196, рис 8; с. 200, рис. 10 и Старков, 2011). В числе находок обнаружены многочисленные фрагменты изделий из лубяного (мочального) волокна липы (*Tilia cordata Mill.*). Это предметы так называемого «рогожно-кулеткацкого» промысла. Вот что писал о данном ремесле известный исследователь XIX века П.И. Кеппен: «Мочальный промысел состоит в заготовлении необходимых в русском быту рогож разного рода, кулей, луба, мочал, лап-

тей и сторожковых снастей» (Кеппен, 1841, с. 1). Рогожно-кулеткацкий промысел заключался в заготовке мочала, ткань из него рогож и циновок, сшивки кулей (Смыков, 1982, с. 272). Фрагменты данных изделий обнаружены в раскопе как на территории хозяйственных и жилых помещений, так и на месте старых улиц. Находки имеют различную степень сохранности. В раскопе зафиксирована относительно сохранившаяся веревка из лубяного волокна, привязанная к перекладине (рис. 1). Большая часть подобных изделий представляет собой массу разрозненных фрагментов с разорванным, рассыпающимся в труху лыком. Объясним это явление.

Лубяными волокнами называют волокна, которые скрыты в стеблях растений между верхней кожейй

(корой-эпидермисом) и древесиной в рыхлой растительной ткани – паренхиме. Они относятся ко II группе растительных волокон (Руководство по технологии..., 1933, с. 179). Химические вещества, составляющие лубяные волокна, – органические. Целлюлоза – основное вещество волокон. В чистом виде целлюлоза в растениях не встречается. Волокна целлюлозы похожи на нитевидный кристалл. При обработке целлюлозы минеральными кислотами образуется гидроцеллюлоза, которая имеет еще волокнистую структуру, но более хрупкая, легко истирается в порошок. Под действием окислителей целлюлоза видоизменяется и превращается в оксидцеллюлозу. Другие важные составляющие луб вещества: пектин и лигнин, цементирующие волокна целлюлозы в расте-

Рис. 1. Изделие из лыка в раскопе «Татарская Слободка» Свияжска.

Fig. 1. A liber item from “Tatarskaya Slobodka” (Sviyazhsk).

ниях – также под действием окислителей распадаются (там же, 1933, с. 248–253).

В течение веков подобные процессы протекают в почве, химически воздействуя и разрушая дерево, ткани из растительных волокон и изделия из лыка. Большую роль в этом играют и бактерии. Таким образом, лыко в земле подвергается химическому и бактериальному разложению. Поэтому первобытные и раннесредневековые поделки из луба не сохранились до нашего времени, за редким исключением (например – в погребениях). На позднесредневековых археологических памятниках подобные предметы иногда обнаруживают. Здесь многое зависит от минерального состава почвы и других показателей. В «мокрое» свияжского Посада сохранились фрагменты изделий из волокнистых материалов (Шакиров, 2008, том I, с. 79–80). Такие находки имеют достаточно аморфную структуру – морфология изделий не всегда ясна. Грунт проник между волокон, изделия разрываются уже на стадии выборки из раскопа; хрупки при любых стандартных операциях камеральной обработки: чистке, мойке, сушке. Обычно при раскопках средневековых городов такие изделия учитывались под общим названием «лыко» или «лапти». Выделялись также «лыковые решета» (Арциховский, 1949, с. 145). В археологическую коллекцию брали только лапти, имеющие полную сохранность!

Поворотный момент в отношении к данному материалу наступил, когда перед реставрационной лабораторией по органическим материалам при Институте археологии им. А.Х. Халикова была поставлена задача разработать

методику по консервации лыка и сильной реставрации изделий из растительного волокна. И такая методика была создана на основе комбинирования методик консервации археологической ткани и дерева (по Н.П. Синициной и В.И. Гордюшиной), а также привлечения новых технологических приемов, выработанных опытным путем. Вот краткое описание последовательности операций, позволивших сохранить изделия из лыкового волокна:

- выборка изделия из раскопа единым монолитом вместе с грунтом;
- упаковка в целлофановые пакеты для предотвращения высыхания;
- еженедельная отправка изделий в лабораторию;
- разбор монолита на столе, удаление грунта с помощью кисти;
- замачивание изделия в дистиллированной воде для растворения глинистых грунтов;
- разворачивание с помощью хирургического шпателя, удаление крупных глинистых загрязнений;
- влажная чистка с помощью синтетических кистей и салфеток из фильтровальной бумаги с обеих сторон, от двух до пяти раз с каждой стороны попеременно – для плоских фрагментов (плетенки), и с разворачиванием вокруг своей оси – для объемных (веревки, канаты);
- обработка 2% раствором катамина АБ с кисти;
- обработка 4% раствором ПЭГ-400;
- формирующая сушка: плоских изделий между слоями фильтровальной бумаги и тонким стеклом, объемных – с помощью микалентной бумаги;
- совмещение разрозненных фрагментов.

Рис. 2. Лыковая веревка. 1 – изделие до реставрации; 2 – изделие после реставрации.
Fig. 2. Liber rope. 1 – before restoration; 2 – after restoration.

На рис. 2 представлен вид изделия из лыка до реставрации (рис. 2: 1) и после (рис. 2: 2).

Таким образом, в результате реставрационных мероприятий была создана интересная коллекция подготовленных к типологическому и технологическому исследованию в составе 220 изделий из липового волокна, каждое из которых представлено от одного до 30 фрагментов.

Среди данных предметов самое большое число составляют разнообразные веревки диаметром от 0,4 см до 5,5 см – около 100 находок. Вережки свиты из двух, трех или четырех прядей лыка. Отдельное место занимают тесемки, в виде косичек, сплетенные из трех прядей (диаметр – от 0,5 см до 2 см), но их количество незначительно. Вережочные изделия в раскопе нередко представлены отдельными расплетенными серпантинovidными прядями, но и по ним можно составить представление об изначальном диаметре изделий. Исходя из размерного ряда веревок можно разделить их

на виды, сделать вывод о характере их использования в быту. Бечевки диаметром от 0,4 см до 0,7 см скорее использовались в качестве «обор», которыми подвязывали лапти или поршни к ноге (рис. 3: 1). Данная обувь с фрагментами обор представлена в раскопе в достаточном количестве. Еще одно использование тонких веревок – «тятиво» – для насадки сети (Скобелев, 2010, с. 4). Крученые шнурки из 2–3 полос лыка от 0,7 см до 1,2 см и плетеные косички диаметром до 1,5 см (рис. 3: 2), вероятно, служили для круговой опояски чего-либо, например, холщевой покрышки на горшке или одежды бедноты, и назывались «гашниками» (Даль, Толковый словарь, 2007, с. 346). Собственно «веревки» представлены размерным рядом от 1,2 см до 2,5 см, на некоторых присутствуют узлы (рис. 3: 3). Они наиболее многочисленны в данной категории вережочных изделий (около 40 шт). Последний вид – канаты (D=2,5–5,5 см). Интересно, что канаты представляют собой рубленые фрагменты

Рис. 3. Вертки – «сторожковые снасти»:

1 – обору, «тятиво» ($0.4 \leq d \leq 0.7$); 2 – шнурки – «гашники» ($0.7 \leq d \leq 1.2$);

3 – веретки ($1.2 \leq d \leq 2.5$); 4 – канаты – «шейма» ($2.5 \leq d \leq 5.5$).

Fig. 3. Ropes: 1 – latches ($0.4 \leq d \leq 0.7$); 2 – Laces ($0.7 \leq d \leq 1.2$); 3 – Ropes ($1.2 \leq d \leq 2.5$);

4 – Tail-ropes ($2.5 \leq d \leq 5.5$).

Рис. 4. Плетенки – фрагменты рогожных изделий.

1 – изделие с толстой полосой лыка по кромке; 2 – обшивка края тонкой крученой

мочальной нитью; 3 – выплетение ребер с «ушками»; 4 – рогожа с кистями.

Fig. 4. Wicker – fragments of items made of cattail.

1 – An item with a thick liber trimming; 2 – Trimming with a thin twisted bast fiber;

3 – plaiting of ribs with ‘ears’; 4 – Bast matting with tassels.

(рис. 3: 4). Но это явление объяснимо. Вызвано оно следующей причиной. Близость речного порта давала населению Посада бесплатный источник мочального волокна. Это списанные с кораблей судовые канаты, которых хватало только на один навигационный период (Халиков, 1995, с. 165) и срубленные с плотов строительного леса, пригнанного к пристани. Причем тот факт, что отличные липовые канаты остаются гнить на берегу, привел к необходимости уже в начале XX века ВСНХ СССР выпустить приказ «О рациональном использовании отработанных канатов...» (6 авг. 1930 г.) в качестве сырья для рогожно-кулеткацкого производства. Вызван он был стремлением открыть новые источники дохода для экономики молодого государства (Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 151). По-видимому, люди, жившие в Свияжске 3 века назад, отличались большей практичностью. На Волге канаты имели свое название – «шейма», общее название для мочальных веревок, бытующее у крестьян, – «лычага» (Даль, Толковый словарь, 2007, с. 179). По П.И. Кеппену, все виды веревок относятся к сторожковым снастям (Кеппен, 1841, с. 12).

Следующей по числу находок категорией являются плетенки – около 60 изделий, каждое из которых состоит из нескольких фрагментов (рис. 4). Они представляют собой полотняное переплетение тонких лыковых полос (шириной от 0,4 см до 0,8 см). Помимо одинарных встречаются обрывки многослойных рогож – в два, три слоя и даже до шести слоев притертых друг к другу полотнищ. Морфологически все плетенки различаются характером кромки: край с прямым перегибом

лык, с косым перегибом лык. Много фрагментов, не имеющих окантовки, – средних. Среди дополнительной обработки кромки изделий хотелось отметить различные варианты:

- вплетение более широкой и толстой полосы лыка с краю (рис. 4: 1),
- обшивка тонкой крученой мочальной нитью (рис. 4: 2),
- выплетение дополнительных ребер с «ушками» (рис. 4: 3),
- лыки завязаны по 4 шт. в узел и образуют кисть (рис. 4: 4).

Отдельного внимания заслуживают циновки, сотканые из крученой мочальной нити (рис. 5).

На основании технологической литературы все эти фрагменты по морфологическому принципу были идентифицированы как предметы рогожно-кулеткацкого промысла, т.е. – рогожи, коврики, циновки, покрывала, кули разных видов, и, возможно, паруса (Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 30–50). Ни одно изделие, обнаруженное в Свияжске, в силу специфики материала не имеет полную сохранность, поэтому не может быть точно атрибутировано. Рогожи вплоть до второй половины XX века являлись упаковочным и покрывным материалом. У П.И. Кеппена описано 7 видов рогож: парная, рядная, или «циновка», кулевая, крышечная, или «таевка», парусовка, табачная, карточная, или «картошовка» (Кеппен, 1841, с. 10). Кули, которые сшивались из рогожного полотна, служили универсальной тарой (аналог современных пакетов и мешков), имели различные размеры и конструкцию. Так, на начало XX века существовало 25 сортов кулей. Вот некоторые из видов: мучные (три размера), овсяные, соляные, рыбные, угольные, огуречные, мело-

Рис. 5. Фрагменты рогожного изделия – «циновка».

Fig. 5. Fragments of a cattail item: a 'mat'.

вые и особо мелких размеров – бакалейные (Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 30, табл. 15). Более подробно производство и технологические особенности свияжских рогож будут рассмотрены в отдельной статье. Возможно, в данный хронологический период (XVI–XVIII вв.) производство рогож существовало на острове Свияжск. Косвенными доказательствами этому является находка фрагментов «бил» – деталей горизонтального рогожного станка, служащие для прибавления уточин в полотне, и костяная игла для сшивания рогож соответствующего размера. Активная рыбная и мясная торговля на близлежащей к раскопу территории могла способствовать появлению данного ремесла в Свияжске. Об этом свидетельствует карта города с указанием мест торговли (Рыбного и Мясного ряда) в прибрежной зоне.

Еще одна категория изделий из лыка – многочисленные находки фрагментов лаптей (рис. 6). Это – головки, подошвы, края со жгутиком и другие мелкие фрагменты. Отличить фрагменты лаптей от других плетеных изделий помогают следующие признаки:

- ширина лыковых полос от 0,8 см до 1,5 см. Чем больше размер лаптей, тем шире полосы луба. Так, детские лапти имеют «строки» шириной не больше 1 см;

- само плетение нередко двухслойное, но полотна не отслаиваются, как у рогож. Это следствие такой технологической операции, как «подковырка» – закрепление концов лыка вплетением в первое полотно или подплетение дополнительного второго слоя лыка для придания особой прочности всей конструкции (Редичев, 2001, с. 85, рис. 17–19).

Рис. 6. Фрагменты лаптей из раскопа «Татарская Слободка».

Fig. 6. Fragments of bast shoes from "Tatarskaya Slobodka" .

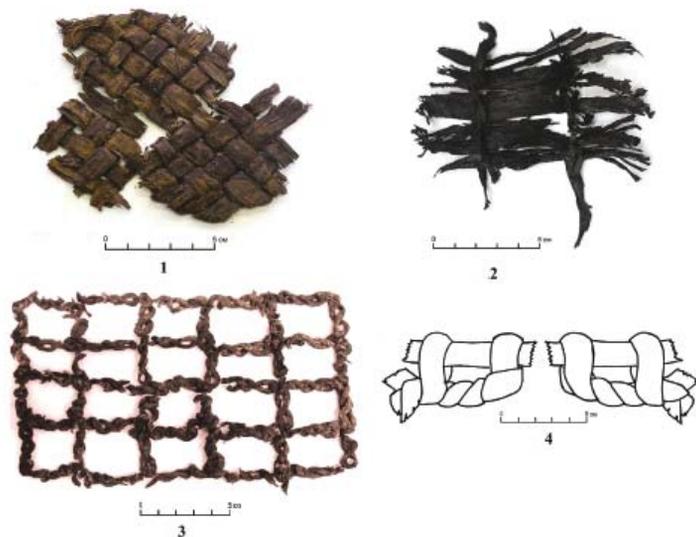

Рис. 7. Фрагменты единичных находок из лыка.

1 – фрагменты коробов (?); 2 – разреженное плетение со жгутом;
3 – сетка из перевитых петель; 4 – схема фрагмента веревочной конструкции.

Fig. 7. Fragments of individual finds of liber.

1 – Fragments of boxes (?); 2 – Loose cable weaving; 3 – a mesh of tangled loops;
4 – a fragment of rope construction, scheme.

Свияжские лапти очень разнообразны, первоначально было атрибутировано 3 вида (Абдуллин, Визгалова и др., 2014, с. 277–293). На сегодня, исходя из морфологии, можно выделить в два раза больше видов, в том числе интересную низкую форму без бортов (по материалу готовится публикация). Примечательно, что чисто лыковые лапти имеют обычно головки прямого плетения, аналогичные лаптям, найденным при раскопках Казанского кремля (Ситдииков, 2006, рис. 80). Материал, из которого изготовлена данная обувь, различен: лыко, береста, кожа–лыко. Всего лыковых лаптей и лыковых с кожаным подплетом около 40 фрагментов. На этом описание серийных изделий из липового волокна заканчивается.

К единичным находкам следует отнести следующие находки:

– мелкие фрагменты из твердого лубяного слоя, возможно «короба» (рис. 7: 1);

– редкое плетение с поперечным перевитым жгутиком, такое плетение использовалось в кошелках из рогоза (Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 170–190), возможно подобное изделие из лыка (рис. 7: 2);

– сетка из перевитых петель, возможно предмет рыбного промысла–сети (рис. 7: 3). О безузловом сетном полотне, сплетенным путем скручивания нитей, и сетях из лыкового волокна писали некоторые исследователи (Брандт, 1980, с. 146–149);

– сложные веревочные конструкции – сенные кошели для лошадей (Кеппен, 1841, с. 12) или снасти (рис. 7: 4).

Все рассмотренные находки датируются второй половиной XVI–XVIII в., но ввиду архаичности ремесла могут дать представление о раннесредневековых изделиях из растительного волокна. Предметы, представленные в данной статье по группам, позволяют разработать классификацию археологических находок из лыка, поскольку данный материал был необоснованно обойден вниманием исследователей. Однако он играет важную роль в реконструкции быта и ремесла средневекового населения, т.к. обработкой волокнистых материалов и производством на рынок в нашем регионе занималось до 1/5 всего населения (Смыков, 1982, с. 260).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллин Х.М., Визгалова М.Ю., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Федотова Ю.В., Храмченкова Р.Х.* Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свияжска и Казани) // Поволжская археология. 2013. № 3. С. 277–293.
2. Археологические исследования 2014 г. Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2015. 38 с.
3. *Арциховский А.В.* Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11. Т. 1 / Под ред. Н.Н. Воронина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 119–151.
4. *Брандт А.* Из истории рыболовной сети // Наука и жизнь. 1980. № 7. С. 146–149.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 1: А-З. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 699 с.
6. *Кеппен П.И.* О мочальном промысле. Сведения, собранные Петром Кеппеном. СПб., 1841. 61 с.

7. Редичев С.Т. Не учась и лаптя не сплетёшь // Наука и жизнь. 2001. № 1. С. 82–86.
8. Руководство по технологии первичной обработки новых лубяных волокон / Под общ. ред. А.М. Краснощёкова. М: Издание Новлублинститута ВАСХНИЛ, 1933. 320 с.
9. Ситдииков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиантъ, 2006. 288 с.
10. Скобелев О.А. Липовое лыко заонежан: и гуж, и веревка, и мочалка. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижиги», 2010. 16 с.
11. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. 1861–1900 гг. (социально-экономическое исследование). Дисс... докт. ист. наук. Казань, 1982. 513 с.
12. Старков А.С. Отчёт об археологических исследованиях «Татарская Слободка» на территории села Свияжск в Зеленодольском районе Республики Татарстан в 2011 году / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф.? Д.?
13. Файвишевский Я.Л., Пашенин М.Г. Мягкая тара из мочала, древесной стружки и рогоза. М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединённое издательство, 1933. 192 с.
14. Халиков Н.А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Приуралья (середина XIX – начало XX.). Казань, 1998. 100 с.
15. Шакиров З.Г. Отчёт об археологических охранно-спасательных исследованиях в Зеленодольском районе Республики Татарстан на территории о. Свияжск за 2008 год. Т. I / Научный фонд МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ.
16. Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 184–210.

Информация об авторах:

Визгалова Мария Юрьевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mutqueen@mail.ru

Старков Андрей Сергеевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); 2647425@mail.ru

WICKERWORK MADE OF VEGETAL FIBERS FOUND IN “TATARSKAYA (WOODEN) SLOBODKA” ON SVIYAZHISK

M.Yu. Vizgalova, A.S. Starkov.

The authors offer a new approach to studying wickerwork of vegetal fibers, such as liber, which have not been treated as a separate category of archaeological finds so far. They describe their special methodology, which they developed for conservation and restoration of liber items. This methodology was applied to study the collection of linden liber and bast items found on excavated structures of 16th – 18th centuries in Sviyazhsk's posad. A systemic combination of restoration activities applied by the authors has enabled restoring fragments of items of the so-called 'bast' industry. Further ethnographic, statistic and technological studies made it possible to distinguish the following groups in this complex: ropes; cattail bags industry; bast shoes; individual finds of unknown use. Each group has a few subgroups with certain characteristic features. This first experience of the authors' complex approach to systemic classification of such finds will enable its broader application to items made from organic materials.

Keywords: archaeology, Middle Volga, late Middle Ages, Sviyazhsk, posad, vegetal fiber, liber items, restoration.

REFERENCES

1. Abdullin, Kh. M., Vizgalova, M. Yu., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S., Fedotova, Yu. V., Khranchenkova, R. Kh. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 277–293 (in Russian).
2. Sitdikov, A. G., Valiev R. R., Starkov A. S. (comp.). 2015. *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan (in Russian).
3. Artsikhovskii, A. V. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 11 (1). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 119–151 (in Russian).
4. Brandt, A. 1980. In *Nauka i Zhizn (Science and Life)* (7), 146–149 (in Russian).
5. Dahl, V. I. 2007. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: "Rus. iaz. Media" Publ. (in Russian).
6. Köppen, P. I. 1841. *O mochal'nom promysle. Svedeniia, sobrannye Petrom Keppenom (On Liber Industry: Information by Peter Köppen)*. Saint Petersburg (in Russian).
7. Redichev, S. T. 2001. In *Nauka i Zhizn (Science and Life)* (1), 82–86 (in Russian).
8. Krasnoshchekov, A. M. (ed.). 1933. *Rukovodstvo po tekhnologii pervichnoi obrabotki novykh lubianykh volokon (Technological Manual on Primary Treatment of New Liber Fibers)*. Moscow: V. I. Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, New Liber Institute (in Russian).
9. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskiy Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
10. Skobelev, O. A. 2010. *Lipovoe lyko zaonezhan: i guzh, i verevka, i mochalka (Linden Liber Produced by the Trans-Onega Population: Tug, Rope, and Bath Pouf)*. Petrozavodsk: Kizhi Museum-Reserve (in Russian).
11. Smykov, Yu. I. 1982. *Krest'iane Srednego Povolzh'ia v period kapitalizma. 1861–1900 gg. (sotsial'no-ekonomicheskoe issledovanie) (Middle Volga Peasants in the Capitalist Epoch, 1861–1900: a Social-Economic Study)*. Doct. Diss. Kazan (in Russian).
12. Starkov, A. S. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax «Tatarskaia Slobodka» na territorii sela Sviiazhsk v Zelenodol'skom raione Respubliki Tatarstan v 2011 godu (Report on Archaeological Investigations in the "Tatarskaya Slobodka" Site, on the Territory of Sviyazhsk Village (Zelenodolsk, Republic of Tatarstan) in 2011)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
13. Faivishevskii, Ya. L., Pashenin, M. G. 1933. *Miagkaia tara iz mochala, drevesnoi struzhki i rogoza (Flexible Packing of Liber, Wood Chips and Cattail)*. Moscow; Leningrad: "Vsesoiuznoe kooperativnoe ob"edinennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
14. Khalikov, N. A. 1998. *Promysly i remesla tatar Povolzh'ia i Priural'ia (seredina XIX — nachalo XX vv.) (Industries and Crafts of Tatars in the Volga and Ural Areas in Middle 19th — Early 20th Centuries)*. Kazan (in Russian).
15. Shakirov, Z. G. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-spatatel'nykh issledovaniiax v Zelenodol'skom raione Respubliki Tatarstan na territorii o. Sviiazhsk za 2008 god (Report on Rescue Investigations on Sviyazhsk Island (Zelenodolsk, Republic of Tatarstan) in 2008)* I. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Khalikov Institute for Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
16. Shakirov, Z. G., Valiev, R. R., Sitdikov, A., G. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 184–210 (in Russian).

About the Authors:

Vizgalova Mariya Yu., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mutqueen@mail.ru

Starkov Andrej S., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; 2647425@mail.ru

Статья поступила в номер 17.10.2016 г.

УДК 902/904

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ¹

© 2016 г. Г.Т. Обыденнова, В.В. Овсянников, Е.В. Бубнель,
А.С. Проценко, И.М. Бабин

Статья посвящена проблеме археологического изучения крепостных сооружений XVI–XIX вв., расположенных на территории Башкортостана. Археологические исследования проводились на некоторых из них – это Уфимский кремль и Бирская крепость на правом берегу р. Белой, Табынский городок на левом берегу р. Воскресенка, правого притока р. Белой, и Ельдякская крепость на правом берегу реки Уфа. Рассмотренные памятники дают разнородный материал, датированный в пределах XVII–XIX вв. Следы оборонительных сооружений зафиксированы только на двух памятниках – Уфимской крепости и Табынском городке. В статье приводятся исторические сведения по каждому из описываемых объектов, освещается история исследований этих памятников, с кратким описанием археологических материалов, характеризуется их современное состояние. Актуализируется необходимость разработки научного направления по исследованию крепостных сооружений XVI–XVII вв. методами археологии, подчеркивается целесообразность использования успешного опыта коллег из Республики Татарстан.

Ключевые слова: археология Нового времени, Южное Приуралье, Башкортостан, крепостные сооружения, Уфимский кремль, Бирская крепость, Ельдякская крепость, Табынский городок, керамические изразцы, архаическая и гончарная керамика.

Памятники Нового времени (XVI–XIX вв.) совсем недавно стали объектами пристального внимания российской археологической науки. До конца XX столетия эти объекты практически не изучались археологами-профессионалами, хотя они были интересны историкам и краеведам. Это было обусловлено рядом причин: отсутствием исследований по изучению материальной культуры русского населения Востока России XVII–XIX вв., фрагментарной экстраполяцией данных этнографии на указанный период; отсутствием зачастую в архивных материалах информации о вещах,

которые были для жителей той поры обиходными. Систематический сбор этнографических коллекций начался с конца XIX в.; материалы, имеющиеся в коллекциях музеев и вполне возможно относящиеся к XVIII – началу XIX в., по большей части не имеют четко обоснованной датировки (Самигулов, 2007, с. 113).

В последние годы к изучению этого направления в Республике Башкортостан, подключились исследователи Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Так, в 2014 г. вышла обобщающая статья А.Г. Ахатова

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ: «Российские крепости как центры генерации государственности в этническом и конфессиональном пространстве Юго-востока России в XVII–XIX вв.» (№14-01-00364).

и Э.В. Камалеева, посвященная изучению поселенческих объектов XVII–XIX вв. на территории Башкортостана. В работе подчеркнута слабая изученность памятников XVI–XIX вв. и сформулирована задача проведения актуальных этноархеологических исследований в исторических городах Южного Урала (Ахатов, Камалеев, 2014, с. 17–21). В другой коллективной работе исследователи представили результаты археологических исследований, проведенных на территории исторического центра Уфы в 2012–2013 гг. (Ахатов и др., 2015, с. 45–57).

В данной статье представлены крепостные сооружения Нового времени на территории Башкирского Приуралья, на которых проводились какие либо формы археологического изучения.

К числу археологических исследований интересующего нас периода, в частности, на территории г. Уфы, следует отнести материалы раскопок Уфимского Кремля в 1988 г., проведенных А.И. Лебедевым. Уфимский кремль занимал мыс, образованный коренной террасой правого берега р. Белой и глубоким оврагом, по дну которого протекает р. Сутолока. Ныне через мыс проходит улица Октябрьской революции. На месте деревянного кремля построен архитектурный ансамбль «Монумент Дружбы».

Раскоп был заложен на восточном склоне кремлевского холма, обращенного к р. Сутолоке (рис. 2: 1). Общая вскрытая площадь составила 108 кв. м. Мощность культурного слоя составила 3–3,5 м. В ходе раскопок выяснилось, что в месте расположения раскопа естественный склон мыса был значительно потревожен. Вероятно,

это случилось в ходе обустройства данной территории во время строительства «Монумента Дружбы». Тогда была сnivelирована поверхность мыса и выровнены его склоны. Частично они были эскарпированы, частично досыпаны. В месте расположения раскопа склон оказался досыпан и культурные остатки в раскопе практически полностью переотложены. В частности, никаких сооружений в раскопе не выявлено, также как следов неоднократных пожаров деревянных сооружений Уфимской крепости.

Содержание коллекции составили: монеты XVII–XIX вв. (публикация данного материала дана И.М. Акбулатовым (Акбулатов, 1997, с. 70–77)) нательные крестики, чугунные ядра, различные орудия труда и полихромные изразцы и курительные трубки и т. д. (Лебедев и др., 1998, с. 62–63). Массово представлен остеологический материал. Общее количество находок составляет 1077 единиц. Основная часть находок хранится в фондах Национального музея Республики Башкортостан.

Согласно коллекционной описи фондов Национального музея № по КП: ОФ 16998/1-156 она представлена металлическими предметами, обломками стекла и керамическим материалом, который разделяется на фрагменты ручек (1), орнаментированные керамические изразцы (106), фрагменты бытовой посуды (105), неорнаментированные венчики сосудов (279), днища сосудов (354) в основном равномерного обжига и без примесей, монеты XVII–XIX вв.

Несмотря на обилие материала, полученного в ходе раскопок А.И. Лебедева, исследователи до сих пор не обратили на него должного внимания,

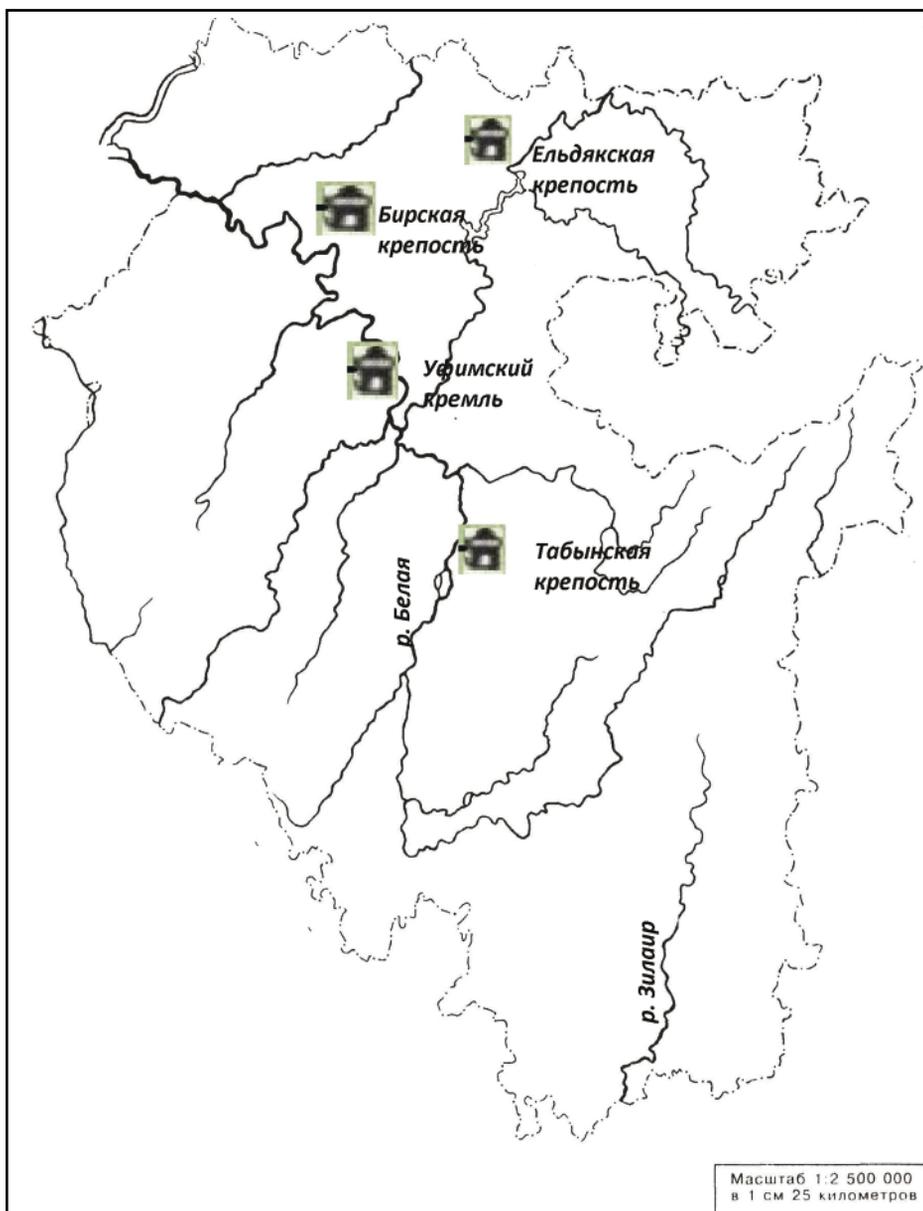

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов.

Fig. 1. Location of archaeological sites.

так, например, большая часть изделий не подвергнута тщательному анализу.

В 2006 г. по сообщению В.Н. Захарова о находке остатков стен Уфимского кремля группой археологов ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.В. Овсянникова был произведен ос-

мотр на участке периметра Уфимской крепости. Следы крепостной стены были выявлены в обнажении борта оврага, расположенного между улицами Октябрьской революции и Заки Валиди. Здесь обнаружены фрагменты каменного фундамента крепост-

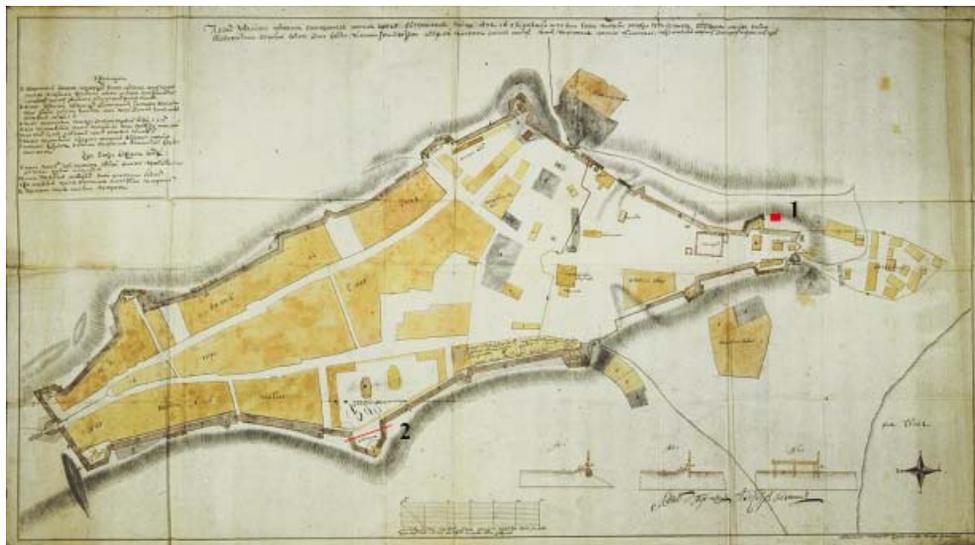

Рис. 2. План Уфимской крепости 1761 г. План Уфимской крепости 1761 г. // Атлас-хроника «Башкирия» / Сост.: И.М. Шеляков, В.Н. Макарова, Б.И. Конюхов. Уфа, 2009. (РГВИА, ф. 349, оп. 40, д. 1066). 1 – предполагаемое место расположения раскопа 1988 г.; 2 – место осмотра 2006 г.

Fig. 2. Plan of Ufa fortress in 1761. // Atlas: Bashkiria Chronicle / edited by I.M. Shelyakov, V.N. Makarova, B.I. Konyukhov. Ufa, 2009. (РГВИА, f. 349, op. 40, dossier 1066). 1 – supposed location of 1988 dig; 2 – the area inspected in 2006.

ной стены. Фундамент представлял собой кладку из природного рваного камня, скрепленного известковым раствором. Ширина фундамента составляла около 1 м. Судя по следам дерева, сохранившимся в виде отпечатков в растворе, стена представляла собой вертикально установленные бревна, расщепленные пополам. Эта конструкция согласуется с описанием, оставленным инженер-поручиком Александром Вахтиным, руководившим в 1760 г. реконструкцией уфимской крепости. По его словам, стена представляла собой палисад, строившийся «из старого тыну» (Захаров, 2011).

Крепость, построенная на месте сгоревшей, в 1760–1761 гг. имела 4 редана и 9 бастионов. Сохранился план новой крепости, составленный А. Вахтиным (рис. 2). Судя по этому

плану, осмотренный в 2006 г. участок стены принадлежал 6-му бастиону (рис. 2: 2). При этом зафиксировано, что угловой элемент стены бастиона, обрушился в связи с естественным разрушением борта оврага. Сохранились участки у основания бастиона, ныне выступающие из грунта. Пространство между этими частями стены заполнены мощным углистым слоем, видимо, следами пожара.

У подножия стены и в обнажении стенки оврага собраны фрагменты керамической и стеклянной посуды, а также несколько металлических изделий. Одно из них идентифицируется как сверло. Керамические фрагменты принадлежат гончарной посуде без поливы, ремесленного производства. Подобная керамика, по материалам Прикамья и Зауралья, начинает заменять более архаичную, так называемую

мую «домашнюю» керамику с конца XVIII века (Самигулов, 2003, с. 94). Стекланные фрагменты относятся к сосудам, имеющим подпрямоугольную форму и узкое округлое горло с характерным ободком. Подобные сосуды близки так называемым штофам, использовавшимся для хранения «хлебного вина». Найдено несколько дниц этих сосудов, однако клейма на этих изделиях отсутствовали. Вероятно, эти штофы выпущены какой-то кустарной мастерской, до появления массового фабричного производства стеклянной тары в России. Вероятно, полученный материал может относиться к концу XVIII – началу XIX века, когда уфимские укрепления окончательно потеряли военное значение и были заброшены.

Другим объектом является Бирская крепость («городок»), расположенная на крупнейшей в этом крае водной артерии (правобережье р. Белой), соединявшей Уфу с центральными российскими городами. По историческим данным известно, что город Бирск возник в середине XVII в. «...подле Белой по увалу и на горе у ключей...». Первоначально, в 1645 г., дворцовыми крестьянами была основана деревня Бирь, в 1650 г. появилось ее новое название – село Архангельское. В 1662 г. оно было сожжено во время башкирского восстания и в 1667 г. на месте сожженного села, на самом высоком месте (юго-западная оконечность Галкиной горы) была построена деревянная крепость (Сахратуллин, 2000), имевшая шесть башен и двое ворот. На ее территории в середине XVIII века стояли: церковь Михаила Архангела, канцелярия, пороховой погреб, воеводский дом, острог для колодников и т.д. Около церкви до 1771 г.

существовало кладбище (Сборник статистических..., 1868, с. 49). Длина крепостных стен – 237 саженой, с наружной стороны от них был выкопан ров.

По данным сенатского подполковника А.И. Свечина (1762–1764 гг.), «протчие же две деревянные ж приходские церкви и обывательское поселение состоит з западной стороны на полу горе, на самом берегу реки Белой» (Саначин, 2007, с. 229), т.е. между крепостью и берегом реки. В 1708 году вся территория города (посада) была обнесена «палисадником» (т.е. засыпкой грунтом стен из плетня, по верх – дощатый забор) с девятью башнями и рвом. К 60-м годам XVIII в. эта линия укреплений практически полностью разрушилась.

В 2007 г. экспедиция Научно-исследовательского центра «Наследие» провела сплошное обследование территории города Бирск (райцентр Бирского района Республики Башкортостан) в пределах его административных границ, с целью разработки проекта зон охраны объектов культурного наследия. Каких-либо видимых остатков Бирской крепости и «земляного города» обнаружено не было. В целях поиска культурного слоя раннего Бирска было проведено обследование побережья р. Белой от района Камешника до бывшего женского монастыря (в настоящее время – СИЗО): проведены сборы керамики с поверхности и заложен разведочный шурф.

Шурф был заложен на углу улиц Красноармейская и Цюрупы, на пустующем земельном участке по ул. Цюрупы, непосредственно за зданием лаборатории элеватора, у подножья Галкиной горы, к юго-западу от Михайло-Архангельской церкви. Мощ-

Рис. 3. Ельдяцкая крепость. А – на карте-приложении к плану Генерального межевания Бирского уезда, проводившегося в конце XVIII – начале XIX вв.; В – на военно-топографической карте 30-40-х гг. XIX в.; С – на карте в масштабе 1:100 000 по данным 1982 г. D – современная карта масштаб 1:25 000, 1 – место сбора подъемного материала.

Fig. 3. Eldyatskaya fortress. A – located on the map attached to the General Cadaster Plan of Birk Province, late 18th – early 19th centuries; B – on the military-topographic map of 1830-1840s; C – on the map scaled 1:100 000 by the data of 1982. D – modern map scaled 1:25 000, 1 – the area with stray finds.

ность культурных напластований в шурфе составила 0,85 м. Культурный слой в нем насыщен строительными остатками не менее чем столетнего возраста, а также очень архаической грубой гончарной керамикой с большой примесью песка в тесте. Предварительная ее датировка – XVII–XVIII вв. (Самигулов, 2003, с. 90–91). Аналогичная керамика собрана возле Михайло-Архангельской церкви, а также на огородах домов, находящихся возле нее. Хорошо выделанная неполивная и поливная гончарная керамика собрана на улицах, расположенных возле побережья р. Белой.

Таким образом, мнение С.Ф. Сахратуллина о том, что Бирская кре-

пость стояла первоначально на территории, где впоследствии возник женский монастырь, а в настоящее время находится СИЗО (2000, с. 29, 37) ошибочно, т.к. это место неудобно и бессмысленно для обороны (посад находится слишком далеко), а обследование западного склона возвышенности у стен СИЗО показало отсутствие здесь ранней керамики и наличие поздней, середины – конца XIX века, что свидетельствует об относительно позднем освоении этого участка города (Акбулатов и др., 2008, с. 120–121).

В настоящее время вся эта территория очень плотно застроена и неоднократно перестраивалась. Особенно

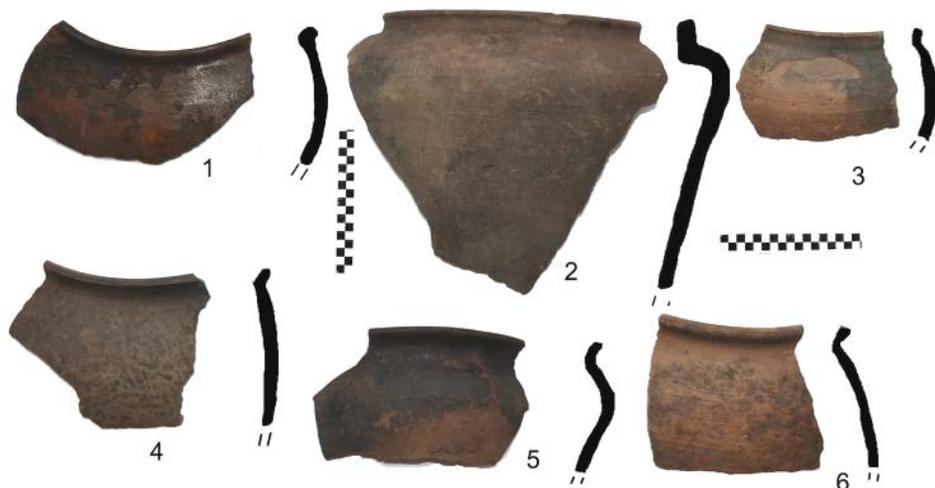

Рис. 4. Подъемный материал Ельдяцкой крепости. Венчики сосудов.

Fig. 4. Stray finds from Eldyatskaya fortress. Rims of vessels.

пострадали склоны – от подрезок, подсыпок и террасирования. Вероятно, значительная часть остатков Бирской крепости разрушена при постройке нового здания Михайло-Архангельской церкви в 1845 г, а остальная находится внутри церковной ограды и под площадью Чапаева. Вдоль берега были построены массивные складские помещения и здание элеватора. Однако в целом в данной части города масштабных строек не велось, поэтому культурный слой имеет хорошую сохранность – это показали результаты шурфовки и сборов 2007 г. и данные по мощности культурных напластований под ул. Цюрупы.

К середине XVIII века города-крепости утрачивают свое стратегическое значение, а вместе с тем постепенно и свою компактность. Они, в том числе Уфа и Бирск, становятся торгово-ремесленными и административными центрами.

Анализ исторических документов и планов Уфы, Бирска и других городов Башкортостана свидетельствует, что выбор их местоположения про-

изводился продуманно, причем, как правило, оценивалось несколько возможных площадок. Только после всестороннего изучения каждой из них, сопоставления их по ряду признаков принимался окончательный вариант. Наличие такого важного природного фактора, как р. Белая, определило некоторую планировочную общность перечисленных выше городов, которая выразилась, в частности, в формировании селитебных районов и расположении их исторического ядра у речных акваторий. Но различие в функциональном назначении городов (крепость, торговая пристань, завод) и конкретные ландшафтные условия обусловили в каждом отдельном случае их индивидуальную архитектурно-планировочную структуру и различный характер территориального расширения. Так, Уфа и Бирск получили соответственно характеру ландшафта местности веерную сетку улиц, сходящихся к Кремлю.

Хотя и фрагментарные археологические исследования Уфы и Бирска показали что, несмотря на многочис-

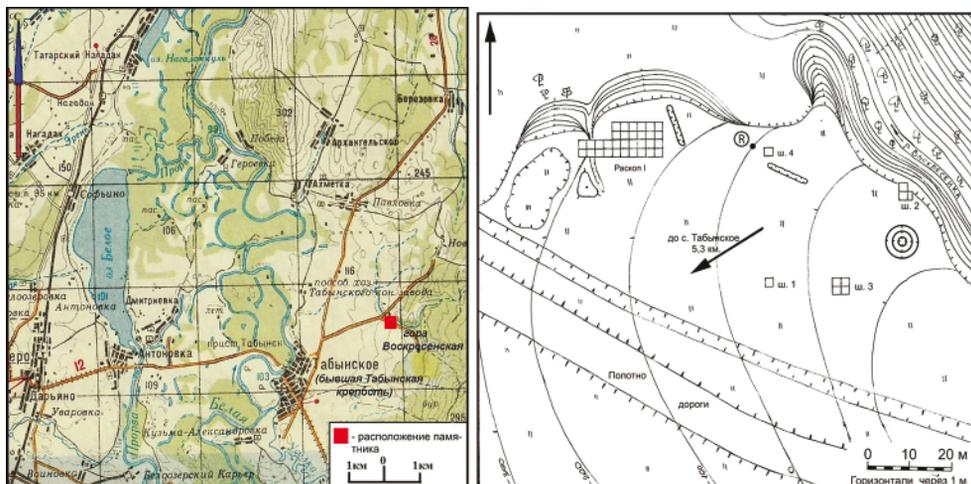

Рис. 5. Расположение и план Табынского городка.

Fig. 5. Location and plan of Tabynsk town.

ленные перестройки и перепланировки, культурный слой XVII–XVIII вв., расположенный в пределах крепостных стен, вполне пригоден для исследования. Более того, вполне вероятно нахождение следов крепостных сооружений, как это зафиксировано в Уфе для XVIII века. Учитывая интенсивную застройку исторических центров в современных городах Башкортостана (в особенности Уфы), на повестке дня стоит немедленная интенсификация археологических исследований городских слоев XVI–XIX вв.

Следующий памятник – Ельдяцкая крепость – основана весной 1736 г. на месте Ельдяцкой пристани, недалеко от бывшей башкирской деревни Елдяк; деревня была разорена карательной частью в конце 1736 г. В крепости были регулярные части: 3 полка казаков, которые были заселены в 1737–1738 гг. (Материалы по истории..., 2002, с. 387, 501). По свидетельству П.И. Рычкова, в крепости стояла «церковь во имя Нерукотворного образа Спаса»; крепость была «укре-

плена с наружной стороны заплотом» (Рычков, 1999, с. 272). В документе о поиске места для основания единоверческого монастыря, датированном 23 июня 1841 г. сказано: «... Бирской округи Ельдяцкая станица за выводом по распоряжению начальства жителей ее казаков на новую линию остается и с церковью без жителей» (Мукомолов, 2004, с. 134). Переселение казаков из Ельдяцкой станицы, бывшей Ельдяцкой крепости в новолинейный район произошло, скорее всего, в 1842 г. (История казачества..., с. 134–135). На карте Генерального межевания, составленной по данным V ревизии 1794 года, Елдяк указан как крепость, однако укреплений не отмечено (рис. 3: А). Видимо, к этому времени заплот пришел в негодность. Примечательно, что упоминавшаяся церковь расположена на окраине крепости. На карте, составленной военными топографами в 30–40-х гг. XIX в., крепость обозначена уже как село, а церковь расположена в центре села (рис. 3: В). В 1956–1959 гг., в связи со строительством Павловского водохра-

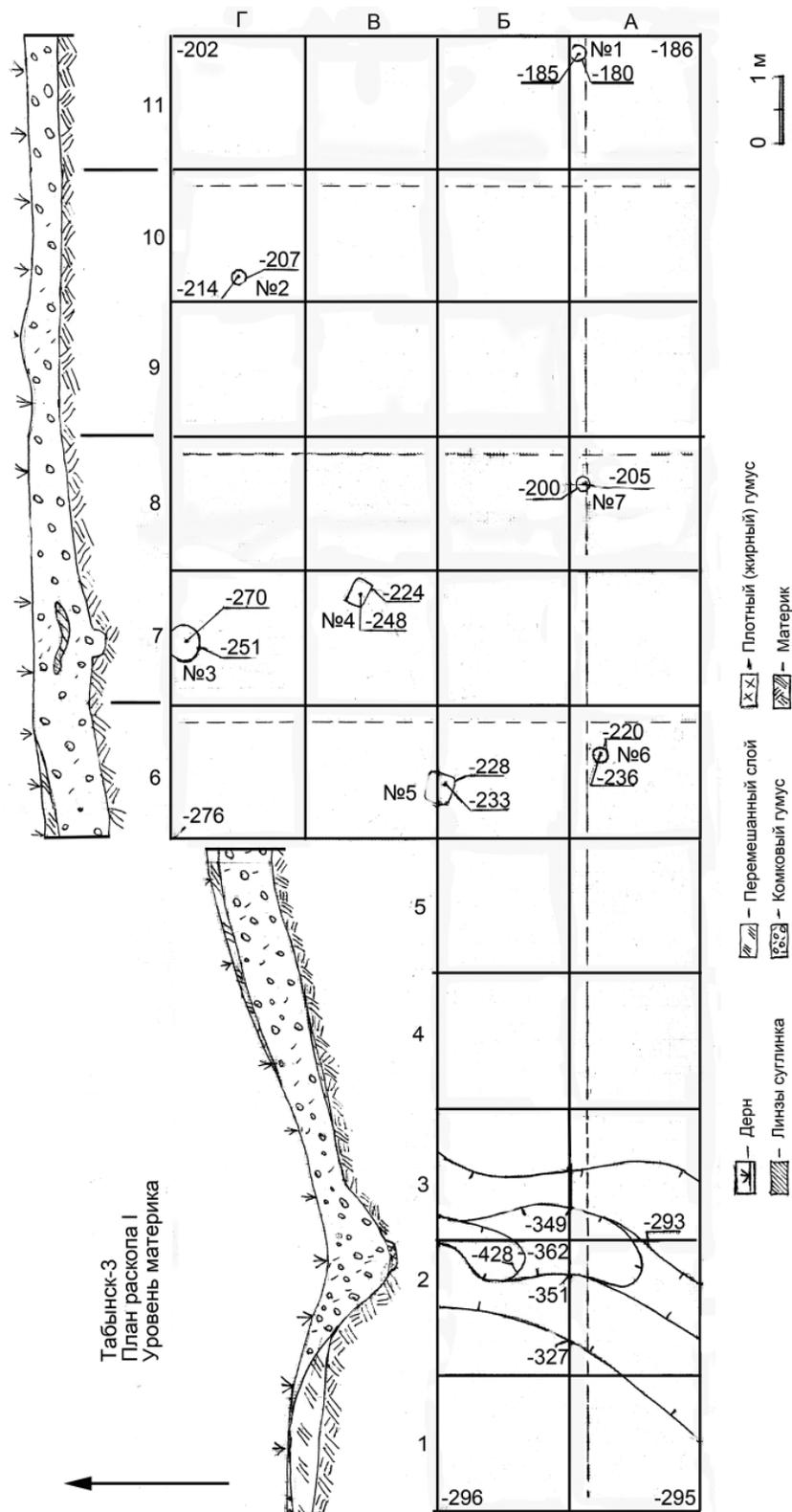

Рис. 6. Табынский городок (Табынск-3). План и профиль раскопа I.

Fig. 6. Tabynsk town (Tabynsk-3). Dig I, plan and profile.

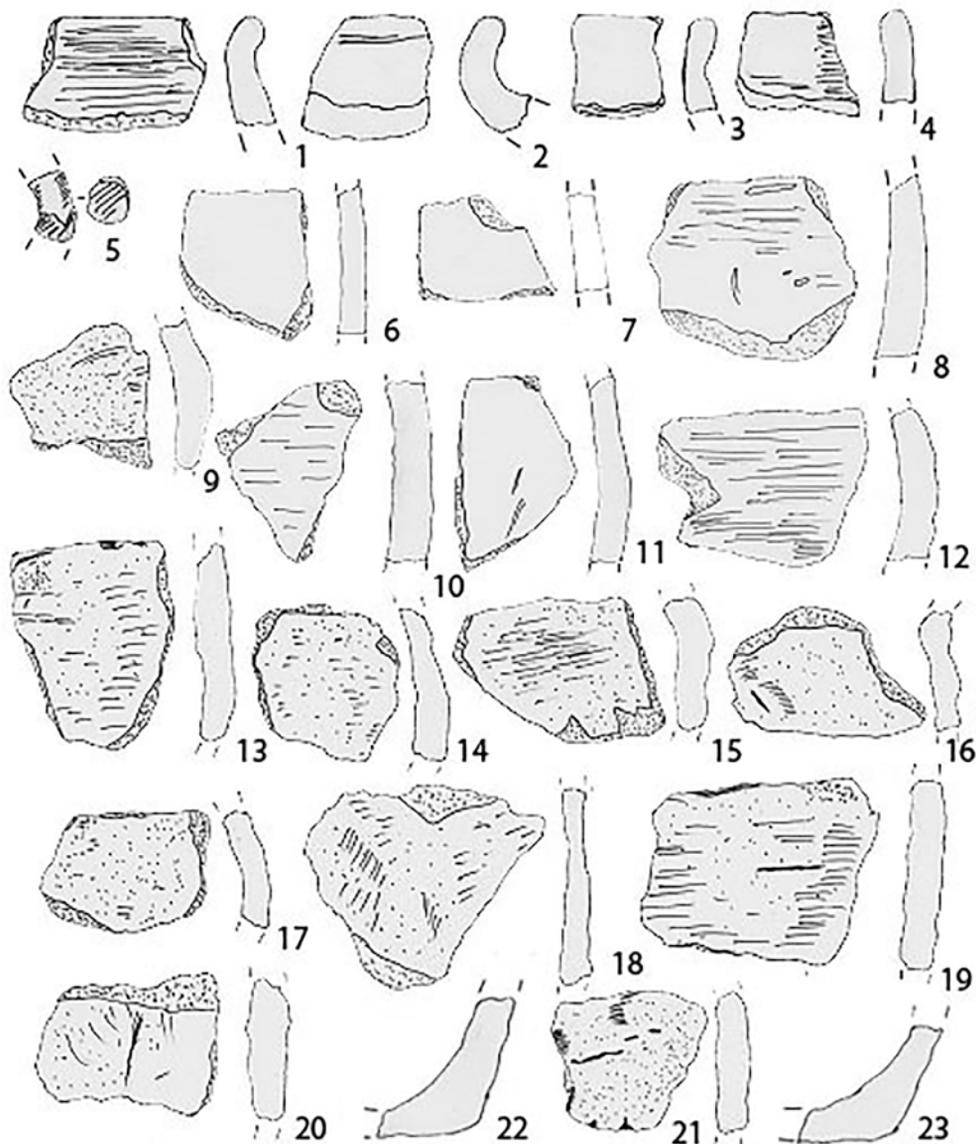

Рис. 7. Табынский городок (Табынск-3). Раскоп I. Керамический материал.

Fig. 7. Tabynsk town (Tabynsk-3). Dig I. Ceramics.

нилища, жители д. Ельдяк переехали в другие населенные пункты. Большая часть их переселились в деревню Атамановка (Караидельский район Республики Башкортостан), которая существует до сих пор (рис. 3: С).

В сентябре 2001 г. В.В. Овсянников побывал на месте затопленной крепо-

сти, на площади которой в настоящее время располагается ФОК «Звездный». Остатков укреплений обнаружено не было. По словам работников ФОК «Звездный», во время наиболее низкого уровня воды в водохранилище, обнажается фундамент церкви. В яме, оставшейся после раскорчевки,

Рис. 8. Табынский городок (Табынск-3). Раскоп I. Индивидуальные находки.

Fig. 8. Tabynsk town (Tabynsk-3). Dig I. Stray finds.

был собран подъемный материал (рис. 3: D). Судя по месту расположения и характеру залегания материала, – это была хозяйственная (мусорная?) яма на западной окраина села.

Исследователем была собрана большая коллекция подъемного материала, представленного 99 фрагментами керамических изделий, из

них: венчиков (25), днищ (8) и стенок (65) (рис. 4); фрагментов шлака в количестве (4 ед.), стеклянных изделий (3 ед.) и фрагментов фаянсовой посуды (5 ед.).

Вся керамика представлена фрагментами посуды, изготовленной на гончарном круге. Тесто сосудов хорошо отмучено и содержит примесь

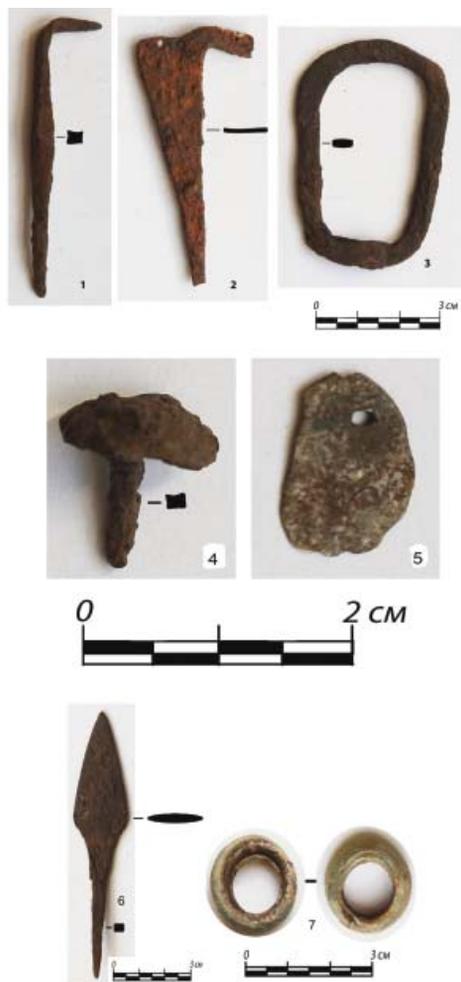

Рис. 9. Табынский городок (Табынск-3). Шурф № 2, 3. Индивидуальные находки.

Fig. 9. Tabynsk town (Tabynsk-3). Prospection pit no. 2, 3. Stray finds.

сится к периоду, когда крепость была ликвидирована и существовала как село.

В 2014 г. Лаборатория археологического источниковедения и историографии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы сосредоточила свое внимание на изучении «Табынского городка» (Табынск-3), одного из памятников XVII в. (грант РГНФ: «Российские крепости как центры генерации государственности в этническом и конфессиональном пространстве Юго-Востока России в XVII–XIX вв.») (Обыденнова, Овсянников, 2014, с. 312–318).

Археологический памятник расположен на левом берегу р. Воскресенка, правого притока р. Белой, и занимает участок коренной террасы высотой 10–11 м (рис. 5). На памятнике, у края террасы, в месте «впадения» сухой ложбины, был заложен основной раскоп I, общей площадью 136 кв. м (рис. 6). Дополнительно для определения площади распространения и характера культурного слоя на памятнике были заложены четыре шурфа. Шурфы № 4 и № 2 у края террасы. Шурфы № 1 и № 3 на юго-восточной границе памятника. Общая площадь выявленного культурного слоя составляет 4000 кв. м (100×40 м).

В центральной части раскопа, на уровне материка, были зафиксированы остатки столбовой конструкции. Она фиксируется по трем столбовым ямкам. Две подпрямоугольной формы

хорошо просеянного песка. По форме в коллекции можно выделить горшки (рис. 4: 1, 3–6) и корчагу (рис. 4: 2). Поверхность сосудов тщательно заглажена и залощена. Качество черепков позволяет заключить, что посуда была произведена профессионалом-ремесленником. Г.Х. Самигулов подобную керамику на материалах Челябинска выделяет в стандартную группу, связанную с распространением посуды ремесленного изготовления на Урале на рубеже XVIII–XIX вв. (Самигулов, 2003, с. 93–94). Таким образом, собранный материал отно-

(размеры 40×45 и 40×30 см) и одной овальной (размеры 50×40 см), глубиной от уровня материка 25–30 см. На профиле северной стенки раскопа фиксировался выкид из ямки овальной формы. Глубина залегания выкида показывает, что ямы копались на глубину 0,7–0,8 м от уровня дневной поверхности времени существования памятника.

Судя по расположению ямок, они являются следами опор некоей конструкции, подобной так называемым пикетам – наблюдательным вышкам, опиравшимся на три или четыре столба. В нашем случае – на три. Данное сооружение было установлено у края террасы – одна из сторон расположена параллельно склону. Размеры сооружения 3,0×3,2 м.

Основная масса находок из раскопа и шурфов – фрагменты глиняной керамики как лепной, так и выполненной на гончарном круге. Все находки (96%) сосредоточены в гумусе, в верхних горизонтах культурного слоя, не глубже 0,4 м. Общая глубина до материка составляет 0,6–0,7 м от современной поверхности.

Культурный слой слабо насыщен находками. На 136 кв. м найдено 276 фрагментов керамики: из них 249 стенок, 17 венчиков, 6 придонных частей, 3 днища, 1 ручка (рис. 7). Среди индивидуальных находок – 5 металлических предметов и два фрагмента железного шлака (рис. 8). Четыре предмета сильно фрагментированы, их форму и функциональное назначение установить не удалось. Одно изделие – кованый железный гвоздь, судя по форме и размерам, использовался для подбивки обуви и служил для крепления подметки сапога.

Распределение находок по шурфам неравномерно. Наибольшее количество керамики происходит из шурфа № 2 – 57 фрагментов. Этот шурф был заложен у склона террасы. «Обилие» материала объясняется, видимо, тем, что здесь выбрасывался мусор. В других шурфах керамический материал незначителен.

Из трех шурфов происходят индивидуальные находки. В шурфе № 2 – шесть предметов: кованый гвоздь (длина – 1 см, диаметр шляпки – 0,8 см), аналогичный найденному в раскопе; рамка от железной подпружинной пряжки (размер: 5,8×3,6 см), железный стержень неопределенного назначения (размер: 3,5 см, толщина: 0,3 см), железный клин от топорика и серебряная подвеска с отверстием, изготовленная из монеты XVII в. (размер 9×14,5 мм, толщина 0,5 мм в верхней части, в нижней части – до 0,2 мм, отверстие 1,1 мм. Вес 0,43 г, серебро 925 пробы). В шурфе № 3 – ободок от горлышка небольшого стеклянного сосуда и железный наконечник стрелы (рис. 9). В шурфе № 4 – железный стержень неопределенного назначения. Следов каких-либо сооружений в шурфах не обнаружено.

Керамику, собранную на памятнике, можно разделить на две группы: «архаичную» и «ремесленную». Форма сосудов из-за фрагментарности не реконструируется. Первая группа – это лепная керамика, различного качества обжига, неорнаментированная, с неровно заглаженной поверхностью, частично пористая – от выгоревшей органической примеси. Вторая группа – посуда, изготовленная на гончарном круге, с ровной заглаженной поверхностью.

Датировка памятника устанавливается подвеской, изготовленной из русской монеты XVII в.² Остальной материал не противоречит данной дате. Учитывая кратковременность существования данного объекта, керамический комплекс и металлические изделия, найденные на нем, можно считать показательными для данного периода и для данной территории.

Рассмотренные в работе четыре памятника дают разнородный материал в пределах XVII–XIX вв. Следы оборонительных сооружений зафиксированы только на двух. Они представляют собой довольно простые конструкции: палисад на Уфимской крепости и вышка-пикет на Табынском городке. Учитывая, что в основном крепостные укрепления создавались для защиты от кочевых народов или восставших, не обладавших традицией и опытом штурма крепостей, следов мощных фортификационных сооружений искать на Южном Урале не следует. Последнее обстоятельство проявилось в ходе Пугачевского восстания при осаде Уфы отрядами Чики Зарубина и Салавата Юлаева. Укрепления Уфы, как показывают исторические источники и археологические свидетельства, не представляли собой серьезного препятствия для регулярных частей. Бирская крепость была взята восставшими штурмом и была сожжена, что также предполагает незначительную мощь фортификаций.

Исследования Табынского городка показали, что до создания регулярных крепостей в регионе существовали небольшие укрепленные пункты, пред-

ставленные легкими, практически полевыми, укреплениями, существовавшими недолгое время. Последние не представляли собой серьезного препятствия для больших воинских формирований и служили, скорее, для частных коммерческих целей и предохраняли объекты от небольших шаек грабителей или т.п.

Изучение археологических объектов XVI–XIX вв. в регионе осложняется отсутствием систематического анализа уже имеющегося материала. Хранящиеся в фондах музеев и различных организаций коллекции в большинстве своем не обработаны. В частности, немалые по объемам керамические материалы пока не обработаны специалистами. Поэтому трудно определить смену «архаической» керамики на «ремесленную» в регионе. Стратиграфическое изучение культурных отложений Уфы и Бирска могло бы дать исчерпывающую информацию по данной проблеме. Что, в свою очередь, позволило бы точнее определить время функционирования других, менее значимых, объектов.

В сложившейся ситуации целесообразным представляется обращение к успешному опыту коллег Республики Татарстан, уже имеющих достижения в области археологического изучения городов и укрепленных пунктов XVI–XVII вв. (Ситдинов, 2006; Шакиров, Валиев, Ситдинов, 2012; Губайдуллин, 2015), а также другие работы по исследованию крепостей и городков Поволжья, Урала и Сибири (Самигулов, 2002; Боталов, 2008; Васильева, Баранова, 2015).

² Описание и определение полученного нумизматического материала проведено к.и.н. А.М. Акбулатовым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акбулатов И.М.* Денежное обращение Башкортостана в XV – XVIII вв. // Башкирский край. Вып. 7 / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: НМ РБ, 1997. С. 70–77.
2. *Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В.* Разведочные работы на территории города Бирск // Бирская старина: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1 / Ред. Ю.Н. Сергеев. Бирск: БИРГСПА, 2008. С. 120–121.
3. *Ахатов А.Т., Камалеев Э.В.* Изучение поселенческих памятников XVI–XIX вв. на территории Республики Башкортостан: проблемы и перспективы развития археологии нового времени в регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60). Т. 1. С. 17–21.
4. *Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Камалеев Э.В., Колонских А.Г., Тузбеков А.Г.* Археология Нового времени и проблемы изучения городского культурного слоя Уфы (материалы исследований ИЭИ УНЦ РАН 2012–2013 годов) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 63. С. 45–57.
5. *Боталов С.Г.* Археологические исследования культурного слоя XVIII–XIX вв. г. Челябинска // Челябинск неизвестный Вып. 2. / Сост. В.С. Боже. Челябинск: Центр историко-культурного наследия, 1998. С. 7–14.
6. *Васильева Д.И., Баранова М.Н.* Древние культурные слои города и их влияние на современное использование территории (на примере Самарской крепости) // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2015. № 1(5). С. 1–9.
7. *Губайдуллин А.М.* Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X–XVI вв. Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2015. № 3(13). С. 125–143.
8. *Захаров В.Н.* Из истории уфимской крепости после пожара 1759 г. // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, 2011. № 2. С. 126–138.
9. История казачества Урала. Учебное пособие для казачьих воскресных школ. Оренбург-Челябинск, 1992. 240 с.
10. *Лебедев А.И., Савельев Н.С., Яминов А.Ф.* Археологический феномен Уфимского Кремля // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность / Отв. ред.: В.А. Пчелинцев. Уфа: Башгосуниверситет, 1998. С. 62–63.
11. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Уфа: Китап, 2002. 768 с.
12. *Мукомолов А.Ф.* На Южноуральских заводах. Книга IV. М.: Территория, 2004. 424 с.
13. *Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В.* «Табынский острог» – исторический памятник XVII–XVIII вв. (к истории изучения) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. 2015. С. 312–318.
14. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
15. *Самигулов Г.Х.* Городская и индустриальная археология Южного Урала // История археологии Южного Зауралья: Учеб. Пособие / Ред. В.С. Мосин, С.А. Григорьев, А.Д. Таиров, С.Г. Боталов, Г.Х. Самигулов. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2002. С. 254–285.
16. *Самигулов Г.Х.* Историко-археологические исследования русских поселений Нового времени Урала и Сибири. К вопросу о методологии исследований // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2007. С. 113–119.
17. *Саначин С.П.* Уфа, Бирск и другие поселения XVIII в. вокруг Белой в описании сенатского подполковника А.И. Свечина // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы: Материалы Международной научно-практической

конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.) / сост.: З.Р. Рахматуллина, Н.А. Хуббитдинова. Уфа: Гилем, 2007. С. 227–229.

18. *Сахратуллин С.Ф.* Бирская старина. Город Бирск. Кн. 2. Бирск, 2001. 334 с.

19. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. Уфа: Губ. стат. ком., 1868. 191 с.

20. *Ситдинов А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; изд-во Фолиантъ, 2006. 288 с.

21. *Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдинов А.Г.* О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 184–210.

Информация об авторах:

Обыденнова Гюльнара Талгатовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и культурного наследия, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); gto1104@mail.ru

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований, ИИЯЛ УНЦ РАН (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

Бубнель Евгений Викторович, заведующий отделом археологии, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); kvestar986@gmail.com

Проценко Антон Сергеевич, аспирант, научный сотрудник, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); anton.prosenko@mail.ru

Бабин Иван Михайлович, магистрант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); hett@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF FORTIFICATIONS IN BASHKIR CIS-URALS REGION

G.T. Obydenнова, V.V. Ovsyannikov, E.V. Bubnel, A.S. Protsenko, I.M. Babin

The article addresses archaeological studies of the 16th – 18th centuries fortifications in Bashkortostan. A few of them were studied by archaeologists, including the Ufa Kremlin and the Birsk fortress on the right bank of the Belaya River, Tabynsk town on the left bank of the Voskresenka River (the right tributary of the Belaya), and Eldyatskaya fortress on the right bank of the Ufa River. The above sites provide diverse material dated within the 17th – 19th centuries. Traces of fortifications are registered only on two sites - the Ufa fortress and Tabynsk town. The authors highlight the key historical data on both of them as well as the history of studies on these sites. It also briefly describes archaeological materials and defines their current state. It further emphasizes the need to elaborate an archaeological approach to studying the 16th – 17th centuries fortifications and to learn from the successful experience of colleagues from the Republic of Tatarstan.

Keywords: the New Age archaeology, South cis-Urals, Bashkortostan, fortifications, Ufa Kremlin, Birsk fortress, Eldyatskaya fortress, Tabynsk town, ceramic tiles, archaic and wheel pottery.

The work is prepared under the Russian Fortresses as Generators of Statehood in Ethnic and Confessional Space in South-East Russia in 17th-19th centuries Project (no. 14-01-00364) supported by the Russian State Scientific Fund.

REFERENCES

1. Akbulatov, I. M. 1997. In Akbulatov, I. M. (ed.). *Bashkirskii krai (Bashkir Land)* 7. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 70–77 (in Russian).
2. Akbulatov, I. M., Savel'ev, N. S., Ovsyannikov, V. V. 2008. In Sergeev, Yu. N. (ed.). *Birskaiia starina: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh (Birsk Past: Local History Almanaque)* 1. Birsk: Birsk State Social and Pedagogical Academy, 120–121 (in Russian).
3. Akhatov, A. T., Kamaleev, E. V. 2014. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Kemerovo State University)* 60 (4). Vol. 1, 17–21 (in Russian).
4. Akhatov, A. T., Bakhshiev, I. I., Kamaleev, E. V., Kolonskikh, A. G., Tuzbekov, A. G. 2015. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 63, 45–57 (in Russian).
5. Botalov, S. G. 1998. In Bozhe, V. S. (comp.). *Cheliabinsk neizvestnyi (Unknown Chelyabinsk)* 2. Chelyabinsk: Center for Historical and Cultural Heritage, 7–14 (in Russian).
6. Vasil'eva, D. I., Baranova, M. N. 2015. In *Regional'noe razvitie: elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal (Regional Development: electronic scientific and practical magazine)* 5 (1), 1–9 (in Russian).
7. Gubaidullin, A. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 125–143 (in Russian).
8. Zakharov, V. N. 2011. In *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully (Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla)* (2), 126–138 (in Russian).
9. *Istoriiia kazachestva Urala. Uchebnoe posobie dlia kazach'ikh voskresnykh shkol (History of the Ural Cossacks: manual for the Cossacks' Sunday schools)*. 1992. Orenburg; Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).
10. Lebedev, A. I., Savel'ev, N. S., Yaminov, A. F. 1998. In Pchelintsev, V. A. (ed.). *Kul'turnye i dukhovnye traditsii russkikh Bashkortostana: istoriiia i sovremennost' (Cultural and Spiritual Traditions of the Russians in Bashkortostan: History and the Present Day)*. Ufa: Bashkir State University, 62–63 (in Russian).
11. Demidova, N. F. (auth. and comp.). 2002. *Materialy po istorii Bashkortostana (Materials on the History of Bashkortostan)* VI. *Orenburgskaia ekspeditsiia i bashkirskie vosstaniia 30-kh godov XVIII v. (Orenburg Expedition and the Bashkir Insurrections of 1730s)*. Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian).
12. Mukomolov, A. F. 2004. *Na Iuzhnoural'skikh zavodakh (In the Factories of Southern Ural)*. Book IV. Moscow: “Territoriiia” Publ. (in Russian).
13. Obydenнова, G. T., Ovsyannikov, V. V. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3. 312–318 (in Russian).
14. Rychkov, P. I. 1999. *Topografiia Orenburgskoi gubernii (Topography of the Orenburg Province)*. Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian).
15. Samigulov, G. Kh. 2002. In Mosin, V. S., Grigor'ev, S. A., Tairov, A. D., Botalov, S. G., Samigulov, G. Kh. (eds.). *Istoriiia arkheologii Iuzhnogo Zaural'ia: Uchebnoe posobie (History of Archaeology in the Southern Trans-Urals Area: Textbook)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 254–285 (in Russian).
16. Samigulov, G. Kh. 2007. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 4. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 113–119 (in Russian).
17. Sanachin, S. P. 2007. In Rakhmatullina, Z. R., Khubbitdinova, N. A. (comp.). *Rossiiia i Bashkortostan: istoriiia otnošenii, sostoiianie i perspektivy (Russia and Bashkortostan: history of relations, current state and perspectives)*. Ufa: “Gilem” Publ., 227–229 (in Russian).
18. Sakhratullin, S. F. 2001. *Birskaiia starina. Gorod Birsk (Birsk Past: Birsk Town)*. Book 2. Birsk (in Russian).

19. *Sbornik statisticheskikh, istoricheskikh i arkhologicheskikh svedenii po byvshei Orenburgskoi i nyneshnei Ufimskoi guberniiam, sobrannykh i razrabotannykh v techenie 1866 i 67 gg. (Compendium of Statistic, Historical and Archaeological Data on the Former Orenburg and Present-Day Ufa Provinces, Collected and Processed in 1866 and 1867)*. 1868. Ufa: Provincial Statistic Committee (in Russian).

20. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

21. Shakirov, Z. G., Valiev, R. R., Sitdikov, A. G. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 184–210 (in Russian).

About the Authors:

Obydennova Gulnara T. Doctor of Historical Sciences, professor. M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University. Oktyabrskoy Revolutsii St., 3a, Ufa, 450000, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; gto1104@mail.ru

Ovsyannikov Vladimir V. Candidate of Historical Sciences. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Bubnel Eugene V. The National museum of Republik Bashkortostan. Sovetskaya St., 14, Ufa, 450008, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; kvestar986@gmail.com

Procenko Anton S. M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University. Oktyabrskoy Revolutsii St., 3a, Ufa, 450000, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Babin Ivan M. M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University. Oktyabrskoy Revolutsii St., 3a, Ufa, 450000, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; hett@mail.ru

Статья поступила в номер 06.10.2016 г.

УДК 902.01

**ДЕРЕВЯННЫЕ ГРОБЫ, ОБНАРУЖЕННЫЕ
В ХОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В 2014 ГОДУ**

© 2016 г. Е.Е. Васильева

В статье рассмотрены находки из 37 погребальных комплексов, исследованных в 2014 году на некрополе Московской духовной академии. Данные комплексы включали в себя, помимо всего прочего, деревянные гробы. Относительно хорошая сохранность органических остатков позволила достоверно реконструировать форму гробов и их декор, а также распределить изученные материалы по хронологическим периодам, выявить черты, определяющие статус умерших. Выявлено, что гробы для лиц духовного звания имели красноватую окраску. Проведено распределение данных деревянных гробов по типам в соответствии с ранее разработанной типологией, добавлен новый подтип. Отмечены особенности гробов из захоронений, совершенных в определенные исторические периоды. Время бытования некрополя определено 1871–1920-ми гг. и подразделено на пять периодов. Установлено использование для захоронений долбленых гробов даже в столь поздний период.

Ключевые слова: археология, Сергиев Посад, Московская духовная академия, новейшее время, монастырский комплекс, исторический некрополь, типология, деревянные составные гробы, долбленые колоды.

Археология монастырских некрополей как самостоятельное научное направление стала складываться сравнительно недавно, в конце 80-х гг. прошлого века, когда при масштабных работах на территориях отдельных монастырских комплексов появилась возможность изучения обширного материала, связанного с некрополями (Беляев, 2011, с. 9).

В последние десятилетия, после передачи крупнейших монастырских комплексов Русской православной церкви, кроме реставрационных работ и благоустройства территорий стало уделяться внимание локализации и, по возможности, восстановлению монастырских некрополей и отдельных захоронений наиболее почитаемых лиц.

Непрерывно, на протяжении последних пятнадцати лет, археологические работы ведутся на территориях монастырей и церквей различных регионов европейской части России.

Несмотря на значительное количество опубликованных материалов по результатам работ на прицерковных кладбищах и монастырских некрополях, деревянные гробы по-прежнему остаются малоизученным элементом погребального комплекса. Во многом это связано с плохой сохранностью дерева. К тому же, некоторые исследователи при описании работ на исторических некрополях ограничиваются лишь упоминанием о наличии или отсутствии гробов на изучаемом объекте. Однако анализ форм, конструктивных элементов и декора де-

ревянных гробов может помочь при датировке погребального комплекса, определении статуса умершего, выявлении вторичных захоронений.

Одним из примеров непрерывных археологических работ на территории монастырского некрополя могут служить работы Подмосковной экспедиции Института археологии РАН на территории Троице-Сергиевой лавры, ведущиеся с 2003 года.

В 2014 году Подмосковной экспедицией Института археологии РАН проводились спасательные археологические работы на некрополе Московской духовной академии (МДА). Работы проводились по заказу Министерства культуры РФ в связи с подготовкой к празднованию 200-летия пребывания Московской духовной академии в стенах Троице-Сергиевой лавры.

Для исследования некрополя академии были определены следующие цели: локализация некрополя, определение его структуры и планиграфии, уточнение времени существования. Также одной из поставленных целей была персонификация погребений (выявление всех захоронений ректоров, профессоров и преподавателей, погребенных на этом кладбище).

Кладбище в саду при академии возникло в 1871 г. и просуществовало до 1919 года. С начала XIX века местом погребения преподавателей академии, их родственников и студентов стал некрополь лавры, монастырский некрополь, кладбища приходских церквей Сергиева Посада и другие места, и только в 1871 году было положено начало формированию особого академического некрополя. По просьбе ректора протоиерея А.В. Горского и по благословию митрополи-

та Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова) в западной части сада, смежной со Смоленским кладбищем был выделен небольшой участок, который находился в распоряжении академической администрации (Голубинский, 1909, с. 290, 291). Однако документов, юридически подтверждающих выделение этого участка для некрополя, нами не найдено.

После закрытия лавры и академии некрополь постепенно разрушался, а в 1930-х гг. на его месте была устроена спортивная площадка.

В 1948 г. академия вернулась в родные стены. К тому времени надгильные памятники и прочие признаки некрополя были уничтожены.

Поскольку раскопки велись на территории действующего монастыря, согласно требованиям, предъявляемым руководством МДА, не все погребальные сооружения были разобраны полностью.

В ходе работ было исследовано 37 различных погребальных комплексов, включающих в себя остатки намогильных памятников, основания под намогильные памятники, могильные ямы, кирпичные склепы, деревянные гробы, дощатые перекрытия.

Дощатые перекрытия достоверно зафиксированы в трех случаях, в одном случае можно только предполагать подобное перекрытие. Они уложены непосредственно на крышку гроба и, вероятно, служили для предохранения поверхности гроба от порчи во время засыпки могильной ямы. Доски, составляющие такие щиты, хуже обработаны, по сравнению с досками гробов – дерево не отшлифовано. В двух случаях по центру доски зафиксирован барельеф в виде креста. Толщина досок не превышает 2 см.

Отметим, что подобные барельефы встречались при исследовании Смоленского кладбища Троице-Сергиевой лавры, но там они были выполнены непосредственно на крышках гробов (Энговатова и др., 2003, с. 235).

Коллекция 2014 года насчитывает 31 гроб. Все гробы имеют хорошую сохранность, за исключением двух.

Гробы, обнаруженные в ходе исследования некрополя Московской духовной академии, можно распределить по группам в соответствии с типологией погребальных сооружений, разработанной Т.Д. Пановой (Панова, 2004, с. 70–76):

Тип 1. Вид 2. Подвид А. Долбленная колода трапециевидной формы без выделения в головной части ниши для головы. К данному типу относится один гроб, колода имеет килевидную крышку (рис. 1).

Тип 2. Вид 2. Подвид А¹. Деревянные гробы-ящики трапециевидной формы. Доски гроба скреплены при помощи гвоздей – у части гробов концы досок подтесаны (сложены в прямую накладку вполдерева), часть досок гроба не имеют подтесов. В данной группе один гроб (объект 9) имеет плоскую крышку (рис. 2), один гроб (объект 16) – килевидную крышку (рис. 3). Остальные гробы имеют трапециевидную крышку, доски которой также скреплены при помощи гвоздей (рис. 4).

Тип 2. Вид 2. Подвид Б. Деревянные гробы-ящики трапециевидной формы с расширением в плечиках (рис. 5). Расширение в плечиках достигалось изгибом боковых досок гроба и крышки методом резки пропилов, которые

наносились перпендикулярно доске дна, поперек узору дерева (этот метод для сгибания дерева используется и в настоящее время).

Отметим, что во всех случаях крышка гроба накладывалась, гвозди использовались только для крепления досок гроба и крышки между собой и для декора.

Сохранились элементы украшения гробов – часть гробов обита зеленым глазетом; в отдельных случаях обиты глазетовой лентой только края досок гроба, в местах скрепления досок гроба гвоздями (рис. 6, а, б, в). Упоминание о захоронениях, совершенных в глазетовых гробах, встречаются в некрологах преподавателям академии («Некролог...», 1911, с. 31).

Доски трех гробов (объекты 9, 10, 37) окрашены снаружи красноватой краской. Отметим, что объекты 9 и 37 представляют собой монашеские захоронения, объект 10 – захоронение священника. Во всех трех случаях стыки досок гроба прикрыты глазетовыми лентами зеленого цвета.

В девяти случаях доски гроба рифленые (рис. 6: в, г), на всех, кроме гробов объектов 25, 82, сохранились следы тканевой обивки.

В одном случае – гроб объекта 38 – верх стенок гроба украшает ряд часто набитых гвоздиков.

В 10 случаях доски гробов никак не украшены. Вероятно, это связано с тем, что часть захоронений в «дешевых» гробах была совершена в тяжелое в целом для страны и академии, в частности, время – период с 1916 по 1919 год (например, объекты 16, 17, 19), а часть представляет собой захоронения молодых студентов (например, объекты 76, 77, 78).

¹ Подвиды А и Б типа 2, вида 2 ранее выделены не были.

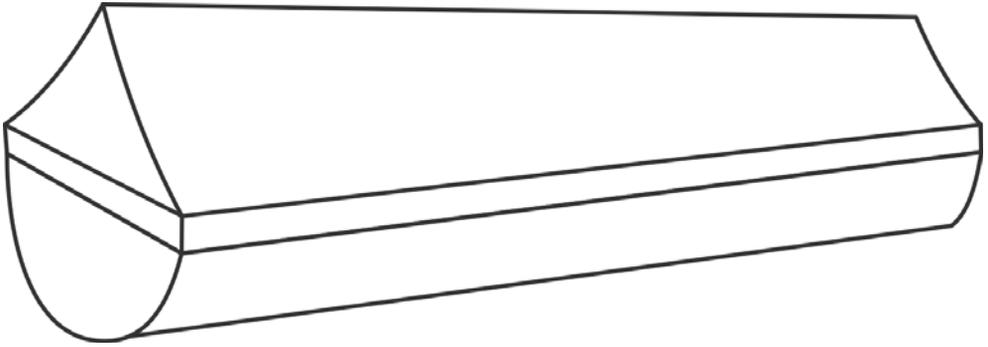

Рис. 1. Долбленная колода с килевидной крышкой, имеющая в плане трапециевидную форму. Схема.

Fig. 1. Trapezoid Log coffin with a keeled lid. Scheme.

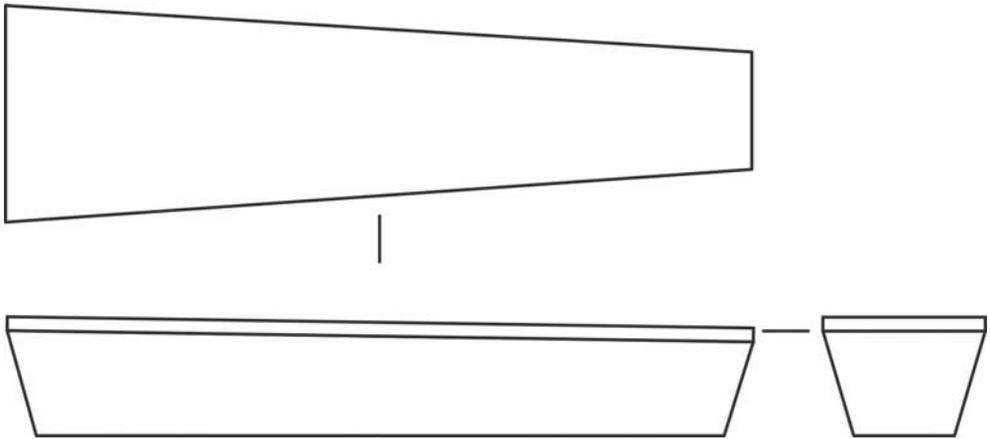

Рис. 2. Составной гроб трапециевидной формы с плоской крышкой. Схема.

Fig. 2. Trapezoid composite coffin with a flat lid. Scheme.

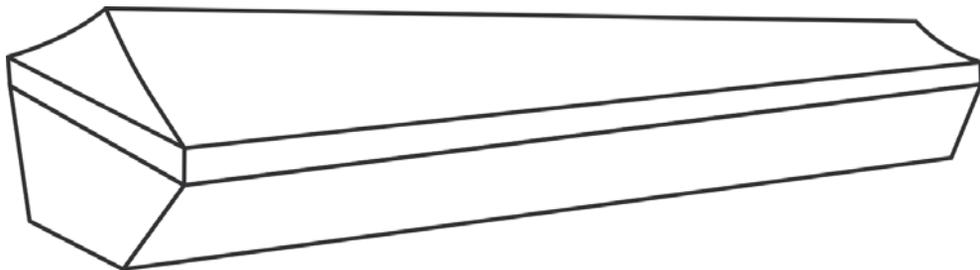

Рис. 3. Составной гроб трапецевидной формы с килевидной крышкой. Схема.

Fig. 3. Trapezoid composite coffin with a keeled lid. Scheme.

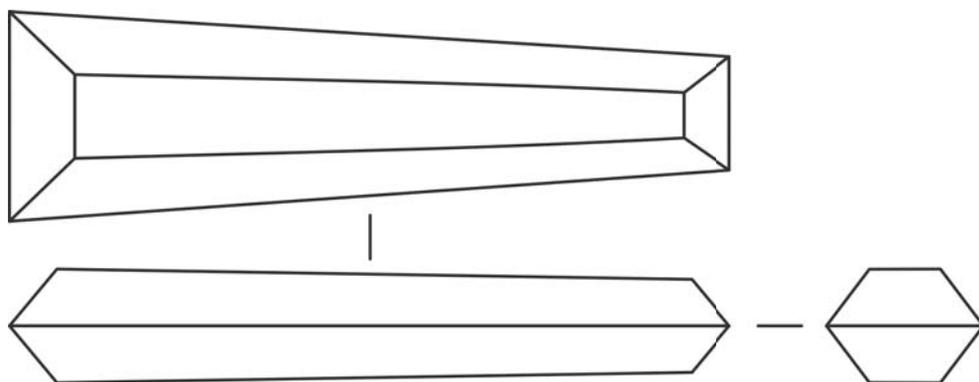

Рис. 4. Составной гроб трапецевидной формы с трапецевидной крышкой. Схема.

Fig. 4. Trapezoid composite coffin with a trapezoid lid. Scheme.

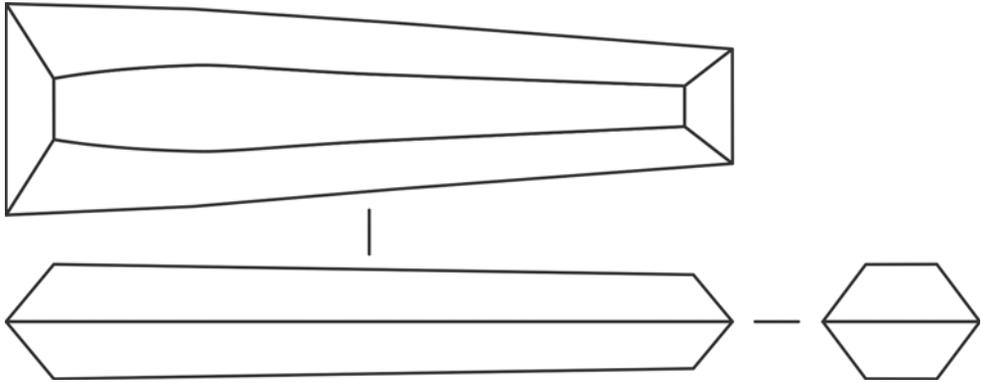

Рис. 5. Составной гроб трапециевидной формы с трапециевидной крышкой с расширением в плечиках. Схема.

Fig. 5. Trapezoid composite coffin with a trapezoid lid with extended shoulder. Scheme.

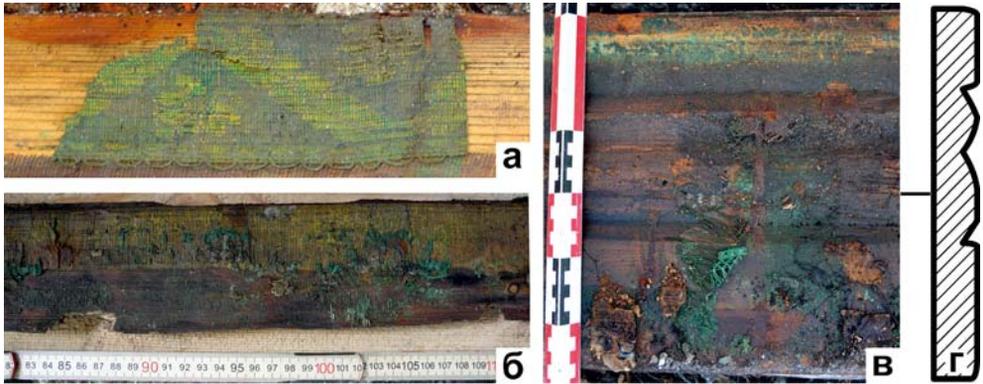

Рис. 6. Обивка досок гроба. а, б – парчовые ленты по краям досок гроба; в – рифленая доска стенки гроба, обитая зеленой парчой; г – поперечное сечение рифленой доски.

Fig. 6. Coffin lining. а, б – brocade ribbons along the rims; в – grooved board of coffin's wall lined with green brocade; г – cross-section of grooved board.

Также в отдельных случаях фиксируются декоративные составные деревянные навершия, обвитые зеленой нитью. Деревянная основа оплетена равномерно, витки однонаправленные, концы нитей отогнуты на внутреннюю сторону деталей навершия² (рис. 7). В местах сужения деревянной основы поверх оплетки намотаны поперечные нити. Навершия крепились по углам крышки гроба, с внешней ее стороны, причем в отдельных случаях такие навершия были обнаружены только в головной части гроба.

Часть гробов имеют ручки, в большинстве случаев – по две с каждой стороны, однако встречен один гроб, имеющий также ручки на торцах, в этом же случае в местах крепления ручек фиксируются также декоративные орнаментированные металлические пластины (рис. 8).

Деревянные ножки гробов, обнаруженные в ходе исследования, все имеют бутонообразную форму. Во всех случаях фиксируется по четыре ножки. Крепились ножки посредством вставки их верхней части в глухие пазы, выполненные в доске дна (рис. 9).

По итогам архивных, археологических, антропологических и судебно-медицинских работ с высокой долей уверенности можно персонифицировать 17 погребений – соответственно мы имеем выборку, в которой часть погребений датирована с точностью до года.

Несмотря на то, что период бытования данного некрополя относительно невелик – около 50 лет – было вы-

делено 5 хронологических периодов погребений. Особенности погребальных сооружений и, в частности, гробов каждого периода иллюстрируют динамику экономического развития Московской духовной академии в последней трети XIX – начале XX века.

Погребения первого периода (1871–1878 годов) – это пять погребений, упоминание о которых мы встречаем в Списке погребенных (Список погребенных..., 2012, с. 67, 68). Эти погребальные комплексы включают в себя богатые надгробные памятники, каменные, большинство захоронений выполнено в склепах, гробы богато украшены.

Погребения второго периода (1879–1894 годов) – погребения № 7, 11, 32 – 36, 38, 45, 46, 50, 56. Этот период связан с распространением инфекционных заболеваний, таких как тиф и чахотка, большинство погребенных в эти годы являются студентами академии. Богатые надгробные памятники имеют только погребения наиболее почитаемых в академии лиц – ректора Смирнова Сергея Константиновича и архимандрита Григория (Борисоглебского). Студенческие захоронения в большинстве случаев не имеют массивных надгробных памятников³, тем не менее выполнены в богато украшенных гробах. Однако, судя по архивным источникам, деньги на похороны умершим студентам собирались их же товарищами по учебе (Мартынов, 1915, с. 290).

Третий период, 1895–1914 гг., относится ко времени, когда экономическое состояние академии оставалось благополучным (к этому периоду

² В настоящее время при аналогичных работах нити пропитываются клеем. Использовался ли клей при изготовлении описываемых наверший, сказать трудно.

³ Об этом можно судить по обнаруженным остаткам оснований под надгробные памятники.

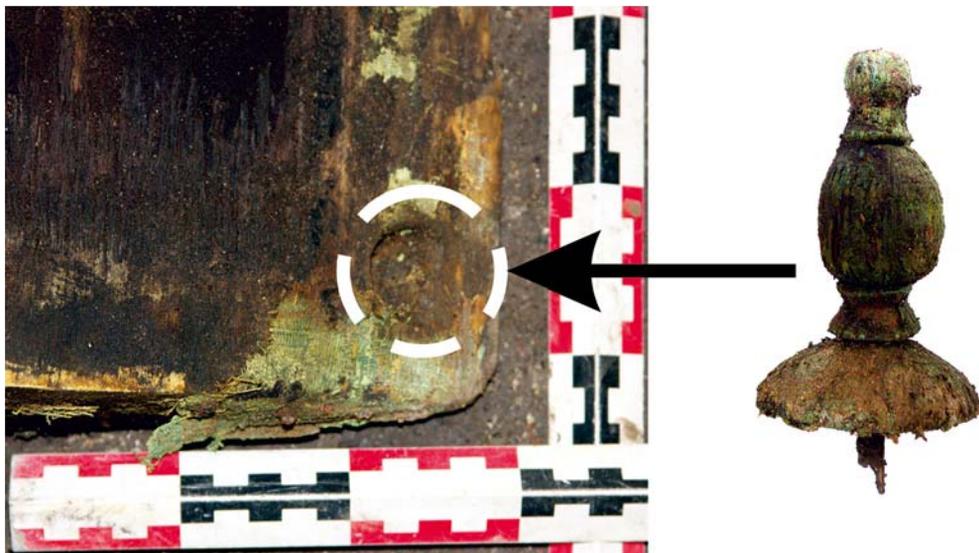

Рис. 7. Декоративные навершия и способ крепления их к доскам крышки гроба.

Fig. 7. Decorative knobs and how they were attached to the lid board.

относятся погребения № 1, 22, 25, 30). Тем не менее в начале 1895 года «члены Академического Правления ввиду умножившихся в академическом саду могил умерших студентов имели суждение об изыскании более удобного места для их погребения» (Заозерский, 1895, с. 92–94). Для студенческих захоронений был отведен участок на Вознесенском кладбище, первое захоронение на котором было совершено в середине мая 1895 года. Это решение руководства академии было исполнено, что подтверждено раскопками – на кладбище в этот период совершаются захоронения только преподавателей и служащих академии.

Четвертый период – погребения 1915 – начала 1919 года, до закрытия академии (погребения № 15–17, 19, 21, 21а, 37, 37а). Судя по архивным источникам, в это время академия была крайне стеснена в средствах, а точнее, голодала (Попов, 1917, с.

433, 434). Захоронения совершены в простых, не украшенных гробах, надгробные памятники представляют собой железные кресты.

Выделение пятого периода захоронений на данный момент предположительно, хронологические рамки его – 1919–1923 гг. (погребения № 76–78, 80–84). Все захоронения совершены в северном крыле некрополя, во втором – третьем рядах. Данные захоронения представлены, во-первых, захоронениями работников и служащих академии (такими представляются захоронения № 82, 84), во-вторых, захоронениями учащихся Электротехнической академии, которая въехала в здание МДА после ее закрытия. К последнему предположению нас подталкивает очень юный возраст погребенных северной части третьего ряда – 18–20 лет, а также небрежность при совершении погребений.

Интересно распределение элементов декора деревянных гробов, таких

Рис. 8. Ручки гробов.

Fig. 8. Handles of coffins.

как рифление досок и обивка, по выделенным хронологическим периодам. На графике видно, что до 1914 года гробы как студентов, так и преподавателей были дорогими и богато украшенными (рис. 10). Захоронения второго периода совершены в самых богатых гробах, имеющих все элементы декора, встреченные при изучении данной коллекции. Начиная с четвертого периода захоронения совершаются в простых деревянных гробах, не имеющих декора.

Интересные выводы можно сделать из анализа элементов погребального обряда как отражения социальной иерархии академии. В захоронениях данного некрополя богаче всего украшены гробы в студенческих захоронениях. Это можно объяснить тем, что, во-первых, захо-

ронения студентов здесь совершались до 1895 года, то есть в период, когда академия не испытывала стеснения в средствах, соответственно гробы, закупаемые для погребения студентов, все обиты глазетом или парчой, доски гробов чаще всего рифленые, окрашены в красноватый цвет для студентов в сани. Во-вторых, как уже отмечалось, деньги на похороны умершим студентам собирались их товарищами по учебе (часть которых происходила из знатных семей). Судя по архивным источникам, студенческие захоронения отличались богатым убранством – гробы снаружи украшались живыми цветами, внутри гроба укладывались гирлянды из живых цветов (Д.А. Казанский (некролог), 1892), поверх гробов – металлические венки. Таким образом, можно уверенно говорить об одноразовых сборах и пожертвованиях от студентов академии, в результате

Рис. 9. Ножки деревянных гробов и способ крепления их к доске дна.

Fig. 9. Legs of wooden coffins and how they were attached to the bottom board.

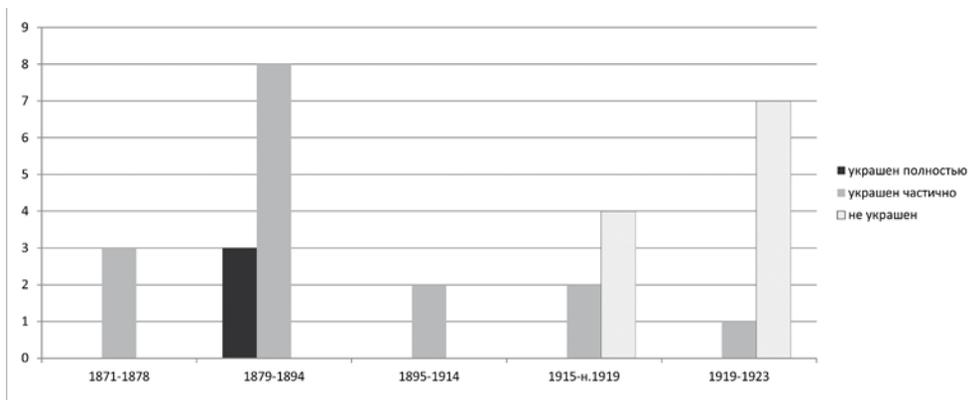

Рис. 10. Распределение элементов декора по выделенным хронологическим периодам.

Fig. 10. Distribution of decoration elements by identified chronological periods.

чего организовывались пышные похороны, однако последующие знаки почтения памяти умерших (принесение на могилу металлических венков, установка надмогильных памятников) выполнялись только в случаях погребений студентов, имеющих знатных восприемников⁴.

Деревянные гробы, в которых совершались захоронения преподавателей и служащих академии, либо не отличаются от гробов простых студенческих захоронений, либо, особенно начиная с четвертого хронологического периода, беднее их. В первую очередь, это объясняется волеизъявлениями самих преподавателей, чтобы их похоронили как можно проще; судя по архивным источникам эти желания беспрекословно выполнялись (Евдоким (Мещерский) и др., 1904, с. 190). Это подтверждается и раскопками. Впоследствии над могилами, с целью

почтения памяти усопших, возводились памятники, которые устанавливались на пожертвования от разных лиц. Сбор пожертвований производился по просьбе Братства Преподобного Сергия при Московской духовной академии (От Братства..., 1904, с. 1). Также на могилы наиболее почитаемых преподавателей и уважаемых служащих Академии возлагались металлические венки⁵.

Таким образом, работами 2014 года на территории Московской духовной академии было исследовано кладбище XIX – начала XX в., давшее богатый материал для изучения поздних погребальных сооружений. Следует отметить, что данный комплекс был изучен полностью – установлены структура и границы некрополя.

Относительно хорошая сохранность органических остатков позволила достоверно реконструировать

⁴ Примером может служить захоронение Д.А. Любимова, крестными отцом и матерью которого были сын князя А.П. Вадбольского Дмитрий и княгиня Е.Н. Вадбольская (Любимов Александр Дмитриевич).

⁵ Так, в ходе работ были обнаружены металлические венки на могиле эконома МДА иеромонаха Ирины (Добролюбова), к деятельности которого, помимо всего прочего, относится устройство в Царских чертогах Покровского храма академии.

форму и декор деревянных гробов, а знания о времени тех или иных погребений – определить детали гробов, преобладающие или отсутствующие в определенные хронологические периоды.

Стоит также подчеркнуть особенности данного некрополя, которые заключаются в том, что на его территории погребались как гражданские лица, так и лица духовного звания: от студента-сироты до ректоров Мо-

сковской духовной академии. Также важную роль играет высокий процент персонифицированных погребений (46%). Это позволяет выявить признаки погребальных сооружений, определяющие статусность захоронений, совершенных на данном некрополе. Так, из анализа погребальных сооружений академического некрополя видно, что статус умершего определяется, в первую очередь, надгробным памятником.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев Л.А.* Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. (Методика полевых археологических исследований). М.: ИА РАН, 2011. 56 с.
2. *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1909. 466 с.
3. Д. А. Казанский (Некролог) // ТЕВ 1892. № 23. Тула: издательство Тульской епархии, 1892.
4. Евдоким (Мещерский), архим., Беляев А.Д., проф., Бензин В.М., Глаголев С.С., проф., Игнатий (Дверницкий), иеродиак.; Малинин А.П., препод.; Вифанской Духовной семинарии; Рождественский Д.В., свящ. Из академической жизни: Кончина и погребение заслуженного ординарного профессора Московской Духовной Академии Д.Ф. Голубинского: [Слова и речи при погребении проф. Д.Ф. Голубинского] // Богословский вестник. Т. 1. №1. С. 188–216. Сергиев Посад: издательство Московской духовной академии, 1904.
5. *Заозерский Н.А.* Из академической жизни // Богословский вестник. № 10. Сергиев Посад: издательство Московской духовной академии, 1895. С. 92–118.
6. Любимов Александр Дмитриевич, студент / ЦГА Москвы. Ф. 229 (Московская духовная академия). Оп. 4. Д. 2195. Л. 4.
7. *Мартынов А.В.* Академические письма к отцу // Богословский вестник. Т. 3. № 10/11/12. Сергиев Посад: изд-во Московской духовной академии, 1915. С. 277–357.
8. Некролог. Профессор Александр Петрович Голубцов († 4 июля 1911 г.) // Богословский вестник. Т. 2, № 7/8. Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 1911. С. 1–47.
9. От Братства Преподобного Сергия при Московской Духовной Академии // Богословский вестник. Т. 3, № 9. Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 1904. С. 1–2.
10. *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI – XVI веков. М.: Радунница, 2004. 195 с., илл.
11. *Попов И.В.* Живая жизнь. В Академии // Богословский вестник. Т. 2. № 10/11/12. Сергиев Посад: издательство Московской духовной академии, 1917. С. 430–436.
12. Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2012. 124 с., илл.
13. *Энговатова А.В., Высоцкий А.Л., Зеленцова О.В., Богатенков Д.В.* Охранные исследования в Троице-Сергиевой лавре // Археологические открытия 2003 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 235.

Информация об авторе:

Васильева Елена Евгеньевна, аспирант, младший научный сотрудник, Институт археологии Российской Академии наук (г. Москва, Россия); veda_lv@mail.ru

**WOODEN COFFINS DISCOVERED DURING EXCAVATIONS
IN MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY IN 2014**

E.E. Vasilieva

The article deals with results of excavations 2014 in Moscow Theological Academy's necropolis where 37 different funerary complexes were investigated. Among other findings, several wooden coffins were studied. Relatively well preserved organic remains allowed the researchers to reliably reconstruct the shape and decoration of the coffins, as well as distribute studied materials by chronological periods and identify characteristics that determine the status of the deceased. It was found out that the coffins for the clergy had a reddish color. The discovered wooden coffins were distributed by types according to previously developed typology. A new subtype was added. Features for coffins from graves of certain historical periods were determined. The period of existence of the necropolis was determined within 1871–1920s, with five stages. It is noteworthy that even in such late period log coffins were used in several burials.

Keywords: archaeology, Sergiyev Posad, Moscow Theological Academy, New Time, monastic complex, historical necropolis, typology, wooden composite coffins, log coffins.

REFERENCES

1. Beliaev, L. A. 2011. *Opyt izucheniia istoricheskikh nekropolei i personal'noi identifikatsii metodami arkheologii (An Experience of Studying Historical Necropolises and Personal Identification by Archaeological Methods)*. Series: Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniia (Methodology of Field Archaeological Research). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Golubinskii, E. E. 1909. *Prepodobnyi Sergii Radonezhskii i sozdannaia im Troitskaia lavra (Saint Sergius of Radonezh and Trinity Lavra Founded by Him)*. Sergiev Posad: the Trinity Lavra of St. Sergius. (in Russian).
3. D. A. Kazanskii (Nekrolog) (D. A. Kazansky: Obituary). 1892. In *Tul'skie eparkhial'nye ведомosti (Tula Diocesan Bulletin)* (23). Tula: Tula Diocese (in Russian).
4. Evdokim (Meshcherskii), archimandrite, Beliaev, A. D., Benzin, V. M., Glagolev, S. S., Ignatii (Dvernitskii), Hierodeacon, Malinin, A. P., Rozhdestvenskii, D. V. 1904. In *Bogoslovskii vestnik (Theological Bulletin)*. Vol. 1, no. 1, 188–216. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy (in Russian).
5. Zaozerskii, N. A. 1895. *Iz akademicheskoi zhizni*. In *Bogoslovskii vestnik (Theological Bulletin)* 10. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 92–118 (in Russian).
6. Liubimov Aleksandr Dmitrievich, student (Alexander Lyubimov, the Student). Central State Archive of the Moscow City. Fund 229 (Moscow Theological Academy). Inv. 4, dossier 2195, sheet 4 (in Russian).
7. Martynov, A. V. 1915. In *Bogoslovskii vestnik (Theological Bulletin)*. Vol. 3, no. 10-11-12. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 277–357 (in Russian).
8. Nekrolog. Professor Aleksandr Petrovich Golubtsov († 4 iulia 1911 g.) (Obituary. Professor Alexander Golubtsov). 1911. In *Bogoslovskii vestnik (Theological Bulletin)*. Vol. 2, no. 7-8. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 1–47 (in Russian).
9. Ot Bratstva Prepodobnogo Sergiia pri Moskovskoi Dukhovnoi Akademii (From the Saint Sergius's Community at the Moscow Theological Academy). 1904. In *Bogoslovskii vestnik (Theological Bulletin)*. Vol. 3, no. 9. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 1–2 (in Russian).

10. Panova, T. D. 2004. *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyi obriad srednevekovoi Rusi XI–XVI vekov (The Kingdom of Death. Funerary Rite of Medieval Rus' in 11th – 16th Centuries)*. Moscow: “Radunitsa” Publ. (in Russian).
11. Popov, I. V. 1917. In *Bogoslovskii vestnik (Theological Bulletin)*. Т. 2. № 10-11-12. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 430–436 (in Russian).
12. *Spisok pogrebennykh v Troitskoi Sergievoi Lavre, ot osnovaniia onoi do 1880 goda (List of Persons Buried in the Trinity Lavra of St. Sergius from Its Foundation to 1880)*. 2012. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Historical and Ethnographical Laboratory (in Russian).
13. Engovatova, A. V., Vysotskii, A. L., Zelentsova, O. V., Bogatenkov, D. V. 2004. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2003 goda (Archaeological Discoveries of 2003)*. Moscow: “Nauka” Publ., 235 (in Russian).

About the Author:

Vasileva Elena E. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; veda_lv@mail.ru

Статья поступила в номер 20.09.2016 г.

УДК 930.2 + 902

КОМПЛЕКСЫ РУЖЕЙНЫХ КРЕМНЕЙ XVIII–XIX ВВ. ИЗ КРЫМА

© 2016 г. А.В. Колесник, М.Ю. Яковец, К.И. Климова

Статья посвящена проблеме идентификации ружейных кремней в комплексах Нового времени. Ружейные кремни являются специфическим видом исторических и археологических источников. Распространение этих изделий целиком связано с распространением огнестрельного оружия с кремневыми запальными батареями. Типология ружейных кремней принципиально схожа с типологией микролитов-вкладышей каменного века. В обоих случаях заготовками выступали фрагменты пластин и пластинчатых сколов. В публикации описываются небольшие комплексы ружейных кремней из Крыма. Кремни происходят из русских военных лагерей XVIII века в Бахчисарае и Белогорске, а также из Севастополя, где относятся к Крымской войне. Публикуемые кремневые ружейные вкладыши целиком соответствуют стандартам ружейных кремней Западной Европы. Значительная часть кремней имеет свинцовую оболочку, которая предназначалась для фиксации кремневого вкладыша в бойке запальной батареи. Параметры кремней свидетельствуют о применении в то время ружей различного калибра. Вопрос о месте изготовления кремней остается открытым.

Ключевые слова: археология, Крым, Новое время, XVIII–XIX вв., батальная история, ружейные кремни, кремневый запальный замок, технология изготовления.

Введение

После подчинения Крымского ханства Османской империи в 1475 году вплоть до конца XVIII века на территории полуострова располагалось значительное количество укреплений с большими воинскими гарнизонами, преимущественно турецкими. Основная их часть находилась в южной части полуострова. В XVIII веке в Крыму неоднократно появлялись регулярные части русской армии в связи с борьбой России за выход в Черное море. Перманентный конфликт между Россией и Портой вылился в русско-турецкие войны 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791 годов, охвативший все Северное Причерноморье. Крым оказался в эпицентре этих событий (Кисилев, Кисилев, 2006). Системное присутствие российского корпуса в Крыму началось в 1771 году после

занятия ряда турецких крепостей и строительства серии фортов и редутов. Богатая батальная история Крымского полуострова в XIX веке связана в основном с событиями Крымской войны 1853–1856 гг.

Ружейные кремни составляют особый вид исторических и археологических источников, которые требуют знаний и навыков работы в области истории, археологии каменного века и оружиеведения. Этот комплексный раздел науки прошел длинный путь развития в европейской и американской науке (Clay, 1925; Lotbiniere, de, 1980; Emery, 1986; Hamilton, 1975; Kaiser, 2013; Kenmotsu, 1990; Sappington, 1978; Weiner, 2016; Witthoft, 1966; и др.). Современный алгоритм изучения ружейных кремней в западной науке базируется в основном на детальном анализе «за-

Рис. 1. Карта-схема местонахождений Крыма с находками ружейных кремней.

Fig.1. Map-scheme of the gunflints sites of Crimea.

крытых» комплексов (Gartley, Ballin, 2015; и др.) или комплексов, связанных с конкретными эпизодами батальной истории (Ballin, 2014; и др.). Традиционно большое внимание уделяется вопросам технологии изготовления ружейных кремней и распределения этой специфической продукции (Johnson, 1978; Smith, 1960; и др.). В русскоязычной литературе накопилось значительное количество частных и общих исследований в этой области знаний (Суханов, Хабурзания, 2000; Пархимович, 2008; Тарасюк, 1965; Галимова, Ситдииков, Хабаров, 2014; и др.). Следует признать, что в археологии Восточной Европы проблема изучения ружейных кремней проходит пока экстенсивную стадию развития, связанную с выделением, идентификацией этого типа археоло-

гического источника и определением границ его корпуса.

При описании ружейных кремней используются термины и номенклатура, апробированные в прежних изданиях по данной теме (Колесник, Голубева, 2010; и др.). Понятие «ружейные кремни» является собирательным и включает различные по типу кремневые детали запальных батарей разнообразных орудий, ружей и пистолетов с кремневыми запальными устройствами. Типология ружейных кремней полностью базируется на морфологических критериях. Ружейные кремни понимаются как специфические геометрические микролиты-вкладыши со строго определенной функцией. Технология изготовления, характер износа рабочей кромки, редуцирующая изменчивость ружейных кремней,

Ружейные кремни XVIII–XIX веков из Крыма.

№	комплекс	Форма	дл., мм.	шир., мм.	толщ., мм.	коэфф. удл.	угол бойка	вес кремня	вес в оболочке	основа	Рис.
1	Бахчисарай	трапец. со скругл. осн.	31	29	15	106,8	30	-	-	отщ.	2: 7
2	Бахчисарай	трапец. со скругл. осн.	26	30	10	86,6	50	-	-	отщ.	2: 8
3	Бахчисарай	трапец.	26	30	5	86,6	45	-	-	пласт.	2: 9
4	Бахчисарай	прямоуг.	26	21	7	123,8	50	-	-	пласт.отщ.	2: 10
5	Белогорск	апитичная трапец. со скругл. осн.	29	35	9	82,8	35	11.3	18.7	отщ.	3: 1-2
6	Белогорск	прямоуг.	26	36	6	72,2	20	?	22.6	отщ.	3: 12
7	Белогорск	прямоуг.	28	35	8	80	30	?	19.7	пласт.	3: 3
8	Белогорск	прямоуг.	26	31	4	83,8	25	?	25.0	?	3: 4
9	Белогорск	трапец. со скругл. осн.	26	38	8	68,4	30	?	41.5	отщеп.	3: 5
10	Белогорск	трапец. с обушком	27	37	8	72,9	30	?	25.7	пласт.	3: 6
11	Белогорск	прямоуг.	13	19	6	68,4	30	?	6.2	отщ.	3: 7
12	Белогорск	прямоуг.	20	18	6	111,1	20	?	7.7	пласт.отщ.	3: 8
13	Белогорск	трапец. со скругл. осн.	27	28	6	96,4	35	7.8	-	отщеп.	4: 4
14	Белогорск	трапец. со скругл. осн.	27	31	10	87	30	13.1	-	отщеп.	4: 9
15	Белогорск	трапец. со скругл. осн., с обушком	26	30	9	86,6	30	10.3	-	отщеп.	4: 10
16	Белогорск	прямоуг.	25	27	7	92,5	35	8.6	16.7	пласт.отщ.	3: 10-11
17	Белогорск	прямоуг.	28	29	10	96,5	35	?	21.9	пласт.отщ.	5: 1
18	Белогорск	непр. трап.	21	20	7	95,0	40	?	5.9	пласт.	3: 9
19	Белогорск	трапец. со скругл. осн., с обушком	22	28	6	78,5	30	?	16.7	пласт.	2: 6
20	Севастополь	удлиненный прямоуг.	31	27	7	114,8	33	?	17.8	пласт.	2: 1
21	Севастополь (Фед. высоты)	?	26	22	5	118,1	25	?	21.9	?	2: 2
22	Севастополь (Фед. высоты)	удлиненный прямоуг.	28	24	6	116,6	35	7.5	12.6	пласт.	2: 3-4
23	Севастополь (Фед. высоты)	удлиненный прямоуг.	30	24	6	125	30	7.8	-	пласт.	4: 1
24	Севастополь	трапец. со скругл. осн.	26	32	8	81,2	35	11.3	-	отщеп.	4: 2
25	Севастополь	непр. прямоуг.	26	22	6	118	33	6.1	-	отщеп.	4: 3; 2: 5
26	Севастополь	трапец. со скругл. осн.	28	24	4	116	35	5.6	-	отщеп.	4: 5
27	Севастополь	непр. трапеция	28	32	6	87,5	35	7.4	-	отщеп.	4: 6
28	Севастополь (Сапун-Гора)	трапец. со скругл. осн.	30	31	8	96,7	30	10.0	-	пласт.	4: 7
29	Севастополь (Сапун-Гора)	трапец. со скругл. осн.	22	28	8	78,5	40	9.1	-	отщеп.	4: 8
30	Севастополь (Сах. Головка)	непр. прямоуг.	23	35	10	65,7	40	8.5	-	отщеп.	5: 5
31	Севастополь (Сах. Головка)	непр. прямоуг.	20	25	7	80	35	6.9	-	отщеп.	5: 6
32	Севастополь (Сах. Головка)	непр. квадрат.	19	19	5	100	35	3.8	-	отщеп.	5: 7
33	Шибань	трапец.	27	29	6	93,1	35	?	31.5	?	5: 3-4
34	Шибань	трапец.	25	26	5	96,1	35	?	13.7	пласт.	5: 2

место их изготовления в данной публикации специально не рассматриваются.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот нескольких небольших серий ружейных кремней из Крыма, сохранивших первоначальный исторический контекст. Коллекции формировались на протяжении ряда лет в основном путем личных поверхностных сборов в 2010–2015 гг. на месте предполагаемых военных лагерей. Сочетание контекстов (пространственного, хронологического, культурного) дает основание считать большинство этих комплексов гомогенными. Публикуемые материалы переданы на постоянное хранение в Донецкий республиканский краеведческий музей. Происходящие из Крыма ружейные кремни из частных коллекций нами не учитывались. Ограниченные объемы публикации не позволяют охарактеризовать разнообразный материал (монеты, детали экипировки и др.), сопровождавший ружейные кремни.

Комплекс из окрестностей г. Бахчисарая

Один из базовых лагерей корпуса А.В. Суворова располагался в окрестностях г. Бахчисарая (Михайлов, 2003). Он существовал с 1776 по 1778 годы. Позже гарнизон был переведен в крепость Гезлев (Евпатория).

На месте предполагаемого русско-го лагеря, расположенного в предгорье в 1 км к С–З от Бахчисарая, нами найдены четыре ружейных кремня без свинцовой оболочки (№№ 1–4).

Два из них изготовлены из отщепов, имеют трапециевидную форму со скругленным узким основанием, полностью ретушированный корпус, заостренную с плоской стороны

ударную кромку (рис. 2: 7–8). Интенсивная ретушная обработка вызвана массивностью кремневой заготовки. Использовался темно-серый полупрозрачный кремень с мелкими белесыми вкраплениями, а также светло-серый матовый меловой, неоднородный по цвету кремень. Оба микролита по форме, весу и размерам соответствуют классическим стандартам и явно были продукцией специализированной казенной мастерской.

Еще два микролита неправильной прямоугольной формы изготовлены из грубых пластинчатых сколов (рис. 2: 9–10). Формующей обработке подверглись боковые участки, тыльный край. Использовался серый полупрозрачный меловой кремень и серо-коричневый полосчатый кремень, близкий к т.н. «волынскому». У одного из кремней кромка бойка дополнительно подработана с плоской стороны (рис. 2: 7). Рабочие кромки интенсивно забиты.

Комплекс из окрестностей г. Белогорска

Представительная серия ружейных кремней собрана на правом берегу реки Биюк-Карасу в 1 км к востоку от окраины современного г. Белогорска. Вероятно, здесь находился лагерь русских войск 1776 г. Известно, что в связи с обострением военно-политической ситуации в ноябре 1776 года в Крым был направлен А.В. Суворов с 10-тысячным корпусом (Ратушняк, 2013). Русские войска перешли Перекоп 4 марта и достигли Карасу-базара (нынешний г. Белогорск) уже 14 марта. Лагерь расположился на правом берегу р. Биюк-Карасу недалеко от города. Бой с войсками крымского хана Девлет-Гирея закончился бегством татарского корпуса.

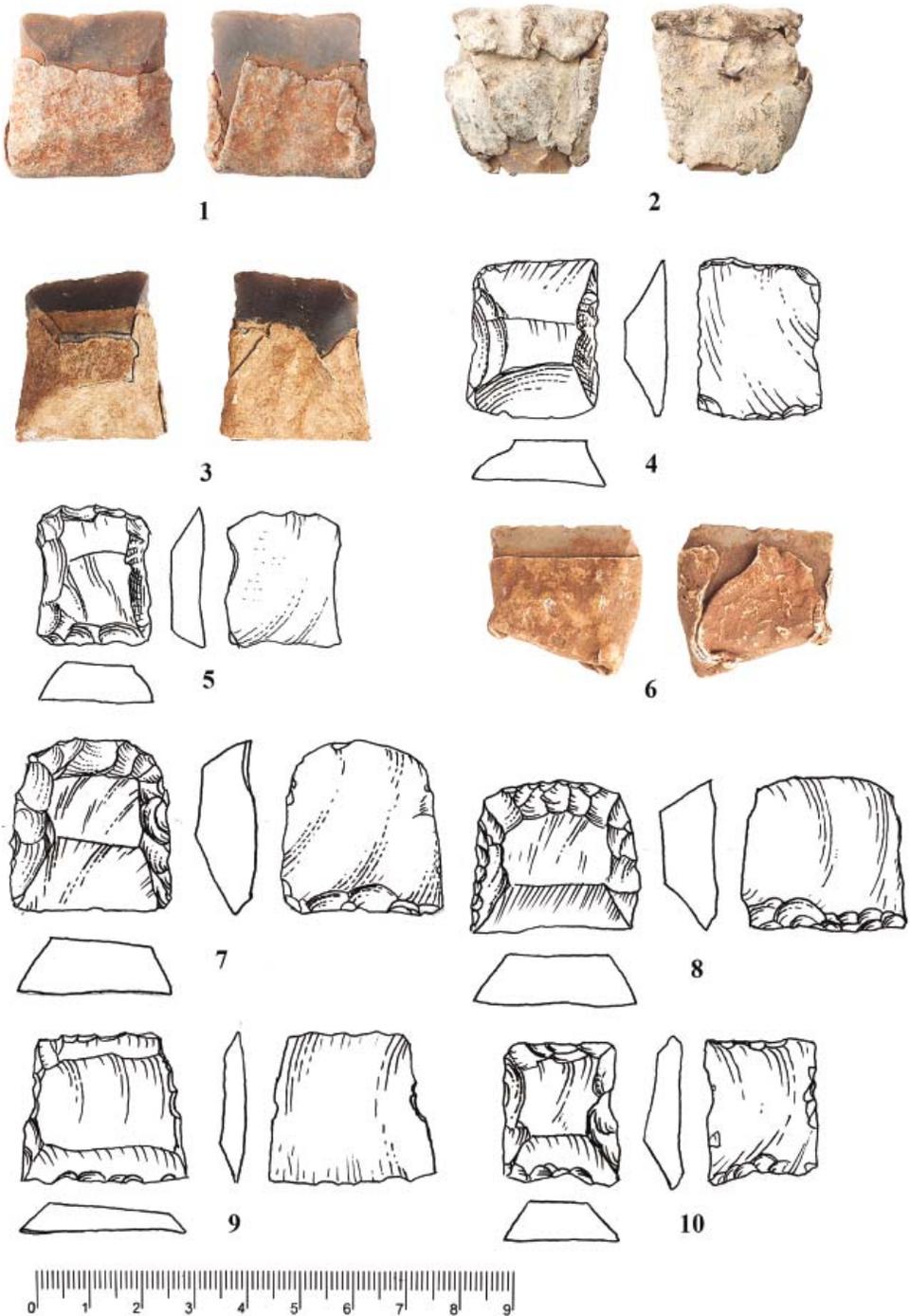

Рис. 2. Ружейные кремни. 1–5 – из Севастополя; 6 – из Белогорска; 7–10 – из Бахчисарая. Фото В. Лемянского.

Fig. 2. The gunflints 1–5 – from Sevastopol; 6 – from Belogorsk; 7–10 – from Bakhchisaray. Photo by V. Lemiansky.

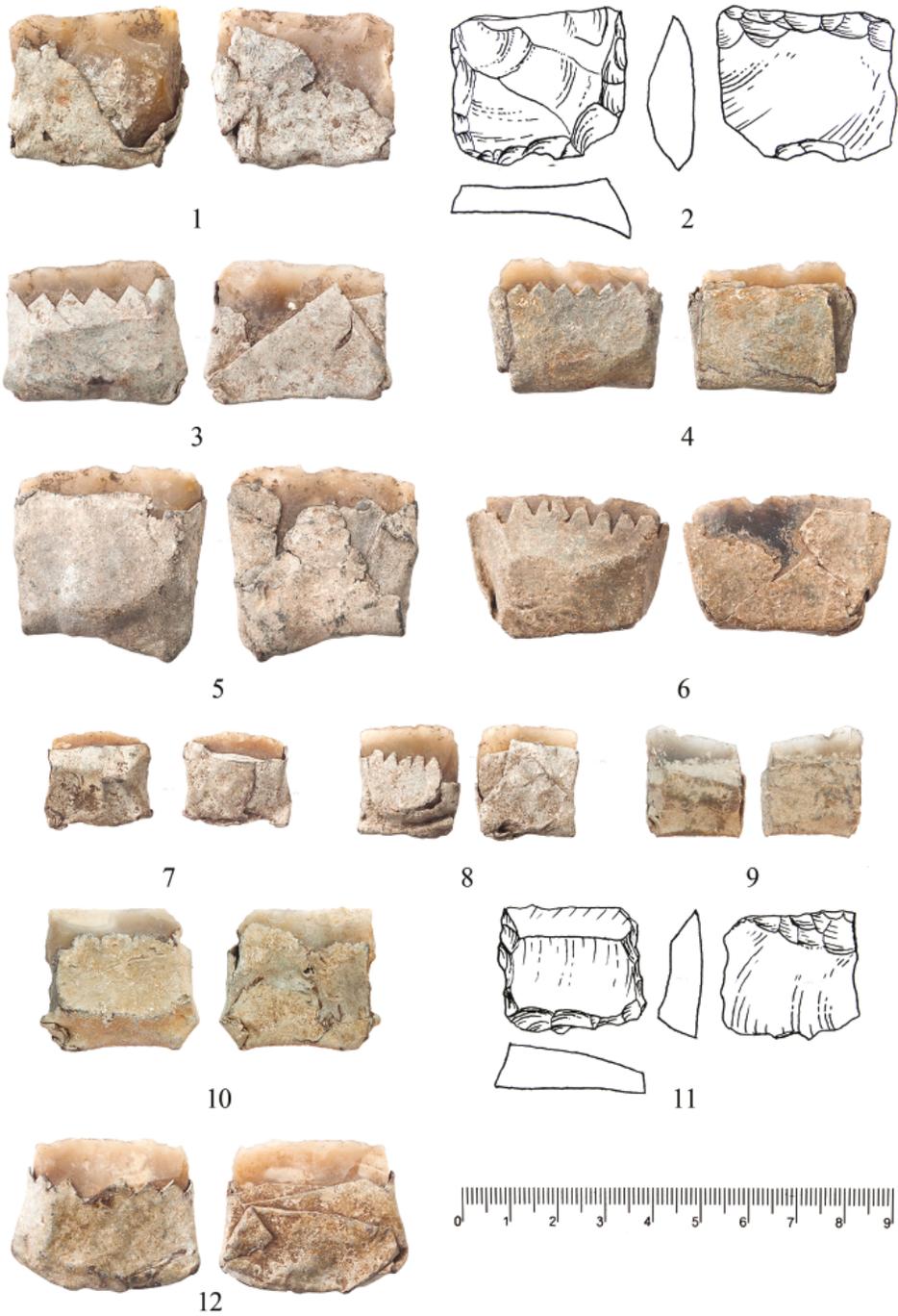

Рис. 3. Ружейные кремни. 1–12 – из Белогорска. Фото В. Лемянского.

Fig. 3. The gunflints. 1–12 – from Belogorsk. Photo by V. Lemiansky.

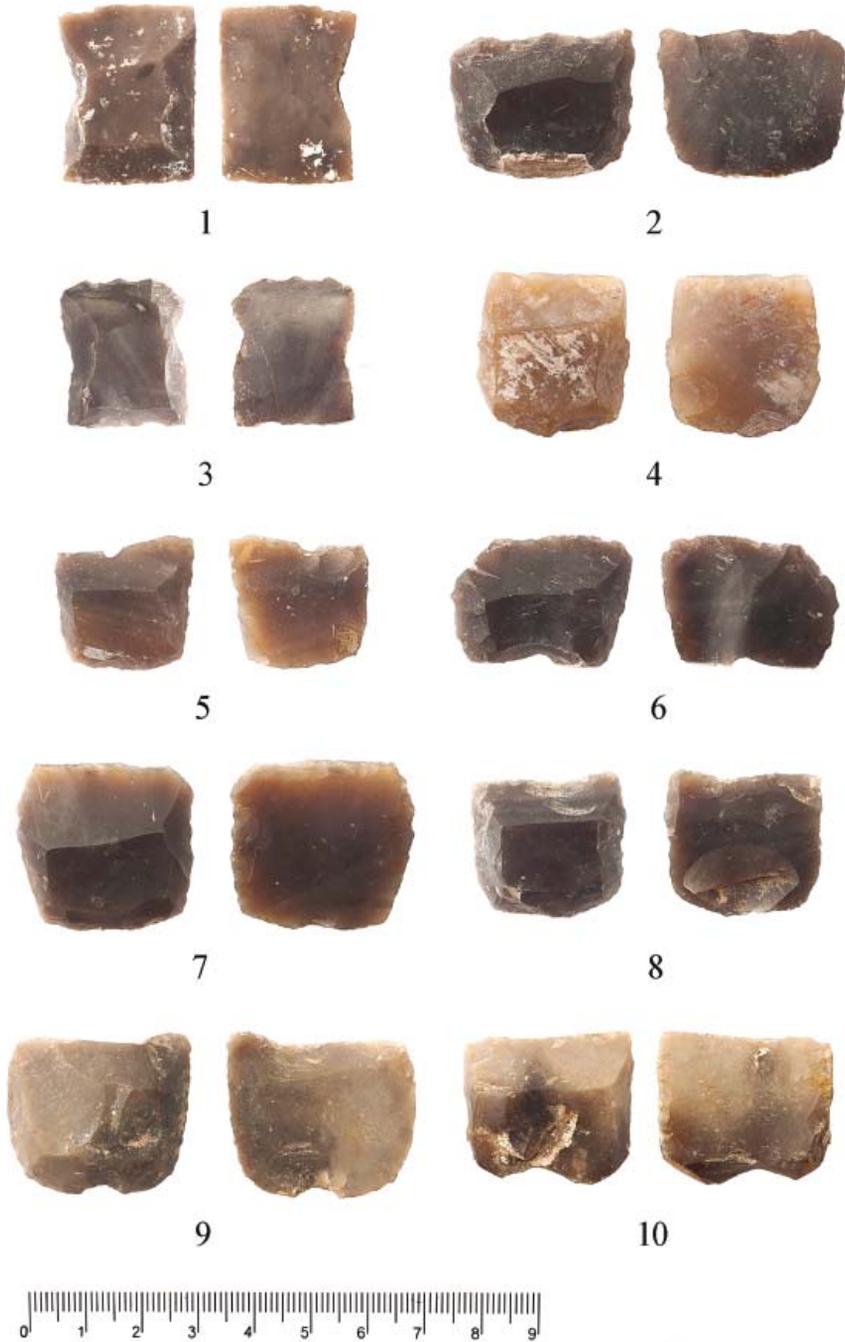

Рис. 4. Ружейные кремни. 1–3, 5–9 – из Севастополя; 4, 10 – из Белогорска.
Фото В. Лемянского.

Fig. 4. The gunflints. 1–3, 5–9 – from Sevastopol; 4, 10 – from Belogorsk. Photo by V. Lemiansky.

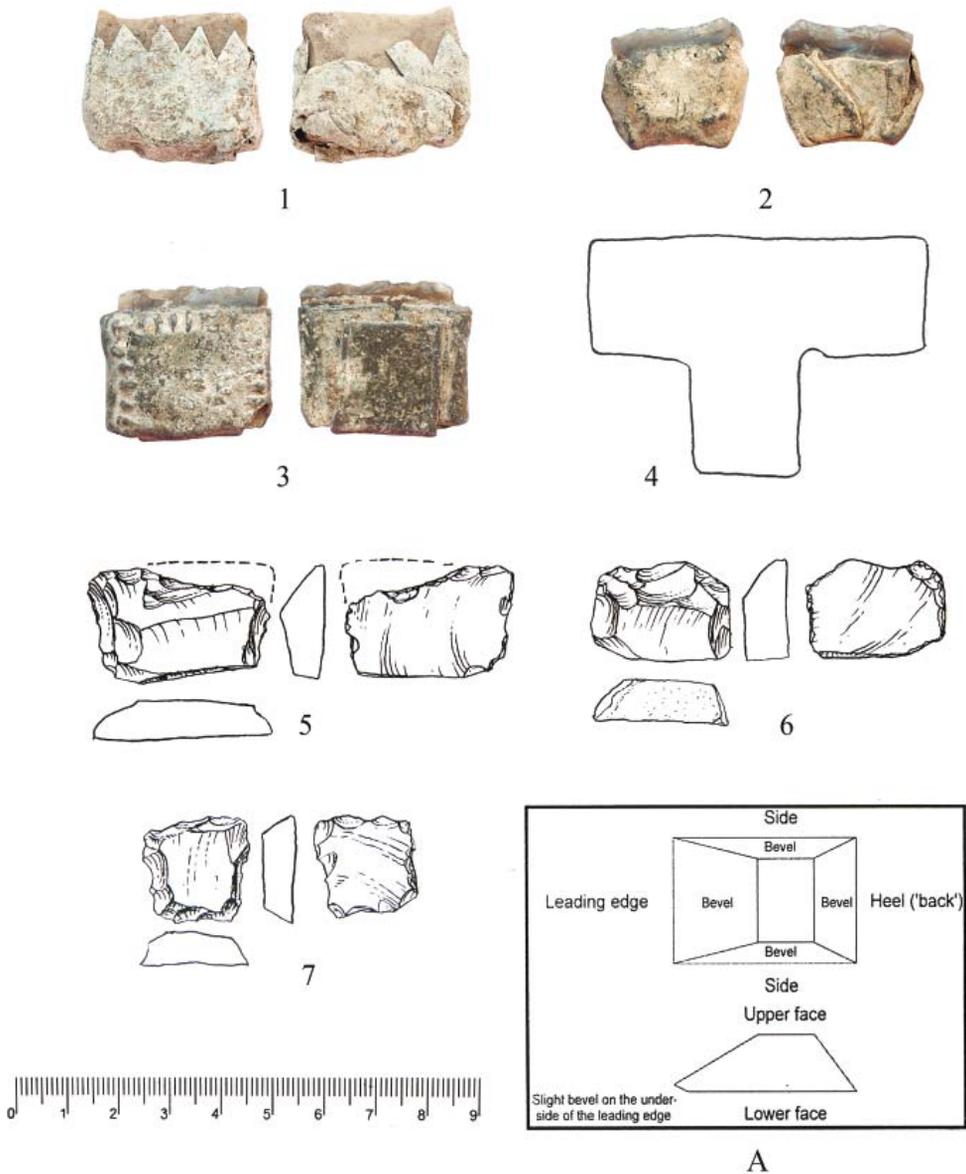

Рис. 5. Ружейные кремни. 1 – из Белогорска; 2–4 – из Победного; 5–7 – из Севастополя. А – по: Ballin, 2014. Фото В. Лемянского.

Fig. 5. The gunflints. 1 – from Belogorsk; 2–4 – from Pobednoye; 5–7 – from Sevastopol. A – after Ballin, 2014. Photo by V. Lemiansky.

В пределах ограниченного участка местности нами собрана коллекция из 15 ружейных кремней, значительная часть которых сохранила первоначальную свинцовую оболочку (№№ 5–19). Комплекс следует признать гомогенным. Практически все микролиты (13 из 15-ти) отличаются специфическим кремневым сырьем. В качестве сырья в основном использовался желтоватый полупрозрачный кремне-с белесыми включениями. Два вкладыша изготовлены из желто-серого пятнистого матового трещиноватого кремня с невысокими пластическими свойствами. Вероятно изготовление ружейных кремней этой серии в какой-то одной мастерской.

Группа вкладышей распадается на три параметрические категории, видимо, в связи с различными типами огнестрельного оружия.

Самый крупный образец вместе со свинцовой «рубашкой» весит 41,5 г (рис. 3: 5; № 9). Ширина бойка 49 мм. Он имеет трапециевидную форму.

Основная масса кремней имеет вес в оболочке около 20 г, средний вес самих кремней около 10 г. Средняя ширина бойковой части весьма значительная – около 33 мм. У трех кремней на тыльной стороне сохранились обушки (рис. 2: 6; 3: 6; 4: 10). В типологическом плане представлены вкладыши в виде прямоугольников (рис. 3: 3–4, 6) и трапеций со скругленным основанием (рис. 3: 1; 4: 4, 8). Характерной особенностью прямоугольников является расположение на ряде микролитов ударной части вдоль продольного края. У нескольких микролитов отмечается изогнутая в профиле рабочая кромка (рис. 3: 1, 4, 6; 4: 8). В целом микролиты относятся к типу прямоугольных вкладышей и

кремней трапециевидной формы со скругленным меньшим (тыльным) основанием.

Меньшие по размеру кремни неправильной квадратной формы образуют устойчивую группу с шириной бойка в пределах 10 мм. Их вес со свинцовой обоймой колеблется в пределах 7,0 г. Вес подобных вкладышей без свинцовой оболочки в пределах 4,0–5,0 г.

Доступный для полных замеров кремневый вкладыш из Белогорска изготовлен небрежно, напоминает грубый концевой скребок с изогнутым профилем, изготовлен из относительно тонкого искривленного отщепка (рис. 3: 1–2).

Практически во всех случаях устье свинцовой оболочки имеет зубчатый край на верхней стороне вкладыша, по стилистике напоминающий зажимы ювелирных камней. Зубцы крупные, до 4–5 мм. Такой зажим предотвращал или уменьшал разлет мелких осколков кремня, возникавших при ударе вкладыша об огниво. Оболочка относительно толстая, до 1,5 мм, скорее напоминает грубую обертку.

Коллекция из г. Севастополя

Коллекция ружейных кремней из г. Севастополя включает 13 предметов (№№ 20–32), которые происходят из различных участков города. Строгую географическую привязку имеют только находки на поверхности урочищ Федюхины высоты (№№ 21–23), Сапун-Гора (№№ 28–29) и Сахарная Головка (№№ 30–32).

В типологическом плане выделяются следующие устойчивые разновидности ружейных кремней:

1. Ружейные кремни прямоугольной формы, из сегментов кремне-

вых пластин, в виде неправильной усеченной пирамиды, с вентральной подработкой ударной части (рис. 2: 1, 3–4; 4: 1, 3). Форма, размер и вес вкладышей унифицированы. Средняя ширина бойка около 24 мм. Свинцовая оболочка весьма тонкая, первоначально имела вид трапеции или треугольника, свернута по типу «детского конверта». Такие вкладыши относят к типу британских удлиненно-пластинчатых ружейных кремней.

2. Микролиты в виде трапеции со скругленным тыльным краем; отличаются интенсивной обработкой, изготавливались из отщепов и пластинчатых сколов (рис. 4: 2, 5–8). Форма, размер и вес стандартны. Отличительной особенностью вкладышей этого типа является наличие коркового обушка на дух экземплярах (рис. 2: 2, 6).

Все кремни, кроме одного (рис. 4: 1), изготовлены из качественного серого стекловидного мелового кремня. Сырьем для прямоугольного вкладыша послужил желто-коричневый кремень.

Обращает на себя внимание ружейный кремень, полностью скрытый в свинцовой оболочке (рис. 2: 2). Потенциальная ударная часть микролита закрыта небольшим съемным клапаном. Ружейные кремни относились к расходной части боекомплекта и не представляли особой материальной ценности, тем не менее, ими дорожили, оберегали от повреждений до момента использования.

Вопрос о принадлежности перечисленных ружейных кремней из Севастополя является непростым. Следует помнить, что во время Крымской войны основу стрелкового вооружения русской армии составляли отечественные ударно-кремневые гладкоствольные ружья образца 1826, 1828

и 1839 гг. Были в употреблении также закупленные английские ружья образца 1831 г. Эти ружья были на вооружении части линейных батальонов и дружин ополчения. Использовалась стандартная круглая пуля калибром 7 линий (17,78 мм). В английских и французских войсках кремневые ружья составляли не более 5% и были распространены во вспомогательных частях. Почти полностью таким оружием пользовались войска королевства Сардиния, но их абсолютная доля была небольшой.

По историческим документам мы знаем, что в урочище Сахарная Головка располагалась русская батарея, в районе Сапун-Горы и Федюхиных высот базировались англо-французские части.

Находка двух ружейных кремней «британского типа» на месте лагеря в урочище Федюхины высоты кажется непротиворечивой (рис. 2: 3–4; 4: 1). Видимо, это единственная небольшая серия ружейных кремней из публикуемой коллекции, которая уверенно ассоциируется с присутствием англо-французского военного контингента. Кремневый вкладыш № 23 (рис. 2: 3–4) облицован очень тонкой свинцовой оболочкой, раскатанной до состояния фольги.

Два, вероятно, связанные с англо-французским контингентом вкладыша из урочища Сапун-Гора (рис. 4: 7–8) относятся к широко распространенному типу в виде трапеции со скругленным основанием.

Достоверно русскими следует считать три кремневых вкладыша (№ 30–32), найденные на поверхности урочища Сахарная Головка (верхняя часть возвышенности) на месте расположения русской батареи. Один из них в

форме небольшого трапециевидного скребка изготовлен из светло-серого крымского пятнистого кремня (рис. 5: 7). Скорее всего, вкладыш предназначался для кремневого пистолета. Два других вкладыша атипичны (рис. 5: 5–6). Оба изготовлены из темно-серого качественного стекловидного мелового кремня. Яркой морфологической особенностью этих кремней является наличие обушка, выраженные короткие пропорции. Характер обработки и угол заострения бойковой части характерен для ружейных кремней. Кромки всех трех образцов интенсивно забиты. Атипичные образцы явно неоднократно подправлялись. Не исключено вторичное использование вкладышей в качестве деталей огнива.

Найденные за пределами данных участков местности ружейные кремни также, скорее всего, относятся к русской военной экипировке.

Возможно, часть ружейных кремней из Севастополя относится к периоду до Крымской войны.

Комплекс из с. Победное

В окрестностях с. Победное Саковского района (Шибань до 1945 г.) обнаружены два ружейных кремня в свинцовой оболочке (№ 33–34). Село Шибань входило в округу г. Евпатория и впервые упоминается в 1784 г. Кремни происходят из юго-восточной окраины современного села. Вероятно, находки связаны с местом базирования одного из подразделений русской армии во время осады и неудачного штурма Евпатории зимой 1855 г. Вместе с ружейными кремнями найдены медные пуговицы 17-го и 18-го русских уланских полков.

Для изготовления микролитов использовался темно-серый стекловидный качественный кремень.

Обращает на себя внимание обломок крупного образца (рис. 5: 3). Свинцовый конверт вырезан по специальному лекалу и в развернутом виде имеет Т-образный вид (рис. 5: 4). На лицевой стороне конверта штампом нанесен рельефный зубчатый бортик в виде несомкнутого квадрата; видимо, штамп по периметру свинцового конверта окончательно фиксировал оболочку на кремневой основе. Размеры свинцового конверта строго соответствуют размерам микролита, т.е. он предназначался для калиброванного по размерам кремневого вкладыша. Вкладыш трапециевидный, с ретушированной с вентральной стороны кромкой. Обычно такие вкладыши имеют округленную тыльную часть.

Второй вкладыш меньших размеров также трапециевидный, с подправленной бойковой частью (рис. 5: 2). Кромка слегка изогнута.

Закключение

1. Охарактеризованные выше ружейные кремневые микролиты-вкладыши хорошо вписываются в типологию ружейных кремней Европейского континента XVIII–XIX вв. Основными типами ружейных кремней Западной Европы были трапециевидные вкладыши из пластин с различным оформлением тыльной стороны (а «French» broad-blade gunflints), удлиненные вкладыши прямоугольной формы из пластин (а «British» elongated-blade gunflints – рис. 5: А), короткие прямоугольные вкладыши из отщепов (а «Danish» ventral-dorsal flake gunflints) и некоторые другие (Ballin, 2014, p. 46). Разумеется, привязка типов микролитов к странам является условной.

В публикуемой региональной сводке выделяются три относительно

устойчивых типа кремневых ружейных микролитов:

1) широкие прямоугольные вкладыши; датируются в основном 70-ми гг. XVIII в.; средний коэффициент удлиненности 87,5;

2) узкие удлиненные «британские» прямоугольные вкладыши, встречаются только в Севастополе, относятся к 50-м гг. XIX в.; средний коэффициент удлиненности 118,5;

3) классические широкие трапециевидные со скругленным основанием вкладыши; не имеют строгой хронологической привязки и присутствуют во всех публикуемых крымских комплексах; средний коэффициент удлиненности 86,9.

Как видно, коэффициент удлиненности прямоугольных и трапециевидных со скругленной тыльной стороной вкладышей практически совпадает.

Часть ружейных кремней из Севастополя, включая два атипичных образца из урочища Сахарная Головка, сохранили обушки на тыльной стороне (рис. 5: 5–6). Этот же признак встречен и на нескольких трапециях со скругленным тыльным участком из Севастополя, в том числе с первичной меловой коркой (рис. 4: 3). Есть обушковые участки и на более ранних ружейных кремнях из окрестностей г. Белогорска (рис. 3: 3). Для технологической и культурной оценки этого специфического морфологического признака требуется более широкий сравнительный материал.

2. Среди публикуемой серии ружейных кремней заметны отличия, которые носят преимущественно хронологический характер. В первую хронологическую группу входят кремневые микролиты-вкладыши 70–80-х гг. XVIII в., вторая группа в

основном связана с событиями Крымской войны 1853–1856 гг.

Первая хронологическая группа кремневых вкладышей включает небольшие серии изделий из окрестностей гг. Белогорска и Бахчисарая. Кремни представлены в основном широкими прямоугольными и трапециевидными образцами. Ширина бойка в среднем около 33 мм. Средняя длина бахчисарайских вкладышей 27,5 мм, белогорских вкладышей – 24,7 мм. Ружейные кремни из Бахчисарая отличаются высоким качеством изготовления. Часть микролитов из Белогорска имеет изогнутую в профиле ударную кромку, что не характерно для унифицированных образцов. Морфологической особенностью, по крайней мере, трех кремней из Белогорска является наличие тыльного обушка. Возможно, перечисленные признаки свидетельствуют об изготовлении вкладышей в рамках «походной мастерской», не в центрах казенного мануфактурного производства. Из всех этих вкладышей со свинцовой оболочкой из Белогорска резко выделяется один крупный образец весом 41,5 г (рис. 3: 5) от весьма крупной кремневой запальной батареи.

Вторая хронологическая группа ружейных кремней происходит из г. Севастополя. Она включает удлиненные прямоугольные вкладыши с неправильной пирамидальной огранкой, обычные трапеции и трапеции со скругленным меньшим основанием. Видимо, к этой хронологической группе относятся кремни из с. Шибань (Победное). Ряд микролитов по форме, размерам и технологии изготовления неотличим от классических стандартов Западной Европы (рис. 2: 1, 3–4; 4: 1; рис. 5: А). Это

означает либо принадлежность их к европейской (английской?) военной экипировке, либо производство в российских казенных мастерских по европейским шаблонам. Материал, из которого сделаны эти вкладыши – преимущественно качественный темно-серый стекловидный меловой кремнь, характерный для геологических источников Восточной Европы.

3. Идентификация источников кремневого сырья данных ружейных микролитов Крыма и, соответственно, мастерских для их изготовления, требует дополнительных исследований. Со специфическим крымским кремнем достоверно сопоставим лишь один микролит из урочища Сахарная Головка в Севастополе (рис. 5: 7).

4. Пограничное положение двух изделий из урочища Сахарная Головка (рис. 5: 5–6) предполагает дифференциацию кремней для огнива и ружей. Размытость морфологических границ между этими группами предметов хорошо видна при сравнении больших серий изделий, например, при анализе

материалов XVII в. поселений Изюк и Ананьино в Омском Прииртышье (Татаурова, Топлеко, 2010), Мангазея (Белов, Овсянников, Стариков, 1981). Вторичное использование кремневых ружей, интенсивная эксплуатация кресал в условиях сырьевого дефицита приводят к значительной редукции изделий, к изменению первоначальной формы и размеров, к нивелировке отличий. Не случайно появление в ряде археологических работ функционально нейтрального термина «каменные орудия для добывания огня» (Сериков, 2002; и др.). Возможно, помимо значительной толщины кремней для огнива (Татаурова, Топлеко, 2010, с. 193), диагностическое значение при различении кремней будет иметь угол заострения бойка. У достоверных ружейных кремней из Крыма он колеблется в основном в пределах 30–35 градусов, с отклонениями в зависимости от степени износа (табл. 1).

Очевидно, необходимы симметричные усилия для выделения и типологического анализа турецких ружейных кремней из Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов М.И., Овсянников О.В., Стариков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII. Ч. 2. М.: Наука, 1981. 148 с.
2. Галимова М.Ш., Ситдииков А.Г., Хабаров В.В. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 256–276.
3. Колесник А.В., Голубева И.В. Ружейные кремневые микролиты-вкладыши в археологических комплексах XVI–XVIII вв. в среднем течении Северского Донца // Древности. Харьков: Изд-во Харьковского историко-археологического общества, 2010. С. 235–252.
4. Кисилев С.Н., Кисилев Н.В. Геополитические аспекты истории Крыма // Ученые записки Таврического национального университета. 2006. 17(56), №3. С. 74–81.
5. Пархимович С.Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Апельсин, 2008. С. 251–262.
6. Ратушняк В.Н. Борьба за присоединение Крымского ханства к России на рубеже 1770-х – 1780-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 39–42.

7. Сериков Ю.Б. Каменные орудия для добывания огня // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН, 2002. С. 251–252.
8. Суханов И., Хабурзания М. Кремень как средство воспламенения порохового заряда // Ружье. 2000. № 4. С. 61–63.
9. Тарасюк Л.И. Из истории русского огнестрельного оружия XVI – XVII вв. // СА. 1965. № 2. С. 104–120.
10. Татаурова Л.В., Толтеко И.В. Использование изделий из камня в хозяйственной и бытовой деятельности русских (по материалам комплексов Омского Прииртышья) // Вестник Омского университета. 2010. № 4. С. 190–198.
11. Clay R.C.C. A Gun-Flint Factory Site in South Wiltshire // Antiquaries Journal 5, 1925, pp. 423–426.
12. Ballin T.B. Gunflint from *Drottningen of Swerige* (1745) and *Concordia* (1786) // Arms and armour, Vol. 11 N1, 2014, pp. 44–67.
13. Emery K.O. European Flints in North America // Trade Gun Conference Proceeding. Rochester Museum and Science Center, Rochester. New York, 1986, pp. 81–85.
14. Hamilton T.M. A Survey of Louisburg Gunflints // Canadian Historic Sites 12, 1975, pp. 101–128.
15. Johnson L.L. A history of flint-knapping experimentation, 1838 – 1976 // Current Anthropology (19)2, 197, pp. 337–372.
16. Kaiser, M.J. Geschliffene Flintensteine // Waffen- und Kostumkunde, 1, 2013, pp.59–72.
17. Kenmotsu N. Gunflints: a study // Historical Archaeology 24, 1990, pp. 92–124.
18. Lotbiniere S., de. English Gunflint Making in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Minnesota Archaeologist 39(2), 1980, pp. 55–69.
19. Gartley R.T., Ballin T.B. A gunflint collection from Christiansted, St Croix, in the former Danish West Indies (US Virgin Islands) // Gunflints – beyond the British and Frenchempires. Occasional newsletter from an informal working group, New Series 5, 2015, pp. 3–20.
20. Sappington R.L. An annotated bibliography of gunflints // Northwest Anthropological Research Notes 12(1), 1978, pp. 75– 08.
21. Smith C. Translator’s Note to Two 18th Century Reports on the Manufacture of Gunflints in France // Missouri Archaeology 221, 1960, pp. 40–49.
22. Weiner J. 2016. On Gunflint Manufacture in Germany // Archaeologische Informationen 39, 2016, Early View version online.
23. Withthoft J. A history of gunflints // Pennsylvania Archaeology 36 (1–2), 1966, pp. 12–49.

Информация об авторах:

Колесник Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Украина); akolesnik2007@mail.ru

Яковец Михаил Юрьевич, исследователь (г. Севастополь, Россия); lopamudra@rambler.ru

Климова Ксения Игоревна, аспирант, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Украина); igorevich.cho@mail.ru

COMPLEXES OF GUNFLINTS OF THE 18TH – 19TH CENTURIES FROM THE CRIMEA

A.V. Kolesnik, M.Yu. Yakovets, K.I. Klimova

The authors address the problem of identification of the gunflints in the Modern Time complexes. Gunflints are a specific type of historical and archaeological sources. Distribution of these products is entirely connected with distribution of firearms with flintlock ignition mechanisms. The typology of gunflints is essentially similar to the typology of Stone Age microlith inserts. In both cases fragments of blades and lamellar flakes served as workpieces. The authors describe three small complexes of gunflints from the Crimea. Flints have been found on the eighteenth-century Russian military camps in Bakhchisarai and Belogorsk, also in Sevastopol. The complex from Sevastopol is connected with the Eastern War (1853–1856). The published gunflint inserts fully meet the standards of West European gunflints. A large share of flints has a lead shell which was intended to fix the flint in the hammer of ignition mechanism. Parameters of flints suggest application of guns of various calibers in the Russian army. The place of production of gunflints is still uncertain.

Keywords: archaeology, the Crimea, the New Time, 18th – 19th century, battle history, gunflints, flintlock ignition mechanism, production technology.

REFERENCES

1. Belov, M. I., Ovsyannikov, O. V., Starikov, V. F. 1981. *Mangazeia: Material'naia kul'tura russkikh poliarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv. (Mangazeya: Material Culture of the Russian polar explorers and sailors in 16th – 17th Centuries)* 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Galimova, M. Sh., Sitdikov, A. G., Khabarov, V. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 256–276 (in Russian).
3. Kolesnik, A. V., Golubeva, I. V. 2010. In *Drevnosti (Antiquities)*. Kharkov: Kharkov Historical and Archaeological Society, 235–252 (in Russian).
4. Kisilev, S. N., Kisilev, N. V. 2006. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta (Scientific Bulletin of the Taurida National University)* 56 (17), no. 3, 74–81 (in Russian).
5. Parkhimovich, S. G. 2008. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniiax (Culture of the Russians in Archaeological Research)*. Omsk: "Apel'sin" Publ., 251–262 (in Russian).
6. Ratushniak, V. N. 2013. In *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' (Historical and Social-Educational Thought)* (3), 39–42 (in Russian).
7. Serikov, Yu. B. 2002. In *Severnyi arkheologicheskii kongress (North Archaeological Congress)*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Institute for History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 251–252 (in Russian).
8. Sukhanov, I., Khaburzaniia, M. 2000. In *Ruzh'e (The Gun)* (4), 61–63 (in Russian).
9. Tarasiuk, L. I. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 104–120 (in Russian).
10. Tataurova, L. V., Tolpeko, I. V. 2010. In *Vestnik Omskogo universiteta (Bulletin of the Omsk University)* (4), 190–198.
11. Clay, R. C. C. 1925. A Gun-Flint Factory Site in South Wiltshire. *Antiquaries Journal* 5, 423–426.
12. Ballin, T. B. 2014. Gunflint from Drottningen of Sverige (1745) and Concordia (1786). *Arms and armour*, Vol. 11, no. 1, 44–67.
13. Emery, K. O. 1986. European Flints in North America. *Trade Gun Conference Proceeding*. Rochester Museum and Science Center, Rochester. New York, 81–85.
14. Hamilton, T. M. 1975. A Survey of Louisburg Gunflints. *Canadian Historic Sites* 12, 101–128.

15. Johnson, L. L. 1978. A history of flint-knapping experimentation, 1838 – 1976. *Current Anthropology* Vol. 19, no. 2, 337–372.
16. Kaiser, M. J. 2013. Geschliffene Flintensteine. *Waffen- und Kostümkunde* 1, 59–72.
17. Kenmotsu, N. 1990. Gunflints: a study. *Historical Archaeology* 24, 92–124.
18. Lotbiniere, S. de. 1980. English Gunflint Making in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. *Minnesota Archaeologist* 39 (2), 55–69.
19. Gartley, R. T., Ballin, T. B. 2015. A gunflint collection from Christiansted, St. Croix, in the former Danish West Indies (US Virgin Islands). *Gunflints – beyond the British and French Empires. Occasional newsletter from an informal working group, New Series* 5, 3–20.
20. Sappington, R. L. 1978. An annotated bibliography of gunflints. *Northwest Anthropological Research Notes* 12 (1), 75–08.
21. Smith, C. 1960. Translator’s Note to Two 18th Century Reports on the Manufacture of Gunflints in France. *Missouri Archaeology* 221, 40–49.
22. Weiner, J. 2016. On Gunflint Manufacture in Germany. *Archaeologische Informationen* 39. Early View version online.
23. Witthoft, J. 1966. A history of gunflints. *Pennsylvania Archaeology* 36 (1–2), 12–49.

About the Authors:

Kolesnik Alexander V. Candidate of Historical Sciences. Donetsk National University (DonNU). Universitetskaya St., 24, Donetsk, 83048, Ukraine; akolesnik2007@mail.ru

Iyakovets Mikhail Yu. Investigator, Sevastopol, 99038, Russian Federation; lopamudra@rambler.ru

Klimova Ksenia I. Candidate of Historical Sciences. Donetsk National University (DonNU). Universitetskaya St., 24, Donetsk, 83048, Ukraine; igorevich.cho@mail.ru

Статья поступила в номер 20.10.2016 г.

Критика и библиография

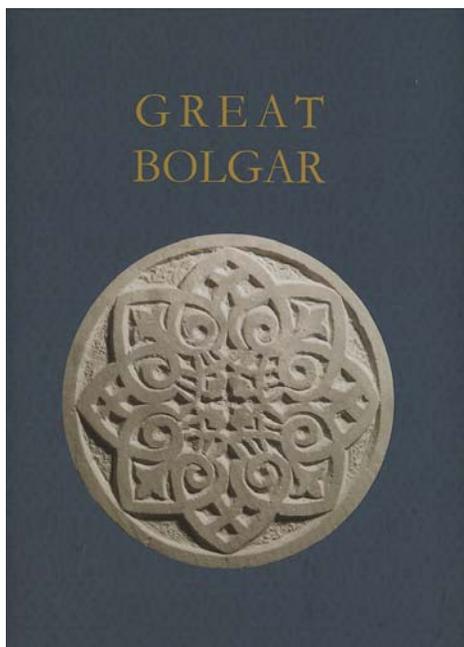
УДК 55 (084.3)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АТЛАС «GREAT BOLGAR».
SCIENT. ED. A.G. SITDIKOV. KAZAN: GLAVDESIGN LTD, 2015. 404 P.

© 2016 г. Н.Н. Крадин

В рецензии дана положительная оценка работы коллектива авторов, подготовивших атлас «Великий Болгар» на английском языке. Эта книга была издана ранее на русском языке (2013 г.), однако настоящее издание является переработанным и дополненным, включает ряд новых глав и новые иллюстрации. Главная задача издания – сделать Болгарский архитектурно-археологический комплекс, включенный в 2014 г. в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, более известным в мировой археологии. В основе структуры атласа лежит систематическое изложение материала в форме научных очерков, сгруппированных в пять тематических разделов. Освещается место города Болгар в средневековом мире; природно-географические и ландшафтные особенности памятника; городская экономика и ее интеграция в систему торговых связей Евразии; чеканка монет и денежное обращение; архитектура, фортификация, городское благоустройство; духовная культура, религиозные представления, письменность, искусство. В заключение приводится перечень исследователей, внесших наиболее заметный вклад в изучение и сохранение Болгара.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Татарстан, городище Болгар, средние века, архитектурно-археологический комплекс, культурное наследие.

После включения Болгарского архитектурно-археологического комплекса в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО со всей очевидностью встал вопрос о том, что это уникальный памятник должен быть лучше известен в мировой археологии. Для этого археологи и историки Татарстана проделали огромную и кропотливую работу. Они подготовили атлас «Великий Болгар» на английском языке. Эта книга была издана ранее на русском языке. Часть разделов ранее были подготовлены для коллективной книги «Великий Болгар». Однако настоящее издание отличается переработанными текстами глав (некоторые главы новые), дополнением

новыми источниками и новыми уникальными иллюстрациями.

Книга предваряется обращениями к читателям Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова и Государственного Секретаря Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева, которые, отмечая несомненную важность сохранения историко-культурного наследия древнего Болгара, выражают надежду, что данная книга «даст вдумчивому читателю содержательное и оригинальное представление о древнем городе» (М.Ш. Шаймиев) и «станет прекрасной визитной карточкой великого города, неизменно хранящего память о многовековой истории многонационального Российского государства» (Р.Н. Минниханов).

Новая публикация наследует структуру атласа «Великий Болгар», в основе которой лежит систематическое изложение материала в форме научных очерков, сгруппированных в пять тематических разделов. Том открывается Введением директора Института археологии Академии наук Республики Татарстан А.Г. Ситдикова, в котором он показывает значение Болгара в контексте мировой и региональной истории, а также отмечает большую роль Фонда «Возрождение» как спонсора и главного организатора работ по реставрации Болгара и превращению его в город-музей.

В первом разделе: «Город Болгар в средневековом мире: люди, пространство, время» объединены главы, раскрывающие общие вопросы места Болгара в средние века. Он открывается совместным очерком А.Г. Ситдикова и И.Л. Измайлова о месте Болгара в истории и культуре. Авторы анализируют историческую и политическую ситуацию в Евразии

в середине I – середине II тыс., рассматривают особенности становления цивилизации в Волго-Уральском регионе. Эти процессы они связывают с расцветом международной торговли. Именно торговля оказала решающее влияние на расцвет урбанизации в степях Восточной Европы и во многом определила современную этническую, культурную и религиозную панораму региона.

Очерк В.Н. Калуцкова и П.М. Шульгина знакомит нас с природно-географическими и ландшафтными особенностями Болгара как археологического памятника. Подробно показана природная среда, ландшафт, уникальные объекты окружающей среды. Авторы справедливо констатируют, что «местоположение Болгарского городища представляет собой уникальное месторазвитие для лесных и степных культур Поволжья».

Глава П.Н. Старостина посвящена изложению вопросов древней истории Волго-Камья. Исследование предболгарских поселений, расположенных на территории Болгарского городища необходимо для получения правильного понимания истории города. Р.Г. Фахрутдинов и И.Л. Измайлов анализируют сообщения письменных источников, излагают основные события политической истории Болгара X–XV вв. от начала до конца существования города и возвышения Казани.

Историческая топография и стратиграфии Болгара дана Т.А. Хлебниковой. Подробно показаны особенности образования культурных слоев города, реконструированы этапы развития городской территории и застройки. Подробно описана стратиграфическая шкала городища, показаны особенности состава отдельных гори-

зонтов культурного слоя, связанных с разными периодами жизни город. Раздел завершает интересная глава Х.М. Абдуллина об изучении следов города Болгар на картах XVIII–XIX вв. Карты дают много интересной информации о развитии города и его планиграфии.

Второй раздел посвящен вопросам городской экономики, которая была глубоко интегрирована в систему сложившихся торговых сетей Евразии. Болгар фактически был транзитом между Востоком и Западом. Однако влияние с обеих сторон привело к формированию самостоятельного оригинального культурного феномена с многообразными ремеслами и промыслами, развитой торговой и денежной системой, гармоничным сочетанием земледелия и скотоводства. Раздел открывает глава А.Н. Кирпичникова, в которой показано место города Болгара на Великом Волжском торговом пути. Волжская Болгария получила мощное развитие с конца IX в., а в X в., став независимой от Хазарского каганата, переняла у него важную торговую миссию. Болгар на Волге и другие города Волжской Болгарии стали главнейшим транзитным пунктом исламской торговли с европейским миром.

Система международных торговых связей Болгара и Болгарских земель в X–XIV вв. глубоко проанализирована в главе Р.М. Валеева. Он выделил пять этапов развития торговли Поволжья и Приуралья. Особенное внимание он уделил общим социально-экономическим аспектам обменов: условиям товарного обращения в рамках средневекового общества, роли города в товарном обращении, соотношению внешней и внутренней торговли, фор-

мам организации торговли и т.д. В заключении автор делает вывод о том, что торговлю региона «характеризовала теснейшая связь внутреннего обмена с внешней торговлей, прежде всего со странами Востока, в результате которой на эту территорию проникали куфические дирхемы, ставшие одним из основных средств внутреннего денежного обращения».

Торговле Болгара посвящена глава М.Д. Полубояриновой. Главная тема – изучение ассортиментов товаров, привозимых в Болгар, и путей их проникновения на территорию Среднего Поволжья. Суммируя сведения письменных источников и археологические находки, автор рисует широкую географию сетей коммуникаций волжских болгар. Начиная с X–XI в. город Болгар являлся «значительным центром международной торговли, связывающим Европейский Север с мусульманским Востоком». В конце XI – начале XIII в., крупнейшим ремесленным центром стал Биляр. В период Золотой Орды «исключительно выгодное географическое положение Болгара позволяло ему сохранять положение одного из крупнейших центров тогдашнего мира».

Особенности денежного дела и денежного обращения Болгара проанализированы в очерке Г.А. Федорова-Давыдова. Автор подробно останавливается на истории денег Волжской Болгарии и Золотой Орды вплоть до XV в., когда право монетного чекана перешло к Старой Казани. Он приходит к выводу о существовании на территории Волжской Болгарии в период поздней Золотой Орды особой «нумизматической провинции». Здесь продолжали обращаться старые серебряные монеты

дотохтамышевской чеканки, но обрезанные.

Несколько очерков, входящих в этот раздел, посвящены становлению и развитию ремесел и сельского хозяйства. Традициям металлургии железа посвящен очерк Ю.А. Семькина. Он приходит к выводу о высоком уровне развития металлургии, его технологическом своеобразии, которое выражено в редком применении технологии трехслойного пакета и частом пакетировании заготовок.

Л.Л. Савченкова изучала ассортимент кузнечной продукции, включающий изготовление оружия, орудий труда, бытовых предметов. Морфологический анализ показывает, что развитие этого вида болгарского ремесла было похоже на европейское, но имелись черты особой раннеболгарской традиции. Г.Ф. Полякова выделила три хронологические группы изделий из цветных и драгоценных металлов (X–XI вв., XII – первой половины XIII в., второй половины XIII–XV в.). Автор отмечает многочисленность изделий, обилие форм, богатство орнаментальных мотивов и разнообразие технических приемов изготовления. Опыт, накопленный мастерами Болгара, был воспринят ювелирами и медниками казанских татар.

В очерке Т.А. Хлебниковой дается подробная характеристика неполивной керамики. Обращая внимание на большое разнообразие посуды, автор констатирует наличие в Болгаре почти всех культурных групп керамики, выделенных на памятниках волжских болгар домонгольского периода. Она соотнесла различные группы неполивной керамики со слоями стратиграфии городища и топографией. Вывод автора: «анализ традиционной

керамики городища и ее истоков отражает наличие в Болгаре населения различного этнического происхождения и изменение его состава на разных этапах истории города».

И.Н. Васильева исследовала горны для изготовления керамики и выделила их региональные особенности. М.Д. Полубояринова проанализировала стеклянные изделия и пути их проникновения на территорию Поволжья. Классификация стеклянных предметов включает бусы и подвески, браслеты и перстни, вставки перстней, оконное и посудное стекло (донца, венчики, ручки, донца). Полубояринова считает, что широчайшее распространение стеклянных изделий свидетельствует о включении Болгара в сети глобальных торговых обменов: в X–XI вв. – с Сирией и Египтом; в XII – первой трети XIII в. – со Средней Азией; в XIV – начале XV в. – с Хорезмом и другими регионами Золотой Орды, Средиземноморьем, Русью. Свое собственное стекло стало производиться в Болгаре с XIV в.

Т.А. Хлебникова изучала кожевенное ремесло. Были обобщены сведения о фрагментах кожаной обуви и изделий из кожи. Автор анализирует сырьевую базу, особенности производства, ассортимент изделий и инструментарий кожевников, допуская выделение среди них башмачников, варианты более узкой специализации. И.А. Закирова исследовала косторезное производство. Она пришла к выводу о традиционном характере обработки кости, постепенной трансформации от домашнего промысла к специализированному рыночному ремеслу.

Раздел завершают очерки о земледелии и скотоводстве Болгара и

его округи. Ю.А. Краснов на основе археологических и палеоботанических материалов реконструирует развитие земледелия. Он рассматривает ассортимент почвообрабатывающих орудий, особенности севооборота, отмечает сложный уровень земледелия. По его мнению, Волжская Болгария постепенно превратилась «в одну из самых развитых в земледельческом отношении областей Восточной Европы». А.Г. Петренко охарактеризовала скотоводство Болгара. Проанализирован состав стада, породы крупного и мелкого рогатого скота, сделаны выводы о развитии рыночного хозяйства.

В разделе «Город Болгар: фортификация, архитектура, благоустройство» анализируются различные аспекты изучения монументальных памятников архитектуры, особенности оборонительных сооружений Болгарского городища и решение вопросов городского благоустройства. Особенности монументального зодчества и градостроительной культуры посвящен очерк С.С. Айдарова. В очерке исследованы шесть наиболее сохранившихся памятников: Соборная мечеть (Четырехугольник), Восточный мавзолей (Никольская церковь), Северный мавзолей (Монастырский погреб), Ханская усыпальница, Малый минарет, Черная палата. Автором дан глубокий анализ объектов каменного строительства Болгара.

На основе натуральных исследований памятников, привлечения широкого круга исторических и изобразительных источников, обстоятельного архитектурно-археологического изучения строительных материалов и технологий реконструированы этапы строительной истории памятников,

даны методические рекомендации по их дальнейшему сохранению и консервации. С.С. Айдаров приходит к заключению о разнообразной стилистике болгаро-казанского зодчества, огромной ценности памятников, «наглядно и эмоционально отражающих характер проявления в условиях восточноевропейского средневековья прогрессивных традиций стран мусульманского Востока».

Фортификации города на разных этапах посвящен очерк Ю.А. Краснова. Он привлек письменные источники, топографические планы XVIII–XIX вв. и, в первую очередь, результаты археологических исследований 1967–1969, 1972–1974 гг. Краснову удалось реконструировать устройство и трассировку укреплений, уточнить места проездов. Автор делает вывод о том, что фортификационная система Болгара в период Золотой Орды «по величине сооружений, глубокой продуманности способов защиты занимала одно из первых мест среди деревоземляных укреплений Восточной Европы».

Очерки В.С. Баранова обобщают сведения о благоустройстве города. Автор рассматривает инженерные объекты, целью которых было решение водоснабжения, берегозащиты, санитарного обслуживания территории и других проблем. Он показывает, как утилитарные вопросы благоустройства формировали облик города, и приходит к выводу о высоком уровне городского хозяйства Болгара. Перед читателями предстает яркий образец ориентального города, которые несет на себе черты степных культур и цивилизации Восточной Европы.

Вопросы изучения общественных бань Болгара исследованы в очерке

Р.Ф. Шарифуллина. Анализ конструктивных особенностей, планировки бань, имеющих крестообразное устройство, изучение характера подпольной системы отопления, основанной в большинстве объектов на использовании жаропроводящих каналов с принудительной циркуляцией горячего воздуха, позволяет автору отнести их к типичным восточным баням – «хаммам» – и присоединиться к тем исследователям, которые, рассматривая истоки возведения подобных сооружений, обращают внимание на влияние строительных традиций Средней Азии.

Большую группу архитектурных построек Болгара составляют каменные мавзолеи центра и периферии городища. Они служили усыпальницами для видных представителей городской знати и духовенства. Об истории их изучения, конструкции, особенностях погребального обряда изложено в очерке Н.Д. Аксеновой, М.М. Кавеева, В.С. Баранова. Авторы приходят к выводу о том, что во второй половине XIV в. Болгар стал терять прежнее экономическое и политическое значение, но «приобрел все большую славу мусульманской святыни».

Л.А. Беляев исследовал Малый городок – своеобразный архитектурный комплекс в южной части Болгара в 1981–1984 гг. По его мнению, причина недостаточной выраженности архитектурного замысла заключается в недостроенности и кратковременном использовании. Это затрудняет атрибуцию и датировку памятника. Тем не менее Беляев исследовал многие этапы процесса строительных работ, детали технологии строительства. Сооружение Малого городка, по его

мнению, представляет попытку возведения в Болгаре крупного архитектурного ансамбля. Завершается раздел очерком Л.М. Носовой о строительной керамике. Особое место занимают поливные изразцы, использовались для украшения монументальных построек, надгробий. Автор отмечает влияние Хорезма и Ургенча. Местный орнаментальный стиль сформировался под сильным влиянием ирано-кавказской и хорезмийской художественных школ.

В разделе о городской культуре собраны статьи, обобщающие достижения волжских болгар, в первую очередь, в области духовной культуры, письменности, культуры и искусства. Раздел открывается статьей И.Л. Измайлова о становлении и развитии ислама в Поволжье в домонгольскую эпоху и в период Золотой Орды. Автор делает вывод об огромном влиянии ислама на различные сферы деятельности волжских болгар, на города и их облик.

Л.Т. Яблонский исследовал состав населения города Болгара на материалах могильников (раскопки 1945–1946 – 1973–1974 гг.). Он показал топографию городских кладбищ, выделил черты погребального обряда и конструкций могил, проанализировал пол, возраст умерших, физические особенности скелетов. Он пришел к выводу о присутствии выходцев из городов Нижней Волги и Болгара и об участии некоторых болгарских групп в формировании населения отдельных нижеволжских городов.

Ф.С. Хакимзянов и И.Л. Измайлов написали раздел о языке и письменности в Болгаре. Понятно, что это трудный и спекулятивный вопрос для археологов. Поэтому авторы обратились к

более общему культурному контексту. Широкими мазками показана история этнического взаимодействия в Волго-Уральском регионе, реконструированы механизмы формирования наддиалектного койне и литературного языка. Два очерка Д.Г. Мухаметшина и Ф.С. Хакимзянова посвящены изучению надписей на металлических изделиях и каменных надгробиях. Анализируя надписи на металле, исследователи приходят к выводу о том, что они предназначались для психологического воздействия на человека, некоторые служили своеобразными амулетами, часть изделий представляет собой произведения каллиграфического искусства. Корпус изученных эпитафий на надгробных камнях из Болгара составляет 150 экз. В очерке подробно анализируются оформленные камни, содержание и структура текста надписей, рассматриваются их хронологические и территориальные различия.

Г.М. Давлетшин анализирует различные стороны духовной культуры населения Болгара: календарь, метрологию и счет, космогонию, верования и мифы, ислам и его течения, науку, географические представления, медицину, историю. Он приходит к выводу о высоком уровне болгарской культуры в домонгольский период. В период Золотой Орды эти достижения не были утрачены и развиты. Болгар в эту эпоху стал одним из центров мусульманского мира. Искусству Болгара посвящена статья Д.К. Валеевой. Она рассматривает особенности искусства волжских болгар на разных этапах, отмечает влияние сначала язычества, а затем ислама.

Заключительный раздел книги посвящен проблемам изучения, сохра-

нения и музеефикации территории Болгара, архитектурных памятников и фортификационных сооружений. Он открывается очерками Т.А. Хлебниковой и Р.Ф. Шарифуллина об истории археологического изучения памятника. Авторы подводят итог многолетней работы археологов в 1864–1982 гг. и в 1982–2000 гг. от первых раскопок известного русского востоковеда и археолога В.Г. Тизенгаузена до исследований Болгарской археологической экспедиции в 1990-х гг.

Как выдающееся достижение отмечается начало в 1938 г. систематических работ на территории Болгара. Сначала они стали проводиться под руководством выдающегося советского археолога, профессора МГУ А.П. Смирнова, а затем под руководством его учеников. Плановые работы позволили разработать стратиграфическую шкалу культурного слоя памятника, воссоздать картину застройки целых городских районов. Одним из направлений работы стало архитектурно-археологическое исследование каменных построек Болгара, в результате чего многие из них были музеефицированы и подготовлены для туристического показа.

Очерк А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова и Р.З. Махмутова рассказывает об истории создания на территории городища государственного заповедника, который в настоящее время играет важнейшую роль в деле сохранения Болгара и популяризации историко-культурного наследия. В работе отмечается длительный и сложный путь, который потребовалось пройти, чтобы превратить Болгар в современный музейно-туристический центр.

В очерке Ф.М. Забириной Болгар рассматривается в контексте регио-

нального историко-культурного ландшафта как уникальное историческое поселение, непрерывно существовавшее в течение более чем тысячи лет. Бытование памятника разделено на 8 хронологических этапов, являющихся различными периодами его существования. Обосновываются ареалы и разновидности зон охраны, которые необходимы для обеспечения физической и объемно-пространственной сохранности памятника.

Значение Болгара как объекта всемирного наследия рассмотрено в очерке Р.М. Валеева. Автор отмечает огромную работу по обследованию, выявлению, фотофиксации и паспортизации памятников культурного наследия на территории Татарстана в 1970–1990 гг. Результатом стало выявление более чем 7000 памятников и издание Свода, включающего 2600 объектов историко-культурного и археологического наследия. Остановившись на истории номинации Болгара для включения в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, автор отмечает основную причину, по которой город был включен в него. Это выдающаяся универсальная ценность Болгарского архитектурно-археологического комплекса, его подлинность и целостность. Автор делает вывод, что Болгарский архитектурно-археологический комплекс не имеет аналогов среди объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, расположенных в Восточной Европе.

Р.Р. Салихов рассматривает созидательную деятельность Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры, который был учрежден в 2010 г. указом первого Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева. Салихов отмечает

масштабный характер деятельности фонда, ставшего инициатором и организатором комплексных работ по изучению и реставрации Болгара и Свияжска, проведению значительных по площади археологических работ. Среди мероприятий, имеющих фундаментальное значение для комплексных исследований Болгара, автор отмечает проведение Международного Болгарского форума, Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей, работу по включению Болгара в список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Раздел завершается очерком Д.Д. Хисамовой «Великий Болгар в изобразительном искусстве Татарстана», в котором автор рассказывает о том, как древняя болгарская цивилизация наполняет содержанием современное изобразительное искусство, а тема Болгара проходит, трансформируясь от реалистической иконографии XIX–XX вв. до «мусульманского авангарда», абстракционизма, концептуализма, приемов примитива, эстетики искусства шамалия современности.

Завершается книга очерком Р.Г. Фахрутдинова, который в форме философско-поэтического эссе подводит итог пути, пройденного древними болгарами до создания государства, а затем – от истории Болгара до истории татарского народа. В заключение приводится краткий мемориальный список исследователей, внесших наиболее заметный вклад в изучение и сохранение Болгара. Среди них такие яркие представители научной школы А.П. Смирнова, как Н.Д. Аксенова, М.Д. Полубояринова, Т.А. Хлебникова; выдающийся советский и российский археолог, историк и нумизмат

Г.А. Федоров-Давыдов; известные казанские археологи – П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов, Р.Ф. Шарифуллин, археозоолог А.Г. Петренко, архитектор С.С. Айдаров. Свой вклад в написание этой книги внесли Х.М. Абдуллин, Л.А. Беляев, Р.М. Валеев, Д.К. Валеева, Г.М. Давлетшин, Ф.М. Забирова, И.Л. Измайлов, М.М. Кавеев, В.Н. Калуцков, А.Н. Кирпичников, Ю.А. Краснов, Д.Г. Мухаметшин, Г.Ф. Полякова, Л.Л. Савченкова, Р.Р. Салихов, Ю.А. Семейкин, А.Г. Ситдииков, Ф.С. Хакимзянов,

П.М. Шульгин, Л.Т. Яблонский и многие другие.

Издание богато и разнообразно иллюстрировано. Использование английского языка позволяет максимально расширить читательскую аудиторию и показать мировой науке основные достижения исследования города Болгара, Волжской Болгарии и Золотой Орды. Читая и изучая эту книгу, я получил огромное удовольствие. Надеюсь, такое же наслаждение получит каждый читатель, который возьмет в руки этот увесистый, прекрасно иллюстрированный фолиант.

Информация об авторе:

Крадин Николай Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, (г. Владивосток, Россия), kradin@mail.ru

**BOOK REVIEW: ATLAS “GREAT BOLGAR”. SCIENT. ED. A.G. SITDIKOV.
KAZAN: GLAVDESIGN LTD, 2015. 404 P.**

N.N. Kradin

The review gives a positive assessment to this collective effort of the authors who prepared the atlas “Great Bolgar” in the English language. The book was earlier published in the Russian language (2013), but this edition is revised and amended and contains several new chapters and new illustrations. The goal of this publication is to promote Bolgar architectural-archaeological complex – included in the UNESCO’s list of the World Cultural Heritage in 2014 – to the world archaeology. Structurally, the atlas is built on the systematic narration in the form of scientific essays grouped into five thematic chapters. The atlas elucidates the place of Bolgar in the medieval world; natural-geographic and landscape features of the site; the urban economy and its integration in commercial relationships of Eurasia; coinage and monetary circulation; architecture, fortification, urban utilities; spiritual culture, religious ideas, writing and arts. In conclusion, the authors list the researchers who made the most valuable contributions to the study and preservation of Bolgar.

Keywords: archaeology, Middle Volga area, Tatarstan, Bolgar fortified settlement, Middle Ages, architectural-archaeological complex, cultural heritage.

About the author:

Kradin Nikolay N. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; kradin@mail.ru

Статья поступила в номер 20.09.2016 г.

Хроника

УДК 902

О РАБОТЕ III МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹

© 2016 г. Н.Л. Айтуганова, А.Г. Ситдиков, Л.А. Вязов, Е.М. Макарова

III международная археологическая школа в Болгаре состоялась 14–28 августа 2016 г. Ее участниками стали более сорока молодых специалистов из 7 стран мира. Главной целью проведения Школы является внедрение в исследовательскую практику новейших методов изучения и сохранения историко-культурного наследия. Программа Школы включала теоретические лекции, методические и практические занятия в рамках работы секций «Археобиологические методы в археологии», «Археологическое стекло», «Каменные орудия: технология и эксперимент» и «Ювелирное ремесло Средневековья». Отличительной чертой Международной археологической школы в Болгаре остается широкое применение экспериментальных методов исследования. Традиционным завершением работы Школы стала итоговая конференция молодых исследователей «Актуальные проблемы сохранения и изучения культурного наследия Евразии».

Ключевые слова: археологическая школа, методы археологических исследований, экспериментальная археология, конференция, Болгар.

С 14 по 28 августа 2016 года в Болгаре состоялась III Международная археологическая школа.

Первая Международная археологическая школа в Болгаре для молодых исследователей была проведена 18–31 августа 2014 г. (Ситдиков, Вязов, Макарова, 2014). По результатам работы в 2014 г. было принято решение о ежегодном проведении мероприятия. С 17 по 30 августа 2015 г. состоялась II Международная археологическая школа в Болгаре (Ситдиков, Вязов, Макарова, 2015).

Организаторами школы являются Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Казанский (Приволжский) федеральный университет при поддержке Республиканского фонда возрождения памятников истории и

культуры РТ, Министерства образования и науки РТ и Министерства культуры РТ. Базой проведения школы стал Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Соорганизатором одной из секций выступил Институт истории материальной культуры РАН.

В 2016 г. участниками школы стали более сорока молодых специалистов из 7 стран мира. География школы включала в себя Россию, Беларусь, Китай, Венгрию, Словению, Румынию, Эстонию и Австралию. В качестве преподавателей выступили ведущие специалисты из крупнейших научных и образовательных центров России, Франции и Венгрии. Рабочими языками школы были русский и английский.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Общества исторической металлургии (Historical Metallurgy Society).

Открытие Международной археологической школы.
International Archaeological School, opening session.

Целью проведения школы стала интеграция отечественных и зарубежных научных и образовательных ресурсов для внедрения в исследовательскую практику новейших методов изучения и сохранения историко-культурного наследия Евразии. Широкая география и большое количество заявок участников школы отражают востребованность ее проведения не только на российском, но и на международном уровне.

В настоящем году программа школы включала в себя общие теоретические лекции, посвященные отдельным отраслям археологического знания; методические занятия для освоения современных приемов работы с археологическим материалом и практические занятия в рамках четырех секций: «Археобиологические методы в археологии»; «Археологическое стек-

ло», «Каменные орудия: технологии и эксперимент» и «Ювелирное ремесло Средневековья».

В работе секций основное внимание было направлено на освоение слушателями практических и экспериментальных методов археологического исследования. Слушатели смогли освоить новые подходы к изучению артефактов и памятников историко-культурного наследия, а также провести собственные экспериментальные работы на площадках школы.

Работа секций «Археобиологические методы в археологии»; «Археологическое стекло» и «Каменные орудия: технологии и эксперимент» в целом была основана на опыте проведения аналогичных секций в рамках II Международной археологической школы в 2015 г. В 2016 г. программа данных секций была существенно до-

Международная полевая школа. Археобиологическая секция.
International Archaeological school. Archaeobiological session.

полнена за счет расширения преподавательского состава.

Так, в работе секции «Археобиологические методы», под руководством Л.В. Яворской (Москва, Институт археологии РАН), в качестве преподавателей были задействованы следующие специалисты: Е.Ю. Лебедева (Москва, Институт археологии РАН), А.Ю. Сергеев (Москва, Институт археологии РАН), Н.Е. Рябогина (Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН), Н.В. Рослякова (Самара, Самарская социально-гуманитарная академия), Г.Ш. Асылгараева (Казань, Институт археологии АН РТ). Программа секции, включающая теоретические и практические занятия по основным методам археозоологических исследований, была дополнена учебно-практическими блоками по археоботанике и палинологии. Особое внимание в рамках

секции «Археобиологические методы в археологии» было уделено правильному отбору образцов археоботанических материалов и практическому определению скелетных отличий домашних млекопитающих.

В ходе работы секции «Археологическое стекло» ее слушатели узнали о различных технологиях изготовления стеклянных бус (А.В. Мастыкова, Москва, Институт археологии РАН); химическом составе стекла (О.С. Румянцева, Москва, Институт археологии РАН); об истории развития стеклоделия в различных регионах (И.Н. Кузина, Москва, Институт археологии РАН; С.И. Валиулина, Казань, К(П)ФУ). Практические и экспериментальные занятия секции включали в себя полевую обработку и консервацию археологического стекла (А.В. Мастыкова, Москва, Институт археологии РАН), нормированное

Практикум по палинологическим методам в археологии.

Workshop on palynological methods in archaeology.

описание морфологии стеклянных артефактов и применение методики интерпретации результатов анализа химического состава стекла Е.К. Столярова, Москва, Институт археологии РАН), изготовление стеклянных бусин (Ю.А. Салова, Казань, К(П)ФУ).

Работа секции «Каменные орудия: технологии и эксперимент» была организована совместно с Институтом истории материальной культуры РАН.

В ее работе приняли активное участие Н.Н. Скакун (Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН), М.Ш. Галимова (Казань, Институт археологии АН РТ), И.В. Горашук (Самара), Д.А. Гурулёв (Красноярск, Сибирский федеральный университет) и В.Г. Савин (Челябинск, Челябинский государственный университет). Программа секции была разработана на основе двух компонентов: теоретического и экспе-

риментального. В рамках теоретического курса слушатели школы познакомились с историей возникновения экспериментально-трассологических исследований в археологии и новейшими методами фиксации следов использования на поверхностях древних орудий труда. Экспериментальная часть программы заключалась в изготовлении и определении функции древних орудий труда, а также обработке различных материалов (растения, шкуры животных, кость, дерево) каменными орудиями.

Новым в работе школы в 2016 г. стала организация и проведение секции «Ювелирное ремесло Средневековья». Программа секции была разработана Н.В. Ениосовой (Москва, МГУ) и имела экспериментальную направленность: на практических занятиях (под руководством А.А. Белявского, Москва, Творческий союз ху-

дожников России) слушатели секции ознакомились с методами моделирования различных видов литья, с техникой производства проволоки, зерни и скани в Средневековье.

Традиционным завершением работы III Международной археологической школы стала итоговая конференция молодых исследователей «Актуальные проблемы сохранения

и изучения культурного наследия Евразии», в рамках которой участники смогли поделиться результатами своих исследований, в том числе и экспериментальных изысканий, проведенных на площадках школы. По окончании мероприятия участникам школы были вручены государственные дипломы о повышении квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ситдииков А.Г., Вязов Л. А., Макарова Е.М.* О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 294–303.
2. *Ситдииков А.Г., Вязов Л. А., Макарова Е.М.* О работе II Международной полевой археологической школы // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 264–267.

Информация об авторах:

Айтуганова Наргиз Ляисовна, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); nargissaituganova@yandex.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com

Макарова Екатерина Михайловна, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ, научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); ekaterina.m.makarova@gmail.com

ON THE ACTIVITIES OF THE THIRD BOLGAR INTERNATIONAL ARCHAEOLOGICAL SCHOOL

N.L. Aituganova, A.G. Sitdikov, L.A. Vyazov, E.M. Makarova

The third Bolgar International Archaeological Field School was held on 14-28 August 2016. This year, over forty young archaeologists from seven countries became the participants of the school. The goal was to introduce the most innovative approaches to studying and preservation of historical-cultural heritage. The programme included some theoretical lectures, methodological and practical training grouped into the following modules: Archaeobiological Methods in Archaeology, Archaeological Glass, Stone Tools: Lithic Industries and Experiments and Medieval Jewelry. The International School in Bolgar focuses on experimental methods of archaeological studies. Traditionally, at the end of the programme, the participants of the School attended their final conference of young researchers 'Current Problems of Preservation and Studying of Eurasian Cultural Heritage'.

The project was supported by the grant of Historical Metallurgy Society

Keywords: archaeological school, archaeological methods, experimental archaeology, conference, Bolgar,

REFERENCES

1. Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 294–303 (in Russian).
2. Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 264–267 (in Russian).

About the Authors:

Aituganova Nargiz L. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; nargissaituganova@yandex.ru

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Makarova Ekaterina M. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ekaterina.m.makarova@gmail.com

Статья поступила в номер 17.09.2016 г.

УДК 929:902

ФАЯЗУ ШАРИПОВИЧУ ХУЗИНУ – 65 ЛЕТ

© 2016 г. А.Г. Ситдиков, З.Г. Шакиров, Н.Г. Набиуллин, Р.Р. Валиев

В августе 2016 г. исполнилось 65 лет известному специалисту в области средневековой археологии, доктору исторических наук Фаязу Шариповичу Хузину. В статье представлены основные вехи его биографии и творческого научного пути. Основные направления научной деятельности Ф.Ш. Хузина – археология и история Волжской Болгарии, Улуса Джучи, Казанского ханства. Следует особо выделить его исследования Билярского городища и Казанского кремля. В последнее время Ф.Ш. Хузин обратился к изучению общих проблем археологии и истории предков татарского народа, начиная с раннего железного века, и их роли в формировании этнокультурного пространства Волго-Уральского региона. Он также по-прежнему принимает активное участие в работе по охране памятников истории и культуры Республики Татарстан. Ф.Ш. Хузин – автор более 600 научных и научно-популярных работ, учебников и учебных пособий, в том числе около 30 книг и монографий, редактор более 60 научных изданий и главный редактор журнала «Поволжская археология» с самого его основания (2012).

Ключевые слова: археология, юбилей, научные достижения, история, Волжская Булгария, город, Поволжская археология.

Ф.Ш. Хузин с коллегами и учениками. Билярское городище 2015 г.
F.Sh. Khuzin with colleagues and students. Bilyar fortified settlement. 2015.

1 августа 2016 г. ведущему ученому-археологу Татарстана, хорошо известному в России и за ее пределами, Фаязу Шариповичу Хузину исполнилось 65 лет.

Интерес Фаяза Шариповича к научному поиску возник еще в годы учебы на историко-филологическом факультете Казанского государственного педагогического института. После окончания ВУЗа он принимается на работу в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, где долгие годы успешно работает в области изучения средневековой археологии Поволжья и Приуралья.

После создания в 2014 г. нового Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Та-

тарстан Ф.Ш. Хузин организует работу отдела средневековой археологии, а в 2015 г. становится заместителем директора Института.

Признание его научных достижений находит отражение в успешной реализации значимых проектов по изучению археологии Волжской Булгарии. Одним из этапов стала подготовка кандидатскую диссертацию на тему «Билярское городище: стратиграфия, хронология». Фаяз Шарипович с большим успехом защитил свою работу в 1987 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Его научным руководителем был выдающийся казанский археолог, профессор А.Х. Халиков. В 2002 г. в Удмуртском государственном университете Ф.Ш. Хузин защитил докторскую диссертацию по моногра-

Ф.Ш. Хузин проводит экскурсию для студентов-практикантов КФУ на Билярском городище. 2009 г.

F.Sh. Khuzin conducts excursion for the students of Kazan Federal University on the Bilyar fortified settlement. 2009.

фии «Булгарский город в X – начале XIII вв.».

Полевые археологические исследования на протяжении всей профессиональной деятельности Фаяз Шарипович занимали особое место. В 1974–1988 гг. он являлся заместителем начальника, а в 1989–1994 гг. начальником Билярской археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ. В 1994–2005 гг. Ф.Ш. Хузин возглавлял археологическую экспедицию «Казанский кремль» Института истории АН РТ.

Сегодня он продолжает руководить Билярской археологической

экспедицией Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, принимая непосредственное участие в полевых исследованиях, затрагивающих вопросы археологии Биляра и его округи.

Основными направлениями научной деятельности Фаяза Шариповича являются история Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Он автор более 600 научных и научно-популярных работ, в том числе около 30 книг и монографий, учебников и учебных пособий, опубликованных не только на русском, но и на немецком, английском, чешском и болгарском языках.

В числе крупных достижений Фаяза Шариповича необходимо особенно выделить исследования домонгольской столицы Волжской Булгарии – Билярского городища. Совместно с А.Х. Халиковым они открыли новый этап в археологическом изучении средневековых городов Волго-Уральского региона. В научных публикациях Ф.Ш. Хузиным решаются многие дискуссионные проблемы в истории и археологии этого средневекового города. Биляр, благодаря его работам, стал одним из эталонных хорошо изученных средневековых памятников археологии Татарстана.

Большая организационная работа была проведена им в конце 1980-х и 1990-х годах по созданию экспедиций направленных на изучение малоисследованных болгаро-татарских городов: Сувар, Джукетау, Чаллы (Рыбно-Слободский р-н), Кирменского и Елабужского городищ и других археологических памятников. Результаты многолетних исследований были обобщены в фундаментальных монографиях ученого: «Волжская Булгария в домонгольское время» (Казань, 1997), «Булгарский город в X – начале XIII вв.» (Казань, 2001), «Ранние болгары и Волжская Булгария. VIII – начало XIII вв.» (Казань, 2006). В своих трудах Ф.Ш. Хузин предстает как специалист с большим исследовательским потенциалом ученого, умело сочетающий обширные знания в области истории и археологии и современные методы исследований.

Важной вехой в профессиональной деятельности Фаяза Шариповича стали исследования в области археологии и истории средневековой Казани. Он продолжил дело своего учителя А.Х. Халикова, работавшего над изу-

чением этого памятника еще с 1970-ых годов. Опытный археолог-полевик и талантливый организатор, Ф.Ш. Хузин совместно со своими коллегами провел масштабные исследования в Казанском кремле и на сопредельных с ним территориях, которые увенчались яркими открытиями.

В последнее годы Фаяз Шарипович в своей исследовательской работе активно обратился к изучению более общих проблем археологии и истории предков татарского народа и их роли в формировании этнокультурного пространства Волго-Уральского региона. Значительный опыт изучения болгаро-татарских городов, истории и археологии Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства позволил ему исследовать глобальную проблему, связанную с зарождением, становлением и развитием средневековой тюрко-татарской цивилизации, охватывающей огромный период с эпохи раннего железного века (начало I тыс. до н.э.) и до середины XVI столетия.

В рамках деятельности Института по направлению «Средневековая тюрко-татарская цивилизация: возникновение, развитие, взаимодействие с народами Евразии» Фаяз Шарипович осуществляет руководство широкой и перспективной научной темой «Городская культура Восточной Европы эпохи средневековья», так же принимая участие в разработке темы «Идель–Алтай: формирование культуры народов степной и лесостепной Евразии».

Яркой стороной научной деятельности Фаяза Шариповича является его активная и плодотворная научно-редакторская деятельность. Под его редакцией подготовлено и издано более 60 сборников статей, книг и моно-

графий. В их числе материалы крупнейших международных научных конференций «Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья X–XII вв.» (Казань, 1999), «Средневековая Казань: возникновение и развитие» (Казань, 2000), «Великий Волжский путь» (Казань, 2001), а также фундаментальный труд «Волжская Булгария и Великая степь» – второй том семитомной «Истории татар», изданный в 2006 году. Особо следует отметить деятельность Ф.Ш. Хузина в качестве главного редактора журнала «Поволжская археология» с самого его основания (2012). Журнал поддерживает тесные научные контакты практически со всеми научными центрами Поволжско-Уральского региона, Институтом археологии РАН, учеными Болгарии, Венгрии, Казахстана, Украины и др. Ф.Ш. Хузин – член редакционных коллегий журналов «Научный Татарстан» / «Фэнни Татарстан», «Филология и культура», «Tatarica», «Гасырлар авазы = Эхо веков».

Много сил он посвящает педагогической деятельности. Ф.Ш. Хузин вносит большой вклад в совершенствование образовательной системы республики. Он принимает активное участие в написании учебников, учебных пособий и хрестоматий, составлении программ по истории Татарстана и татарского народа для учащихся средних общеобразовательных школ. Целый ряд созданных им школьных учебников, характеризуются новаторским подходом в изложении истории татарского и других народов республики и широко признаны педагогической общественностью Татарстана. Не обделены его вниманием и студенты вузов. По инициати-

ве Фаяза Шариповича были изданы «Очерки по археологии Татарстана» (Казань, 2001) – учебное пособие для исторических факультетов вузов, где Ф.Ш. Хузин является автором многих разделов. Так же студентам вузов и аспирантам адресованы книги «Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.)» (Казань, 1997; Наб. Челны, 2008) и «Ранние булгары и Волжская Булгария» (Казань, 2006).

Ф.Ш. Хузин значительное внимание уделяет подготовке молодого поколения ученых. Под его руководством защищено шесть кандидатских диссертаций, посвященных археологии Джукетау (Н.Г. Набиуллин), средневековой Казани (А.Г. Ситдинов), болгаро-татарских городов Предкамья (А.З. Нигамаев), истории Чалынского улуса Казанского ханства (Н.Г. Гариф), кожевенного производства татар XV–XVI вв. (Р.Р. Валиев), округа Биляра X–XV вв. (З.Г. Шакиров). Ф.Ш. Хузин – руководитель и соруководитель по кандидатским диссертационным исследованиям А.В. Губайдуллиной по теме «Украшения из природных минералов и материалов органического происхождения с памятников домонгольской Булгарии», Д.Д. Салахова «Денежное обращение Волжской Булгарии в X в.», Д.Р. Хасанова «Развитие археологии в Татарстане в 1945–2013 гг.».

Учениками Фаяза Шариповича сегодня называют себя многие археологи Казани, которые стали членами большого коллектива ученых Казанской археологической школы, основателями которой были Н.Ф. Калинин и А.Х. Халиков. Фаяз Шарипович возглавляет третье поколение археологов этой школы. Активное участие принимает Ф.Ш. Хузин в работе по

охране и использованию памятников истории и культуры Республики Татарстан. Велика заслуга Ф.Ш. Хузина в создании Билярского историко-археологического и природного музея-заповедника. Он широко известен как очень яркий популяризатор научных знаний на страницах печати, на радио и телевидении.

Как обладателя замечательного литературного татарского языка Фаяза Шариповича часто приглашают выступить в средствах массовой информации.

Особые заслуги ученого в деле сохранения и преумножения историко-культурного наследия народов России отмечены медалью «За вклад в наследие народов России» Российского Союза исторических городов и регионов (2002). В 2006–2009 годах он работал в составе Экспертно-консультативного совета по охране, сохранению и использованию объектов культурного наследия Казани при Министерстве культуры РТ. Фаяз Шарипович награжден мэрией города за его активную и разностороннюю научную и популяризаторскую деятельность знаком отличия «За труд и доблесть на благо Казани» (2010).

Ф.Ш. Хузин являлся членом ученых советов Института археологии АН РТ, Билярского и Болгарского му-

зеев-заповедников, Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль».

Более сорока лет этот талантливый, разносторонний и трудолюбивый исследователь, являясь ярким продолжателем замечательных традиций казанской школы археологии, вносит огромный вклад в изучение многих аспектов археологии Волго-Уралья. Обладая энциклопедическими знаниями, он выступает консультантом по широким проблемам историко-культурного наследия татарского народа и его соседей.

Результаты научной деятельности Ф.Ш. Хузина представлены конкретными достижениями, выраженными соответствующими званиями и наградами – доктор исторических наук (2002), член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан (2004), заместитель директора Института археологии им. А.Х. Халикова (2015), лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники (1994), Заслуженный деятель науки РТ (2002).

Фаяз Шарипович встречает свой юбилей в расцвете творческих сил. Желаем здоровья, счастья, благополучия ему и всей замечательной семье Хузиных. Новых Вам открытий, дорогой учитель и коллега!

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Шакиров Zufar Гумарович, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); juketaw@mail.ru

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vtr80@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Ф.Ш. ХУЗИНА:

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. М.: Наука, 1981. 211 с. (Соавт.: А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев и др.).
2. Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985. 216 с. (Соавт.: А.Х. Халиков, Р.М. Валеев и др.).
3. Археологические памятники бассейна р. Черемшан. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1991. 112 с. Соавт.: А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев и др.).
4. Великий город на Черемшане: Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. 223 с.
5. Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авторы коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Фест, 1996. 445 с.
6. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). Казань: Фест, 1997. 183 с.
7. Альфред Хасанович Халиков: Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Мастер-Лайн, 1999. 60 с. (Соавт.: С.В. Кузьминых, П.Н. Старостин).
8. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.
9. Средневековая Казань. Краткий библиографический указатель. Казань: Школа, 2002. 152 с. (Соавт.: А.Г. Ситдииков).
10. Древняя Казань. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 152 с. (Соавт.: А.Г. Ситдииков).
11. Казань – мой любимый город. Казань: Яналиф, 2005. 320 с. (Соавт.: Л.М. Свердлова, А.Г. Ситдииков; текст на рус., тат. и англ. яз.).
12. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 583 с.
13. Биляр – Великий город. Казань: Таткнигоиздат, 2007. 48 с.
14. Национальный центр археологических исследований: Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006 гг.) / Сост. и отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 115 с.
16. Города Казанского ханства. Казань: Таткнигоиздат, 2008. 72 с. (Соавт.: Н. Гари́ф).
17. Болгар иле һәм аның шәһәрләре: ачышлар, табышлар, фаразлар. Казан: РИЦ «Школа», 2005. 228 б.
18. Кол Гали. Кол Шәриф. Сөембикә. Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. 48 б. («Атаклы шәхесләребез» сериясеннән).
19. Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: Фолиантъ, 2011. 468 с.
20. Биляр – Великий город болгарский. Казань: Заман, 2011. 80 с.
21. Булгарская цивилизация на Волге. Казань: Таткнигоиздат, 2011. 112 с. (Соавт.: Г.М. Давлетшин).
22. Bulgaria: Время и пространство болгарской цивилизации. Атлас. М., Казань: Феория, 2012. 472 с.
23. Казанский Кремль. Казань кремле. Kazan Kremlin. Казань: Таткнигоиздат, 2015. 172 с. (Соавт.: А.Г. Ситдииков).
24. Альфред Халиков. Казань: Таткнигоиздат, 2015. 67 с. (Соавт.: Б.Л. Хамидуллин).

25. Изге Болгар. Священный Болгар. Sacred Bolgar. Фотоальбом. Авторы текста Р. Мухаметшин, Ф. Хузин. Казань: Таткнигоиздат, 2016. 264 с.

65TH ANNIVERSARY OF FAYAZ SHARIPOVICH KHUZIN

A.G. Sitdikov, Z.G. Shakirov, N.G. Nabiullin, R.R. Valiev

Fayaz Sh. Khusin, a well-known specialist in medieval archaeology, Doctor of Historical Sciences, turned 65 in August 2016. The article offers some a few landmarks in his biography and scientific activities. His primary academic interests were: archaeology and history of the Volga Bulgaria, Jochi's Ulus and Kazan Khanate. His research of Bilyar fortified settlement and Kazan Kremlin deserves special attention. Recently, Fayaz Sh. Khusin has addressed some more general issues of archaeology and history of the Tatars' ancestors, starting from the early Iron Age, and their role in shaping the ethno-cultural space in the Volga-Ural region. He also actively contributes to protection of historical and cultural sites in Tatarstan. Doctor Khuzin has authored over 600 scientific and popular-scientific works, textbooks and manuals, including about 30 books and monographs, and has edited over 60 scientific editions. He has been the chief editor of the "Povolzhskaya arkheologia" ("Volga River Region Archaeology") since its foundation (2012).

Keywords: archaeology, birthday anniversary, scientific achievements, history, Volga Bulgaria, town, Volga River Region Archaeology.

About the Authors:

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Nabiullin Nail. G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; juketaw@mail.ru

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Статья поступила в номер 26.09.2016 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН УССР – Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики
АО – Археологические открытия.
БирГСПА – Бирская государственная социально-педагогическая академия
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИАК РАН – Институт археологии Крыма Российской академии наук
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института материальной культуры Российской Академии наук
КФАН АН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
МА ИА АН РТ – Музей археологии Института археологии АН РТ
МАР – Материалы по археологии России. М.
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МДА – Московская Духовная академия
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НЦАИ ИИ РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории Республики Татарстан
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская Археология
САИ – Свод археологических источников. М.
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина

ТА – Татарская Археология

ТЕВ – Тульские епархиальные ведомости

УлГПУ – Ульяновский государственный педагогический университет

УлГУ – Ульяновский государственный университет
университета

УОКМ – Ульяновский областной краеведческий музей

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять редакционные требования и следовать этическим принципам редакции.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<https://docs.google.com/forms/d/1a9Av1XUyNHggI76FI1p0zRKKLynOv2RJYF1fEyLIH0E/edit?usp=sharing>) или по требованию, обратившись по адресу arch.pov@mail.ru. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу arch.pov@mail.ru.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстраций.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах *.doc и *.rtf. (формат *.docx не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– УДК;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;
- **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;
- **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;
- **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);
- **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

Асылгараева Г.Ш. Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

Чижевский А.А., Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург, Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rezum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement («House of the Handicraftsman»)**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 2016

- Айтуганова Н.Л., Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. (Казань, Россия).** О работе III Международной археологической школы. № 4
- Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия).** см. Гисматулин М.Р.
- Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия).** см. Чижевский А.А.
- Аськеев И.В. (Казань, Россия).** см. Галимова М.Ш.
- Аськеев О.В. (Казань, Россия).** см. Галимова М.Ш.
- Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).** Археологические исследования средневекового Касимова. № 4
- Бабин И.М. (Уфа, Россия).** см. Обыденнова Г.Т.
- Баранов В.С. (Кострома, Россия).** см. Новиков А.В.
- Баранов В.С., Губайдуллин А.М. (Казань, Россия).** О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году. № 2, 193
- Бахматова В.Н. (Казань, Россия).** К проблеме изучения керамики «джукетау» (историографический обзор). № 4
- Бахшиев И.И., Колонских А.Г. (Уфа, Россия).** Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья. № 3, 59
- Беговатов Е.А., Казанцева Л.И. (Казань, Россия).** Средневековые ювелирные изделия Семеновского комплекса. № 4
- Белавин А.М. (Пермь, Россия).** Золотые височные кольца с уточкой из Пермского Предуралья. № 2, 260
- Беляев А.В. (Казань, Россия).** см. Ахметгалин Ф.А.
- Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).** V научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свяжск». № 2, 278
- Беляев А.В., Хуснутдинов Э.А. (Казань, Россия).** Глиняная фигурка из Татарско-Суксинского поселения. № 3, 161
- Беляев Л.А. (Москва, Россия).** Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке. № 2, 18
- Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. (Москва, Россия).** Новые исследования на территории Малого городка Болгара. № 2, 151
- Березина Н.С. (Чебоксары, Россия).** Рецензия на книгу: В.В. Никитин. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочной орнаментацией в Марийско-Казанском Поволжье. Ред. проф. А.А. Выборнов. Казань, 2015. 364 с. № 3, 247
- Бернц В.А. (Ижевск, Россия).** см. Голдина Р.Д.
- Бернц В.А. (Ижевск, Россия).** см. Голдина Р.Д.
- Блинова Д.С. (Йошкар-Ола, Россия).** см. Данилов П.С.
- Богатова Л.Ф., Визгалова М.Ю., Старков А.С. (Казань, Россия).** Кожаная обувь Свяжского посада: опыт реконструкции простых поршней. № 4

Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия). Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах. № 2, 120

Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия). см. Макарова Е.М.

Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия). Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове. № 4

Бубнель Е.В. (Уфа, Россия). см. Обыденнова Г.Т.

Бугарчев А.И., Сивицкий М.В. (Казань, Россия). Археологические и нумизматические находки из раскопа CLXXXV Болгарского городища. № 4

Валиев Р.Р. (Казань, Россия). см. Беляев А.В.

Валиев Р.Р. (Казань, Россия). см. Ситдииков А.Г.

Васильева Е.Е. (Москва, Россия). Деревянные гробы, обнаруженные в ходе исследования некрополя Московской духовной академии в 2014 году. № 4

Васильева И.Н., Выборнов А.А. (Самара, Россия). Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье. № 3, 104

Визгалова М.Ю. (Казань, Россия). см. Богатова Л.Ф.

Визгалова М.Ю., Старков А.С. (Казань, Россия). Плетеные изделия из растительных волокон «Татарской (Деревянной) слободки» Свяжска. № 4

Вихляев В.И. (Саранск, Россия), Зеленев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия). Памяти И.М. Петербургского (1937–2015). № 1, 271

Волков А.В. (Чебоксары, Россия). Погребальный обряд чувашей и финно-угров (сопоставительный анализ). № 1, 182

Волков И.В. (Москва, Россия). Два города в Нижнем Поволжье на карте мира 1457 года. № 2, 182

Волкова Е.В., Кириягин К.В., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Харламова Н.В. (Москва, Россия). Палеопатологическая характеристика средневекового населения Болгара (по материалам раскопа СХСІ). № 4

Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия), Федулов М.И. (Чебоксары, Россия). «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги. № 1, 235

Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия). см. Никитина Т.Б.

Выборнов А.А. (Самара, Россия). см. Васильева И.Н.

Вязов Л.А. (Казань, Россия). см. Айтуганова Н.Л.

Вязов Л.А. (Казань, Россия). см. Ситдииков А.Г.

Галимова М.Ш., Хисьяметдинова А.А., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В. (Казань, Россия). Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша. № 3, 168

Гисматулин М.Р., Семькин Ю.А., Горбунов Н.А. (Ульяновск, Россия), Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия). Исследования Красносундюковского I городища в 2014 г. № 4

Голдина Е.В., Черных Е.М. (Ижевск, Россия). Морфо-технологическая характеристика бус Дубровского могильника IV–V веков в Среднем Прикамье. № 3, 149

Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия). Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. № 3, 17

Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия). Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника. № 1, 41

Горбунов Н.А. (Ульяновск, Россия). см. Гисматулин М.Р.

Гришаков В.В., Седышев О.В., Любимкина Е.С. (Саранск, Россия). Находки раннесредневековых ритуальных ложечек в Окско-Свияжском междуречье. № 1, 256

Губайдуллин А.М. (Казань, Россия). см. Баранов В.С.

Губайдуллин А.М. (Казань, Россия). Сравнительный анализ фортификации Казанского и Сибирского ханств. № 4

Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. (Казань, Россия). О фортификации «Великого города» – Биляра. № 1, 223

Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия), Макарова Е.М. (Казань, Россия), Блинова Д.С. (Йошкар-Ола, Россия). «Новокрещены» Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска: историко-археологический и антропологический анализ. № 1, 202

Димов Т. (Добрич, Болгария). см. Скакун Н.Н.

Дроздова Г.И., Казаков Е.П. (Казань, Россия). Ученый и доброй памяти человек (К 80-летию со дня рождения П.Н. Старостина). № 3, 256

Елкина И.И. (Москва, Россия). см. Беляев Л.А.

Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия), Зеленцова О.В. (Москва, Россия). Памяти В.Н. Мартянова (1934–2015). № 1, 275

Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия). Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931–2000). № 2, 285

Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия). см. Вихляев В.И.

Зеленеев Ю.А., Иванов А.Г., Сидоров О.А. (Йошкар-Ола, Россия). Памяти О.В. Данилова (1954–2014). № 1, 266

Зеленцова О.В. (Москва, Россия). см. Зеленеев Ю.А.

Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия). Культурная архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции. № 2, 44

Иванов А.Г. (Йошкар-Ола, Россия). см. Зеленеев Ю.А.

Иванов А.И. (Йошкар-Ола, Россия). А.Х. Халиков и изучение эпохи бронзы в Марийском Поволжье. № 3, 139

Измайлов И.Л. (Казань, Россия). Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа. № 2, 68

Измайлов И.Л. (Казань, Россия). см. Ситдииков А.Г.

Казаков Е.П. (Казань, Россия). см. Дроздова Г.И.

Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. (Казань, Россия). Меллятамское VI селище чияликской культуры. № 2, 219

- Казанцева Л.И. (Казань, Россия).** см. Беговатов Е.А.
- Каримов И.Р. (Казань, Россия).** см. Ситдииков А.Г.
- Кирилко В.П. (Симферополь, Россия).** Михраб мечети в Шейх-Кой. № 2, 138
- Кириягин К.В. (Казань, Россия).** см. Волкова Е.В.
- Кияшко Я.А. (Волгоград, Россия).** см. Очир-Горяева М.А.
- Климова К.И. (Донецк, Украина).** см. Колесник А.В.
- Коваль В.Ю. (Москва, Россия).** Испанская керамика в средневековом Болгаре. № 4
- Колесник А.В. (Донецк, Украина), Яковец М.Ю. (Севастополь, Россия), Климова К.И. (Донецк, Украина).** Комплексы ружейных кремней XVIII–XIX вв. из Крыма. № 4
- Колонских А.Г. (Уфа, Россия).** см. Бахшиев И.И.
- Королева М.С. (Саранск, Россия).** Сумки из древнемордовских памятников VII–X вв. № 1, 249
- Крадин Н.Н. (Владивосток, Россия).** Рецензия на книгу: Атлас «Great Bolgar». Scient. Ed. A.G. Sitdikov. Kazan: GLAVDESIGN Ltd, 2015. 404 p. № 4
- Кузьминых С.В. (Москва, Россия).** см. Сапрыкина И.А.
- Лазукин А.В. (Москва, Россия).** см. Беляев Л.А.
- Лещинская Н.А. (Ижевск, Россия).** «Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций населения Вятского края в раннем средневековье. № 1, 102
- Лещинская Н.А., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).** Юбилей Риммы Дмитриевны Голдиной. № 3, 9
- Лыганов А.В. (Казань, Россия).** см. Казаков Е.П.
- Любимкина Е.С. (Саранск, Россия).** см. Гришаков В.В., Макарова Е.М. (Казань, Россия). см. Айтуганова Н.Л.
- Макарова Е.М. (Казань, Россия).** см. Данилов П.С.
- Макарова Е.М., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия).** Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСІ раскопа). № 2, 244
- Матева Б. (Исперих, Болгария).** см. Скакун Н.Н.
- Мирсияпов И.Ю. (Казань, Россия).** см. Ахметгалин Ф.А.
- Михеев А.В., Михеева А.И. (Йошкар-Ола, Россия).** Носельское III селище по результатам исследований 2008 г. № 1, 169
- Михеева А.И. (Йошкар-Ола, Россия).** см. Михеев А.В.
- Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия).** см. Ситдииков А.Г.
- Нага Тэрбайр (Урумчи, Китай).** см. Очир-Горяева М.А.
- Никитина А.В. (Самара, Россия).** Керамический комплекс большого дома Старо-Майнского городища. № 4
- Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия), Павлова Н.А. (Москва, Россия).** Об одном типе украшений марийского костюма XVI–XVIII вв. № 1, 191

Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия), Федулов М.И. (Чебоксары, Россия). Украшения Анаткасинского могильника: о культурной принадлежности памятника. № 1, 121

Новиков А.В., Баранов В.С. (Кострома, Россия). Городище Унорож: предварительные итоги археологических работ 2014 г. № 1, 143

Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В., Бубнель Е.В., Проценко А.С., Бабин И.М. (Уфа, Россия). История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья. № 4

Овсянников В.В. (Уфа, Россия). см. Обыденнова Г.Т.

Очир-Горяева М.А., Ситдигов А.Г. (Казань, Россия), Кияшко Я.А. (Волгоград, Россия), Нага Тэрбайр (Урумчи, Китай). К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II. № 4

Павлова Н.А. (Москва, Россия). см. Никитина Т.Б.

Патрушев В.С. (Казань, Россия). Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований. № 3, 194

Пельгунова Л.А. (Москва, Россия). см. Сапрыкина И.А.

Пигарёв Е.М. (Астрахань, Россия). Красноярское городище и его округа. № 2, 164

Пономаренко Е.В. (Оттава, Канада). см. Ситдигов А.Г.

Проценко А.С. (Уфа, Россия). см. Обыденнова Г.Т.

Разуваев Ю.Д. (Воронеж, Россия). Домостроительство городецкого населения донской лесостепи. № 3, 124

Родинкова В.Е. (Москва, Россия). см. Ситдигов А.Г.

Садриев Н.Р. (Казань, Россия). История изучения городской застройки ханской Казани. № 4

Салахов Д.Д. (Казань, Россия). Топография кладов и находок восточного и болгарского серебра. № 4

Салахов Д.Д., Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия). Д.Г. Мухаметшин – историк, эпиграфист, нумизмат (К 70-летию ученого). № 3, 269

Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В., Пельгунова Л.А. (Москва, Россия). Исследование химического состава цветного металла Ананьинского могильника. № 1, 26

Седышев О.В. (Саранск, Россия). см. Гришаков В.В.

Семькин Ю.А. (Ульяновск, Россия). см. Гисматулин М.Р.

Сивицкий М.В. (Казань, Россия). см. Бугарчев А.И.

Сидоров О.А. (Йошкар-Ола, Россия). см. Зеленева Ю.А.

Ситдигов А.Г. (Казань, Россия). см. Айтуганова Н.Л.

Ситдигов А.Г. (Казань, Россия). см. Ахметгалин Ф.А.

Ситдигов А.Г. (Казань, Россия). см. Беляев А.В.

Ситдигов А.Г. (Казань, Россия). см. Волкова Е.В.

Ситдигов А.Г. (Казань, Россия). см. Макарова Е.М.

Ситдигов А.Г. (Казань, Россия). см. Очир-Горяева М.А.

Ситдииков А.Г., Вязов Л.А. (Казань, Россия), Пономаренко Е.В. (Оттава, Канада), Родинкова В.Е. (Москва, Россия). Международный научно-практический семинар по применению палеоэкологических методов в археологии (Болгар, 9–19 августа 2016 г.). № 3, 251

Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. (Казань, Россия). Мусульманская археология: объем и содержание понятия. № 2, 8

Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия). Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2015 г. № 1, 276

Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия). Фаязу Шариповичу Хузину – 65 лет. № 4

Скакун Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Матева Б. (Исперих, Болгария), Димов Т. (Добрич, Болгария). Результаты исследования производственного инвентаря поздненеолитического поселения Дуранкулак-Блатница (Болгария). № 3, 83

Смагулов Е.А. (Алматы, Казахстан). Застройка центральной площади города Сауран XIV–XVI вв. № 2, 93

Соловьев Б.С. (Йошкар-Ола, Россия). см. Федулов М.И.

Ставицкий В.В. (Пенза, Россия). Хронология арочных шумящих подвесок с конями. № 1, 90

Старков А.С. (Казань, Россия). см. Богатова Л.Ф.

Старков А.С. (Казань, Россия). см. Визгалова М.Ю.

Сташенков Д.А. (Самара, Россия). Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке. № 3, 225

Федулов М.И. (Чебоксары, Россия), Соловьев Б.С. (Йошкар-Ола, Россия). Аблязовский курган (к вопросу о курганных могильниках балановской культуры). № 1, 8

Федулов М.И. (Чебоксары, Россия). см. Воробьева Е.Е.

Федулов М.И. (Чебоксары, Россия). см. Никитина Т.Б.

Флёров В.С. (Москва, Россия). Четвертый измеряемый признак хазарских кирпичей – удельный вес. № 4

Хамзин Р.Н. (Казань, Россия). см. Ахметгалин Ф.А.

Харламова Н.В. (Москва, Россия). см. Волкова Е.В.

Хисьяметдинова А.А. (Казань, Россия). см. Галимова М.Ш.

Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия). Рецензия на книгу: Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 228 с.,+220 с., илл. № 2, 270

Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия). см. Губайдуллин А.М.

Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия). см. Салахов Д.Д.

Хуснутдинов Э.А. (Казань, Россия). см. Беляев А.В.

Черных Е.М. (Ижевск, Россия). см. Голдина Е.В.

Черных Е.М. (Ижевск, Россия). см. Лещинская Н.А.

Чижевский А.А. (Казань, Россия). Сергею Владимировичу Кузьминых 65 лет. № 3, 275

Чижевский А.А. (Казань, Россия). см. Казаков Е.П.

Чижевский А.А., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия). К юбилею Дмитрия Геннадьевича Бугрова. № 3, 283

Шаймуратова (Галимова) Д.Н. (Казань, Россия). см. Галимова М.Ш.

Шакиров З.Г. (Казань, Россия). см. Губайдуллин А.М.

Шакиров З.Г. (Казань, Россия). см. Ситдииков А.Г.

Шипилов А.В. (Казань, Россия). Памяти Учителя (К 75-летию со дня рождения Р.С. Габышева). № 3, 263

Яковец М.Ю. (Севастополь, Россия). см. Колесник А.В.

Список сокращений № 1, 291

Список сокращений. № 2, 292

Список сокращений. № 3, 289

Список сокращений. № 4

Правила для авторов № 1, 293

Правила для авторов. № 2, 293

Правила для авторов. № 3, 291

Правила для авторов. № 4

INDEX OF THE AUTHORS 2016

Aituganova N.L., Sitdikov A.G., Vyazov L.A., Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation). On the Activities of the Third Bolgar International Archaeological School. № 4

Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation). look Gismatulin M.R.

Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Askeyev I.V. (Kazan, Russian Federation). look Galimova M.Sh.

Askeyev O.V. (Kazan, Russian Federation). look Galimova M.Sh.

Akhmetgalin F.A., Khamsin R.N., Belyaev A.V., Mirsiyapov I.Yu., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). Archaeological Studies in Medieval Kasimov. № 4

Babin I.M. (Ufa, Russian Federation). look Obydenнова G.T.

Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation). look Novikov A.V.

Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation), Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation). Some Findings of the Study of Pre-Mongolian Strata of Bolgar Fortified Settlement on Digs CLXXII and CLXXVI in 2012. № 2, 193

Bakhmatova V.N. (Kazan, Russian Federation). Studying Dzuketau Ceramics (Historiographic Overview). № 4

Bakhshiev I.I., Kolonskikh A.G. (Ufa, Russian Federation). Spatial Analysis Methods Used to Characterize Bakhmutino Settlement Patterns Between the Ufa and Belaya Rivers. № 3, 59

Begovatov E.A., Kazantseva L.I. (Kazan, Russian Federation). Medieval Jewelry Items from Semenovka Settlement. № 4

Belavin A.M. (Perm, Russian Federation). Gold Temporal Rings with a Small Duck from the Perm Cis-Urals. № 2, 260

Belyaev A.V. (Kazan, Russian Federation). look Akhmetgalin F.A.

Belyaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). V Scientific Workshop “International Archaeological and Natural Scientific Studies on Cultural Sites: Bolgar and Sviyazhsk”. № 2, 278

Belyaev A.V., Khusnutdinov E.A. (Kazan, Russian Federation). A Clay Figurine from the Tatarskie Suksy Settlement. № 3, 161

Belyaev L.A. (Moscow, Russian Federation). The Islamic Orient and the Development of Material Culture of Muscovy: Evaluation Methods. № 2, 18

Belyaev L.A., Elkina I.I., Lazukin A.V. (Moscow, Russian Federation). New Studies on the Territory of Malyi Gorodok on Bolgar Fortified Settlement. № 2, 151

Berezina N.S. (Cheboksary, Russian Federation). Review of the Book: V.V. Nikitin. *Kultura Nositelei Posudy S Grebenchato-Yamochnoy Ornamentatsiei v Mariisko-Kazanskom Povolzhye (Pit-Comb Ware Culture in Mari-Kazan Volga Region)*. Edited by Prof. A.A. Vybornov. Kazan, 2015. 364 P. № 3, 247

Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation). look Goldina R.D.

Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation). look Goldina R.D.

Blinova D.S. (Yoshkar-ola, Russian Federation). look Danilov P.S.

Bogatova L.F., Vizgalova M.Yu., Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation). Leather Footwear from the Posad of Sviyazhsk: an Experience of Reconstruction of Simple *Porshni*. № 4

Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Mosques of Caffa (Kefe) City in 1340–1779. № 2, 120

Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). look Makarova E.M.

Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Dzukalai: a Medieval Settlement on the Kerch Peninsula. № 4

- Bubnel E.V. (Ufa, Russian Federation).** look Obydenova G.T.
- Bugarchev A.I., Sivitsky M.V. (Kazan, Russian Federation).** Archaeological and Numismatic Findings from Dig CLXXXV at Bolgar Fortified Settlement. № 4
- Valiev R.R. (Kazan, Russian Federation).** look Belyaev A.V.
- Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation).** look Sitdikov A.G.
- Vasilieva E.E. (Moscow, Russian Federation).** Wooden Coffins Discovered During Excavations in Moscow Theological Academy in 2014. № 4
- Vasilyeva I.N., Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).** The Time of Appearance and Spread of the Neolithic Pottery Traditions in the Volga Region. № 3, 104
- Vizgalova M.Yu. (Kazan, Russian Federation).** look Bogatova L.F.
- Vizgalova M.Yu., Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation).** Wickerwork Made of Vegetal Fibers Found in “Tatarskaya (Wooden) Slobodka” on Sviyazhsk. № 4
- Vikhlyayev V.I. (Saransk, Russian Federation), Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).** Ad Memoriam I.M. Peterburgsky (1937–2015). № 1, 271
- Volkov A.V. (Cheboksary, Russian Federation).** The Funerary Ceremony of the Chuvash and Finno-Ugric Peoples (a comparative study). № 1, 182
- Volkov I.V. (Moscow, Russian Federation).** Two Towns in the Lower Volga Region on the *Mappa Mundi*, 1457. № 2, 182
- Volkova E.V., Kiryagin K.V., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Kharlamova N.V. (Moscow, Russian Federation).** The Paleopathological Characteristics of the Medieval Population of Bolgar (Based on CXCI Dig). № 4
- Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation).** “Bolshie Klyuchishi” (Ulyanovsk Oblast) as a New Archaeological Complex: Preliminary Results 5. № 1, 235
- Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).** look Nikitina T.B.
- Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).** look Vasilyeva I.N.
- Vyazov L.A. (Kazan, Russian Federation).** look Aituganova N.L.
- Vayzov L.A. (Kazan, Russian Federation).** look Sitdikov A.G.
- Galimova M.Sh., Khisiametdinova A.A., Askeyev I.V., Shaymuratova (Galimova) D.N., Askeyev O.V. (Kazan, Russian Federation).** Environment and Economic Activity of the Pestretsy 2 Site Inhabitants on the Mesha River. № 3, 168
- Gismatulin M.R., Semykin Yu.A., Gorbunov N.A. (Ulyanovsk, Russian Federation), Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).** Krasnoye Syundyukovo I Fortified Settlement: Investigation in 2014. № 4
- Goldina E.V., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).** Morpho-Technological Characteristics of Beads from the 4th–5th Centuries ad Dubrovskiy Cemetery in the Middle Kama Region. № 3, 149
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).** Chronology of the Third – Fifth Centuries Male Graves from the Tarasovo Burial Ground. № 3, 17
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).** Chronology of the 1st–2nd Century Graves from the Tarasovo Burial Ground. № 1, 41
- Gorbunov N.A. (Ulyanovsk, Russian Federation).** look Gismatulin M.R.
- Grishakov V.V., Sedishev O.V., Lyubimkina E.S. (Saransk, Russian Federation).** Findings of Ritual Spoons of the Early Middle Ages in the Oka-Sviyaga Interfl uve. № 1, 256
- Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation).** look Baranov V.S.
- Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation).** Comparative Analysis of the Fortification of the Kazan and Siberian Khanates. № 4

Gubaidullin A.M., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation). On Fortification of “The Great City” of Bilyar. № 1, 223

Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation), Blinova D.S. (Yoshkar-ola, Russian Federation). The “Neophytes” from the Vkhodoierusalimskii Necropolis in Tsarevokokshaisk: historical, archaeological and anthropological analysis. № 1, 202

Dimov T. (Dobrich, Bulgaria). look Skakun N.N.

Drozdova G.I., Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation). In Fond Memory of Scholar and a Good Man (To the 80th Anniversary since the birth of P.N. Starostin). № 3, 256

Elkina I.I. (Moscow, Russian Federation). look Belyaev L.A.

Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Zelentsova O.V. (Moscow, Russian Federation). Ad Memoriam V.N. Martyanov (1934–2015). № 1, 275

Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Gherman Fyodorov-Davydov (1931–2000). № 2, 285

Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). look Vikhlyaev V.I.

Zeleneev Yu.A., Ivanov A.G., Sidorov O.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam O.V. Danilov (1954–2014). № 1, 266

Zelentsova O.V. (Moscow, Russian Federation). look Zeleneev Yu.A.

Zilivinskaya E.D. (Moscow, Russian Federation). Cult Monuments in the Golden Horde: Origin and Tradition. № 2, 44

Ivanov A.G. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). look Zeleneev Yu.A.

Ivanov A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). A.Kh. Khalikov and the Bronze Age Studies in Mari Volga Region. № 3, 139

Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). Archaeology and Islam in the Middle Volga Region in 10th – first third of 13th centuries: an experience of a complex analysis. № 2, 68

Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). look Sitdikov A.G.

Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation). look Drozdova G.I.

Kazakov E.P., Chizhevsky A.A., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). Mellya-Tamak VI Settlement of Chiyalik Culture. № 2, 219

Kazantseva L.I. (Kazan, Russian Federation). look

Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). look Sitdikov A.G.

Kirilko V.P. (Simferopol, Russian Federation). Mihrab of the Mosque in Sheikh-Coy. № 2, 138

Kiryagin K.V. (Kazan, Russian Federation). look Volkova E.V.

Kiyashko Ya.A. (Volgograd, Russian Federation). look Ochir-Goryaeva M.A.

Klimova K.I. (Donetsk, Ukraine). look Kolesnik A.V.

Koval V.Yu. (Moscow, Russian Federation). Spanish Ceramics in the Medieval Bolgar. № 4

Kolesnik A.V. (Donetsk, Ukraine), Yakovets M.Yu. (Sevastopol, Russian Federation), Klimova K.I. (Donetsk, Ukraine) Complexes of Gunflints of the 18th – 19th Centuries from the Crimea. № 4

Kolonskikh A.G. (Ufa, Russian Federation). look Bakhshiev I.I.

Korolyova M.S. (Saransk, Russian Federation). Purses from Ancient Mordovian Sites of the 7th – 10th Centuries. № 1, 249

Kradin N.N. (Vladivostok, Russian Federation). Book Review: Atlas “Great Bolgar”. Scient. Ed. A.G. Sitdikov. Kazan: GLAVDESIGN Ltd, 2015. 404 P. № 4

Kuz'minykh S.V.. (Moscow, Russian Federation). look Saprykina I.A.

Lazukin A.V. (Moscow, Russian Federation). look Belyaev L.A.

Leshchinskaya N.A. (Izhevsk, Russian Federation). “Sacrificial Complexes” as an Element of Funerary Traditions of the Vyatka Population in the Early Middle Ages. № 1, 102

Leshchinskaya N.A., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation). Rimma D. Goldina’s Anniversary. № 3, 9

Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). look Kazakov E.P.

Lyubimkina E.S. (Saransk, Russian Federation). look Grishakov V.V.

Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation). look Aituganova N.L.

Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation). look Danilov P.S.

Makarova E.M., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Postcranial Skeleton Morphology of the Population of Bolgar (by materials from dig CXCI). № 2, 244

Mateva B. (Isperrikh, Bulgaria). look Skakun N.N.

Mirsiyapov I.Yu. (Kazan, Russian Federation). look Akhmetgalin F.A.

Mikheev A.V., Mikheeva A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Nosely III Settlement by Results of Studies in 2008. № 1, 169

Mikheeva A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). look Mikheev A.V.

Valiev R.R. (Kazan, Russian Federation). look Sitdikov A.G.

Naga T. (Ürümqi, Republic of China). look Ochir-Goryaeva M.A.

Nikitina A.V. (Samara, Russian Federation). The Ceramic Assemblage from Staraya Maina Hillfort Long House. № 4

Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Pavlova N.A. (Moscow, Russian Federation). On One Type of Decoration of the Mari Costume in the 16th–18th Centuries. № 1, 191

Nikitina T.B., Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation). Jewelry from the Anatkasi Burial Ground: Towards Cultural Attribution of the Site. № 1, 121

Novikov A.V., Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation). The Unorozh Hillfort: Preliminary Results of Archaeological Activities in 2014. № 1, 143

Obydenнова G.T., Ovsyannikov V.V., Bubnel E.V., Protsenko A.S., Babin I.M. (Ufa, Russian Federation). Archaeological Studies of Fortifications in Bashkir Cis-Urals Region. № 4

Ovsyannikov V.V. (Ufa, Russian Federation). look Obydenнова G.T.

Ochir-Goryaeva M.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Kiyashko Ya.A. (Volgograd, Russian Federation), Naga T. (Ürümqi, Republic of China). Towards the Study of the Early Medieval Site Bashanta-II. № 4

Pavlova N.A. (Moscow, Russian Federation). look Nikitina T.B.

Patrushev V.S. (Kazan, Russian Federation). Archaeological Sites with “Textile” Ceramics: results and outlooks of researches. № 3, 194

Pelgunova L.A. (Moscow, Russian Federation). look Saprykina I.A.

Pigarev E.M. (Kazan, Russian Federation). Krasny Yar Hillfort and its Environs. № 2, 164

Ponomarenko E.V. (Ottawa, Canada). look Sitdikov A.G.

Protsenko A.S. (Ufa, Russian Federation). look Obydenнова G.T.

Razuvaev Y.D. (Voronezh, Russian Federation). Housing of the Gorodets Population Forest-Steppe Area Don Region. № 3, 124

Rodinkova V.E. (Moscow, Russian Federation). look Sitdikov A.G.

Sadriev N.R. (Kazan, Russian Federation). Urban Development of the Kazan Khanate: a History of Studies. № 4

Salakhov D.D. (Kazan, Russian Federation). Topography of Hoards and Finds of Oriental and Bulgar Silver. № 4

Salakhov D.D., Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation). D.G. Mukhametshin: Historian, Epigraphist, Numismaticist (On 70th Birthday Anniversary). № 3, 269

Saprykina I.A., Kuz'minykh S.V., Pelgunova L.A. (Moscow, Russian Federation). Analysis of Chemical Composition of Non-Ferrous Metal Items from the Ananyino Burial Ground. № 1, 26

Sedishev O.V. (Saransk, Russian Federation). look Grishakov V.V.

Semykin Yu.A. (Ulyanovsk, Russian Federation). look Gismatulin M.R.

Sivitsky M.V. (Kazan, Russian Federation). look Bugarchev A.I.

Sidorov O.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). look Zeleneev Yu.A.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Aituganova N.L.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Akhmetgalin F.A.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Belyaev A.V.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Volkova E.V.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Makarova E.M.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Ochir-Goryaeva M.A.

Sitdikov A.G., Vayzov L.A. (Kazan, Russian Federation), Ponomarenko E.V. (Ottawa, Canada), Rodinkova V.E. (Moscow, Russian Federation). International Theoretical and Practical Workshop on Application of Paleo-Ecological Methods in Archaeology (Bolgar, 9–19 August 2016). № 3, 251

Sitdikov, A.G., Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). Muslim Archaeology: Scope and Content of the Concept. № 2, 8

Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation). Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2015. № 1, 276

Sitdikov A.G., Shakirov Z.G., Nabiullin N.G., Valiev R.R. (Kazan, Russian Federation). 65th Anniversary of Fayaz Sharipovich Khuzin. № 4

Skakun N.N. (Saint Peterburg, Russian Federation), Mateva B. (Isperrikh, Bulgaria), Dimov T. (Dobrich, Bulgaria). Results of a study of the production toolkit from the Late Neolithic Settlement of Durankulak-Blatnitsa (Bulgaria). № 3, 83

Smagulov E.A. (Almaty, Kazakhstan) The Ensemble of the Central Square of Sauran City-Site, 14th–16th Centuries. № 2, 93

Soloviev B.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). look Fedulov M.I.

Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation). The Chronology of the Arched Rustling Pendants with Horses. № 1, 90

Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation). look Bogatova L.F.

Starkov A.S. (Kazan, Russian Federation). look Vizgalova M.Yu.

Stashenkov D.A. (Samara, Russian Federation). Concerning Absolute Date of the Imenkovo Culture Sites from the Samara Bend. № 3, 225

Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation), Soloviev B.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ablazovo Barrow (on the burial mounds of the Balanovo culture). № 1, 8

Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation). look Vorobeva E.E.

Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation). look Nikitina T.B.

Flyorov V.S. (Moscow, Russian Federation). The Fourth Measurable Parameter of Khazar Bricks – Specific Density. № 4

Khamsin R.N. (Kazan, Russian Federation). look Akhmetgalin F.A.

Kharlamova N.V. (Moscow, Russian Federation). look Volkova E.V.

- Khisiemetdinova A.A. (Kazan, Russian Federation).** look Galimova M.Sh.
- Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation).** Book Review: E.D. Zilivinskaya. Architecture of the Golden Horde. Part 1. Cult Monuments. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ., 2014. 228 p.,+ 220 p., ill. № 2, 270
- Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation).** look Gubaidullin A.M.
- Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation).** look Salakhov D.D.
- Khusnutdinov E.A. (Kazan, Russian Federation).** look Belyaev A.V.
- Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).** look Goldina E.V.
- Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).** look Leshchinskaya N.A.
- Chizhevsky A.A., (Kazan, Russian Federation).** Sergey Vladimirovich Kuz'minykh 65 years. № 3, 275
- Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation).** look Kazakov E.P.
- Chizhevsky A.A., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).** Dmitry G. Bugrov's Anniversary. № 3, 283
- Shaymuratova (Galimova) D.N. (Kazan, Russian Federation).** look Galimova M.Sh.
- Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).** look Gubaidullin A.M.
- Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).** look Sitdikov A.G.
- Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation).** In Memoriam: My Teacher (75th Birthday Anniversary of R.S. Gabyashev). № 3, 263
- Yakovets M.Yu. (Sevastopol, Russian Federation).** look Kolesnik A.V.
- List of Abbreviations. № 1, 291
- List of Abbreviations. № 2, 292
- List of Abbreviations. № 3, 289
- List of Abbreviations. № 4
- Submissions. № 1, 293
- Submissions. № 2, 293
- Submissions. № 3, 291
- Submissions. № 4

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.12.2016 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать цифровая. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20